Андрей Басов

СКАЗКИ СТАРОГО ДОМА

Романтическая фантазия

Санкт-Петербург
2013 г.

ISBN 978-5-9904720-1-3
УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б27

Серия
"Возрождение доброй фантастики"

Роман "Сказки старого дома" рассказывает о замечательных приключениях нескольких соседей старого, петербургского особняка в мирах своей мечты и фантазии. Много главных действующих лиц — много и необычных миров, сюжетных интриг, занятных ситуаций, а кое-где и сказочной любви.

Художники:
Ольга Боман (обложка)
Евгения Шевкаленко (иллюстрации)
Корректор:
Вера Вересиянова

© А.Н.Басов, 2013 г.

Памяти Аркадия и Бориса Стругацких

От автора

Сейчас мало пишется таких книг, как, например, "Понедельник начинается в субботу" братьев Стругацких. Кто читал эту повесть, наверное, обратил внимание, что ее интрига построена не на враждебном противостоянии, страхе, малопонятном и запутанном колдовстве, а на метаморфозе вполне обыденной ситуации в сказочный, фантастический вид. Читается одним духом. А если еще вспомнить чудесные городские сказки и легкую, романтичную фантастику Вадима Шефнера…

Вот и пришла мне в голову мысль хотя бы отчасти поддержать такую почти утраченную форму доброй фантастики в современной литературе. В предлагаемом романе "Сказки старого дома" совершенно не противоречиво сосуществуют и обычное житейское бытие, и сказочная принцесса, и загадочная электрическая машина, и заговор во времена мушкетеров, и пираты южных морей, и Багдад Гарун-аль-Рашида... Ну, и, конечно же, легкий юмор и романтическая, не превращенная только в физиологический секс любовь людей, разделенных веками.

Перед вами книга любопытных положений, ситуаций для любителей интеллектуально завязанных сюжетов, выпутаться из которых герою помогает голова, а не волшебство, мускулы и умение стрелять.

Любители ужасов, космических и колдовских кошмаров, вражды и драк будут разочарованы, и им не следует открывать эту книгу и портить себе настроение. Но вот поклонники легкой для чтения, сказочной, романтической фантастики, возможно, получат эстетическое удовольствие. А те, кто любит иногда почитать на сон грядущий, — еще и приятные сны!

Андрей Басов

Оглавление

Пролог - 5
ГЛАВА 1. *Фантазёры* - 9
ГЛАВА 2. *Новелла о принцессе* - 20
ГЛАВА 3. *Новелла о сумасбродном изобретателе* - 71
ГЛАВА 4. *Новелла об охотнике на пиратов* - 111
ГЛАВА 5. *Новелла не только о принцессе* - 183
ГЛАВА 6. *Новелла о Багдаде: Зубейда* - 242
ГЛАВА 7. *Новелла об играх кардинала Ришелье* - 337
ГЛАВА 8. *Новелла о козлоногой братии и беглом гладиаторе* - 444
Примечания - 481

РАССКАЗЫ
Голоса - 484
Иностранцы в Питере - 495

Пролог

Пролог

У Высоцкого есть чудесная песня о старинном московском доме, который еще Наполеон застал. Наш же дом совсем не в Москве, а вовсе даже в Питере, да и возрастом несколько моложе, но что-то родственное между ними как бы есть. Или было?

Ведь московского песенного старожила архитектуры постигла печальная участь сноса, а наш старый, необычно высокий, четырехэтажный особняк пока еще цел. Хотя уже и погрузился в землю почти до подоконников первого этажа. Выглядит он уже как-то иначе, чем раньше, и называть его своим могут не все. Да и некоторых из нас-то там уже нет. Но какая-то незримая, непонятная, чуть ли не метафизическая* связь у меня с ним никогда не рвется.

Обычно эта связь о себе ничем не напоминает и не докучает. Но иногда всё меняется, стоит только быть где-то рядом, хоть на любой из соседних центральных улиц на расстоянии не более полуверсты от своего обиталища. Будьте уверены, что ноги сами повлекут меня в этот момент к нему чуть ли не помимо совершенно ясного сознания. Я чувствую, когда он зовет меня, и почему-то понимаю, что я один из немногих жильцов, с кем он хотел бы поговорить. Да-да, именно поговорить. Не словами, конечно.

Когда я останавливаюсь перед ним, то шум улицы уходит куда-то далеко-далеко и в наступившей тиши в голове возникают какие-то необычные, не совсем ясные образы. Они могут быть светлыми и быстрыми. Значит, дом рад, что я здесь. А могут быть медленными и темными. Это значит, кто-то из нас — бывших и желательных для него — ушел навсегда. Словно в немом, но цветном кино мелькают знакомые лица, события, пролистываются годы, и чувствуется чье-то, не только свое

щемящее сожаление о прошлом, которое нельзя повторить.

Искра странного могущества всегда ощущается в нем. Словно это душа самого Дома. Как в песне Высоцкого. Или каким-то образом собравшиеся вместе крупинки душ некоторых людей, живших когда-либо в нем. Важно понимать, что данному строению не название — дом, а имя ему Дом. Каким сделал его великий ученый и мастер, бывший владельцем Дома во времена оны. Иначе и нельзя воспринимать это вместилище очень странных, удивительных, а подчас и просто фантастических событий, свидетелем и участником которых мне пришлось быть.

*

ГЛАВА 1

ФАНТАЗЁРЫ

ГЛАВА 1: Фантазёры

Обычно чужие жизнеописания читать скучно. Поэтому я не буду никого ими мучить. Но хоть что-то ведь нужно же знать о действующих лицах. Потерпите чуть-чуть. Их, то есть нас, немного. Но каждый играет важную, уникальную роль в событиях. Событиях очень разных и очень зависящих от характеров участников.

Как ни странно, но, наверное, одним из самых интересных и колоритных обитателей Дома является дворник — татарин Ахмед. Одинокий, добрый и сговорчивый, с не соответствующим характеру лицом то ли оперного злодея, то ли киношного образа ордынского хана. Однако когда узкая бородка и усы расплываются в улыбке, то добрее лица, пожалуй, и не сыщешь. Он уже старик и, наверное, всю жизнь провел при доме.

Ахмед, как и другие как бы коренные жители Дома, недолюбливает случайных поселенцев дворовых флигелей, почти регулярно сменяющих друг друга. От них сплошное беспокойство в виде шума, скандалов, а иногда и пьяных драк. Совсем другое дело мы — тихая публика из "барской" парадной.

Каким-то странным и совершенно незаметным образом Ахмед иногда исчезает на несколько дней и столь же внезапно и непонятно возвращается. Нет событий отъезда и приезда. Можно ради интереса затеять круглосуточное бдение около Дома и не увидеть возвращающегося откуда-то Ахмеда. Он просто выходит из своей квартирки на первом этаже. Хотя вы убеждены, что, скажем, еще час назад его там наверняка не было. По какой-то причине домоуправ из ЖЭКа никогда не допытывается о причине отсутствия этого работника на месте службы. Рабочие дни Ахмеду ставятся исправно в отличие от неизбежных прогульщиков-пьяниц из других до-

мов. Это похоже на молчаливое признание незаменимости Ахмеда именно здесь, в этом Доме.

Как-то совершенно случайно я обнаружил некую закономерность в исчезновениях Ахмеда. Не могу поручиться, что так происходит всегда, но Ахмед совершенно точно исчезнет на следующий день после того, как я замечаю его во дворе или на улице разговаривающим с Анной Петровной из квартиры ниже нас этажом.

*

Анна Петровна… По всему видно, что в свое время она была редкой красавицей. Даже сейчас трудно оторвать взгляд от ее необычного лица и проницательных глаз. Загадочная личность. Даже для моей мамы и бабушки. Анна Петровна явно намного старше мамы, но, кажется, что и намного младше бабушки. Однако о прошлой жизни Анны Петровны ни та, ни другая ничего не знают. Анна Петровна уже была здесь, когда наше семейство вселилось в Дом. Анне Петровне принадлежит единственная в Доме полноценная отдельная квартира с балконом на улицу.

Пожалуй, это то место, где еще сохранился барственный уклад старого особняка. Не тронутая краской и обоями великолепная лепнина стен и потолков. Прекрасный мраморный камин с бронзовыми часами в средней из трех анфиладных комнат. Потемневшие от времени картины и множество фотографий дам и кавалеров в причудливых костюмах прошлого века. Всё это я увидел мельком, случайно, взявшись починить испортившийся выключатель. А так я и не слышал, чтобы кто-то из других жильцов мог похвастаться тем, что под каким-то предлогом получил приглашение войти в квартиру Анны Петровны. Даже роль водопроводчика для Анны Петровны исполняет Ахмед. Но Ахмед почему-то боится электричества.

Нельзя сказать, что Анна Петровна замкнута и необщительна. Совсем нет. Она служит переводчиком в каком-то издательстве и хотя бы в силу работы не может быть не общительной. Я не раз видел ее и маму стоящими на лестничной площадке или на улице и о чем-то оживленно болтающими на немецком языке. Другое дело, что, наблюдая Анну Петровну, четко чувствуешь дистанцию, границу которой не следует переходить ни в разговорах, ни в поползновениях на поступки. Если Анна Петровна никогда и никого не приглашает к себе, то не следует и ее приглашать никуда. Вежливый, но категоричный отказ заведомо предсказуем.

Однако тут скрываются и более странные, загадочные вещи, которые наблюдательный человек когда-нибудь да приметит. Из квартиры Анны Петровны может выйти вполне обычный мужчина или женщина. Но не в том суть. Странность в том, что никто не видел, как они туда заходили. А я, правда, редко, но не раз видел Анну Петровну в магазине, закупающую против обыкновения продукты в невообразимом для одинокой женщины количестве. А ведь гости-то к ней не пребывают. Во всяком случае, мы их не видим.

Правда, живут в "барской" парадной и люди, которых Анна Петровна всё же изредка, но совершенно открыто удостаивает краткими визитами. И один из них — моряк.

*

Капитан дальнего плавания… Никто не зовет этого крепко сбитого, почти пятидесятилетнего мужчину с волевыми чертами лица по имени и отчеству. Для всех он просто Капитан, а для меня еще и сосед по лестничной площадке. И не видно, чтобы такое не очень церемонное обращение его как-то возмущало или хоть сколько-нибудь расстраивало. Даже со стороны мальчишек, к числу которых относился и я, — казалось бы, совсем недавно. Иногда, когда Капитан дома, мама приглашает

его к нам посидеть — поболтать о чем-нибудь. На что он всегда с удовольствием соглашается.

Капитан всегда где-то далеко и оказывается дома лишь три-четыре раза в год на неделю-две. Он привозит с собой очередные диковинки дальних стран, и это служит поводом без особых сомнений, по-соседски заглянуть к нему на огонек. Две вместительные смежные комнаты заставлены и завешены всякими чудесами. Тут и старинные навигационные инструменты. И чучела неведомых рыб. И ритуальные маски колдунов и шаманов разных стран. И старинные карты, карты, карты с необычными очертаниями материков и тонкими рисунками парусных кораблей, стихий и морских чудовищ.

Сначала — само собой, восторги по части пополнения коллекции и очередное любование ей всей. Затем мы молча сидим, слушая тихую музыку "Битлз", к которой оба неравнодушны, несмотря на двойную разницу в возрасте. Капитан есть Капитан, а какой капитан может быть без трубки? — и тонкий аромат экзотического трубочного табака сопровождает наше наслаждение музыкой.

Иногда он рассказывает что-нибудь примечательное и интересное. Но чаще мы просто молча сидим без всяких откровений. Только как-то раз я задал ему, в общем-то, вполне обыденный вопрос:

– Капитан, а что вас подвигло стать моряком?

Он засопел носом так, что из трубки полетели искры. Долго молчал, а потом спросил:

– Ты хочешь знать правду или готов услышать о какой-то голубой мечте детства?

Тут и я как-то немного растерялся, но всё-таки заявил:

– Правду.

– Ну, правду так правду. Ты уже взрослый, не глупый, наблюдательный уже не вьюноша, но муж и, конечно же,

заметил, что наш Дом в чем-то не совсем обычен по сравнению с другими.

– Заметил.

– Вот он меня и подвигнул в сторону моря где-то лет тридцать с чем-то тому назад. Мне тогда было не больше четырнадцати.

– Как это?

– Я и сам тогда ничего не понял. Просто в летний день сидел на крыше, мечтал — и вдруг стало происходить нечто странное…

Тут у меня в голове словно что-то включилось. Я тоже люблю лазать по крышам. Равно как и по таинственным подвалам и чердакам. Причем мальчишеская страсть не угасла с возрастом. Просто стало меньше свободного времени и, соответственно, возможностей. Несколько лет назад я блаженствовал июньским днем на нашей крыше. Дул ласковый западный ветерок с запахом моря. На Петропавловке бухнула полуденная пушка. Я закрыл глаза и представил себя плывущим на парусном корабле. Вдруг доносящиеся звуки улицы и двора как-то полностью угасли. Вместо них я услышал плеск волн, хлопанье парусов и скрип снастей — так громко и отчетливо, словно находился среди всего этого. Возникло ощущение потери опоры и медленного подъема куда-то вверх. Я испугался и открыл глаза.

Шум улицы мгновенно вернулся, и крыша подо мной — тоже. Всё это я и пересказал Капитану.

– Вот-вот, так оно и было. Только в отличие от тебя я не испугался и не открыл глаза прежде времени. Потому теперь и Капитан. Больше ничего не спрашивай. Где-то там у каждого своё…

Мы опять замолчали. В коридоре изнемогающе затрещал старый, чуть ли не ровесник Дому звонок, и кто-то из соседей протопал открывать. Стук в дверь. Заглядывает Анна Петровна.

– Капитан, можно вас на пару слов?

Они уходят в соседнюю комнату. Проходит минута ожидания, и они возвращаются. Анна Петровна с интересом смотрит на меня, словно хочет что-то сказать, но не решается. Прощается и уходит. Капитан прерывает молчание:

– Серёжа, тебе рано или поздно придется поговорить с Учителем о нашем доме и о тебе самом.

Опять звонок в коридоре и стук в дверь. Теперь мама приглашает нас с Капитаном обедать.

*

Учитель… Ну, конечно же, для кого-то он и учитель, раз преподает в школе русский язык и литературу. Для нас же он просто сосед из квартиры выше этажом. Александр Басков тридцати с небольшим лет. Учитель — это его как бы краткий псевдоним, прозвище в нашем Доме. Не так давно я случайно обнаружил его литературные работы в Самиздате. Мысли еретика времен застоя. Интересно. Понятно, почему издавать его никто не стал бы.

У Александра есть близкий друг. Художник-сюрреалист Игорь Тюльпанин. Так что все стены в комнате Александра увешаны картинами довольно странного, неправдоподобного содержания, но вместе с тем удивительной и притягательной красоты. Я часто сижу среди этого колоритного великолепия и молча созерцаю просто фантастические сюжеты. А Александр тем временем корпит над ученическими тетрадями или пишет что-то свое. Однако сегодня он явно озабочен чем-то другим. Хочет что-то мне сказать, но словно не знает, с чего начать. Наконец он решается:

– Ко мне сегодня заходил Капитан. Говорили о тебе, – и снова замолкает. Я тоже молчу. Интересно, что они задумали?

– Понимаешь, ситуация очень необычная, и я бы даже сказал, что тебе поверить в нее будет, скорее всего,

непросто. Хотя здесь слепая вера в чьи-то слова не требуется. Ты сам в любое время можешь проверить их справедливость в натуре, — он снова немного помолчал и продолжил:

– Наш Дом живой, — и взглянул на меня, проверяя реакцию на свои слова. А я всё молчу, словно внезапно слегка оцепенев.

– Не в том смысле, что Дом — живое существо подобно тем, какие нам известны. Нет, но он каким-то образом может общаться с людьми. Правда, далеко не со всеми. Он сам выбирает, с кем. Но если кого-то изберет, то этот кто-то начинает обладать возможностями, которые противоречат всем канонам физики.

– Ты хочешь сказать, что Дом сознательно выбирает для контакта с ним кого-то из обитателей? — спрашиваю я лишь ради того, чтобы не молчать. Уже и сам о чем-то догадываясь. — Кого?

– Ну, не знаю, насколько сознательно и по каким критериям, но, пожалуй, выбирает. Например, Анну Петровну, Ахмеда, Капитана, меня и, судя по всему, еще и тебя. Причем довольно давно. Ты еще мальчишкой был.

– Приключение на крыше?

– Именно.

– Саша, но ведь то, что ты говоришь — это фантастика.

– Не спорю на счет явной фантастичности. Вопрос в другом — в достоверности внешне фантастичного. А я ведь тебе еще далеко не всё сказал, а ты сам еще ничего не пытался проверить.

– Ладно, ладно, но извини, принимаю пока только как гипотезу. Я хоть и весьма молодой специалист, но технарь, безбожник и не могу идти вдруг против впитанных знаний и здравого смысла. Крой дальше.

– Можешь не извиняться. Мой скептицизм лет семь или восемь назад ничем не отличался от твоего, когда Капитан вознамерился меня просветить.

– Так с него вся история и начинается?

– Нет.

– С Анны Петровны?

– Вряд ли. Если верить Анне Петровне, то она лишь отдаленный потомок дореволюционных владельцев особняка. И оказалась в нашем Доме в начале 60-х лишь благодаря счастливой случайности. Ныне покойного мужа перевели из Москвы на важную должность в Горкоме, и он мог выбирать, где жить. Сам понимаешь, кто на самом деле выбирал. Квартира пустовала с блокады.

– Остается только Ахмед.

– Ну, он-то уж совсем не при чем.

– Но хоть какое-то начало у истории должно же ведь быть?

– Конечно, должно, но мы не знаем ни что за начало, ни когда и почему началось. Просто у некоторых людей, поселившихся в Доме, через некоторое время интересным образом развивается воображение.

– Галлюцинации?

– Галлюцинации аморфны и бестелесны. На самом же деле Дом позволяет достигать осязаемости сознательного воображения. На сны это почему-то не распространяется. Если ты наяву находишься во власти воображения, а рядом никого постороннего нет и ничего отвлекающего вокруг не происходит, то, сделав небольшое мысленное усилие или иногда даже без него, можешь войти в воображаемый, но уже осязаемый мир.

– Не так уж много и не так уж ново. Про путешествия во времени и параллельные миры уже понаписано столько…

– Дом дает мир только твоего воображения. А не параллельный нашему или находящийся в другом времени.

– В фантастической литературе и этого полным-полно. Садишься в какую-нибудь хитроумную машину. На тебя напяливают колпак с проводами, и ты проваливаешься в иллюзии до тех пор, пока тебя не разбудят.

– Неудачная аналогия. В Доме нет колпаков с проводами. А из иллюзии ты ничего не принесешь, кроме воспоминаний в лучшем случае.

Я чуть не прикусил язык:

– Ты хочешь сказать…

– Да, из своего мира можно приносить предметы и не только. Предметы небольшие и немного. Больше на память, чем для использования и никогда не ради корысти. А с другой стороны, можно привести и любое живое существо, а потом или отправить обратно, или оставить здесь. Сам же ты, если пожелаешь, можешь навсегда остаться в мире своего воображения, но здесь ты исчезнешь как без вести пропавший. Когда ты там, то твоего тела здесь нет. Чтобы вернуть его сюда, нужно всего лишь представить себе в воображении Дом.

– И пропадали?

– Анна Петровна говорит, что на ее памяти таинственно исчезли двое жильцов.

– А отсюда туда можно отправить людей со стороны?

– Сам я даже и не пытался. Зачем отправлять кого-то в свои мечты? Хотя подозреваю, что Анна Петровна посылает по своим делам куда-то туда Ахмеда.

– Стало быть, и коллекция Капитана…

– Спроси у него сам.

– Знаешь, переварить такое всерьез… Ты прости, но уж очень сильно пахнет розыгрышем.

– А ты не спеши. Само как-нибудь утрясется. Только не трепись, не болтай, если не хочешь прослыть сума-

сшедшим. И не забывай, что это не книжные игры со временем и сколько ты будешь там, столько тебя не будет здесь. Помни о тех, кто тут рядом с тобой. Ступай, мне еще кучу тетрадей проверить нужно.

– Ну и уйду. А в гипотезе воображаемых миров есть громадная дыра. Осязаемость предполагает если и не доступность их для всех, но уж во всяком случае наблюдаемость в пространстве. Кто и где видел эти внезапно возникающие и исчезающие объекты?

– Ступай, ступай технарь несчастный!

*

Технарь… Это я. Благополучно состоявшийся в Электротехническом институте инженер-технолог. В НИИ, куда меня распределили, звезд с неба еще не нахватал, но и пренебрежения со стороны коллег не ощущаю. В нашей науке важно блюсти святость триединства пространства и времени. Времени начала рабочего дня в нашем НИИ на Петроградке, времени начала обеда и времени окончания рабочего дня. Я блюду. Стало быть, карьерными продвижениями меня не обойдут.

Дома я — счастливый обладатель каморки три на пять метров с окнами во двор. Мне ее уступила бабушка, поменяв свои хоромы на мою койку в маминых двухкомнатных апартаментах. Подарок к окончанию института. Живем.

Да, умею немного рисовать. Поэтому всегда таскаю с собой потрепанный блокнот и мягкий карандаш. Иногда, чуть ли прямо не на ходу делаю напоминающие о людях и событиях зарисовки. Больше ничем примечательным я себя не запятнал. Так что следовало бы перейти к описанию других жителей Дома, включая родных, но в этом нет смысла. В дальнейших событиях они прямого участия не принимают.

*

ГЛАВА 2

НОВЕЛЛА О ПРИНЦЕССЕ

ГЛАВА 2: Новелла о принцессе

Нельзя сказать, что я вернулся домой от Александра хоть сколь серьезно озадаченным. Ерунда всё это какая-то. Хотя, с другой стороны, зачем Александру с Капитаном меня разыгрывать? Да и необычным событиям в Доме дается хоть какое-то объяснение. Фантастичное, но одновременно и в чем-то логичное. Ладно, есть на сегодня дела поважнее размышлений о происхождении и последствиях вещих снов. Сегодня суббота. Бабушка просила притащить картошки с Мальцевского рынка.

Притащил и получил в награду самый первый румяный и горячий пирожок с капустой. Объедение!

Вечер после ужина — у нас в семье традиционно самое подходящее время для чтения. Для тех, кто дома, разумеется. Кроме телевизора, конечно, затмевающего любые культурные традиции. Я дома, но углубляться в литературу и скуку ТВ что-то не тянет. Сходить к Капитану? Он еще два дня будет дома. Так я вчера у него был. Позвонить Ленке? Так она надула меня с билетами на джаз. Буду обиженным — и всё тут! Машинально рассматриваю свои полиграфические богатства на книжных полках. Здесь вся красота развлекательных и познавательных книг от первого класса школы и до совершенно случайно вчера приобретенного сборника фантастики братьев Стругацких.

Провожу пальцем по корешкам. Всё вперемешку. "Витя Малеев в школе и дома", Маршак, а рядом Вальтер Скотт. "Приключения капитана Врунгеля", а рядом томик Стендаля. Рей Брэдбери, а рядом… Как раз то, что нужно сейчас. Вытаскиваю на свет сказки Андерсена в красочной глянцевой обложке. На картинке краешек леса небывалой красоты, юная принцесса с маленькой, золотой коронкой на белокурых волосах, парочка гномов и вдалеке на пригорке миниатюрный замок с башенками и

красными остроконечными крышами. С каким-то детским восторгом с минуту разглядываю изображение. Затем, чувствуя себя последним идиотом, закрываю глаза и, представляя в мыслях этот сказочный сюжет, стою неподвижно минуты две.

Ничего не происходит. Ну, совсем ничего! Вот простофиля! Надо же купиться так бездарно на, в общем-то, прозрачную подначку! Хотя тут же соображаю, что эксперимент проведен не чисто. Картинка — это чужое воображение, а должно быть свое собственное.

Чувствуя себя уже дважды последним идиотом, опускаюсь в кресло, закрываю глаза и начинаю строить свою картинку. Тоже лес неподалеку, но не замерший, как на картинке, а полный звуков с деревьями, шевелящими листвой. Бесконечное поле травы и полевых цветов, колышущихся от легкого ветерка. Стрекот и жужжание. Запах разогретой земли и растений. Голубое небо в редких облачках и слегка припекающее солнце. Журчание ручейка и он сам, извилистым путем пробирающийся среди бугорков и редких камней…

Возникло знакомое, давнишнее ощущение потери опоры и движения вверх. В голове мелькает паническая мысль о высоте третьего этажа, с которой можно сверзиться вниз, потеряв пол под ногами. Всё равно глаза не открою! Раньше времени. А когда будет "не раньше времени"? Уже не пойму, в воображении или в натуре слышу стрекот и жужжание насекомых и плеск ручейка. Дуновение теплого ветра шевелит волосы. Но ведь ветра-то не может быть в комнате! Значит, пора. Медленно, с каким-то трепетом открываю глаза.

Сижу на пятой точке среди травы и с книгой Андерсена в левой руке. Трава выше головы, и обозрению открываются лишь голубое небо и верхушки деревьев леса. Кладу книгу рядом с собой и приподнимаюсь на колени. Действительно, лес рядом, холмистое поле до го-

ризонта, ручеек в двух шагах и низко над землей вечернее солнце. Но ни принцессы, ни замка — недопридуманы. В полном обалдении протягиваю руку и срываю синий колокольчик. Стараюсь понять произошедшее. Да, действительно, Дом. Неужто не врали? Как говорил Александр? Нужно четко его себе представить.

Ой, что это я сделал? Мгновение какого-то серого тумана — и я оказываюсь опять в своей комнате, стоя на коленях рядом с креслом. Книги же Андерсена при мне нет. Интересная картина открылась бы кому-нибудь внезапно вошедшему в дверь. Великовозрастный оболтус стоит на коленях посреди помещения и взглядом душевнобольного изучает полевой колокольчик в судорожно сжатом кулаке.

*

Всю последующую неделю, неукоснительно соблюдая днем триединство пространства и времени в науке, вечерами разрабатываю план мероприятий следующего эксперимента. Капитан отбыл в голубые дали. Александр озабочен экзаменами в школе. Хотя при мимолетной встрече на улице он всё понял по моей физиономии и сочувственно дружески подмигнул. Царственная же неприступность Анны Петровны не позволяет обратиться к ней по-свойски с вопросами. Ахмед? Нет, слишком разные мы с ним. В общем, посоветоваться не с кем.

Первым делом нужно на выходные сплавить куда-то маму и бабушку. Это развяжет руки в плане времени незаметного отсутствия. Мелькает мысль, что одиночество других избранных Домом намеренно ими поддерживается, чтобы иметь хотя бы относительную свободу исчезновений. У меня такой свободы нет совсем. На это, наверное, как раз и намекал Александр, говоря о тех, кто рядом со мной.

С проблемой я справился, подговорив маминого брата. Он даже не поинтересовался, с чего бы это у меня

вдруг возникла такая трогательная забота о близких родственниках. У дяди неплохая дачка на Финском заливе, и он, не раскрывая моего заговора, согласился умыкнуть маму с бабушкой на выходные.

Теперь нужно решить, что́ воображать. Природа уже есть. С кого скопировать гуляющую далеко от дома принцессу? И гуляющую ли? Во что одеть? Замок нужно представить детально или достаточно общего образа? Каковы возможности Дома по части достоверности деталей в человеческих мечтах? А вообще-то — почему именно замок? Для колорита и приключений больше подойдет целый город с дворцом. А добрые гномики и сказочные злодеи? Уйма вопросов и проблем, которые нужно решить заблаговременно.

А ведь совершенно глупое безобразие — пытаться планировать и решать сказку для души как научный эксперимент. Ни сказка, ни романтика не терпят детальной мелочности и исследовательского цинизма. Если я буду разрабатывать технологию приключения, то это уже не будет приключением. Решено! Генерирую просто образ мира, и дальше всё по обстоятельствам. Уж как получится. Наверное, главное — это первый момент. Нужно включить сам мир и хотя бы основных действующих лиц. А там уж пусть они поступают, как сами захотят.

*

Утро субботы. Мама с бабушкой отбыли накануне на дачу. Всю ночь ворочался, размышляя о грядущем путешествии в свои собственные, ожившие мечты. Интересно, а чем я там стал бы жить? В сказке моя специальность не нужна. Хотя, с другой стороны, у меня есть руки и знания, чтобы делать полезные машины. Но это хорошо при долгом пребывании. Но не идти же грабить на большую дорогу! Так что проблема денег для расчетов, скажем, за ночлег, еду, одежду в не похожем на наш мире, остается висящей в воздухе.

Быстро завтракаю, облачаюсь в почти новый серо-голубой джинсовый костюм и очищаю карманы от подозрительных с точки зрения древности вещей. Ничего более подходящего для средневековья в моем гардеробе нет. Ну, хотя бы носовой платок — всегда и везде платок. Беру с собой блокнот для рисунков и карандаш. С Богом! Встаю посреди комнаты и закрываю глаза. Лес, поле, город, дорога, принцесса, рынок, таверна, лошади, дворец…

Стою точно на том же месте, что и в прошлый раз. Слева лес, чуть позади ручей, сверху солнце, а впереди всё тот же захватывающий душу слегка холмистый ландшафт. Правда, мизансцена заметно оживилась. Видны обработанные поля и симпатичные домики с хозяйственными пристройками среди этих полей. На самом обширном и дальнем холме раскинулся город, обнесенный крепостной стеной. Отсюда видны даже крыши домов и извилистые линии улиц. Печной дым над крышами...

От города прямо сюда и далее вьется немощеная дорога с разъезженной колеей. Неподалеку на дороге стоит разукрашенная резьбой и золотом темно-красная карета с огромными задними колесами, запряженная четверкой вороных лошадей. Двое ливрейных слуг суетятся около нее. Один копается в сундуке, прицепленном позади кареты, а другой проверяет упряжь лошадей.

Это ж надо так глупо недодумать! Совсем упустил из вида, что принцессы-то пешком не ходят! Но я ведь карету не задумывал, а она есть. Стало быть, карету добавил сам Дом. Такое корректирующее обстоятельство очень обнадеживает.

Принцесса стоит вполоборота в пяти шагах от меня и с увлечением листает моего Андерсена, внимательно рассматривая картинки. Я ее такой себе и представлял. Белокурый ангел лет шестнадцати-семнадцати в пыш-

ном розово-голубом платье с богатой вышивкой, кружевами. Я сделал шаг, и шелест травы выдал мое присутствие. Ангел обернулась и, прижав книгу к груди, без малейшего признака испуга уставилась на меня голубыми, чуть темнее неба глазами. Есть лишь некоторое удивление при разглядывании моего костюма. Мне нужно срочно сказать что-то приличествующее случаю. Сдавленно произношу:

– Здравствуйте! — и, указывая пальцем на Андерсена, добавляю: — Это моя книга.

Черт, надо же такое ляпнуть самой принцессе! Хотя и ситуация не для дворцового этикета, которого я, кстати, и не знаю. Судя по пониманию в глазах ангела, она не отрицает какого-то моего отношения к книге, но и отдавать ее тоже не собирается. Губки сложились в очаровательной улыбке, и мелодичный голосок произнес что-то совершенно непонятное, но, судя по интонации, вопросительное.

Я просто опешил от неожиданности. Полный провал моей то ли познавательной, то ли романтической миссии! Надо же так опростоволоситься в настолько важном обстоятельстве, что даже сам Дом не решился на корректировку. Принцессы и их подданные не говорят по-русски! Они могут изъясняться на датском, французском, немецком, английском языке, но только не на русском. На русском говорят царевны.

Не дождавшись от меня ответа, ангел резво развернулась, не отпуская книги подобрала юбки, и совсем не по-королевски стремительно припустила бегом к дороге. Слуги ждали ее у кареты, глядя в мою сторону. Добежав, она что-то приказала одному из слуг, указывая на меня. Тот извлек из кареты какой-то небольшой предмет, поболтал им в воздухе, показывая мне, бросил в придорожную траву и взгромоздился на козлы. Другой слуга помог принцессе сесть в карету, убрал подножку, за-

хлопнул дверцу и вскарабкался на запятки. Карета запылила по дороге к городу. Мне только показалось или на самом деле изящная ручка помахала мне из окна кареты?

Какое гнусное фиаско! А так хорошо всё началось... Теперь же понятно, что без знания местного языка мне тут и делать нечего. Может, попробовать хоть как-то исправить ситуацию? Нравится мне здесь! Дом, Дом, где ты, Дом…

Опять я в своей комнате. Глубокий вздох. Снова закрываю глаза. Лес, поле, город, дорога, принцесса, рынок, таверна, лошади, дворец, РАЗГОВОР, ЯЗЫК…

Вокруг всё как и прежде. Карета катит к городу почти от того места, где она была, когда я вышел из этого мира минуту назад. Значит, каждый мой визит в этот мир будет непрерывным продолжением предыдущего? Было бы здорово! Хотя вряд ли. Александр сказал, что здесь нет игр со временем. Время дня в нашем мире совпадает со временем дня в воображенном. Только эпохи могут быть разными. Стало быть, если бы я вернулся сюда не через минуту, а через час, то кареты уже не увидел бы. Уехала бы. Получается, что в промежутках между моими визитами здешний мир будет продолжать жить сам по себе. Наверное, не забывая при этом и меня, как прошедшее событие. Сложненько! А где в пространстве может располагаться этот мир, я теперь уже даже и не пытаюсь понять. Не всё ли равно?

Пробираюсь через траву к дороге. Позади в лесу ритмичный стук. Лесорубы, что ли? Как? Рубят мой лес! Возмутительно!

Выхожу на дорогу в том месте, где стояла карета. Рядом в траве валяется маленький, тёмно-синий, бархатный мешочек со шнурком-завязкой. Подбираю. Тяжеленький. С вышитой золотом короной и вязью латинских букв BB. Всё, как и должно быть в сказке. Распускаю

шнурок и заглядываю внутрь. Ни фига себе! Примерно поровну золотых и серебряных монет. Всего, наверное, с килограмм, если не больше. Такого богатства я отродясь в руках не держал. Хоть сейчас давай дёру домой! Правда, Александр упоминал, что корысть в ворота Дома не пролезает.

Вот так принцесса! Интересно, что это? Королевская компенсация именно за книгу Андерсена или сценарием предусмотрен любой подходящий предлог снабжения деньгами? Ведь я же думал об этом.

Мало сказать, что принцесса очень симпатичная. Всё-таки красавица — сам же придумал! Однако никакого любовного трепета, восторга в отношении ее у меня нет и в помине. Мешает понимание неестественности происходящего? Наверное, но всё равно интересно и увлекательно уже сейчас.

Памятуя о сказочных воришках, рассортировываю монеты на золотые и серебряные и распихиваю по разным карманам. Вроде всё. Можно двигать к городу. Идти легко. Тропинка вдоль дороги ровная, и не жарко. Интересно, а в чем здесь меряют расстояния? В футах? В локтях*? В полетах стрелы или пули мушкета?

Локтей через пятьсот прохожу мимо чистенькой, ухоженной, как на картинке, фермы. Дом и другие строения далеко от дороги, но видно, что там кто-то есть. Через щель изгороди на меня смотрит большая, пятнистая свинья и похрюкивает, моргая маленькими глазками. Галльский петух с высоты забора подозрительно и презрительно обозрел меня правым, а затем и левым глазом. Видимо, угрозы он во мне не разглядел и поэтому решил не тревожить своих хозяев зряшным кукареканьем.

По законам жанра меня вроде бы должна догнать какая-нибудь повозка и подбросить до города. И в самом деле — позади за холмом слышатся постепенно нарас-

тающий скрип и дребезжание какого-то транспортного средства. Останавливаюсь, оборачиваюсь и жду. Телега — не телега. Фургон — не фургон. Что-то похожее на то и другое вместе, нагруженное кучей пузатых мешков, корзинами, бочками и влекомое парой мохнатых, низкорослых серых лошадок.

На высоком сиденье с вожжами в руках восседает довольно примечательная, немного полноватая фигура. Слегка потрепанные и испачканные коричневые куртка и широкие штаны явно не характерны для городских франтов. На голове видавшая виды серая кожаная шляпа с обвисшими полями. А под ней — круглая физиономия сорокалетнего мужчины, обрамленная аккуратно подстриженной бородкой. В прищуренных черных глазках одновременно благодушие и хитроватость, не очень-то вяжущаяся с общим обликом чуть курносенького простака. Вот если Санчо Пансу снять с осла и пересадить на ко́злы телеги, то будет довольно похоже.

– Не подвезти ли синьора к городу? — на чистом русском языке послышалось с высот тележных козел.

Ура, сработала корректировка речи!

– Подвезти. Сколько запросишь?

– Ну, пять солентино*, — просительно и несколько заискивающе произнес возница, окинув меня оценивающим взглядом с головы до ног.

Похоже, меня хотят надуть, учитывая мою не типичную для данной местности внешность.

– А сколько это — солентино?

– Солентино — это и есть солентино, — недоуменно ответствует возница, — всегда так было.

Ладно, попробуем подойти к информационно-финансовой проблеме с другой стороны. Я вскарабкиваюсь на ко́злы и устраиваюсь рядом с подвинувшимся возницей.

– А как выглядит солентино?

Возница старательно роется в кармане штанов и выуживает оттуда потертую медную монету размером примерно в три копейки советской чеканки. Я, в свою очередь, достаю серебряную и спрашиваю:

– А в этой сколько солентино?

Глядя на мою монету, глаза возницы приобретают мечтательное выражение.

– В этой сто солентино.

– А как она называется?

– Декста.

– А больше дексты есть монеты?

– Есть золотой. В нем десять декст.

– Прекрасно. Декста будет твоей, если по дороге расскажешь о городе, к которому мы направляемся, и его жителях. Я иностранец издалека, и мне всё это очень интересно.

– Иностранец издалека, стало быть... И не запылившийся, и без кареты и лошади, и без дорожного мешка. Обычное дело! А рассказать — то почему бы и не рассказать доброму человеку.

А мужик-то не дурак! И к странным явлениям вроде привычный. Тронулись. С высоты ко́зел видно, что дорога как-то весьма и весьма оживилась. Вдали, рядом с городом довольно бурное пешее, конное и колесное движение в обе стороны. Да и за нами в отдалении тащится пара повозок. Похоже, с дровами из созданного моим воображением леса.

– У тебя имя-то есть? — спрашиваю я возницу.

– Есть. Как же без имени!

– Ну?

– Что "ну"?

– Если и дальше будешь прикидываться глупым, то слезу и поеду с кем-нибудь другим, кто будет поумнее и кому сто солентино нужнее, чем тебе.

Угроза мгновенно сработала.

– Кристофер. Можно просто Крис.

– А меня можешь звать просто Серж.

С этого момента словоизвержения возницы нужно было уже притормаживать, чтобы не утонуть в совершенно лишних сплетнях и бесполезных сведениях.

Крис — возчик из крестьян. В своей деревне он собирает у селян продукты-изделия для отправки в город, а в городе развозит по заказавшим их торговцам. Все довольны. У Криса есть работа, а у селян нет забот с перевозкой своих товаров в город.

Королевство называется Верн. Точно так же именуется и столичный город, к которому мы подъезжаем. Море и порт Верна, скрытые городским холмом, нам с дороги не видны. Кузен жены Криса держит в Верне неподалеку от порта небольшую, чистенькую таверну с комнатами для постояльцев. А если уж сам Крис приведет постояльца, то этому гостю будет оказано просто несказанное благоприятствие. Почти даром, разумеется.

Король Верна умер два года назад. Никто из горожан даже и не заметил бы его смерти, если бы об этом не было оповещено герольдом на ратушной площади. Со сменой королей спокойная и безопасная жизнь в Верне течет не прерываясь. Мужского наследника престола умерший король не произвел на свет. А принцесса Виолетта по древнему закону не может стать королевой, пока не выйдет замуж. До тех пор управление государством находится в руках главного министра. Впрочем, точно так же, как и при покойном короле. Государственный совет во главе с королем или королевой предпочитает просто утверждать решения министров. Так спокойнее.

Наверное, это и хорошо, что титулованное дворянство устранилось от управления государством и городом. Тут нужны способности, а не титул. Министров в королевстве подбирают как раз по пригодности и не

важно, дворянин он или простолюдин. Нынешний главный министр — выходец из цеха кузнецов, а городской магистр — из цеха каменщиков.

Только вот с принцессой Виолеттой уже два года сплошная морока. Претенденты на ее руку ходили в Верне первый год после смерти короля чуть ли не толпами, беспокоя своим количеством и выходками местных жителей. Постепенно потасовки между ними сошли на нет из-за бессмысленности. Никто ничего не выигрывал. Деньги кончились, и воинствующие легионы слегка и не слегка побитых потенциальных женихов рассеялись в тех же направлениях, из которых и прибыли за добычей престола. Принцесса словно ждет кого-то определенного и поэтому отказывает любому из претендентов.

Мне стал понятен вензель ВВ на кошельке из синего бархата — Виолетта Вернская. И буквы вовсе не латинские.

*

Скрип нашей повозки перекрыл доносящийся сзади топот копыт быстро приближающихся и, судя по частоте стука, совсем не тягловых лошадей. Два всадника поравнялись с нами и придержали коней. Первым ехал молодой человек крепкого телосложения, примерно моего возраста, с приятными чертами лица, пытливыми серыми глазами, остреньким носом, узенькими усиками со столь же узенькой бородкой и растрепавшимися от ветра длинными, темными волосами. Барственная осанка, кольчужная рубашка с чеканными бляшками и длинный кинжал в богатых ножнах выдавали дворянское происхождение. Мне показалось, что я его где-то видел. Вернее, лицо такого типа. Только вот где?

Второй всадник — средних лет, — видимо, оруженосец первого. Блестящие доспехи и длинный меч хозяина приторочены к седлу и бряцают при каждом шаге лошади.

Крис стянул шляпу и слегка двинул головой сверху вниз, наметив поклон.

– Опять в город, Кристофер? — спросил молодой человек. — Всё еще никак не переберешься в Верн насовсем?

– Мое почтение, ваша милость. Никак не переберусь. Жене жаль оставлять хозяйство.

– Ну-ну, а кто это с тобой? — молодой человек с любопытством бросил на меня внимательный взгляд.

– Путешественник из дальней страны. Вот везу показать нашу столицу.

– Очень хорошо. Путешественников в Верне любят. Особенно тех, кто с деньгами!

Молодой человек развернул коня и послал его вперед. Оруженосец рванул следом. Мне показалось, или молодой граф в самом деле на миг обернулся на скаку, глянув еще раз на меня?

– Кто это? — спросил я.

– Молодой граф Казимир, — ответил Крис, напяливая шляпу. — Наша деревня на их землях.

– С тобой, я смотрю, он приветлив.

– Когда он был мальчишкой, то я прислуживал ему в графском замке. Да и господа, приехав в Верн, останавливаются в таверне у нашего родственника, где и я сам.

– У них нет своего дома в Верне?

– Нет. По моим соображениям, сейчас молодой граф уже, наверное, в седьмой раз двинулся покорять принцессу Виолетту.

– Тоже претензии на королевский трон?

– Пожалуй, трон ему меньше всего нужен. Безнадежно и страстно влюблен. А скольких женихов он своими руками отвадил от принцессы, то это знают лишь королевский лейб-медик да местные костоправы.

– Экий завязывается узелок!

– Что-что?

– Ничего. Скажи-ка, любезный Кристофер, а где это ты научился так складно, совсем не по-крестьянски изъясняться?

– Так там же, в господском замке. Учили молодого графа, и я попутно тоже учился.

Незаметно за разговорами мы и оказались у городских стен. Кованые ворота широко распахнуты. А локтях в пятидесяти от них в стене низкая и широкая арка, забранная толстой решеткой. В проем арки ныряет не очень широкая, но, похоже, довольно полноводная река. Проследив мой взгляд, Крис пояснил:

– В городе нет колодцев, но в каждый дом из реки приходит вода, — и чуть подумав, добавил: — и не только.

Что означает это "и не только", я понял чуть позже.

Двое стражников у городских ворот приветствовали нашего возницу как старого знакомца:

– Привет, Крис! Гони солентино за ввоз товара!

Возница нехотя полез в свой бездонный карман, но вдруг передумал:

– Я везу в город богатого иностранца. Стало быть, по закону мне положена от города награда в пятую часть его платы мне за провоз.

– Ладно, ладно, сколько он тебе заплатил?

– Пять солентино.

– Да ты с ума сошел! Где ты видел такие цены за попутный подвоз?

– Синьор, — произнес один из стражников, обращаясь ко мне, — сколько вы заплатили этому мошеннику?

– Еще не заплатил, но заплачу пять солентино, как только проедем городские ворота. Так уж договорились.

– Надо же, с невнесением пошлины за ввоз в город товара получается шесть солентино за час пути! Даже если ты вез попутчика от самой своей деревни. Проез-

жай скорее, пока мы тебя не поколотили за грабеж иностранцев!

Мы въезжаем в ворота и останавливаемся в тени городской стены.

Я вручаю Крису серебряную монету, которую он принимает с облегченным вздохом, и спрашиваю:

– Хочешь заработать еще одну?

– Еще бы! А что делать?

– Во-первых, мне нужна пища и пристанище на ночь, а ты упоминал что-то о родственнике жены — владельце таверны. Во-вторых, ты покажешь мне город. Согласен?

– Конечно. Только мне сначала нужно развезти товар.

– Вот и поедем вместе.

Крис тронул вожжи, и мы с грохотом и тряской покатили по выложенной булыжником мостовой. От широкой площади у городских ворот расходились веером три улицы локтей по 20–25 шириной каждая. Мы свернули в правую, полого поднимающуюся вверх. Грохот колес стал намного тише, а тряска почти пропала. Улица вымощена ровным, почти плотно подогнанным друг к другу желтоватым, тесаным камнем. Короткая трава, прорастающая меж камней мостовой, создает изящный, приятный глазу дорожный узор.

– Это улица ремесленников и торговцев. Она называется Рыночной, — пояснил Крис. — Каждая поперечная ей улочка принадлежит разным ремесленным цехам и торговым гильдиям. В Верне нет рыночной площади. Вместо площади — эта улица.

На улице чисто и спокойно, несмотря на обилие людей в похожих на театральные платьях и костюмах, двигающихся туда-сюда вдоль каменных и деревянных домов с лавками. Одни куда-то спешат, а другие останавливаются у лавок и придирчиво рассматривают выставленные товары. Мы сворачиваем на улочку с висящим на углу замысловатым железным сапогом и останавли-

ваемся у третьего от угла дома. Крис соскакивает с повозки, и я тоже. Надо осмотреться, поразмяться.

Из дома выходит сухопарый старик в кожаном фартуке и подходит к повозке. Крис скидывает на мостовую несколько мешков. Старик развязывает один из них, вытаскивает из него коричневую шкуру, тискает, мнет ее, разглядывает на свету и даже нюхает. Наконец он удовлетворенно кивает головой и жестом приглашает нас войти в дом.

Большая комната со столом-прилавком. Запах кожи и, наверное, дегтя, которым намащивают дратву. По стенам полки с образцами кожи и готовой обувью. За распахнутой дверью в другую комнату видны несколько мастеров, сосредоточенно работающих шилом и молотком. Цены на кожи, видимо, оговорены заранее, и хозяин мастерской уже отсчитывает Крису монеты. Его взгляд случайно падает на мои кроссовки, и рука с очередной монетой замирает на полпути. Крис оборачивается, понимающе кивает и говорит старику:

– Иностранец. У них всё не как у нас.

Старик молча кивает, заканчивает расчет и подходит ко мне.

– Синьор не сочтет за оскорбление, если я униженно попрошу посмотреть его башмаки.?

– Не сочтет, не сочтет, — отвечаю я, мигом скидывая кроссовки.

Старик ставит их на прилавок и начинает сосредоточенно рассматривать, поворачивая из стороны в сторону, прощупывая и заглядывая внутрь.

– A-di-das, — прочитывает он по слогам, — Великий мастер этот Адидас! Нигде не видно прошивки подошвы, а легкость и мягкость какая! Словно воздушные. А кожа-то, а кожа-то ве́рха какова! И подметка по твердости чуть ли не каменная и в то же время почти прозрачная. Шкура дракона?

– Не знаю, — честно признался я, — может быть.

– Продайте мне. Готов заплатить за это чудо две… нет, три дексты.

– Даже не просите!

– Четыре!

– Не могу — подарок.

Чуть ли не на бегу напяливаю кроссовки и вскакиваю на козлы. Крис уже там и подстегивает лошадей. Последнее, что успеваю заметить, — это чуть не плачущий старик-сапожник с выражением лица как у ребенка, которому только что не купили удивительную игрушку.

– Пять, — доносится нам вслед.

– Теперь куда? — спрашиваю Криса.

– К виноторговцам, — и в удивлении вертит головой. — Пять декст! Надо же отказаться! Видно, ты и в самом деле не беден.

Молчу. Сворачиваем в улочку с виноградной гроздью на углу и сразу же останавливаемся. Из дома выскакивают пара здоровенных парней и без всяких разговоров пристраивают к повозке доски, скатывают три бочки, которые мгновенно исчезают в распахнутых воротах. Переваливаясь с боку на бок, из ворот выплывает фигура, сама похожая на бочку. Маленький, толстый и лысый мужчина степенно подкатывает к повозке и протягивает Крису деньги, которые мгновенно исчезают в его бездонном кармане.

– Теперь к портным — к Льюису, — и мы сворачиваем в улочку с гигантской иголкой на углу. Непривычная для человека советского мира чистота, обилие цветов на окнах и одна за другой — портновские мастерские и лавки торговцев тканями в непрерывном ряду. Подкатываем к одной из них. Я помогаю Крису снять с повозки оставшиеся мешки. Сами затаскиваем их в двери. На полках многоцветье маленьких и больших рулонов тканей и

тонких кож, наверное, со всего света. Здесь тоже запах кожи, но приправленный уже не дегтем, а воском.

У прилавка клиент в широкополой шляпе с пером беседует с хозяином — вероятно, самим Льюисом. А рядом наготове подмастерье с каким-то полосатым шнурком в руках.

– Привет, Крис. Что привез? — хозяин, передав клиента помощнику, выходит из-за прилавка, развязывает первый мешок и вдруг замирает, раскрыв рот, глядя на меня. Крис, не заметив этой метаморфозы в хозяине, машинально произносит:

– Немного сукна и побольше полотна.

Потом чувствует, что происходит что-то не то, но всё понимает, проследив взгляд хозяина. Обреченно вздыхает и повторяет уже однажды произнесенную фразу:

– Иностранец. У них всё не как у нас.

Но хозяин уже не слушает его. Бросив мешок и сорвавшись с места, он начинает описывать вокруг меня какой-то ритуальный танец, приговаривая при этом:

– Какая прелесть! Какое простое и вместе с тем мудрое решение! Ничего лишнего. Движений не стесняет. А карманов-то, карманов-то сколько и все там, где нужно и для того, что нужно. О, и внутри тоже! Поразительно! Восхитительно! Неподражаемо! — он бесцеремонно и восторженно осматривает, ощупывает мою бесценную джинсу, не обращая внимания на позвякивающие в карманах монеты.

Хотя мне и льстит такое внимание к моей экипировке, тем не менее я вкрадчиво прерываю восторги рыцаря иглы и утюга, стараясь быть максимально тактичным:

– Нельзя ли нижайше побеспокоить вас просьбой указать мне, где в вашем гостеприимном доме находится туалет?

– Что-что?

– Туалет.

– ???

– Ну, такая маленькая комната для отправления естественных надобностей.

– Ах, клозет, — с облегчением догадывается хозяин портняжного заведения, — конечно, конечно, прошу за мной.

Мы выходим во внутренний дворик, он указывает на симпатичную кирпичную будочку, крытую черепицей, и тоже тактично исчезает.

Стиль строения, разумеется, не деревенский, как у нас. Захожу. Мама родная — вот так сюрприз! Никаких характерных для заведений такого рода запахов. Посреди широкая, толстостенная керамическая ваза без дна высотой до колена, и там, внизу журчащий поток воды. Теперь ясно, что имел в виду Крис, говоря, что река несет в город воду не только для питья. Понятна и чистота улиц, и отсутствие гнилостного смрада в воздухе, который неизбежен для поселений без канализации.

Возвращаюсь в мастерскую. Крис и Льюис уже рассчитались между собой, мешки куда-то унесли, а они оба ожидают меня явно с каким-то замыслом.

– Льюис хочет купить твой костюм для образца. Хорошо заплатит.

– Да-да, очень хорошо заплачу, — подтверждает местный модельер-конструктор и с надеждой, улыбаясь, смотрит на меня.

– И бесплатно сделает тебе другой костюм, какой захочешь, — добавляет Крис.

– Да-да, совсем бесплатно, — подтверждает местный Пьер Карден.

Нелепое положение. Отказать как-то неудобно. Сапожник не мог бы заменить мне кроссовок чем-нибудь, в чём можно появиться в своем мире. С джинсой — другое дело. Сшить можно что угодно. Только вот что́ я отвечу

маме на вопрос о пропаже подаренного мне дефицитного костюмчика? Нет, продавать нельзя.

С другой стороны, Льюис, понятно, вознамерился сделать хороший гешефт на новой модели. Джинсы, безусловно, — очень простая и удобная одежда, заведомо обреченная на успех даже в средневековье. Льюис никакого понятия об авторском праве иметь не может. Но и в этом мире, наверное, существуют какие-то условности относительно копирования чужих изделий. Иначе бы Льюис не заходил бы так издалека с покупкой.

– Ладно, — говорю я, — продать вам костюм, Льюис, к сожалению, я не могу.

Улыбка мигом сползла с его лица.

– Но, — продолжаю, — мы можем с вами заключить другую сделку. Вы к сегодняшнему вечеру сошьете мне из тонкой коричневой кожи точно такой же костюм и доставите его, куда скажет вам Крис. В свою очередь, за такую услугу я позволю вам копировать мой костюм без каких-либо ограничений в любом количестве и материале. Подходят вам такие условия?

– Да-да, конечно, да. Пьер, Пьер, беги сюда!

И они с подмастерьем принялись энергично обмерять меня в длину и ширину с помощью полосатого шнурка. Крис подсказал адрес доставки заказа, и мы отправились дальше, свернув в улочку с вывеской в виде то ли рогатой коровы, то ли быка на углу. Здесь мы быстро справились с доставкой сыра, сдав торговцу по счету пять корзин желтых шаров. Повозка опустела. Встал вопрос, куда двигать дальше. Смотреть город или устраиваться с кормлением и жильем? Время около полудня. Обедать рановато. Решили всё же заехать в таверну и застолбить за собой ночлег и обед.

Продолжая двигаться всё по той же Рыночной улице, незаметно перевалили ее вершину, и мостовая, расширяясь, пошла на спуск. Отсюда меж домов уже видны

морская синева и мачты кораблей в порту. Останавливаемся на половине спуска у симпатичного фахверкового дома с заманчивой и пугающей вывеской "Морской дракон". На ней искусно нарисован какой-то зверь в волнах с огромной пастью, непринужденно закусывающий двухмачтовым парусником. У дома — коновязь с парой верховых лошадей, а через распахнутые рядом с домом ворота видны дворовые постройки и распряженная карета.

Заезжаем в ворота. К нам мгновенно подбегает мальчик и принимает вожжи у Криса. О лошадях можно не беспокоиться. Через заднюю дверь входим в таверну. Большой зал. Несмотря на немаленькие окна, здесь темнее, чем должно бы быть. Наверное, потому, что всё убранство в умеренных коричневых тонах, приглушающих свет. Отделанные деревом стены, балки перекрытия, потолок, столбы, поддерживающие второй этаж, стойка, двери, столы и стулья, лестница наверх покрыты грубоватой, но замысловатой и красивой резьбой. На стенах расписные тарелки, оружие и несколько картин с морем и кораблями. За стойкой изобилие разноцветных бутылок и бочонков с краниками. Уютненько!

Божественные запахи описать труднее. Жареное мясо, смешавшиеся запахи множества специй и еще что-то совершенно неуловимое создают непередаваемо сказочный аромат, способный свести с ума не только голодного, но и сытого. Всё это впиталось в стены и живет своей неизменной жизнью, не всегда, наверное, совпадающей с переменчивой кухонной.

К нам подскакивает чисто выбритый мужчина лет пятидесяти в колпаке с кисточкой на голове. Хозяин таверны и родственник жены Криса.

– Серж, — представляет меня Крис.

– Колин ван Берн, а для друзей просто Колин.

– Сержу нужна комната на ночь и стол на сегодня и завтра.

– Нет ничего проще. Всё есть в лучшем виде. И постояльцы вполне приличные, спокойные. Молодой граф Казимир, барон Шварц, вчера откуда-то прибывший для сватовства к принцессе, да две семейные пары, ждущие отплытия на корабле.

– И это ты называешь спокойствием? — взвился Крис. — Казимир и какой-то возможный жених в одном доме! Твоя таверна еще цела только потому, что Казимир, наверное, не подозревает о сопернике под боком.

– Черт побери, но не мог же я отказать ему в постое!

– Да, конечно, не мог. Тащи вина, и будем надеяться на Бога.

Нектар — это не самая удачная характеристика тому вину, которое поставил на стол Колин. Правда, знаток и ценитель вин из меня никакой, но чувство вкуса у меня достаточное. Разобраться, что хорошо, а что не очень, могу вполне. В запах поставленного на стол вина хочется погрузиться по уши и никогда оттуда не вылезать. А вкус… Нет слов! Сладкое, но не слишком. Со вкусом винограда, вишни, земляники и малины одновременно. Стоит только смочить кончик языка — и возникает ощущение, словно вкус с запахом взбираются по языку вверх, лаская органы чувств, проникая в нос, глотку, легкие, мозг. Это не питие. Это сумасшествие наслаждения от капельки.

Выходим с Крисом из таверны и неспешным шагом спускаемся к порту. Корабли, корабли, корабли… Большие и маленькие. Старые и новые. Простые и разукрашенные. Чистые и грязные. Крики чаек, запах просмоленных бортов и тяжеловатый дух гниющих водорослей.

Разгар дня — разгар портовых работ. Скрип снастей и корпусов кораблей. Катятся бочки с кораблей и на корабли. Тащатся ящики, бутыли, корзины. Рвутся верев-

ки. Падают грузы. Ругаются люди. А за всем этим — безбрежная синь спокойного моря и столь же безбрежная голубизна неба. Легкий ветерок с моря ласкает и приятно охлаждает кожу.

Знакомый Крису мастер цеха грузчиков сопровождает нас вдоль причалов, зорко следя за происходящим на них.

– Вот королевский военный фрегат, — говорит он, указывая на странного вида посудину, и добавляет: — Последний.

Парусов нет. Борта в зелени водорослей. Пушек нет и в помине в раскрытых портах. Команды не видно. Впрочем, нет — какая-то фигура в замызганной одежде выбирается из недр корабля. Лениво потягивается. Лениво подходит к борту. Лениво таращится на нас. Лениво сплевывает за борт и лениво удаляется туда, откуда появилась.

– И это военный флот? — удивляюсь я.

– Флота уже давно нет за ненадобностью, — ответствует мастер, — не воюем уже лет сто. Сначала долго держали флот и армию на всякий случай. Но потом постепенно от них избавились. Королевский волшебник лучше армии и флота защищает границы, а обходится в тысячу раз дешевле.

Последний причал. За ним чистый песчаный берег с лениво набегающими волнами. Здесь уже стоят несколько человек из портовых работников и разношерстная группка горожан. Они что-то внимательно высматривают то ли на берегу, то ли в волнах. Мастер озабоченно взглядывает на солнце, видимо, прикидывая время, и отдает какую-то команду портовым. Те резво бегут мимо нас в ближайший склад и волокут оттуда стол, довольно вместительный бочонок и корзину кружек. Ставят стол на песок в приличном отдалении от людей. На стол во-

дружают бочонок, расставляют десятка три кружек и бегут к нам.

– Сейчас вы увидите представление, — предупреждает мастер, — но лучше бы его не было.

– А что в бочонке-то? — спрашиваю у мастера.

– Темное пиво.

Ждем минуту, другую, третью… Вдруг поверхность моря вблизи берега заходила волнами, набежала на песок и… Что за черт! Не может такого быть! Но всё-таки есть, протирай глаза или нет. "И тридцать витязей прекрасных из вод морских выходят ясных и с ними дядька их морской…" Вроде бы как-то так у Пушкина. Да, выходят, сверкая щитами и кольчугами. Да, именно тридцать. Сосчитано. Да, по подчиненности с дядькой своим бородатым. Или старшим братом по родству? Но они же не из этой сказки! Как сюда попали?

Группа вооруженной холодным оружием молодежи, совершенно раскованно переговариваясь между собой, располагается на песке вокруг стола. Бородатый дядька с огромным мечом наливает себе кружку пива, одним духом опрокидывает себе в рот и, громко, удовлетворенно крякнув, утирает усы от пены. Затем начинает разливать пиво по другим кружкам и передавать своим подопечным. Встряхнув напоследок бочонок, дядька убеждается, что сможет выцедить из него себе еще с половину кружечки. Что и проделывает со всей тщательностью. Раздается львиный рык дядьки, группа молодежи вскакивает, подхватывая щиты и мечи, строится и степенно уходит в море во главе со своим предводителем.

Я в полном обалдении. Ошибся Дом, смешав сказки? Или у меня где-то и когда-то мысли перепутались?

– И давно это чудо у вас появилось? — спрашиваю мастера.

– Наверное, с неделю. Как первый раз вышли, то всё порывались куда-то по берегу идти дозором и кого-то от чего-то охранять. Но никак не могли сообразить, в какую сторону идти. Всех перепугали настолько, что работы в порту остановились. Горожане в беспокойстве. Такая ведь неуправляемая силища — и прямо в столице! Пришлось мне с городским магистром и главным министром идти на переговоры со старшиной отряда. Сошлись на ежедневном бочонке пива за то, что они никуда не двинутся с этого места. Пока мы не выясним, куда им идти дозором и откуда. Здесь их оставлять совсем не хочется. Пока что мы ничего не узнали.

– Вы упоминали королевского волшебника. К нему обращались?

– Призывали. Он постоял, посмотрел и сказал, что это за пределами его возможностей.

Само собой. Сказки-то разные.

– Надо подумать. Может, я смогу тут чем-то помочь.

– Вы волшебник?

– Нет, но раз ваш волшебник не смог ничего исправить, то дело совсем не в волшебстве. Если я что-то придумаю, то вам сообщу.

От порта мы с Крисом возвращаемся в жилую часть города уже по средней из больших улиц. Мне всё больше и больше нравится этот чудесный городок.

– Эта улица называется Королевской, — начинает Крис.

– И ведет к королевскому дворцу, — закачиваю я.

Мы переглядываемся и дружно хохочем. Проходим мимо строя богатых домов, украшенных колоннами, скульптурами, росписью, мозаиками, и оказываемся на обширной, круглой площади с фигуристым фонтаном на десять струй в центре ее. Интересно, за счет чего он работает? Водонапорной башни в округе не видать.

– Вот это городской магистрат, ратуша, — говорит Крис, указывая на вытянутое вверх четырехэтажное здание со шпилем, — а это дом королевского волшебника.

– Разве он живет не во дворце?

– Нет, там места маловато. Да вот и он сам, — кивнул Крис в сторону проезжавшего мимо нас всадника.

Ну и волшебники в этой стране! Никакой седины, никакой бороды. Да и вообще —этот чисто выбритый человек вряд ли больше чем лет на пять старше меня. И ничего сверхъестественного и тем более зловещего в нем не чувствуется. Горожанин как горожанин. Разве что осанка преисполнена необывательского достоинства. Королевский волшебник проехал мимо, спешился у своих дверей и, не привязывая лошадь, скрылся в своем доме.

– Ну и дела! И этого я, кажется, тоже где-то видел, — я и не заметил, что произношу это вслух.

– Ты видел не его — Жозефа, а его младшего брата Казимира. Они очень похожи.

– Час от часу не легче. А почему же он не приютит брата, когда тот приезжает в Верн?

– Дом принадлежит королю, и по обычаю королевский волшебник всегда живет один. Обрати внимание. Вот и сам королевский дворец, напротив магистрата.

– Этот домик — королевский дворец?

– Он самый.

Наверное, я ничего не смыслю в королевских дворцах. Мы привыкли, что дворцы — это громадины Лувра, Эрмитажа или Эскуриала. Хотя, с другой стороны, и двухэтажный домишко в Летнем саду — тоже дворец своего времени для Петра Первого. А этот гораздо внушительнее. Этажей три, а больших, двустворчатых окон второго этажа по фасаду — аж все девять. Прочие архитектурные атрибуты дворца в виде королевского герба,

ажурных решеток, балкончиков, амурчиков и даже горгулий тоже имеются. Но всё это такое миниатюрное, хрупкое, миленькое, что издали похоже на игрушечное.

– Знаешь что, Крис, посиди у фонтана, а я схожу, представлюсь вашей принцессе. Очень хочется на нее взглянуть.

– Думаешь, тебя пустят?

– Не знаю, но попробовать стоит.

Подхожу к резным застекленным дверям и привожу в движение бронзовый молоток. Тишина. Стучу еще раз.

– Иду, иду, — глухо доносится из-за двери.

Лязг засова, легкий скрип дверных петель — и передо мной появляется человек лет шестидесяти в черном камзоле с усталым взглядом.

– Что вам угодно, молодой человек?

– Хочу засвидетельствовать принцессе свое почтение.

– Вы с ней знакомы?

– Немного.

– Жених?

– Нет.

– Тогда кто? Как вас представить?

– Серж, — шарю в кармане и протягиваю привратнику синий, бархатный кошелек.

– Вот даже как! А деньги из кошелька где?

– У меня.

– Ну да, ну да, конечно же, у вас. Казна почти пуста, а принцесса разбрасывает кошельки направо и налево. Серж, Серж, — повторил он, как бы что-то вспоминая. А, ну да, иностранец, взвинчивающий цены на перевозки людей! Это же надо! Заплатить пять солентино за пару тысяч локтей пути на простой повозке! Впрочем, кошелек ее высочества… Не жалко этих денег. Понимаю, понимаю. Заходите, — и он отступил в сторону, пропуская меня внутрь.

– А вы неплохо для привратника осведомлены о событиях в городе, — заметил я.

– Я не привратник. Я главный министр Герц и обязан все знать. Во дворце всё по-домашнему. Кто окажется ближе к дверям, тот и открывает. Если бы вам повезло, то открыла бы и сама принцесса. Идите со мной.

Пожалуй, Герц несколько преувеличивает печальное положение казны. По дворцу этого не скажешь. Всё убранство в идеальном состоянии и порядке. Нигде ни пылинки, ни признаков износа или пренебрежения. Везде свежие цветы, и не скажешь, что безлюдно. То здесь, то там промелькнут слуга или служанка с какими-нибудь атрибутами своей службы вроде подноса или метлы. Поднимаясь на второй этаж, я любуюсь окружающей красотой и изяществом интерьера дворца и пропускаю мимо ушей сетования Герца по поводу тягот управления государственными делами. Только когда он упомянул околопортовый инцидент с участием группы морских рыцарей неизвестного происхождения, я его прервал.

– Синьор Герц, вот как раз в решении этой проблемы я вам, скорее всего, смогу помочь. У меня на родине такие случаи бывали, и мне известно, как они разрешаются.

– Синьор Серж, вы просто не представляете, как мы все были бы вам благодарны. Такая помощь достойна королевского ордена, но, увы, вручать ордена может только король или королева. А принцесса Виолетта еще не королева.

– Я вас понял, синьор Герц, и не претендую ни на какую государственную благодарность.

Герц заметно повеселел и потеплел.

Вот и скажи после такого дипломатичного финта, что Герц из кузнецов. Наградить тем, чего не может дать… Настоящий политик!

– Прошу вас сюда. Сейчас доложу принцессе.

Великолепная, в меру роскошная гостиная в бежевых тонах. Большой круглый стол и ваза с цветами на нем. Портреты и зеркала по стенам. Мягкие, удобные стулья и кресла. А это что? Клавесин или пиа…

– Здравствуйте, Серж, — раздался у меня за спиной ангельский голосок.

– Здравствуйте, Виолетта, — отвечаю я, еще даже не полностью обернувшись.

Она, слегка улыбающаяся, в двух шагах. Теперь уже в зеленом платье. Целовать или не целовать руку?

– Не надо, Серж. Всё равно у вас по этикету не получится.

– Ну и не буду. Как вы догадались?

– По вашему озадаченному виду. Садитесь, пожалуйста.

Устраиваемся в креслах напротив друг друга. С минуту молчим. Принцесса прерывает паузу:

– Серж, вы волшебник?

– Почему вы так решили?

– Ваша книга. Когда я, гуляя, подобрала ее, она была на каком-то непонятном языке. И ваши первые слова тоже ничего для меня не значили. А когда я приехала во дворец и опять раскрыла книгу, то оказалось, что я могу ее читать. Великолепные сказки! Да и сейчас мы с вами разговариваем.

– Если тут и есть какое-то волшебство, то совсем немного и не мое. Важно, что всё сложилось как надо.

– Вы думаете, сложилось? И при этом именно как надо? Тогда раскройте секрет, Серж. Зачем было нужно, чтобы я вас ждала? Почему на прогулку меня потянуло так далеко от дома? Что подтолкнуло меня оставить вам свой кошелек? Вот теперь вы здесь — и что дальше? Я в вас не ощущаю ко мне любви и у меня к вам ее нет, — и, на мгновение задумавшись, добавила: — Вроде бы…

Вот, что называется, вопрос на засыпку или взять быка за рога. Но ведь я сам всё это затеял, и нужно теперь как-то выкручиваться. Стараюсь попасть наугад.

– А вы уверены, Виолетта, что ждать нужно было именно меня? Может, мое появление говорит о том, что ждать какого-то чуда откуда-то совсем было не нужно? — тут я, конечно, малость кривлю душой. Но, что делать, неестественность ситуации как-то выправлять надо. Хотя бы для принцессы.

Теперь ее очередь задуматься. И довольно надолго. Просто видно, как бушуют мысли в ее очаровательной головке, а взгляд не отрывается от моего лица. В глазах интерес, постепенно переходящий в изумление. Принцесса резко встает и протягивает мне руку.

– Идите сюда, Серж, — и подводит меня к ближайшему зеркалу. — Вот ваше лицо. Добавьте к нему тонкую бородку и усы. Положите на голову длинные волосы. Кого увидите?

– Казимир? То-то его лицо мне показалось чем-то знакомым.

– А вы, Серж, не знали?

– Клянусь — нет!

– У старого графа только двое сыновей: Жозеф и Казимир. Откуда и кто вы?

– Из очень далекой страны. В которую и вернусь. А может, и не вернусь. Мне очень нравится в Верне. Куплю на ваши, принцесса, деньги домик, найду работу. Я ведь неплохой механик. Или нет: куплю домик и буду заезжать в Верн иногда как гость.

Принцесса засмеялась.

– Вы, Серж, просто какой-то таинственный мечтатель, а мне нравятся мечтатели. Сама такая. Мы могли бы быть друзьями.

– Могли бы, — вздыхаю я, — если молодой граф Казимир не заметит между ним и мной сходства и не

начнет искать причин. Насколько я слышал, он влюблен в вас, Виолетта, и очень ревнив.

– Просто ужасно ревнив, а сегодня еще и ужасно зол. Ведь я ему опять отказала. Вслед за бароном Шварцем.

– Значит, оба ужасно злы. И при этом оба остановились в "Морском драконе".

Принцесса побледнела.

– Он ведь убьет его!

– Насколько мне известно, Казимир еще никого от злости не убивал.

– Да нет же! Это Казимир для барона просто игрушка. Мария, Мария, быстро карету!

Мы слетаем вниз по лестнице и выходим на площадь. Кареты еще нет. Принцесса в нетерпении стучит каблучком. Подбегает Крис. Обрисовываю ситуацию.

– Нужно взять с собой Жозефа. Он ко всему еще и хороший лекарь, — предлагает Крис.

– Верно, — подтверждает принцесса.

– Вот что, Крис, — командую я, — стучи к королевскому волшебнику и тащи его быстро в "Морского дракона". Мы с принцессой вас ждать не будем. Вон уже карета.

Это была не скачка, а какой-то бешеный полет. В котором карета потеряла правую дверцу, соприкоснувшись со стеной дома в каком-то узком проулке. Чудом никого не сшибли, благодаря луженой глотке кучера. От его криков народ разбегался на двести локтей впереди.

Вот и "Морской дракон". Останавливаемся. Я предупреждаю:

– Виолетта, не забывайте, что вы принцесса.

– Да-да, конечно.

Я выпрыгиваю в дверь без дверцы и галантно подаю ей руку. Принцесса чинно выходит, и мы не спеша вплываем в таверну. Мыслей в голове никаких, и я с порога небрежно изрекаю:

– Мы с принцессой проезжали мимо и услышали у вас в заведении какой-то шум. Решили взглянуть, в чем дело.

Колин, стоявший посреди зала, вроде хотел что-то сказать, но так и замер с открытым ртом. Шума, конечно, нет никакого. Уже нет. Молодой граф Казимир — один из наследников древнего рода — неподвижно лежит на полу в углу зала. На всякий случай я придерживаю принцессу за рукав, чтобы она не бросилась к телу. Жалобно заскрипела лестница. Вниз спускается человек-гора чуть ли не четырех локтей ростом и полутора локтей в плечах, за которым слуга тащит сундук. Человек-гора подошел к принцессе и виновато потупился.

– Барон, что тут произошло?

– Простите, принцесса, но я только защищался.

Он бочком протиснулся в уличную дверь и исчез вместе со слугой и сундуком.

Вместо него вваливаются Жозеф и Крис.

– Жозеф, посмотрите, что с вашим братом, — распорядилась принцесса.

Тот встал на колени над телом и приложил ухо к груди лежащего. Затем осмотрел его голову и констатировал:

– Единственное лекарство, которое нужно — это ведро холодной воды. Колин, принеси!

Колин ожил, бросился во двор и мигом вернулся с ведром воды.

– Лей! — и ведро было опорожнено.

Тело зашевелилось и, демонстрируя признаки жизни, начало отфыркиваться от воды, попавшей в рот.

– Колин, что тут произошло? — требовательно спросила принцесса.

- Я сам в удивлении, ваше высочество. Граф Казимир влетел в таверну в своем обычном после визита к вам, принцесса, настроении. То есть злой как тысяча чертей.

Барон как раз заканчивал обед перед отъездом. Граф подскочил к нему и закричал что-то в смысле: "За невестой прибыли? Дома своих не хватает?" или что-то в этом роде, но более образно и откровенно. Не при дамах будь сказано. Затем схватил со стола кубок и выплеснул содержимое барону в лицо. То есть граф думал, что выплеснет. Кубок был пустой. Но всё равно оскорбление. Барон небрежно приподнялся и сделал вежливый жест рукой. Как бы отвечая на обращение графа Казимира. Граф упал на пол как подкошенный. Никогда еще такого не было. Обычно падали собеседники графа.

– Поучительная история, — заметил Жозеф. — Нашла коса на камень.

– Принцесса, прошу вас за стол, — предложил я, — а больной пусть пока приходит в себя. Кстати, а куда он делся?

Только лестница скрипнула где-то наверху.

– Жозеф, Крис, принцесса приглашает вас разделить с ней трапезу. Колин, твоего чудного вина и всё, что есть на плите, тащи сюда! Обед давно прошел, а мы еще не ели.

Правда, не обедали-то мы с Крисом, а остальные — не знаю. Жозеф предложил принцессе стул, а Колин торжественно принес тонкой чеканки кувшин и стаканчики на расписном подносе.

– Какое небывалое вино! — восторженно пропела принцесса своим ангельским голоском, — у нас во дворце такого нет.

– У вас во дворце много чего нет, — послышалось откуда-то сбоку.

Появился Казимир, таща за собой стул, и уселся справа от принцессы. Успел как-то переодеться в сухую одежду. Левый глаз уже заплыл, а глазница посинела.

– Колин, еще стаканчик!

Два… нет, три стаканчика подряд залпом — это варварское издевательство над божественным напитком.

– Казимир, вы меня очень огорчили.

– Виноват, принцесса! Больше не повторится.

– Надеюсь, что не повторится, и даже — скорее всего. Барон ведь уехал.

Сидящие за столом прыснули от смеха, а виновник чисто по-мальчишески покраснел.

– Чтобы вас защитить, Казимир, я сегодня же издам указ о прекращении соискания моей руки.

– Вы очень добры, принцесса.

– Вы даже и не подозреваете, Казимир, насколько я добра именно к вам. Я даже позволяю вам повторить сегодняшнюю попытку сватовства. Но не ранее, чем через две недели. Когда с вашего лица исчезнут следы пребывания в нашей стране барона Шварца.

Воцарилось молчание. Такого поворота никто не мог и ожидать. Жозеф в облегчении вздохнул. Казимир в обалдении застыл. И тут начали подносить блюда и тарелки…

Чего тут только не было! И целиком зажаренная на вертеле курица. И нежнейшее тушеное мясо без единой жиринки. И только что прокопченный свиной окорок. И тающие во рту сосиски размерами с небольшие колбасы. И бульоны из птицы и не птицы. И запеченные на курином жире клубни диковинного еще пока овоща — картофеля. И целая дюжина кастрюлек с соусами и приправами. И еще куча разных блюд, в происхождении и составе которых мне так и не удалось разобраться. Но в общем — явно не рыбный день.

С таким вином, закуской и сотрапезниками время летит незаметно. Даже если обмениваться только междометиями, отмечающими качество блюд. А больше ничего и не требуется, когда перед вами происходит спектакль любовного ухаживания и его приятия.

Казимир старался вовсю. Отреза́л и вырeза́л принцессе самые лакомые кусочки. Предлагал попробовать тот или иной соус. Подливал вина. А когда дело дошло до десерта, то выбирал и очищал самые спелые плоды. Принцесса сдержанно, но благосклонно принимала эти знаки внимания, и только когда кавалер отворачивался, лукаво и заговорщицки улыбалась мне. Крис как завороженный созерцал это действо. Жозеф сосредоточенно молчал, а я время от времени смотрел по сторонам.

Заведение постепенно заполнялось народом. Многие узнавали принцессу и подтверждали это, сняв шляпу, небольшим поклоном. На что она в ответ вежливо кивала. Стало шумнее, а в дальнем углу появились музыканты и стали тихо наигрывать что-то нудное.

Идиллию нарушил Герц, материализовавшись из ниоткуда.

– Ваше высочество, во дворце беспокоятся, куда вы пропали.

– Провожу время с друзьями, господин министр.

– Но ведь уже десять часов вечера!

– Да-да, вы правы. Пора домой. Казимир, распорядитесь, чтобы подали мою карету. Серж, проводите меня, пожалуйста.

Мы вышли на улицу. Жозеф и Крис остались за столом, а Герц поспешил к своей коляске.

– Спасибо вам, Серж.

– И вам спасибо, Виолетта.

Она удивленно приподняла брови, но промолчала. Подкатила карета. Оторванная дверца оказалась уже на месте. Казимир выскочил изнутри.

– Я вас провожу, принцесса.

– Не надо, Казимир. Мы сегодня достаточно времени провели вместе, — и протянула ему руку для поцелуя.

Карета скрылась, а Казимир отцепил от коновязи свою лошадь, вскочил в седло и не спеша двинулся по улице вниз, в сторону порта.

*

За столом всё те же. Только Крис уже клюет носом.

– Крис, может спать пойдешь?

– Пожалуй, пойду, — и, слегка запинаясь, побрел к лестнице на второй этаж.

– Мой братец, наверное, решил прогуляться от избытка чувств?

– Ага. Жозеф, у меня такое предчувствие, что вы не прочь меня расспросить о чем-то.

Жозеф достал трубку, не спеша набил ее табаком, прикурил от свечи, затянулся и пустил в потолок густой клуб дыма.

– Серж, а у меня такое предчувствие, что вы мне не скажете даже, ни кто вы, ни откуда, ни зачем.

– Пожалуй, не скажу.

– Поймите, — это не просто досужее любопытство. На мне защита государства. Мне известно, что вы никогда не были в Верне, а принцесса не покидала Верна. Вдруг вы появляетесь неизвестно как, и оказывается, что вы чем-то связаны с принцессой. Причем до такой степени, что мне кажется, вы имеете прямое отношение к событию, произошедшему сегодня за этим столом. Мало того. Вы очень похожи на нас с братом. Хотя, например, он этого не заметил. Всё это очень странно. Не находите?

– Нахожу. Но странность не преступление.

– Верно. Успокаивают две вещи. Вы не волшебник — это точно. И от вас не исходит никакой опасности. Уж я-то в этом разбираюсь.

– Жозеф, если опасности от неизвестности не исходит, то пусть она неизвестностью и остается.

– Вы думаете, что волшебники до такой степени не любопытны? — с улыбкой спросил Жозеф. — Ладно, пусть будет по-вашему. Храните свою тайну. Однако и у вас есть вопросы ко мне. Правда?

– Совершенно справедливо. А вопросов два. Вы совсем не похожи на волшебника. И второе. Как вам такую благополучную страну удается сохранять без армии и флота?

– Вы, Серж, наверное, представляете себе седобородых, умудренных годами, опытом и учением волшебников из сказок. На самом деле волшебником нужно просто родиться, и возраст тут играет малое значение. Что вызывает рождение волшебника и почему он может явиться на свет в любой семье? Этого никто не знает, и я в том числе. Может, просто потому, что в нем возникает нужда? Мы не живем больше других людей и так же, как все, болеем и умираем. Мой предшественник умер семнадцать лет назад в возрасте всего шестидесяти пяти лет.

– Вы хотите сказать, что…

–- Совершенно верно. Я занял должность королевского волшебника в двенадцать лет. Ну, а что касается вашего второго вопроса, то наша страна потому и благополучная, что не тратит ничего на армию и флот. Нападать на кого-то с целью грабежа побуждает корысть. А если эта корысть еще имеет и власть, то жди большой беды. В обязанности королевского волшебника входит наблюдение за появлением в сопредельных странах опасных корыстных побуждений у людей, облеченных властью. Когда знаешь, что и у кого, то не сложно и воспрепятствовать заранее.

– Как это невинно звучит — воспрепятствовать. Я уж не рискую спрашивать, что за этим кроется.

– И правильно делаете. А теперь я отвечу на не заданный вами вопрос. Постеснялись, наверное, спросить.

У волшебника должна быть определенная этика. Волшебник может многое, но он должен хорошо понимать, во что вмешиваться можно, а во что — никогда.

– Это вы к чему?

– К тому, почему я не вмешиваюсь в отношения между принцессой и братом. Хотя и мог бы.

– Жозеф, вы просто кладезь мудрости. Это я совершенно без иронии.

– Спасибо. Вы когда отбываете, Серж?

– Завтра где-нибудь во второй половине дня. Нужно еще успеть кое-что сделать.

– Ну да, ну да, в порту. Я приду посмотреть, как вы справитесь с тем, с чем не справился я. До свидания.

– Жозеф положил трубку в карман и вышел из таверны.

Таверна уже почти опустела. Только в углу небольшая компания доигрывает в кости. Колин дремлет за стойкой. Легонько пихаю его пальцем.

– А, что? — вскидывается он.

– Колин, мне бы тоже поспать.

– Сейчас устроим. Жанна, Жанна, проводи синьора в его комнату.

Какая симпатичная и стройная девица! Даже более чем симпатичная. Тонкие черты лица, на котором синие глаза кажутся просто огромными. Нежные губки совершенно правильной формы. А какие прелестные ножки взбираются впереди меня по лестнице! Просто не верится, что такие ножки доводят постояльцев только до комнат. Попытать счастья?

– Вот, синьор, ваша комната. От портного принесли ваш костюм.

На крючке висит кожаное великолепие. Льюис постарался на славу. Пуговицы вообще бесподобные. Сделаны из монет в один солентино.

– Синьору еще что-нибудь нужно?

–Нужно, — и начинаю приближаться к ней с видом, не оставляющим никакого сомнения в моих побуждениях.

Оплеуха была такой силы, что я полетел на кровать. Жанна погрозила мне кулачком и исчезла за дверью. Нет худа без добра. И ложиться не надо — уже лежу. Хотя и обидно. Я же с хорошими намерениями…

*

Утром, подавая завтрак, Колин ухмыляется во всю физиономию.

– Что, Жанна разболтала?

– Ей и разбалтывать ничего не нужно. Все постояльцы ведут себя одинаково и всегда получают от Жанны одно и то же. А у тебя одна щека еще пока толще другой.

Быстро расправляюсь с куриной ножкой, крылышком, пирогом и кружкой напитка, похожего на компот. Подхожу к стойке и спрашиваю у Колина:

– Крис еще спит?

– Спохватился! Он уже давно домой уехал.

– Вот незадача! Я с ним еще не рассчитался.

Достаю из кармана серебряную монету.

– Вот передай ему, пожалуйста, а то я скоро отправлюсь домой, — Колин сгребает монету в ящик.

– Что еще?

– Еще посчитай, сколько я тебе должен за всё вчерашнее и прочее. А также мне нужно три больших бочонка твоего вина с доставкой в порт к часу дня. Да, и еще кое-что передать на словах мастеру цеха грузчиков в порту, — и я сказал, что передать.

– Сделаю, — и пошевелил губами, глядя в потолок. — Всё будет стоить дексту и семьдесят пять солентино.

Выкладываю две дексты. Они отправляются в тот же ящик. В карманах еще полно денег. Вспоминаю вчерашний разговор с принцессой.

– Колин, если бы я захотел купить маленький домик в Верне, сколько это могло бы стоить и что бы ты посоветовал?

– Каменный или деревянный?

– Всё равно. Лишь бы понравился.

– Ну, например, каменный из пяти комнат и кухни может обойтись от сорока до шестидесяти золотых. Нестарый деревянный такого же размера — на десять-пятнадцать золотых дешевле.

Возвращаюсь в свою комнату, опустошаю карманы и пересчитываю капиталы. Сорок восемь золотых и сорок декст. Непостижимо. За книжку сказок на неведомом языке? Вполне могу стать домовладельцем. Нужно только вычесть из этого богатства расходы на содержание дома хотя бы в течение трех лет. Да и оставить на непредвиденное тоже нужно. Спускаюсь обратно в зал.

– Колин, а сколько нужно платить приходящей служанке? Ведь нужен же присмотр за домом в отсутствие хозяина.

– Сорок-пятьдесят солентино в месяц. И не забывай о дровах. Это еще семьдесят-восемьдесят солентино за зиму. Живет хозяин или не живет, а топить надо. Иначе дом быстро стареет, разрушается. Жанна, Жанна!

– Что хозяин?

– Твой дядя свой второй дом еще не продал?

– Нет.

– Наш постоялец может его сейчас посмотреть?

– Ключ у меня.

– Тогда проводи его, — и, обращаясь уже ко мне, добавил: — Это здесь рядом, на соседней улице. Домик очень неплохой, — и уже в самое ухо шепотом: — Если задумаешь брать, то больше сорока золотых не давай.

Пока идем, Жанна молчит и не смотрит на меня. Улочка светлая и тихая. Домик в два этажа, как на рождественской открытке — славный и веселый. Только без

снега. Июнь ведь! Первый этаж кирпичный, а второй деревянный. Балкончик с ажурным ограждением, весь в цветах. Дубовая дверь с окошечком. Красная черепичная крыша с крошечными башенками по углам. Соседние дома чуть повыше.

В первом этаже просторная прихожая с лестницей на второй этаж. Комната побольше — столовая с изразцовым камином и окнами на улицу, и комната поменьше — рядом с кухней, окнами во двор. Туалет здесь же, рядом с кухней. Размером обширнее, чем я видел у Льюиса, и вдобавок еще с огромной деревянной лоханью рядом с вазой-унитазом. Наверное, заменяет ванну.

На втором этаже две одинаковые большие комнаты на улицу и во двор. Великолепная резная мебель, включая большую кровать с пологом в комнате, выходящей окнами во двор. Критиковать нечего. Как же я буду торговаться?

Спускаемся с Жанной вниз и выходим во двор. Премиленький садик. Несколько вишневых деревьев, кусты шиповника, жасмина, сирени и цветочные клумбы. Две широкие скамейки и небольшая статуя амура в центре всего этого великолепия. Кованый забор с калиткой на соседнюю улицу, сплошь увитый плющом, как и вся задняя стена дома, кроме окон. Прилегающие боковые стены соседних домов слепые — без окон. Так что происходящее во дворике из посторонних видеть некому и неоткуда.

– Сколько твой дядя хочет за свое владение? — спрашиваю я Жанну.

– Пятьдесят золотых, — отвечает она, пряча глаза.

– Недурно. Мне нужно с ним поговорить. Как у вас в Верне оформляются сделки?

– Здесь немного дальше по улице — контора стряпчего. Вы можете подождать там, а я схожу за дядей.

Стряпчий есть стряпчий, где бы и когда бы он ни был. Это относится и к синьору Имриху. И внешность у него стряпчего, и контора у него стряпчего, и повадки у него стряпчего. Разумеется, он не хочет, чтобы сделка сорвалась. Не будет сделки — не будет барыша.

– Синьор Имрих, я готов без торга заплатить сорок золотых за дом, но никогда не буду платить пятьдесят. Вы понимаете ситуацию?

– Очень хорошо понимаю, синьор Серж. Взаимопонимание — основа моего дела.

Продавец пришел довольно быстро. По нему не заметно, насколько скоро он двигался. Но Жанна запыхалась. Значит, он может быть очень заинтересован в быстрой продаже, раз так спешил.

Надо сказать, что синьор Имрих довольно энергично и умело взялся за дело. Буквально через три минуты дом стоил уже сорок восемь золотых. Еще через три минуты — сорок шесть. А еще через три минуты я стал его владельцем со всем содержимым за сорок четыре золотых.

Однако возникло небольшое препятствие. Одного имени Серж недостаточно для оформления купчей. Нужна еще и фамилия. Записали "Серж Андерсен", и формальная сторона дела была соблюдена. Приложили к купчей большие пальцы правой руки. Я отсчитал сорок четыре желтые монеты, а дядя Жанны передал мне связку из шести ключей и ушел. Два ключа от парадной двери, два от задней и два от калитки в заборе.

– Жанна, — спросил я, — ты могла бы, работая в таверне, присматривать за домом в мое отсутствие?

– Да, я и сейчас это делаю.

Тут же господин Имрих составил договор о найме на три года. Мы с Жанной приложили пальцы. Я отсчитал синьору Имриху на хранение необходимую сумму для выплаты Жанне ежемесячного жалованья в течение

трех лет и покрытия хозяйственных расходов. Синьор Имрих написал расписку в получении денег на хранение. Жанна получила свои первые пятьдесят солентино, ключи от дома и отправилась в таверну. Я раздумывая смотрел ей вслед, пока она не скрылась за уличной дверью.

У синьора Имриха тоже неплохое начало дня.

– Синьор Серж, с вас за оформление сделок одна декста и пятьдесят солентино.

Вполне разумная цена. Учитывая, что он сэкономил мне шесть золотых!

– Синьор Имрих, а сколько вы берете за составление завещания?

– Двадцать солентино.

– Тогда давайте займемся делом, и я заплачу вам за все услуги две дексты.

Как опытный стряпчий, синьор Имрих быстро состряпал завещание Сержа Андерсена. По этому завещанию имущество в виде дома со всем содержимым переходит в собственность Жанны. При условии, что синьор Серж не будет замечен присутствующим на территории города Верна непрерывно в течение трех лет. На этом мы с синьором Имрихом благополучно расстались.

Я вернулся в теперь уже собственный дом. Совсем другое ощущение. Медленно осмотрел все комнаты, мебель, предметы. Посуда, белье, полотенца, статуэтки, ящики, сундучки и шкатулки. Вот одна подходящая шкатулка в шкафчике в спальне наверху. Купчая, договор о найме, расписка, завещание прекрасно в ней поместились. Сюда же высыпал оставшиеся деньги. Четыре золотых и маленькую горсточку серебра. Нет, одну беленькую монетку оставлю в кармане на всякий случай. Убрал шкатулку в шкафчик.

Спустился во дворик. Сел на скамейку, достал блокнот и карандаш, нарисовал принцессу. Нет, это я хорошо

придумал с домом. Отсюда можно исчезать незаметно и появляться здесь тоже. Ну, ладно, вроде пока всё.

*

Во дворе таверны меня уже ждет довольно емкая двухколесная тележка, запряженная лошадью. Бочонки погружены. Мальчик-возница на своем месте. Взгромождаюсь на бочонки, и мы трогаемся к порту. На причалах обычная, будничная суета. Соскакиваю с тележки и иду искать мастера цеха грузчиков. Он стоит на причале и лениво переругивается, похоже, с боцманом одного из кораблей. Увидев меня, он отмахнулся от собеседника и подошел ко мне.

– То, что вы просили, готово.

– Тогда, наверное, пора выносить. Что нужно, я привез.

Мастер побежал к складам и буквально через минуту на песчаном берегу, как и вчера, стоял стол, но размером побольше, два стула и корзина стаканов. Я указал на повозку — и привезенные бочонки мигом оказались на столе с уже ввинченными краниками. Я уселся на стул и принялся ждать. Как и вчера, несколько человек забрели посмотреть на аттракцион. А вон и Жозеф среди них. А подальше, похоже, и Герц, наблюдающий за происходящим из своей коляски.

Наконец, море забурлило. Из глубины высунулась бородатая голова в остроконечном шлеме-шишаке и внимательно осмотрелась. Убедившись в отсутствии очевидной опасности, голова повлекла за собой мощное тело, заключенное в кольчугу, и не только свое. Все тридцать витязей следом потянулись на берег. Интересно — как это им удается выходить сухими из воды?

Бородатый дядька тяжелой поступью подошел к столу и уставился на меня вопросительным взглядом. Затем перевел взгляд на бочонки, а потом опять на меня. Затем снова на бочонки и опять на меня.

– Узнали?

– Узнали.

– Смотри-ка, по говору ты русич, а по обличью не пойму.

– Русич, русич.

– Спиридон.

– Сергей.

– Слава Богу! А то эта немчура кругом. Говорят вроде по-нашему, а о чем — не поймешь. Ты князь?

– Нет, не князь. Садись, Спиридон, поговорим.

Витязи столпились вокруг нас и переминаются с ноги на ногу в ожидании развития событий. Спиридон потрогал сиденье стула и с опаской присел на заскрипевший предмет мебели. Стул выдержал. Спиридон откинулся на спинку, поставив огромный меч меж колен.

– Выпьем за знакомство, — предложил я.

Налил стакан и подал бородачу. Себя тоже не забыл, но чуть-чуть.

– Благодарствую.

Чокнулись, и Спиридон одним махом опрокинул стакан себе в рот. Почмокал с изумлением губами и констатировал:

– Знатная медовуха. Ребята, можно! — и ребята занялись самообслуживанием.

Я налил второй стакан и сунул в руку гиганту.

– Благодарствую.

Теперь он не стал пить залпом, а стал прихлебывать по глоточку, смакуя запах и вкус. Вот-вот — так и надо!

– Знаешь, Спиридон, я понимаю, с какой трудностью вы столкнулись.

– И не говори, браток. Сам не пойму, что произошло. И Маньки нет — сестры нашей, чтобы подсказать. А ведь всегда была рядом с нами.

– Какая еще Манька? Это Царевна-лебедь, что ли?

– Она самая. Головастая бабёнка. И сама из себя тоже ничего. Ей бы мужа хорошего сыскать.

– Сыщется. Если не сыскался уже.

– Ты это о чем, Сергей? — подозрительно спросил Спиридон и дважды приложился к стакану. После чего тот опустел.

– Так ты не слышал? — я подлил Спиридону новую порцию. — Остров Буян знаешь?

– Конечно, как не знать!

– Так вот, неподалеку от Буяна ещё другой остров на море лежит и град на острове стоит. Как положено — со златоглавыми церквами и всё такое прочее. А правит там князь Гвидон. Вот как раз за него-то ваша Манька и собирается замуж, если уже не выскочила.

– Вот стерва! А нам ни слова.

Столпившиеся вокруг нас витязи возмущенно загалдели. В избытке чувств, смахнув со стола один из бочонков. По звуку удара о песок — уже пустой.

– Вот как раз по этому острову вы и должны бы ходить дозором, охранять Гвидона с Марьей, а оказались почему-то здесь. Наверное, происки недобитого злого чародея.

Между тем витязи, поначалу опешив от такой новости, решили взяться за второй бочонок, а Спиридон уже сам долил свой стакан и хватил сразу половину.

– Так нам же нужно туда! — сообразил он и прикончил содержимое стакана. — И поскорее. Как зовется-то гвидониев остров? Мы его враз достигнем!

– В том-то и дело, что остров безымянный.

– Ага, прячутся!

– Да нет, просто остров новый и его еще не успели обозвать. Но тебе-то это не помешает найти его. Раз ты знаешь, где Буян. Надо просто пошуровать в окрестностях Буяна, и только.

– И пошуруем! Нам да не пошуровать! Пошуровать мы завсегда сможем!

Произнося со смаком "пошуровать", Спиридон налил себе еще стакашок. Видно "пошуровать" у старика одно из самых любимых выражений, связанных с какими-то очень приятными воспоминаниями.

И тут у меня мелькнула мысль, что может произойти крайне неприятная накладка. Раз Маньки с ними нет, то она в другом месте. А раз не связывается со своими братьями, то может просто не подозревать об их существовании, если эта группа витязей — клоны. Рядом с ней братья есть, а передо мной — их копия, сделанная Домом. Если эти дубли появятся около Маньки и столкнутся с оригиналами, то черт знает что может произойти. Их ни в коем случае нельзя пускать на гвидониев остров прямо так сразу. Потом, когда станет ясно, есть ли еще и другая группа братьев или нет, то пусть сами и поступают по обстоятельствам.

– Знаешь что, Спиридон, я вот что подумал. Сразу видно, что ты очень достойный мужик и твои младшие братья тоже. Вот так и будете всю жизнь на побегушках, охранять чужие владения?

– Обидеть хочешь? Хотя твоя правда. Чужое охраняем, а своего не имеем.

– Я вот что подумал. Остров Буян ведь свободный. Ничего не мешает вам занять его как вотчину. Сядешь там князем.

– Князем, говоришь? — Спиридон приосанился, расправил усы.

– Город поставите. Народ поселится. Мужики там, бабы…

– Бабы это хорошо, — сверкнув глазами заметил потенциальный князь. — Для города я имею в виду.

Из задних рядов витязей послышался чей-то не очень трезвый голосок:

– Про баб что там грят? Подробней, пжалста, и громче.

– Смущаешь ты нас, Серега, смущаешь, — покачал головой старый дядька.

– Так и Манька у вас будет рядом, неподалеку. Если что, то быстро ей поможете чем или совета спросите.

Спиридон встал во весь рост. Окинул взглядом дружину.

– Что скажете, братья?

– На Буян, на Буян…

– Ладно, так тому и быть. На Буян так на Буян. Наливайте разгонную на дорожку.

Разлили. Получилось остатков по полстакана на брата. Молча выпили. Спиридон приложил руку к груди и поклонился.

– Спасибо тебе, Сергей, за помощь и ласку. Окажешься в наших краях, то загляни на Буян. Дорогим гостем будешь, — и, обращаясь уже к своим, проорал:

– Пошли!

И нетвердой походкой направился к воде. Остальные, не соблюдая строя, двинулись за ним. Двоих тащили за подмышки, волоча ногами по песку. Через минуту уже почти ничто не напоминало о визите сюда грозной дружины. Только забытые шлем и два щита валялись на песке.

*

Крикнул мальчика-возчика и велел ему погрузить пустые бочонки в тележку и подождать меня. Жозеф призывно помахал рукой. Я подошел. Жозеф внимательно и понимающе, как лекарь, присмотрелся ко мне.

– Жанна, — констатировал он. Ничего, уже почти всё прошло.

Я промолчал. Уже вместе мы присоединились к синьору Герцу.

– Думаете они больше не вернутся? — спросил Жозеф.

– Не должны. Они просто заблудились, а я подсказал, где они на самом деле должны быть.

– И для этого нужно было напоить их допьяна? — вступил в разговор Герц.

– Синьор Герц, вы, наверное, мало что понимаете в национальных особенностях некоторых народов. Эти люди — русские витязи. А у русских выпитое совместно вино является признаком доверия и уважения друг к другу. Чем больше выпито — тем больше доверия и уважения.

– Интересно, вы-то сами выпили с ними всего каплю и доверия к вам должно бы быть не больше капли.

– У вас математический склад ума, синьор Герц. А общность людей арифметикой не описать. В данном случае, если я из бочки вина выпью чайную ложку, а мой собеседник — всё остальное, то всё равно вместе мы выпили бочку вина. Понимаете?

– Начинаю понимать. Ну, что ж, будем надеяться на лучшее.

– Как вы думаете, синьор Герц, если надежды оправдаются, то я отработал кошелек принцессы?

– Э-э-э, пожалуй, да. Извините, синьоры, мне пора, — и он ткнул тростью в спину кучера. — Поехали!

Мы с Жозефом пошли вверх по улице, а тележка с бочонками покатила за нами.

– Что это за история с кошельком принцессы? Или это тоже секрет?

– Принцесса заплатила мне за увлекательную книгу, а Герц считает, что цена была слишком высока.

– Герц хороший человек, но очень прижимистый. Должность обязывает. В бытность свою кузнецом он был совершенно другим. Знаете, Серж, очень жаль, что вы уезжаете. С вами интересно.

– Спасибо. Мне с вами тоже очень интересно.

Мы пожали друг другу руки, я опять взгромоздился на бочонки и лошадь затрусила к "Морскому дракону".

Свернуть и связать веревочкой мой новый костюм не составило труда. Спустившись вниз, я выпросил у Колина бутылочку его непревзойденного вина. Мгновенно получил темный, пузатенький сосуд с залитой воском пробкой. Крикнул Жанне "до свидания", попрощался с Колином и отправился в свой новоприобретенный дом.

Уже перевалило за три, и особо рассиживаться тут нельзя, если я хочу попасть домой до возвращения мамы и бабушки. Дворик, скамеечка, цветы… Не хочется уходить. Да, а что делать с новым костюмом? Все питерские франты, конечно же, сдохнут от зависти. А как объяснить маме его появление? А можно ли будет его вообще протащить через Дом? Не корысть ли тут мной движет? Не хотелось бы потерять репутацию, а с ней и возможность путешествовать в мечты. Оставлю здесь для переодевания. А вот бутылочку-то заберу с собой. Какая тут корысть!

Поднимаюсь в спальню и вешаю костюмчик в шкаф. Спускаюсь обратно во дворик. Проверяю, все ли ключи в кармане. Прижимаю к себе бутылочку. Дом, Дом, где ты, Дом…

*

ГЛАВА 3

НОВЕЛЛА О СУМАСБРОДНОМ ИЗОБРЕТАТЕЛЕ

ГЛАВА 3: Новелла о сумасбродном изобретателе

Улицу разрыли так, что даже в сумерках, а не только в темноте здесь лучше не появляться. Можно шею свернуть. На дверях парадной объявление, что в связи с прокладкой трубопровода в Доме будет отключена вода такого-то числа со стольки до стольки. Плевать. Пусть отключают. Мы запаслись. Копают днем и ночью, в будни и выходные. Пятничный день уже к вечеру, а работы не прерываются.

Негромко наигрывает магнитофон. Стою у окна и смотрю, как маленький экскаватор уродует и наш двор тоже. Это называется комплексным ремонтом сетей. На улице меняют трубопроводы, а во дворе — трубы. Вот так! Понимаете разницу между трубопроводом и трубой. Нет? Так вот, трубопровод — это труба, по которой что-то течет. А труба — это трубопровод, по которому ничто не течет. У нас в Доме происходят постоянные превращения трубопровода в трубу и обратно.

Черт, какая только дурь не лезет в голову! Хочу в Верн. Уже третий месяц пошел, как я вернулся оттуда. Да вот ничего не получается. Незаметно могу исчезнуть только ночью на несколько часов. А что в Верне делать ночью, когда все спят? Жителей пугать? Александр объяснил, что исчезать и появляться можно только находясь в Доме. Вне Дома какая-то связь с ним на каком-то расстоянии чувствуется, но возможность перемещаться в другой мир пропадает. Жаль...

Похоже на эффект экрана или решетки. Словно сам Дом является объемом, заключенным в какую-то сетку. И внутри нее может что-то происходить, а снаружи — нет. Но ведь экран, сетка, решетка должны быть металлическими, а Дом-то из кирпича. Так что и чего-нибудь вроде арматурной сетки, характерной для панельных домов в стенах, быть не может. Странно всё как-то, и

ухватиться не за что, чтобы уловить происхождение явления.

Внизу, в яме у экскаватора раздался оглушительный треск, сопровождаемый ослепительной вспышкой. Погас свет и замолк магнитофон. Приехали! Перерубили электрический кабель. Тракторист-то хоть как? Вроде живой. Как слепой вылезает из кабины и тут же садится на землю. Повезло. Испугом мог бы и не отделаться. Рабочие столпились около тракториста. Что-то орет прораб.

Кабель — это не перегоревшие пробки. Надолго окажемся без света.

Со свечой в руке в комнату заглядывает мама.

– Сережа, не посмотришь, что со светом?

– Во дворе электрический кабель повредили. Это надолго.

– Значит, сегодня света не будет?

– Боюсь, что и завтра тоже.

– Вот же напасть какая! Ни почитать, ни телевизор посмотреть. Мы тогда с бабушкой поедем к Татьяне. Там и заночуем. Ты позвони, когда свет дадут. Ладно?

– Ладно. Я тогда тоже куда-нибудь удеру до завтра.

Татьяна — это старшая, замужняя сестра. Ме́ста для гостей у них достаточно. С мужем детьми еще не обзавелись. Удачно как-то подоспела эта авария! Слетаю в Верн прямо сегодня. Вечер — не ночь.

Наблюдаю из маминой комнаты, как мои старушки перебираются через рытвины на другую сторону улицы и возвращаюсь к себе. Напяливаю джинсу. Ощупываю в кармане ключи от своего сказочного владения. В "Морском драконе" вечернее оживление, наверное, еще только в самом начале. Сажусь в кресло, закрываю глаза и вызываю в воспоминаниях маленький, зеленый дворик с мраморным амурчиком посередине. Что-то не то и не так. Ощущение легкости, полета какое-то очень слабое и не законченное. Открываю глаза — я дома.

Пробую еще раз. Вообще ничего! Я похолодел. Неужели кончилось? Насовсем? Только без паники!. Может, это временное явление?

Слышу, как в маминой комнате звонит телефон. Бегу.

– Да.

– Сергей, — басит Капитан, — скучно во тьме одному. Если ты не занят, приходи посидеть. И Александр сейчас придет.

Капитан пару дней как вернулся из голубых далей, и вчера я у него вечером уже был. Ну, и что с того? Ситуация изменилась, а посидеть у него я всегда с удовольствием хоть каждый день, если не занят. Иду к входной двери и, взявшись за ручку, вспоминаю, что ключи от двери в других брюках. Возвращаюсь к себе, беру ключи и на момент задумываюсь. Ай, чего там! Открываю шкаф и достаю заветную бутылочку.

Выскочив из своей квартиры, обнаруживаю у капитановой двери Александра с фонариком, нажимающего кнопку звонка.

– Да, сразу видно гуманитария, не подозревающего, что звонки тоже работают на электричестве.

– Вот черт, это просто машинально. Рефлекс.

Стучу ногой в дверь. Открывает сам Капитан.

– Заползайте.

Заползаем в дверь и при свете фонаря ползем дальше до комнаты. На столе канделябр о трех горящих свечах. Красиво. Таинственно. Интимно. Садимся вокруг стола. Ставлю бутылочку.

– Капитан, что вы об этом думаете? — Капитан осторожно берет сосуд в руки. Осматривает дно, горлышко.

– Оттуда?

– Оттуда.

– Я думаю, что нужно открыть. А, Александр?

– Я того же мнения.

– Владельца не спрашиваем. Он затем ее сюда и притащил.

Капитан достает из серванта бокалы и штопор. С многолетней сноровкой ввинчивает инструмент в пробку и с хлопком ее выдергивает. Подносит горлышко к носу и с удивлением смотрит на меня.

– Ага, оно самое, — отвечаю я на немой вопрос.

– Что это, что это, что это? – засуетился Александр

Капитан еще раз поднес горлышко к носу, глубоко втянул воздух и произнес:

– Есть предложение закупорить эту бутылку, не тратя содержимого, и использовать сей сосуд в дальнейшем только для услаждения обоняния. Кто против? Трое. Разливаем.

И опытной рукой наливает всем точно поровну пальца на два. Александр сразу сует свой нос в бокал и на некоторое время застывает в такой позе. С неохотой вынув нос из бокала, Александр заявляет:

– Не предполагал, что такие ароматы существуют в природе. По крайней мере, у нас в школе их нет.

Капитан усмехается, но и сам не приступает к дегустации, водя бокалом вокруг носа. Подаю пример, наклоняя прислоненный к губам бокал так, чтобы жидкость слегка коснулась языка. Остальные делают то же самое. Долго молчим, время от времени манипулируя бокалами.

– Сказочное вино, — наконец в состоянии выговорить Александр.

– Я думаю, ты не далек от истины, — поддерживает Капитан, с подозрением поглядывая на меня, — можешь еще добыть?

– Не знаю. Сегодня почему-то мне не удалось туда войти. Хотел спросить: у вас не бывало ли такого раньше?

– Не припоминаю, — произнес Александр. — Но это и меня беспокоит. Мне тоже сегодня не удалось уйти никуда.

– Вы оба меня пугаете, честно говоря, — Капитан весь как-то подобрался. — Когда вы пытались?

– Ну, я буквально перед вашим звонком.

– И я тоже.

– Может быть, вы оба пытались одновременно и Дом этого не осилил, — высказал предположение Капитан. — Хотя это не логично. Если Дом допускает наличие одновременно существующих нескольких избранных им, то и совпадение попыток перемещения не должно быть для него сюрпризом и бременем.

– Логика логикой, — заметил Александр, — но налицо и факт, что всё безукоризненно работало десятки лет и вдруг прекратилось без всякого видимого или ощущаемого катаклизма. Тоже ведь странно. Ни землетрясений, ни извержений, ни бомбежек даже поодаль не было. А улицу копают уже месяц, и всё до сих пор было ничего.

У меня в голове промелькнул вопрос: "А какое, собственно, событие и для кого или чего можно считать катаклизмом?"

Затрезвонил телефон, и Капитан схватил трубку.

– Слушаю. Здравствуйте, Анна Петровна… Да, знаю... Не знаю… И они здесь у меня с тем же вопросом… Конечно… Ждем, — и обращаясь к нам: — Сейчас придет. У нее то же самое, что и у вас.

Капитан взял фонарик и вышел в коридор. Хлопнула входная дверь. Осторожные шаги.

– Здравствуйте, Сережа. Здравствуйте, Александр.

– Здравствуйте, Анна Петровна.

Капитан пододвинул гостье стул и достал из серванта еще один бокал.

– Нет-нет, я не буду.

– Это не для питья, Анна Петровна, а для наслаждения. Непременно нужно попробовать.

– Ну, мои наслаждения далеко все в прошлом.

– Вы напрасно так думаете.

Анна Петровна осторожно взяла бокал, поднесла к лицу и, как заправский дегустатор, повела им по кругу перед носом и замерла, удивленно взглянув на Капитана. Затем повторила манипуляцию, глубоко вдохнув аромат. Поднесла бокал к губам. Сделала глоточек. Мы не шевелимся, давая ей время спокойно прийти в себя.

– Откуда это чудо, Капитан?

– Сергей откуда-то притащил.

– Королевский напиток. Сережа, вы ограбили дворцовые погреба?

– Нет, презентовал один кабатчик.

– Можно представить, что за сказочные места вы посещаете, если такое там подают даже в кабаках. Жалко было бы утратить такой источник. Не правда ли?

– Истинная правда.

– Вот и меня очень беспокоит сегодняшний сюрприз. А также удручает, что ничего мы и сделать-то не можем. Поскольку не знаем ни что произошло, ни с чем произошло.

– Ну, с чем произошло, мы можем предполагать. С Домом, — произнес Александр.

– Не факт, — возразил я, — У меня возникла одна гипотеза после того, как ты заговорил об отсутствующих катаклизмах, которые могли бы вызвать утрату наших необыкновенных возможностей.

– Ну-ка, ну-ка, Сережа, что вам пришло в голову?

– Понимаете, Анна Петровна, единственное заметное событие, которое произошло поблизости непосредственно перед тем, как мы с Александром попытались недавно переместиться, — это повреждение электрического кабеля у нас во дворе.

– И что? Какое это имеет отношение к Дому?

– Никакого, если источник нашего беспокойства именно Дом.

– Что вы имеете в виду?

– Очень простую вещь. Связь, в общем-то, на поверхности, если отказаться от стереотипа восприятия Дома как источника каких-то эффектов. Отключилось электричество —- исчезли эффекты. Тут уже просто логика подсказывает, что между электричеством и эффектами должна быть машина, преобразующая электричество в эффекты. Отключили энергию и остановилась машина.

Дом совершенно не при чем. Это просто от неизвестности происхождения эффектов и того, что они происходят только в Доме, мы наделяем Дом свойствами, которыми он на самом деле не обладает. В действительности же, я полагаю, что в Доме или под Домом существует гениально сконструированная и качественно сделанная, почти автономная некоторого рода электрическая машина, которую никто не видел и о которой никто ничего не знает. Починят кабель — и машина заработает опять.

За столом воцарилось молчание. Каждый старался переварить услышанное. Первым пришел в себя Александр.

– Да-а-а, трудновато поверить в такую машину.

– А в то, что кирпичная кладка может материализовать воображение, тебе поверить легче? — спросил Капитан.

– Аргумент убойный, — согласился Александр, — хотелось бы взглянуть на эту машину.

– Искать надо. Только осторожно, чтобы никто не заметил.

– А надо ли? — опасливо спросила Анна Петровна. — Если машина есть и после ремонта кабеля включится, то зачем ее искать?

– Интересно же, Анна Петровна, — вкрадчиво осведомил ее Капитан. — А вам не интересно взглянуть бы на такое чудо?

Анна Петровна задумалась на несколько секунд.

– Пожалуй, тоже было бы интересно. Но меня беспокоит, как бы не повредил наш интерес чему-либо. А вы, Сережа, почему молчите?

– А ему нечего сказать. Он же технарь, и в таком вопросе у него позиция может быть только одна — увидеть и изучить.

– Фигушки, мне есть, что сказать. Во-первых, правильно заметили, что тут нужно действовать с осторожностью, не светиться кучей на людях при поисках. Чтобы никому не пришло в голову за нами следить. Или придумать подходящую легенду.

Во-вторых, опрометчиво бросаться в практические поиски, не разузнав, что возможно, из истории дома и его владельцев. Я думаю, наиболее интересен период между тысяча девятисотым годом и Октябрьской революцией. После этого ничто в доме уже не могло происходить, кроме смены жильцов. А до этого технический уровень вряд ли тот, который нужен.

В-третьих, нужно осведомить обо всём Ахмеда. Его помощь может оказаться очень важной. Он не привлекает внимания и всё знает о состоянии Дома.

В-четвертых, ничего нельзя начинать, пока во дворе не кончатся работы. Слишком много людей, сующихся в каждую щель. Кроме того, посмотрим, восстановится ли всё после ремонта кабеля. Гипотеза есть гипотеза.

– Пожалуй, весьма разумно, несмотря на вашу молодость, Сережа, — заметила Анна Петровна. — Я со своей стороны разузнаю всё, что возможно, о последних

владельцах особняка и поговорю с Ахмедом. Только, Бога ради, осторожнее. Сами понимаете, на какой риск решаемся всего лишь ради любопытства. Мне страшновато.

– Пожалуй, лучше Сергея никто не проведет это дело, — размышляет вслух Капитан, — и склад ума рациональный, технический, и осторожности не занимать. Пусть будет главарем, а мы поддержкой. Никто не против? Вот и хорошо.

Анна Петровна поднялась, собираясь уходить, но я останавливаю ее.

– Анна Петровна, а вы не можете ничего рассказать о двух внезапно пропавших жильцах?

Она опускается обратно на стул.

– Вряд ли. То, что они были избранными, — мое предположение по разным случайным наблюдениям, косвенным признакам. Исчезли одинаково с промежутком примерно в год. Просто их видели возвратившимися домой, а когда заинтересовались долгим отсутствием, то дома не обнаружили. Мужчина был отставным военным, и его спохватились на службе довольно быстро. Девушка — студентка Института культуры — исчезла во время летних каникул. Так что до осени об этом никто и не подозревал. Вещи все были на месте, кроме тех, что они носили на себе. Документы тоже дома. Стало быть, не уехали.

– Нашли более счастливый для себя мир, — прокомментировал Капитан. — Хотя может быть и другое — погибли там.

Анна Петровна ушла, а мы втроем еще долго сидели и болтали о всякой всячине.

К вечеру воскресенья свет всё-таки дали. Позвонил сестре и оповестил об этом. Мама сказала, что они уж на ночь глядя домой не поедут. Лучше завтра утром.

Ладно, опять облачился в джинсу, похлопал себя по карманам. Сел в кресло. Закрыл глаза. Дворик, скамейка, амур…

Второе, предосеннее цветение жасмина. В воздухе ни ветерка. Во дворике аромат просто обалденный. Сумерки. Тишина. Значит, моя гипотеза подтвердилась. Машина существует! Ну и Бог с ней! Она не здесь. Разваливаюсь на скамейке. Благодать! Небо уходит в какую-то бездну вверх. Звёзды еще не очень четко видны.

Вроде хлопнула наружная дверь. Тень мелькнула в кухонном окне. Открылась дверь во двор.

– Серж, это вы здесь?

– Я, Жанна. Ненадолго. Скоро уйду.

– В доме ничего нет. Может, сходить в таверну, принести что-нибудь на ужин?

А ведь это отличная идея. Поднимаюсь в спальню. Открываю шкатулку. Женское любопытство неистребимо. Монетки, высыпанные мною поверх бумаг, теперь под бумагами. Спускаюсь вниз. Даю Жанне серебряную монету.

– А ты будешь есть?

– Если только чуть-чуть.

– Ладно, принеси жареную курицу, кувшин пива и бутылочку вина. Колин знает, какого.

Не прошло и десяти минут, как мы сидим внизу за столом, уплетаем горячую курицу и запиваем пивом. Видно, Жанна свистнула курицу, предназначенную для клиента. Тот долго еще будет ждать своего заказа!

Спрашиваю Жанну:

– Ты случаем не слышала, выходят ли сейчас в порту из моря рыцари?

– Нет. После вашего отъезда их никто больше не видел.

Отлично. Значит, кошелек принцессы я отработал. Допиваю пиво, и Жанна понесла посуду на кухню.

– Жанна, сегодня убирать не надо. Лучше завтра, и запри за собой дверь.

Опять сижу на скамейке и смотрю вверх. Бездонное небо вот-вот упадет прямо на меня. Вместе со звездами. Надо спасаться. Прижимаю к себе бутылочку. Дом, Дом, где ты, Дом…

*

Работы во дворе закончились, и даже всё заасфальтировали. С чего начать, не представляю. С Ахмедом еще не говорил. Хотя Анна Петровна и сказала как-то при случайной встрече, что можно. А так всё как обычно:

– Здравствуй, Ахмед.

– Здравствуй, милок, как мама, бабушка?

– Спасибо, всё в порядке.

И больше ничего. Капитан сидит дома. Это у него называется отпуском. А может, не сидит? Он не связан работой в школе, как Александр и присутствием родственников, как я. И правильно делает, если не сидит.

Заглядывает мама.

– Сережа, к телефону. Анна Петровна.

– Здравствуйте, Анна Петровна.

– Сережа, Александр и Ахмед уже у меня. Капитан сейчас подойдет. Составите нам компанию?

– Непременно.

Вот так случай! Мы все сразу — гости у Анны Петровны. Не произошло ли чего? Быстренько собираюсь. Взять или не взять? Возьму! Дверь, лестница, опять дверь, но ниже этажом. Нажимаю кнопку звонка. Открывает хозяйка.

– Проходите, Сережа. И Капитан уже пришел.

Все сидят за столом в комнате с камином. Капитан и Александр немного скованы неожиданным приглашением сюда. Сейчас разрядим обстановку. Ставлю в центр стола бутылочку.

– Пожалста!

– Сережа, вот это уж, наверное, лишнее. Хотя честно призна́юсь, что в прошлый раз я получила несравненное удовольствие от этого нектара.

– Анна Петровна, прошу вас, не оскорбляйте словом "нектар" это чудо, неописуемое словами.

– Ладно, ладно, сейчас принесу бокалы. Капитан, штопор где-то на кухне. Найдете кухню?

– Попытаюсь, — и исчез в коридоре.

Итак, кухня найдена, штопор обнаружен, бутылка откупорена, вино налито, Ахмед поражен, священнодействие прошло благополучно, беседа начата.

– Я, конечно, — начала Анна Петровна, — бывшим владельцам этого особняка как родственница — седьмая вода на киселе. Последним владельцем Дома был Генрих Швейцер, а предпоследним — его старший брат Адам Швейцер. По отдаленности родства никакие фамильные документы Швейцеров переходить к моей линии никак не могли. Так что все добытые сведения — это просто те или иные свидетельства с чужих слов. Но картина из них складывается весьма любопытная.

Баронство Швейцеры получили в России где-то во времена Екатерины Второй. Тогда же и зародилось их богатство, которое к концу девятнадцатого века достигло внушительных размеров. Правда, распределилось оно по-разному. Основная часть отошла к Адаму Швейцеру, жившему в России. Он построил этот особняк и вел светскую жизнь прожигателя. Правда, денег было больше, чем он мог пустить на ветер.

Но и Генрих Швейцер не бедствовал. Еще в юности у него обнаружились большие способности к наукам, и его отправили на учебу в Германию. Там он и остался почти на всю жизнь. Его интересы и таланты распространялись на теоретическую физику и химию, практическую электротехнику и механику, хирургию и психологию, минералогию и биологию и Бог знает на что еще. Он был

профессором Гейдельбергского университета и прослыл там как сумасброд. Был оттуда изгнан за опасные и ненаучные опыты по передаче энергии без проводов.

Примерно в это время умирает Адам Швейцер, и всё состояние семьи оказывается в руках Генриха. В 1903 году он переезжает в Россию и поселяется в этом особняке. До 1907 года о нем ничего не слышно, кроме того, что он всё время проводит в своем кабинете или библиотеке. Есть непроверяемые слухи, что он переписывался с Николой Теслой. Но в 1907 году затевается реконструкция особняка. В дом проводится электричество. Дырявятся стены, и устанавливается паровое отопление с кочегаркой в подвале. Некоторые помещения первого этажа перестраиваются и становятся похожими то ли на лаборатории, то ли на мастерские.

Генрих носится по Петербургу и размещает где только возможно заказы на всякие непонятные, диковинные приборы, детали, агрегаты. Никаких денег не жалеет. Всё это свозится в особняк. К 1912 году видимая активность Генриха стихает, а особняк напоминает неприступную крепость. Никто в него не допускается, а прислуга, не знающая русского языка, выписывается из Германии. И опять — лишь невнятные слухи о якобы исчезающих и появляющихся предметах и животных.

Осенью 1917 года Генрих уничтожает оборудование своих мастерских-лабораторий. Изломанный до неузнаваемости хлам вывозят возами. Прислуга отправляется в Германию. Есть сведения о получении Генрихом документов для выезда в Ревель, но там он так и не появился. Так что возможна инсценировка намерения уехать. Капиталы были переведены в немецкие банки, но так и не были востребованы. О смерти такой довольно видной фигуры ничего не известно. В этот момент Генриху было шестьдесят шесть лет.

И еще одна странность. Когда комиссары взламывали двери особняка, то они оказались запертыми изнутри, но в здании никого не обнаружили. Вот, в общем, и всё, что удалось узнать.

– И это совсем не мало, — оценил Капитан, — теперь мы, во всяком случае, точно знаем, что в Доме велись научно-технические работы. Видимое уничтожено, а тайное сокрыто. Будем исходить из этого. Сергей, а ты чего скажешь?

– Скажу, что я шляпа.

– Смотри, самокритика до добра не доведет.

– Я как-то задумывался над тем, что говорил мне Александр о том, что за пределы дома возможность перемещения не распространяется.

– Ну, и что?

– Это возможно, если чем-то экранировать внутренний объем дома от внешнего мира. Экран может быть сплошной или в виде сетки, решетки, но обязательно металлический. Причем этот экран можно использовать как внешнюю границу, так и для генерации внутри него каких-либо ситуаций, событий при помощи наведения полей. Генрих Швейцер сделал в Доме как бы невидимый экран. При этом сетка экрана перед глазами. Он опутал сверху донизу изнутри фасадную и дворовую стены здания трубами и радиаторами парового отопления и использовал эту сеть не только для обогрева. Кому придет в голову, что трубы подключены не только к котлу, но и к какой-то, упрощенно говоря, электрической машине для совсем других целей.

– Трубы-то ведь меняли, — заметил Ахмед.

– Кронштейны-то креплений труб наверняка старые остались. Вот через них и контакт.

– Допустим, но и что из этого следует? — спросил Капитан.

– Следует, что любой физик меня засмеет. Чтобы при таких условиях создать между отопительными трубами на противоположных стенах сколько-нибудь заметное поле, нужна огромная энергия. А ее наличия здесь не наблюдается. Правда, это по современным представлениям. Мы не знаем, что́ использовал Генрих, зачем и как. Например, некоторые опыты Теслы столетней давности современная наука не может воспроизвести до сих пор. Тесла многие секреты унес в могилу. Генрих тоже что-то куда-то унес.

– Сережа, — напомнила о себе Анна Петровна, — так чем-то всё это поможет всё-таки или нет?

– Еще как поможет! Я думаю, что при таком раскладе поиски нужно вести где-то в районе бывшей кочегарки. В подвале, под землей или на первом этаже. Обосновать не берусь. Просто интуиция. Вряд ли Генрих стал бы прятать машину там, где ее легко обнаружить, а доступ и коммуникации к ней затруднены и заметны. То есть не стал бы прятать ее высоко над землей.

*

На следующий день я приступил к изысканиям. Наш подвал требует тщательного изучения. Еще по мальчишеским нашествиям в него помню высокие кирпичные своды, клетушки для дров с намалеванными надписями номеров квартир и всякий интересный хлам, хранившийся в этих клетушках. Уже в то время дров никаких не было, а сейчас не должно быть и клетушек. Вроде бы их ломали по требованию пожарных.

Дровяной период в Доме — это переход от капитализма к развитому социализму. Когда вышла из строя отопительная система, построенная последним дореволюционным владельцем Дома, то ремонтировать ее не стали, а запустили имеющиеся печи. Потом, лет через тридцать, провели центральное отопление и в целях экономии затрат труда провели все трубы по местам

прокладки предшествовавшей системы. Хотя старая система и имела местами довольно странную конфигурацию. Зато метровые стены долбить не понадобилось.

Пора задействовать Ахмеда. Вешаю на плечо сумку с некоторыми причиндалами искателя кладов и выхожу на улицу. Да вот и он. Расковыривает палкой от метлы щели забитого листьями дождевого люка.

– Здравствуй, Ахмед.

– Здравствуй, милок, как мама, бабушка?

– Спасибо, всё в порядке. Ахмед, как бы нам с тобой посмотреть подвал?

– Как посмотреть? Очень просто! Отпереть, зайти и смотри сколько хочешь. Пошли.

И в самом деле — всё оказалось очень просто. Завернули во двор, спустились на несколько ступенек. Ахмед отпер сильно подгнившую снизу, скрипучую дверь, повернул выключатель и шагнул вперед. Я за ним. И действительно — клетушек для дров уже нет. Ряд тусклых лампочек под потолком, который я при своем среднем росте с трудом достаю рукой. Не фонтан, конечно, освещение, но пойдет. Для рассматривания мелочей есть фонарик. Хороший подвал в секционном фундаменте. Сухой, несмотря на идущие по нему трубы отопления и воды. Пол чисто выметен Ахмедом. Почти идеальное помещение под склад чего-нибудь. В ЖЭКе как раз это и сообразили. В ближайших к двери секциях мешки, ящики, доски, какие-то железки, но завалов, мешающих осмотру, нет.

– Что будем искать? — спрашивает Ахмед.

– Сам не знаю, Ахмед. Что-нибудь странное, не характерное для простого подвала. Впадины, выступы, щели, нарушение кладки стен. В общем, что-то выделяющееся хоть чуть-чуть.

Сначала обходим подвал из конца в конец. В одном конце стена, а в другом — обложенный кирпичом отопи-

тельный котел с двумя топками и литой табличкой производителя на немецком языке. Справа от него — выложенный с трех сторон и по полу толстыми стальными листами, похожий на совок бункер для угля. Сбоку под потолком — наглухо забитое загрузочное окошко. Слева над котлом — начисто сгнившая вентиляционная труба. Ничего примечательного.

– Ахмед, пойдем обратно. Ты по той стене, а я по этой. Осматривать всё от пола до потолка.

Встретились в тупике часа через полтора. Пусто.

– Пойдем обратно. Кроме котельной, осматривать больше нечего.

Вернулись к котлу. Рядом в потолок уходят трубы центрального отопления. Вокруг них разлом. Видно, выдирали старые трубы. Осматриваю котел снаружи, заглядываю в топки — и самому становится смешно. В подвале нет и намека на что-то нужное. Напоследок потоптался в совке угольного бункера. Попинал железо — звук глухой, как и должен быть.

– Ахмед, интересно, а почему это железо не сдали в металлолом?

– Пытались. Не оторвать ни от стены, ни от пола. Со стороны котла и не пробовали. Побоялись, что завалится вся стенка котла. Наверное, листы с выступами, вмурованными в стены и пол.

И действительно — край стенного листа слегка погнут, а в кирпиче стены щербина. Следы лома. На полу то же самое.

– Так рабочие и ушли почти ни с чем, — продолжает Ахмед, — только верхний, откидывающийся лист и крюк для него со стены сорвали и унесли.

– Что за лист и крюк? Откуда?

– Да вон там висел крюк, — показывает Ахмед на стену над дальним концом бункера, — а короткий лист был на петлях наверху бункера. Его можно было отки-

нуть стоймя и зацепить крюком, чтобы не мешал засыпать в бункер уголь.

Метрах в двух от пола действительно видны два отверстия от вырванной скобы, а на стенках бункера — след оторванных петель. Непонятно, для чего была нужна эта откидная крышка. Она только мешает. Больше для очистки совести, чем интереса прошу Ахмеда описать этот крюк. Он старательно выцарапывает на полу форму крюка и скобы. Это уже любопытно.

– А как он висел?

– Вот так.

Еще интереснее. Мелькает шальная мысль, что эта ненужная крышка требовалась лишь для маскировки действительного назначения крюка. Достаю рулетку и меряю длину листа на полу и высоту до дырок вырванной скобы. Совпадает. Опускаюсь на колени и обследую стыки боковых и нижнего листов. Стыков нет. Есть узкие зазоры, по всей длине забитые угольной пылью. Выпрямляюсь и начинаю соображать. Пожалуй, нам с Ахмедом вдвоем быстро не справиться. Нужна подмога.

– Ахмед, сделай, пожалуйста, доброе дело. Позови Капитана и Александра. Да, и Анну Петровну. Предупреди ее, что может оказаться грязно. Всем скажи, чтобы постарались пройти незаметно. Сумерки помогут.

Ахмед мгновенно испарился. Минуты через три в подвал ввалился Капитан. В выходном кителе и с огромным фонарем. Чуть погодя — Александр с Ахмедом. Анна Петровна подзадержалась. Зато пришла одетая непрезентабельно, как домохозяйка. Я объяснил первую задачу.

– Первым делом запереть дверь.

Имеющиеся в соседней секции до́ски чуть коротковаты. Не хватает между дверью и противоположной стеной. Подложили один из ящиков. Заклинили дверь. Подошли к котельной. Я объяснил вторую задачу.

– Осматриваем и ощупываем каждый сантиметр стен. Ищем, как в приключенческом фильме о поиске сокровищ, какую-нибудь штуковину, которую можно повернуть, нажать, потянуть рукой или пнуть ногой. Она обязательно должна быть. Александр идет ко входу по левой стене, Капитан по правой. Мы с Ахмедом осматриваем котел и стены у котла. Для Анны Петровны работы пока нет. Будем считать, что она стоит на стрёме. Все, начали!

Какие же они грязные, эти внешне чистые кирпичи! Мы с Ахмедом заканчиваем довольно быстро. Пусто. Вдруг я ошибаюсь и все признаки какого-то тайника — просто совпадение, ничего не значащее. Ведь чтобы попасть в тайник, нужно разгрузить бункер от угля. То есть доступ к нему слишком сложный, долгий и оставляет следы.

– У меня вроде что-то есть, — доносится голос Александра из-за второй от котельной секции стенки .

Это "что-то" — чуть шевелящийся кирпич на уровне плеча и на расстоянии двух кирпичей от угла. При легком нажатии он немного поддается и возвращается назад, точно сливаясь со швами между кирпичей. Не мудрено, что мы с Ахмедом ничего не заметили, просто осматривая стены. Надо же — меньше часа прошло и нашли-таки! Выглядываю за угол.

– Анна Петровна, отойдите, пожалуйста, от железки, — и сильно нажимаю на кирпич.

Глухой металлический щелчок — и передний край листа на полу приподнимается сантиметров на пять-шесть. Кирпич на место не возвращается.

– Ахмед, наступи на лист ногой.

Опять глухой щелчок — и кирпич встает на место. Лист прижат к полу. Всё прекрасно работает. Нажимаю еще раз на кирпич, и все подходим к бункеру.

– Капитан, а ваш кителечек-то выходной что-то на робу штукатура стал похож, — гаденько хихикает Александр.

– С вами поведешься, то и не в такое вляпаешься, — благодушно реагирует Капитан, — зато теперь мне не страшно и эту крышку поднять.

Капитан с натугой поднимает край листа, ставя его почти вертикально. Оказывается, что лист поворачивается на петлях, скрытых под ним. Под листом большой, продолговатый люк, заложенный досками вровень с полом.

– А я ведь не смогу долго эту тяжесть держать. Надо подпереть чем-нибудь.

Быстренько разбираем доски люка и парой из них подпираем железный лист. На всякий случай бросаю и доску поперек люка. Теперь если лист и упадет, то не захлопнется на запоры.

– Вон там, на стене раньше был крюк, которым цепляли край листа, чтобы он держался открытым, — объясняю я. — Современные искатели металлолома его сперли.

Вниз ведут ступени с поручнями. Капитан посветил своим фонарем.

– Метра четыре глубина. Пошли?

– Сейчас увидим машину? — почти шепотом спрашивает Анна Петровна.

– Вряд ли. Слишком доступ сложный для регулировки, ухода. Там что-то другое. Что можно закрыть и надолго забыть. Но, что бы и ни было, нужно посмотреть. Ахмед, присматривай за Анной Петровной.

Гуськом спускаемся вниз за Капитаном и его фонарем. Внизу не очень длинный и довольно высокий проход шириной поболее метра, выложенный кирпичом.

– Ребята, — раздается его голос, — а на потолке лампочка висит. Ищите выключатель.

Старый, поворотный выключатель действительно находится у самой лестницы. Мы уже и не удивляемся тому, что он срабатывает. Лампочка вовсе не единственная. Впереди висит еще такой же старинный осветительный прибор с клювиком запайки колбы. А конец прохода освещен уже изнутри находящегося там помещения.

– Ого! — слышится возглас Капитана.

Подталкивая его в спину, все пятеро вступаем в помещение. Не маленькое. Метров сто квадратных с лишним по площади и метра два с половиной-три в высоту. В середине толстая колонна — понятно, зачем. Мы же под фундаментом. Почти всё пространство заставлено рядами закрытых сосудов разной формы с переплетением трубок между ними. Медные и латунные, цилиндрические, кубические и сферические, большие и маленькие, одиночные или в несколько этажей, с крышками на болтах и цельные. На некоторых — сверху застекленные круглые окошечки. Пыли почти нет. Да и откуда ей взяться в этом склепе? Металл потемнел от времени, но зелени окиси мало — сухо. Одна из стен во всю длину и до потолка заставлена большими стеклянными цилиндрами, положенными на бок. Внутри каждого — широкая медная лента, скрученная в плотную спираль. А в стекло впаяны выводы, соединенные проводами с другими цилиндрами.

Народ разбредается по проходам и молча разглядывает таинственные предметы.

На всякий случай предупреждаю:

– К стеклянным банкам близко не подходите. Похоже, что это что-то вроде конденсаторов или батарей. Заряд в них может оказаться очень мощным и опасным для близко стоящего человека.

Себе выбрал для осмотра самую большую сферу. Около метра в диаметре, стоящую на треножнике. Если,

подсвечивая фонариком, заглянуть в маленький иллюминатор наверху, то видна перегородка почти до верха сферы, делящая сферу на две равные части. Там и там какие-то жидкости, налитые больше, чем до половины сферы. Поднимающиеся снизу пузырьки медленно, лениво лопаются в одной части и очень быстро в другой. Стало быть, жидкости разные — вязкая и текучая.

Быстро прикасаюсь к сфере пальцем. Ничего. Прикладываю ладонь со стороны вязкой жидкости. Поверхность сферы теплая! Прикладываю с другой стороны — очень холодная. От сферы тянутся три трубки и, не соприкасаясь друг с другом, исчезают в стене рядом с другими трубками и проводами. Две из них начинаются внизу сферы от секций с жидкостями, а третья — от общего пустого верха. Внутри есть и что-то еще, но не разглядеть.

Не сразу и заметишь, но в самом низу сферы есть изолятор с выводом, провод от которого тоже уходит в стену. И самое поразительное: если приложить ладонь к поверхности сферы на границе жидкостей, то чувствуется легкое щекотание ладони. А если две ладони одновременно приложить к поверхности сферы в теплом и холодном секторах, то по контуру пальцев, ладоней возникает слабое, зеленоватое свечение.

Медленно прохожу вдоль рядов сосудов. Анна Петровна следует за мной. А Ахмед как завороженный наблюдает, как в одном из цилиндрических сосудов вверх и вниз медленно движется проходящий через крышку шток. Одни сосуды молчат, а в других что-то тихо журчит, переливается или шуршит. В одной из сфер совсем не жидкость, а какая-то, видимо, тяжелая пыль темно-красного цвета. Она колеблется, расходясь от центра концентрическими волнами. Время от времени во́лны на мгновение замирают, а затем продолжают свой бесконечный и медленный бег.

– Так ты полагаешь, что это не машина? — нарушает молчание Капитан.

– Часть машины. Наверное, собирающая, накапливающая и преобразующая энергию.

– Собирающая-то откуда?

– А я могу знать? Могу только предполагать. Мы убедились несколько дней назад, что для работы ей нужно электричество. Но если бы она была присоединена к сети, то ее давно бы уж обнаружили по утечкам или при замене кабелей. Однако если разбросать на путях токонесущих проводов, кабелей катушки индуктивности, то можно высасывать незаметно из этих проводов энергию за счет индукции. Немного, но тем не менее. Может быть, Генрих Швейцер что-нибудь вроде этого и использовал. Даже немного высасывая, накопить можно очень много. Нужно только время. При существующем расходе электричества в доме такие потери просто незаметны. Ладно, пожалуй, нам пора выходить.

На пороге прохода я обернулся и еще раз окинул взглядом эту беззвучную и необыкновенную для современного человека картину творчества сумасбродного изобретателя. Только вот сумасбродного ли?

Капитан подержал железку, пока мы убирали подпорки и застилали досками люк. Лист с легким грохотом прилип к полу. Разошлись молча, словно чем-то озабоченные, подавленные, обманутые в ожиданиях и фантазиях. И, действительно — современные представления формируют и соответствующие фантазии. Если речь об электрической машине, то даже с ожиданием ее примитивности возникают в воображении провода́, кабели, рубильники, изоляторы, гудящие трансформаторы, разряды и всё такое прочее. А тут вдруг булькающие бутыли и лохани! Есть от чего впасть в недоумение и раздражение.

Совсем упускается из вида, что сами сосуды и трубки — это проводники. А жидкости в них — одновременно и реактивы, и проводники с самыми разными свойствами. Виденный нами набор внешне примитивных агрегатов на самом деле по сути может оказаться много сложнее современных электрических машин. Наверное, мы видели электрохимическую систему с непрерывно меняющимися в огромном диапазоне параметрами, свойствами элементов. Современной науке такие вещи еще не известны.

*

Если прикинуть примерное расстояние от люка, в который мы спускались в кочегарке, и до проводов и трубок, уходящих в стену внизу, то получается где-то середина Дома. В подвале больше искать нечего. Кладка не тронута. Остается первый этаж, подвергавшийся перестройке Генрихом Швейцером. Пожалуй, здесь будет гораздо проще, чем в подвале. Промерить контур Дома и сопоставить с контурами доступных помещений первого этажа. Если всё совпадет, то никакого тайника тут нет. А если есть, то проявится неизвестное "белое пятно". Разумеется, если оно, действительно, на первом этаже. В общем-то главная тайна Швейцера состоит не в местонахождении тайника, а в его существовании вообще.

На следующий день после изысканий в подвале мы с Александром вышли на рекогносцировку, с неподражаемым артистизмом прикидываясь как бы гуляющими у Дома. Первым делом отбросили из рассмотрения квартиру слева от арки ворот и саму арку. Остаток фасада промеряли большими шагами. Свернули в арку и прошагали ширину дома. В этом прямоугольнике с края помещаются квартира Ахмеда, выходящая на улицу и во двор, наша "барская" парадная и бывшая прачечная со двора между Ахмедом и аркой ворот. Прачечная — это теперь дворницкая, где Ахмед хранит свой нехитрый

инвентарь. Прошагали длину прачечной. Постучали в окно Ахмеду и попросили ее открыть. Длинное помещение, задняя стена которого скошена, расширяя помещение книзу. Промерили ширину прачечной. Осталась наша парадная. Прошагали и ее глубину внизу, широченный первый лестничный марш и глубину первой лестничной площадки.

Сложные математические вычисления на уровне первого класса школы показали наличие пустоты размером примерно шесть на одиннадцать шагов, ограниченной аркой, прачечной, квартирой Ахмеда и нашей парадной. С учетом стен — это примерно пять на десять метров. Полста метров! Как такая большая площадь могла быть не обнаружена при официальных промерах планировки Дома? Надо смотреть документы.

Попросил Ахмеда взять у паспортистки жилищную форму семь для своей квартиры. Там должны быть указаны некоторые размеры и смежных помещений. На следующий день Ахмед мне ее принес. У мамы с бабушкой всегда полно разных старых справок. Среди них нашлась и форма семь десятилетней давности на мамино жилье.

Сел рассматривать справки. На маминой — глубина или длина лестничной клетки указана, как и есть в натуре, для третьего этажа. Полностью от фасадной до дворовой стен дома. На справке Ахмеда для первого этажа есть его квартира, часть прачечной и урезанный на ширину прачечной первый марш главной лестницы. Соответственно, глубина лестничной клетки указана как глубина для верхнего этажа минус ширина прачечной.

Дело в том, что первый этаж существенно ниже верхних, и помещение со стороны двора своей задней стороной находится под главной лестницей и полностью скрыто ей. Из парадной место этой задней стороны не видно и размеры по прямой не определить. А вычислять

размеры по углу наклона лестницы, чтобы узнать, что́ там на самом деле под ступеньками, никто не стал или не смог. Стало понятно, и почему задняя стена прачечной скошена. Это имитация ограничения помещения парадной лестницей, которого на самом деле для прачечной нет. Предусмотрителен Генрих Швейцер. Всё больше и больше он мне нравится и внушает уважение.

Ладно, тайник, допустим, нашли. Дальше что? Как войти? Правда, мест для входа раз-два и обчелся. Туда не будешь входить из-под арки ворот. Из парадной сквозь ступеньки не войдешь. Из прачечной через косую стену — маловероятно. Неудобно. Остается квартирка Ахмеда с потайной дверью или опять-таки подвал с потайным люком. Квартирка Ахмеда стоит аккурат прямо над кочегаркой.

Возникают две логичные вероятности. Для легкого доступа к машине потайная дверь должна быть от Ахмеда. Для легкого доступа к системе энергообеспечения должен быть люк прямо в подвал. Самое удобное — иметь то и другое. Я уже убежден, что именно Швейцер сделал бы именно так. Правда, в этом случае люк в подвал может быть либо от Ахмеда, либо из тайника. Если найдется из подвала люк к Ахмеду, то это интересно, но бесполезно. В тайник-то мы не попадем. Как ни крути, сначала нужно осмотреть стену у Ахмеда. Вдруг найдется хоть какой-нибудь намек.

Сопровождающий меня сегодня Капитан предлагает:

– Как-то неудобно врываться просто с делом. Всё-таки как ни крути, а он наш равноправный, так сказать, соратник. Неплохо бы уважить старика чем-нибудь.

– Согласен. Может, тортик купим и навяжемся на чай?

– Идет.

Забегаем в гастроном, и я собираюсь выбить фруктовый тортик.

– Стоп, стоп, ты что, собираешься делить это пирожное на троих мужиков? Бери большой и чай в жестянке.

Пришлось раскошелиться. Капитан стучит в дверь.

– Ахмед, примешь гостей на чай? Чай наш.

– А торт тоже ваш? — улыбается Ахмед.

– Наш, наш.

– Тогда так уж и быть, заходите.

Заходим. Отдаем хозяину гостинцы и садимся за стол. Через пять минут чай заварен, разлит, торт нарезан, и мы приступаем к светской беседе о погоде, затрудненной набитыми тортом ртами. Тем не менее мы с Капитаном понимаем: Ахмед не очень-то верит, что мы приперлись исключительно ради чая и перемывания костей синоптикам.

– Ты нас обижаешь, Ахмед, — кипятится Капитан, — мы с открытой душой, а ты такие предположения строишь. Ну, есть у нас с собой бумажка с разными размерами. Ну, надо тут и у тебя кое-что померить. Неужели мы стали бы скрывать свои намерения за каким-то фруктовым тортом? Которого, кстати, уже и нет. Но раз уж ты так настаиваешь на своем, то вот в чём дело…

И Капитан изложил имеющиеся соображения.

– Понятно, — согласился Ахмед, — давайте поищем.

Хотя искать-то, собственно, и нечего. Всё и так на виду. Примерно в том месте, где должна быть стенка тайника, имеется стенная ниша со старинным встроенным шкафом темного дерева. Две застекленные дверцы верхней половины. Ниже — две открытые полки нормальной высоты и низенькая полка, вероятно, для домашней обуви, почти у самого пола. Стенные ниши со шкафами для архитектуры того времени — дело характерное. Однако делаются они в капитальных стенах большой толщины. Эта же стена, судя по плану, не шире длины кирпича. Шкафа здесь быть не должно. Он глубже толщины стены.

Для очистки совести промеряем рулеткой. Да, вроде то место. Ахмед опустошает шкаф, и мы с ним начинаем его исследовать. Капитану осталась самая трудная миссия — давать советы. Чем он и начинает нас изводить. Однако бесполезно. Элементы декора шкафа не поворачиваются. Никакие досочки не сдвигаются. Полки не вынимаются. Дергать не за что. Никакие гвоздики не нажимаются — их просто нет. По стуку похоже, что шкаф сзади из толстенных досок.

Наконец мы с Ахмедом сдаемся и, разойдясь в стороны, начинаем ощупывать стены. А что толку шарить по стенам, если они заклеены не одним слоем обоев! Никаких элементов, сопоставимых по старине со шкафом, в квартире больше не наблюдается. Садимся и с горя начинаем пить чай без торта. Капитан же сменил нас в шкафных изысканиях, и я его время от времени подбадриваю его же собственными советами. Но и он в конце концов сдался и присоединился к нам.

– Может, взломать его к черту? — предлагает радикальное решение Капитан.

– Ага, и для ремонта пригласим столяра со стороны. А может, вы сами, Капитан, умеете починять старинные мебеля?

– Как я понимаю, — в раздумье произносит Ахмед, — пойдем опять в подвал искать люк, который, вы думаете, там должен быть.

– Пойдем, а что еще делать? Капитан, в выходной кителек переодеваться будете?

*

В подвал пришел еще и Александр. Чуть ли не с порога отпустил ту же самую шутку про капитанский кителек. Никто даже слегка не улыбнулся. Это его настолько сильно озадачило, что он поинтересовался:

– Мы что, кого-нибудь хороним?

– Хороним бородатые шутки, — сообщил Капитан.

– И когда это моя успела так постареть?

Капитан взглянул на часы:

– Уже скоро как полчаса.

Подпираем дверь в подвал доской и топаем к кочегарке. Отмеряем ширину квартиры Ахмеда. За этой чертой начинается пол тайника. Дружно уставились в потолок. Потом друг на друга. Вернулись к двери. Убрали доску. Ахмед вышел и вернулся с железной трубкой метра два длиной. Подперли дверь. Вернулись в кочегарку, и я начал тихонько простукивать трубой потолок.

Проход туда, по предполагаемой ширине тайника, а потом обратно. Проход туда, а потом обратно. И так — постукивая через каждые десять сантиметров. На восьмом проходе звук стал вроде ощутимо звонче. Тыкаю туда — глухо. Тыкаю сюда — звонко. Тык-тык, тык-тык, тык-тык. По звуку обозначился прямоугольник где-то сантиметров восемьдесят на метр. По виду абсолютно ничем не отличается от такого же, как и везде, кирпича. Всё оказалось на удивление просто. Когда знаешь, что и где искать.

Опять уставились друг на друга.

– А это, в общем-то, хорошо, что люк вроде бы не на стороне квартиры Ахмеда. А то опять оказались бы перед проблемой шкафа.

Капитан забрал у меня трубу, упер в середину наметившегося прямоугольника и нажал вверх. Совершенно беззвучно кусок потолка начал откидываться вверх на невидимых петлях, образуя прямоугольную щель. Капитан отпустил трубу, и щель исчезла. Никаких следов люка.

Мы опять уставились друг на друга. Потопали к двери. Убрали доску, Ахмед вышел и через пять минут приволок полутораметровую стремянку. Водрузили ее под люком и вопросительно уставились на Капитана.

– Опять я?

– Капитан всегда должен быть впереди! — с пафосом ответствовал Александр.

– Анну Петровну не позвали.

– Не увиливайте, Капитан, Анну Петровну мы введем через главный вход в машинный зал. Да и с вашим фонарем, кроме вас, вряд ли кто справится.

Капитан притворно вздохнул и, всем телом изображая тягостную обязанность, полез на стремянку. Крышка люка без видимого сопротивления откинулась и встала где-то там внутри, стукнувшись в какой-то упор. Капитан поднялся на пару ступенек и, встав на верхнюю площадку стремянки, по пояс исчез в дыре. Интересно, а как он полезет дальше? Ступенек больше нет.

Там, наверху что-то лязгнуло, и вниз вылезло несколько ступенек с поручнями. Капитан ступил на них и исчез в дыре. Смотри-ка — и здесь Швейцер предусмотрел всё.

– Эй, вы там, в трюме! Все наверх! — послышалась команда Капитана.

Мы беспрекословно подчинились. А Капитан-то сообразителен. Как только влез, то сразу разыскал выключатель и зажег свет, который и здесь в рабочем состоянии. Когда все влезли, последовала следующая командная директива:

– Смотреть можно, но руками ничего не хватать. Оторву!

По интонации беспокойства и решимости чувствуется, что может и оторвать. А если и не руки, то во всяком случае голову-то запросто! Хотя Капитан прекрасно понимает, что никто и сам ничего трогать не рискнет.

Осматриваюсь и прислушиваюсь. Никаких звуков, характерных для работающих электрических или каких-либо других машин. Довольно свободная площадка у стены, прилегающей к обиталищу Ахмеда. Люк почти у самой стены, к которой прикреплена конструкция со

скользящей по ней и спускающейся в люк лесенкой. Судя по всему, лесенку можно спускать и фиксировать на любую длину, включая до пола подвала. Тут же, неподалеку — небольшой столик-конторка и стул.

А вот и дверь чуть в стороне от люка. Поворотная, странно длинная ручка, смахивающая на судовой клинкет. В противоположную сторону тянется довольно широкий, больше метра в ширину проход, по обе стороны которого почти до самого потолка всё заставлено какими-то устройствами, приборами, агрегатами.

– Теперь моя установка, — говорю я. — В сторону приборов сейчас никто не идет. Прежде разберемся с входом-выходом. Потом сначала я сам пройдусь вдаль и посмотрю, нет ли чего опасного для нас или от нас машине. Это будет не сегодня. Нужно добыть кое-какие контрольные приборы. Надежды на них немного, но всё же лучше, чем ничего. А сейчас смотрим дверь и убираем всё из подвала.

Понятно, почему ручка двери с таким длинным рычагом. Идет вниз очень туго. Дверь-шкаф бесшумно распахивается в жилище Ахмеда. Круто! Интересно, как срабатывает механизм с обратной стороны?

– Александр, понажимай на ручку, а я с другой стороны посмотрю. Так, так, хватит.

Опять-таки — как всё просто! Поворот ручки вызывает наклон самой нижней полки. Той, которая для обуви. А тугое срабатывание нужно для того, чтобы дверь не растворилась при случайном нажатии, не очень большом весе предметов на ней. Для того полка и очень низенькая. Чтобы ничего тяжелого на нее нельзя было поставить. Захлопываю дверь и сильно нажимаю ногой на нижнюю полку. Дверь немного приоткрылась. Теперь ее можно легко распахнуть рукой. В наружной, боковой стенке шкафа даже есть углубление, чтобы зацепиться пальцами.

– На сегодня, пожалуй, всё. Лезем вниз и убираем следы преступления.

Уходя, я взглядываю на крышку люка. Интересно, почему Капитану удалось ее так легко поднять? Мощные деревянные доски, на которых закреплена керамическая плита толщиной всего сантиметра четыре со структурой кирпича, и совершенно натуральной имитацией швов из раствора. Потому и легкая. На краю крышки задвижка. Нам просто повезло, что она не была закрыта. Капитан, спускаясь последним, убирает лесенку и опускает люк. Где люк, где не люк, различить невозможно.

Убираем доску от двери в подвал и выходим во двор. Оказывается, нас тут уже ждут три тетки из дворового флигеля. Хотя делают вид, что просто случайно встретились соседки и остановились поболтать. Одна из них окликает Александра:

– Учитель, а вы что-то зачастили целой компанией в подвал. Вчера ходили и сегодня вот. Клад ищете?

Пока Александр не ляпнул чего-нибудь невпопад, я успеваю ответить за него:

– Да вот мы тут собрались кооперативчик организовать. Присматриваем помещение под контору и склад. В своем же доме удобно было бы.

Чувствуется, что весь интерес к нам мгновенно угас. Как же! Еще одна компания будущих спекулянтов-мироедов. Тот, который из матросов, будет контрабанду из-за границы доставлять, а остальные — прятать и сбывать. Здесь всё ясно.

*

На работе уломал начальника отдела разрешить мне вынести из учреждения индикатор напряженности поля. Прибор небольшой. Можно было бы вынести и под полой, но он единственный в лаборатории. Могут спохватиться. Мотивировал тем, что хочу проверить фон дома на предмет соответствия санитарным нормам.

Вечером все собрались у Ахмеда. Капитан по моей просьбе захватил свой "Практифлекс"* со вспышкой. У меня же в карманах на всякий случай — несколько круглых и плоских кистей с длинным и мягким волосом. Пьем чай с пряниками, но чувствуем себя как на иголках. Встаю. Капитан надевает мне на шею ремешок индикатора и осеняет крестным знамением.

– С Богом!

– Капитан, а вы в правильном порядке осенили? А то, не дай Бог, может случиться невезуха, — подколол Александр.

Подхожу к шкафу, наступаю ногой на полку и распахиваю дверь в тайник. Выключатель. Свет. Под потолком такие же лампочки, что и в подвальном бункере, но их много — и потому светло. Пыли тоже не так уж много для семидесятилетнего накопления, но видеть детали очень мешает. Строгий порядок размещения приборов, агрегатов. Специально изготовленные для этого помещения с косыми продольными стенами стойки и кронштейны из литой бронзы. Количество полок и их расположение на стойках и кронштейнах можно менять, как это делают и сейчас. Позади приборов тянутся аккуратно закрепленные трубки и провода.

Медленно иду вдоль правого ряда. Вот несколько стоек с очень знакомым по музейным образцам содержимым. Катушки, трансформаторы, конденсаторы и сопротивления былых лет с путаницей проводов между ними. Подношу датчик. Показания прибора характерны для слаботочных систем. Несколько полок с густо стоящими цилиндрическими и прямоугольными медными коробочками. Излучение тоже очень слабое. А вот и панель управления со множеством миниатюрных перекидных и поворотных переключателей. Их, наверное, около сотни.

А вот интересная штука. Большая спираль из стеклянной трубки с быстро текущей в ней, слегка светящейся зеленоватой жидкостью. Внутри спирали — катушка из медной проволоки, которую можно поворачивать и фиксировать в разных положениях. Сейчас она слегка наклонена относительно оси стеклянной спирали. Излучение вблизи стеклянной спирали довольно сильное, но не опасное, и на расстоянии двадцати сантиметров от нее падает до обычного фона.

Большая застекленная панель на четырех ножках с винтами регулировки горизонтальности. Стоящая на тумбе, в которую с панели уходит густая сеть тонких проводов. Что за стеклом — не видно из-за пыли. Достаю широкую кисть и сметаю пыль. Под стеклом белая плата, возможно, из мрамора, который в старину использовали в качестве диэлектрика. Множество, наверное, несколько сотен групп стоящих вертикально контактов. По шесть контактов в группе, расположенных по кругу диаметром сантиметра полтора.

Внутри каждой группы контактов — шарик светлого металла. Шарики танцуют. Большинство слегка колеблются, находясь в центре группы контактов и не касаясь их. Некоторые неподвижны и прижаты к какой-либо паре контактов. Некоторые перекатываются между соседними парами контактов туда и обратно. Некоторые беспорядочно перепрыгивают от одной пары контактов к другой. По функции замыкания/размыкания можно предположить, что всё это — своеобразная система реле. Но какая грандиозная по числу комбинаций! Может поспорить с любой ЭВМ.

Группа из шести больших вариометров* — вставленных друг в друга катушек, внутренняя из которых может на какие-то углы свободно поворачиваться в наружной. Поворачивающие тяги скрываются в подставках. Из чего

можно сделать вывод, что управление вариометрами автоматическое.

Еще одна панель управления или, скорее, переключения. На манер ручного телефонного коммутатора. Несколько рядов контактных гнезд и пара десятков отрезков проводов с наконечниками, беспорядочно воткнутыми в гнёзда. Вертикальные ряды гнезд обозначены буквами, а горизонтальные — цифрами.

Несколько стоек, занятых сверху донизу закрытыми плоскими коробками с путаницей проводов и трубок.

В конце помещения на высокой и толстой тумбе лежит полусфера метрового диаметра. Излучение в норме. Сметаю пыль. Полированный гранит. По всей поверхности вдавлены шестигранные бронзовые пластинки с небольшим зазором друг от друга. Трубок не подходит. Только провода в тумбу.

Иду обратно по левому ряду. Несколько стоек плотно забиты металлическими и слегка светящимися, разноцветными стеклянными емкостями разного размера и формы с сумасшедшим переплетением трубок и проводов между ними. Даже и не пытаюсь что-нибудь понять.

Еще пульт управления, но не электрическими токами, а подачей жидкостей. Краны и краники в изобилии. Повороты и положения размечены.

А вот здесь — что-то пульсирующее, светящееся. Фон в норме. Сметаю пыль. Шесть толстых горизонтальных трубок одна над другой. Опять шесть! Почти везде шесть. Слева от них — реостаты с выведенными вперед ручками регулировки. В трубках происходит что-то таинственное. К левому концу трубки подведен провод, который внутри трубки оканчивается иглой. Правый конец стеклянной трубки переходит воронкой в медную трубку.

Все шесть трубок заполнены зеленой жидкостью разного оттенка. От сочного в верхней до едва зеленоватого в нижней. На конце иглы в верхней трубке загорается

искра, медленно растет в яркий шарик диаметром миллиметров пять. Шарик отрывается от иглы и, также светясь, неспешно плывет к воронке и исчезает в ней. То же и в других трубках, но всё более и более убыстряясь. В самой нижней шарик отрывается от иглы раньше, чем два предыдущих скрываются в воронке. Завораживающее зрелище. Индикаторы каких-то параметров, процессов?

Несколько полок с медными шарами, похожими на ежей от множества контактов на поверхности. Есть довольно мощное не высокочастотное излучение, но сильно падающее на небольшом удалении. Даже вплотную для человека не опасно.

Рядом стоит стоймя огромный черный, словно каменный, параллелепипед сантиметров семьдесят в ширину, метр в глубину и метра два высотой. От каждого медного ежа в него входит один провод. Или выходит? Индикатор на него не реагирует.

Странно. Две стойки совершенно пусты. Пучки проводов, подходящие к ним, ровнехонько обрезаны словно лазером. Машинально подношу датчик. Нет даже естественного фона. Убираю датчик от стойки. Естественный фон появляется. Вдвойне странно. Подношу руку — ничего.

И опять катушки, катушки, катушки разных размеров и полноты намотки. Конденсаторы, но многие из них переменные. Множество крошечных реостатов. Вроде всё.

Выхожу из тайника. Пряники все съедены. Четыре пары вопросительных глаз.

– Сколько меня не было?

– Почти два часа, — отвечает Анна Петровна.

– Ну, что я могу сказать? Опасного для нас там ничего нет. Трогать чего-нибудь, что может изменить свое положение, конечно, никак нельзя.

– Капитан чего-нибудь у кого-нибудь за это оторвет, — добавил Александр.

– Но смотреть — пожалуйста. Я бы даже рекомендовал провести в тайнике аккуратную уборку. Пыли там до черта. Что нельзя трогать, я очищу сам. Но вперед пустим Капитана с фотоаппаратом. Пусть заснимет на всякий случай кое-что. И еще —несколько моих собственных соображений по поводу машины.

Я заметил во всём этом хитроумном хозяйстве две особенности. Не встретилось ни одного знакомого элемента, способного работать на высоких частотах. И второе. Не встретилось ничего похожего на электронные лампы. Хотя их время и подошло тогда. Возможно, Швейцер заранее планировал долгую и автономную работу своей машины. Раз не включил в нее ничего, что могло бы внезапно выйти из строя или баланса. Для кого тогда Швейцер ее строил? Ведь для шестидесятилетнего старика большая долговечность машины не так уж важна, а претендентов на нее не проявилось.

И третье. Похоже, что машина использует привычную и понятную нам энергию и физические свойства для того, чтобы питать создание и существование чего-то такого, что наши чувства и приборы регистрировать здесь не могут. Потому и сама машина не требует и не отдает большой энергии. Донором для наших миров, созданных воображением, возможно, становится сама Земля, теряя какую-то частицу своей энергии, свойств. Наши миры существуют не где-то в другом времени или пространстве, а в другой форме материи со скопированными от нас формами объектов, включая воображаемые. А машина дает импульс-команду к преобразованию туда или обратно и для предметов, и для людей. Вот мы и можем чувствовать в иной материи так же, как в родной. Мы сами становимся при переходе иной материей. Из этого вытекает, что даже если сама машина вдруг перестанет

существовать, то уже созданные ею миры останутся жить.

И четвертое. Если я хоть в малой степени прав, то и машина Генриха Швейцера здесь не вся. Какая-то ее часть перекочевала в иную материальную неизвестность при запуске. Это и позволяет нам перемещаться туда и обратно. Вероятно, что эта перекочевавшая часть машины находится где-то в мире, который Швейцер создал для себя. Нам его никогда не увидеть.

– Может быть, оно всё и так, — попробовал затеять дискуссию Александр, — однако осуществить такое на том уровне техники…

– Уровень техники, конечно, имеет значение, но не такое, как обычно представляется. Развитие техники расширяет возможности, но ведь законы физики и природные ресурсы в любом случае одни и те же. Важно найти способ использования ресурсов при ограниченных возможностях. Швейцер нашел. Будем уборкой сегодня заниматься или нет? Скорее, нет. Нужно подготовиться. Хотя бы пылесосы притащить, щетки. Кисточки я дам. Да и поздновато уже. Просто сходите сейчас и посмотрите, с чем придется иметь дело.

*

На следующий день, благополучно проведя генеральную уборку, опять все сидим здесь же, у Ахмеда. Пряников — завались. Чая — хоть залейся. Все оживлены и довольны проведенной работой. И действительно, машина выглядит теперь совсем не так уныло, как вчера. Даже сказал бы, что просто празднично. Бронзовые стойки и полки отливают цветом старого золота. Медные коробки, коробочки, шарики, цилиндрики, трубки и трубочки из серых превратились в красные. Латунные детали отличаются светлой желтизной. Жидкости в стеклянных сосудах и трубках тоже обрели краски, а многие — и свечение. Катушки, трансформаторы, конденсаторы и

реостаты тоже перестали быть одноцветными. В общем, картина феерическая. Особенно если погасить свет.

Капитан уже втихаря сбегал домой и, наверное, быстренько проверил, не повредила ли уборка машине. Вернулся успокоенный и благодушный. А я жалею, что не уследил, как он смылся. Интересно было бы посмотреть, что происходит в машине во время переноса. Ладно, еще поймаю момент. Или попросить кого-нибудь специально?

Анна Петровна разбирает бумаги, обнаруженные в столике-конторке.

– Ничего интересного нет. Только счета за изготовление чего-то и проведение работ. Правда, по тем временам цифры просто огромные.

– Ладно, пусть лежат, где лежали. А раз уж нам так повезло приобщиться к этому чуду, то и будем пользоваться им бесплатно.

*

ГЛАВА 4

НОВЕЛЛА ОБ ОХОТНИКЕ ЗА ПИРАТАМИ

ГЛАВА 4: Новелла об охотнике на пиратов

– Знаешь, Сергей, — признался Капитан, — после стольких лет явной и тайной жизни меня всё равно не покидает ощущение нереальности происходящего. Хотя нет, наверное, не так. Реальность фантастичного я давно уже принял как факт. Но с какого-то времени мне каждый раз перед перемещением как-то немного не по себе. Словно за спиной стоит какая-то неопределенная фигура, наблюдает за мной, и от ее желания зависит, попаду я в очередной раз в другой мир или нет.

– И это не с самого начала?

– Пожалуй, не с самого. По молодости я бросался туда без всяких раздумий и сомнений. Не занимался самоанализом и не смотрел по сторонам.

– Может, всё дело в рационализме взрослого человека? Он заставляет критически относиться к каждому шагу. И тогда эта неопределенная фигура — вы сами.

– Да, может, ты и прав. Раньше мне было достаточно лишь пребывания там. Потом наступило время, когда меня безудержно потянуло приносить оттуда какие-нибудь вещи на память.

– И что из того? И меня на это тянет. И натаскал бы, если бы у родных не возникло вопросов, откуда они берутся. У нас с вами одна и та же тяга, Капитан. Создать и здесь хотя бы иллюзию, воспоминание тамошнего мира. Что тут ненормального?

Мы сидели у Капитана дня через три после обнаружения машины Генриха Швейцера. Смаковали последние капли вина Колина и болтали о том, о сем. Мама с бабушкой сегодня отбыли в Новгород на похороны бабушкиной сестры, завещавшей маме всё свое имущество. Хлопоты с ним, девятины, визиты по тамошней родне займут, наверное, недели две. На неделю у меня накопилось отгулов на работе, и на неделю я написал

заявление за свой счет. Всерьез собрался завтра в Верн. Вот и зашел на дорожку поболтать.

– Капитан, я не вторгнусь во что-то непозволительное, если попрошу вас рассказать о ваших сувенирах оттуда? По вашему выбору.

Капитан встал и начал медленно прохаживаться вдоль рядов своих сокровищ, осторожно беря некоторые из них в руки.

– Этот секстант я снял с напоровшегося на скалы и покинутого командой купеческого корабля. Эта подзорная труба — единственное, что осталось на память от капитана пиратского корабля, растерзанного собственной же командой. Всё прочее команда тут же поделила между собой. Эту изумительную курительную трубку из черного дерева и слоновой кости в виде головы негра мне продал пьяный боцман за серебряную монету и кружку рома. Эта абордажная сабля — обычная сабля. Повседневный инструмент пирата без всякой истории. Просто очень красиво, искусно сделана. Эти карты — не просто карты. Это копии секретных карт английского адмиралтейства. Энергичная публика южных морей предпочитает их всем другим картам и вносит в них свои уточнения.

– Предпочитает? — переспросил я.

– Разумеется. Ведь всё происходит и сейчас. Хотя и не здесь.

– А ваше место в этой публике, Капитан?

– Владелец кабаков, а также скупщик краденого и награбленного.

– Чины немалые, — усмехнулся я.

– Пожалуй, но наиболее приемлемое, что можно использовать при внезапных появлениях и исчезновениях в тех условиях, не возбуждая подозрений. А всё остальное — уже по обстоятельствам.

– Понимаю.

– Вряд ли. Это нужно видеть и ощущать. Хочешь завтра со мной?

Я просто опешил от неожиданности. Туда, к пиратам? Завтра? С Капитаном? Обалдеть! А как же Верн?

– Надолго?

– Как захочешь. Уйти можно в любое время.

Тогда у меня и для Верна время останется. Такой шанс расчувствовавшегося Капитана вряд ли еще когда подвернется.

– Ловлю на слове. Во сколько?

– Ну, часиков в девять-десять. Лучше пораньше. Там и позавтракаем.

– Идет.

*

Без десяти девять следующего утра Капитан уже впускал меня в дверь.

– Готов?

– Готов.

– Тогда и не будем тянуть. Закрой глаза.

И Капитан положил мне руку на плечо. Обычная легкость, замирание чего-то от ощущения движения вверх. Внезапно стало жарко.

– Приехали.

Большая, довольно прилично обставленная комната, по мебели напоминающая кабинет. Через дверь видна и другая комната с большой кроватью. Бездна солнечного света врывается в распахнутые створки выхода на террасу. К ней и подталкивает меня Капитан.

– Пойди, осмотрись вокруг.

Терраса весьма обширная из белого с желтыми прожилками камня с парапетом по пояс. Солнце палит нещадно, и только упругий, обволакивающий ветер примиряет с жарой. За парапетом — полого спускающийся к морю серповидный берег, весь застроенный белыми домами самого разного размера, утопающими в зелени.

Где-то в середине вычурное строение с колоннами и претензией на классический стиль. Если сверху смотреть — вполне симпатичный городишко. А если посмотреть вверх, то у Капитана здесь приличный и немаленький домишко.

За домами — неправдоподобная синева моря, какой не увидишь даже в Верне. Пара больших кораблей в гавани и множество мелких. Отсюда обзор не во весь горизонт, и не определить, на острове мы или на материке. В правом крае видимого горизонта видна еще какая-то далекая земля. В левом тоже.

Позади меня послышались шаги. Капитан в тёмно-синем, вышитом серебром камзоле, голубой рубахе, коротких штанах, смахивающих на зауженные галифе, башмаках с пряжками и шпагой на левом боку выглядит потрясающе. Ему бы еще парик с косичкой — и был бы стопроцентный, как минимум, эсквайр.

– Мы тебе тут уже подобрали кое-что из пиратских трофеев. Слуга уже сбегал на склад в порту. Иди, переоденься в спальной.

Мне тоже достались туфли с пряжками. Правда, попроще. Длинные серые штаны чуть коротковаты, но ничего. Тёмно-красная рубашка без пуговиц и потертый, свободный кожаный жилет оказались впору. Простой черный пояс с коротким кинжалом в ножнах довершил преображение. В комнату вошел негр, молча забрал снятую одежду и растворился где-то в недрах дома. Остался еще какой-то непонятный предмет. Кожаный мешок с пришитой снаружи к дну сдвоенной веревкой. Ага, кожаная интерпретация русского вещмешка — сидора. Завязал и одел на плечо.

– Вот то, что надо, — оглядев меня, изрек Капитан. — Будешь играть роль моего помощника. Какое возьмешь имя?

– Серж.

– Ну, Серж так Серж. А меня здесь величают сэр Виктор или просто Виктор, или даже иногда Вик. В зависимости от обстоятельств. Всё-таки английское владение. Пойдем обратно на террасу. Я тебя немного проинструктирую. Этот кусочек земли называется остров Альберта. Соответственно, город — Порт-Альберт. Вон тот дом с колоннами — резиденция губернатора весьма обширного архипелага. Тварь продажная и неприятная! Хотя порядок на острове поддерживает строгий.

– Мы с ним встретимся?

– Надеюсь, что нет. Сэр Хаксли со мной обходителен из-за моих денег и связей в местных бандитских и торговых кругах, но змея еще та. Так вот, продолжу о местных порядках. Альберт — место безусловного перемирия. В порт может войти кто угодно. Хоть торговец любой страны, хоть пират. Можно заключать любые сделки, но упаси Боже затеять какую-нибудь свару, нападение или даже драку в кабаке. Отдельные бунтари попадут не в тюрьму, а на кладбище, а агрессивные команды будут расстреляны вместе с судами. Для этого, видишь, в порту два военных фрегата.

– Суровый порядок.

– Зато спокойно, ибо окружение дальше, за пределами десяти миль будет уже взрывоопасное. Вон тот остров на горизонте справа называется Компас из-за своей продолговатости, вытянутой с севера на юг. На нем город и порт Румпель. На горизонте слева остров Пинта с портом Тринидад. Оба этих порта — пристанище пиратов. При условии, что они не беспокоят местных жителей. Между собой им разрешается делать что угодно, кроме судовых баталий в порту.

Если эти правила нарушаются, то с Альберта быстро прибывает карательная экспедиция и виновники развешиваются на реях, если не успевают смыться. Но этого не было уже давно. Оба острова — удобные и спокой-

ные корсарские базы, если не портить отношений с губернатором. Пираты сами следят за порядком и сами же установили правило, что судно, сделавшее первый выстрел в порту, подлежит немедленному уничтожению всеми, кто только окажется рядом. Уходи из порта и тогда воюй с кем угодно и сколько угодно.

– Как я понял, никаких законов тут нет. Даже английских.

–- Правильно понял! Кроме одного неписаного закона — язык русский.

– Ну, это само собой.

– Во всех трех портах у меня таверны и торговые конторы со складами при них. Помнишь у Крылова басню про лебедя, рака и щуку? На Альберте таверна "Рак", на Компасе — "Альбатрос", а на Пинте — "Барракуда". Прибыльное дело. Но главное, что я могу оказаться в любом из этих мест и поэтому никогда неизвестно, есть ли я вообще в каком-нибудь из них. Понимаешь?

– Очень даже неплохая организация видимости присутствия при полном отсутствии.

– Что-то мы заговорились. Пойдем-ка в мой кабак, а то есть хочется.

Спустившись с террасы на несколько ступенек, мы вышли через кованые ворота и пошли вниз по мощеной улице. Таверна "Рак" с вывеской "Таверна "Рак"" с огромной клешней оказалась вполне приличным, чистеньким заведением в пятидесяти шагах от берега. Светлый зал, фарфоровая посуда, цветные скатерти на столах. Не кабак, а тематическое кафе в, так сказать, староанглийском стиле. Сюда не стыдно бы даже с девушкой заглянуть.

– В вашем непотребном заведении, гнезде, предназначенном для разгула и разврата, образцовый порядок, сэр Виктор. Как в домашней столовой. Я поражен и обескуражен. Пираты сюда забредают, наверное, без

особой охоты. Если судить по литературным произведениям об их порочных, свинских наклонностях. Я даже не удивлюсь, если вон из-за той занавески сейчас выпорхнет юное, хрупкое создание в юбке, с розой в волосах и серебряным подносиком в руках.

Из-за занавески выпорхнул хромой верзила в аккуратной, ухоженной одежде и старательно заковылял к нам.

– Ну вот, вдребезги разбито всё благостное впечатление.

Верзила доковылял до нас.

– Здравствуйте, сэр Виктор.

– Здравствуй, здравствуй, Люк. О делах потом. Познакомься, — мой временный помощник Серж.

Люк доброжелательно кивнул мне, развернулся и заковылял обратно.

– Здравствуйте, сэр Виктор. Ваше утреннее вино, — раздался у меня за плечом мелодичный голосок.

Вовсе не хромая обладательница голоска была юна, хрупка, в юбке, с белой розой в пышных, черных волосах и держала в руках поднос с кувшинчиком и двумя высокими, стеклянными стаканами.

– Познакомься, Марианна, — это мой помощник Серж.

– Очень приятно познакомиться с вами, Серж.

– Марианна, обычный завтрак на двоих.

Марианна упорхнула.

– В заведении есть не одна занавеска, — заметил Капитан, — а что касается привычек и пристрастий пиратов, то они не всегда литературные и с некоторыми сам познакомишься в "Альбатросе" или в "Барракуде". Я же тебе говорил, что Альберт — остров перемирия, а "Рак" — стол переговоров. Ты не представляешь, какими шелковыми и сговорчивыми становятся самые отпетые головорезы, попав в такую не привычную для них обста-

новку. Особенно когда перед глазами вон та мудрая надпись.

Я повернул голову. Действительно, на стене крупная надпись: "Если ты что-то хочешь сказать, то прежде подумай, то ли нужно сказать. Если ты хочешь что-нибудь сделать, то прежде подумай, удастся ли тебе после этого вообще что-то делать".

– М-м да-а, сурово, но доходчиво.

Капитан взялся за кувшинчик.

– Не рановато ли для вина? — поинтересовался я.

– Это не вино, а виноградный сок с виноградников на южном склоне острова. Местные жители зовут вином всё, что выжато из винограда. Это, например, утреннее вино. Местная пресная, некипяченая вода скверная на вкус, а пиво вообще отвратительное.

– О, очень даже хороший виноград, — похвалил я, отхлебнув из стакана.

– Однако с твоим сказочным вином не сравнится никогда.

– Ваш завтрак, сэр Виктор. Ваш завтрак, Серж. Куриные ножки и яичница, — пропела Марианна.

Она действительно прелестна. Особенно когда нагибается над столом, и юбка восхитительно облегает нижние округлости. Потрогать, что ли? Что это будет? Небольшая бестактность или недопустимое хамство невоспитанного гостя? Да и сказочные прелестницы непредсказуемы, а рука у них тяжелая. Мне вспомнился один поучительный случай из кабацкой практики в Верне.

У Капитана в глазах смешинки.

– Правильно, что удержался, — произнес он, когда девушка ушла. — Марианна строго воспитана, а с ее защитниками лучше не иметь конфликтов.

Куриные ножки оказались отменными, яичница — великолепной, а утреннее вино — уместным и приятным.

– Ну что ж, — вставая, произнес Капитан, — займемся делами.

За занавеской, за которой скрылся Люк, оказался длинный коридор с множеством дверей. Капитан толкнул одну из них. Нетесная комната без окна со столом, несколькими стульями и большим кованым сундуком в углу. Горят две свечи. Люк встал из-за стола, освобождая хозяину место.

– Докладывай.

– Вот отчет за три месяца, — сообщил Люк, кладя перед хозяином несколько листов бумаги.

– Расскажи лучше на словах.

– Как вы и распорядились, мы отказались принимать одежду. Слишком хлопотный и неустойчивый сбыт. На итоговые результаты это никак не повлияло.

– Хорошо. Дальше.

– Рыжий Хенк предложил большую партию хороших тканей. Очень большую и очень хороших. Проверил. Взял с хорошей скидкой на то, что здесь столько не сбыть, а в ближайшее место материка их отправлять нельзя. Они туда и шли. Можно засветиться. А отправлять дальше — лишние расходы.

– Так.

– Заплатил ему четверть того, на чем сошлись. Остальное — после продажи. Согласился без звука.

– Отлично.

– Золотая и серебряная испанская посуда и оружие отданы голландскому торговцу с условием продажи в северные страны. Деньги получены.

– Что еще из крупного?

Люк покосился на меня.

– Говори. Можно, — распорядился Капитан.

– Сто пятьдесят фунтов затребовал капитан "Морского ветра" на ремонт и обновление такелажа. Я дал.

– Правильно.

– Всё, что положено команде, начислено и как обычно — на хранении в надежном месте. Из непредвиденных расходов — приобретение новой посуды для таверны и расширение стада и птичника. Число посетителей растет. Всё прочее — легальное и нет — как обычно.

– Итог?

– Шестьсот восемьдесят два фунта стерлингов в пиастрах и дублонах.

Люк полез в сундук и грохнул на стол зазвеневший мешок.

– Отлично. Оставь пока у себя. Нам еще в Румпель и Тринидад. Заберу, когда вернусь. Все?

– Нет. Вас ищет Ржавый Билл.

– Вот как? — и обернувшись ко мне, — Ржавый потому, что его команда ленится чистить пушки снаружи, и они порыжели. У него три неплохих двадцатипушечных судна.

– Два.

– Что два?

– Два судна у Билла. Третье недавно бесследно пропало. Он уже отчаялся его увидеть. Носится как угорелый по островам и пытается хоть что-то разнюхать.

– Не похоже на Ржавого Билла. Он никогда о потерях так не переживает. Разве что на пропавшей посудине было что-то такое, что потерять было недопустимо. Держи ушки на макушке. Если он опять появится, то скажи, что вечером я буду здесь, а утром опять уплыву. Пусть ждет, если уж так приперло.

– Хорошо.

Когда мы вышли из таверны, Капитан спросил:

– Ты понимаешь, что означает рост числа посетителей этой таверны, о котором говорил Люк?

– Что?

– Край пиратский. Прирост может быть только за счет пиратов. Отребье возжаждало культурного отдыха!

– Вот тебе и литературные наклонности.

Так, переговариваясь, мы подошли к небольшому пирсу с причаленной легкой одномачтовой яхтой. Два черных матроса в одинаковой холщовой робе.

– Квали, какой ветер?

– Точно на ост, сэр, но к вечеру, как обычно, переменится к зюйду.

– Тогда сначала на Компас.

– Есть, сэр!

Волны плещутся, солнце печет, посудинка резво бежит вперед. Даже качки почти нет. Благодать!

– Какая скорость, сэр Виктор? — интересуюсь я.

– Узлов* десять. Через час будем на месте.

– Я посмотрю у вас и слуги, и матросы — все негры.

– Не все, а одни и те же. Дома они слуги, а в море матросы.

– Экономно.

– И спокойнее.

Входим в гавань. Довольно оживленно. На рейде десятка два судов без флагов. Два-три довольно больших, а остальные — не очень. Но все с пушками и на всех, которые можно разглядеть, не меньше, чем по двое вахтенных. С некоторых машут нам шляпами, и Капитан отвечает жестом руки. Проскальзываем между судами и пристаем в конце довольно длинного причала. Хотя причаленных судов всего два в противоположной стороне. Оба без пушек — торговые. Около них суета таскания бочек, мешков и ящиков из ближайшего здания.

Вдоль берега — длинный строй складов и домов, мало похожих на жилые. Широкая улица начинается прямо от причала. Какой-то оборванец сорвался с места и побежал вверх по улице. Высаживаемся и идем туда же. А за спиной наша посудинка отходит от причала метров на десять и бросает якорь.

Вокруг довольно многолюдно. Публика разношерстная, но в основном не воинственная. Женщин немного, но попадаются, спешащие по хозяйственным делам с сумками и корзинками. Никакого напряжения в воздухе не витает. Обычный портовый город. Лишь изредка парами, тройками лениво проходят с независимым видом фигуры в пестрой, новой или потрепанной одежде и залихватских шляпах, но вооруженные саблями и пистолетами. Некоторые раскланиваются с Капитаном, отвечающим им легким кивком головы.

Тихонько пихаю Капитана:

– Настоящие пираты?

– Они самые, — и снисходительно улыбается, — чуть дальше, метров через сто лежит поперечная улица. Это граница, которую им без приглашения запрещено переходить.

– Сэр Виктор, я у причала заметил два вроде торговых судна. Как они не боятся сюда заходить?

– Сам бы мог догадаться. Если никто не станет снабжать припасами и вывозить награбленное, то и пиратству конец. Это неприкосновенные торговцы, — и, мгновение подумав, добавил: — Вроде меня. И вроде пришли.

Вывеска "Альбатрос", конечно же, знавала и лучшие времена. Покосилась, облупилась и потрескалась. И в этом свое очарование как бы благородной старины. Сама таверна выглядит гораздо крепче. Управляющий встречает хозяина на пороге. Крепкий, решительный мужчина лет пятидесяти с обветренным лицом. Предупрежден. Бегун с причала?

– Здравствуйте, сэр Виктор.

– Здравствуй, Роб. Всё как обычно?

– Да пока, слава Богу.

– Познакомься — это мой временный помощник Серж.

Жмем друг другу руки.

– Перекусить или сначала дела, сэр Виктор?

– Пожалуй, дела. Веди.

Большой зал, отделанный под корабельную каюту, трюм. Никакого изыска. Грубая, но прочная мебель. Само собой, никаких скатертей или фарфора. В глаза бросается множество повреждений на опорах потолка, стенах, столах. Опасное место, но видно, не сейчас. Несколько человек бандитского и не бандитского вида спокойно что-то жуют и чем-то запивают, сидя за разными столами.

Коридор, комната без окон, стол, сундук, отчет за три месяца на бумаге.

– Роб, давай на словах, а отчет я заберу с собой.

– Отказались от сделок с одеждой…

– Дальше.

– Помните Коротышку Француза, который где-то пропал больше полугода назад?

– Помню.

– В прошлом месяце появился с большой партией золота в грубых изделиях на лом. Говорит, что тряхнул индейцев. А по пьянке всё твердил, что затмит славу самого Кортеса.

– И что дальше? Что за изделия?

– Статуэтки, какие-то сосуды, пластины с какими-то непонятными знаками, рисунками. Утверждает, что из индейского храма. Похоже на то. Всё, что мельче, до меня не дошло, — дорожился Француз. Но всё-таки распродал другим скупщикам. Остался только большой идол, которого никто уже взять не смог — издержались на мелкие вещи. Француз туда, Француз сюда — не берет никто по цене ломового золота. Тут я ему и предложил взять за полцены и с рассрочкой. Сумма даже в этом случае очень большая. Он повертелся, повертелся и согласился. Идол у меня на складе. Вчетвером затас-

кивали. А Француз неделю назад отправился опять туда, чтобы переплюнуть славу Кортеса.

– Покажи идола.

Забрали со стола большой переносной фонарь. Вышли в коридор. Окованная железными полосами дверь в самом конце открылась с ужасным скрипом.

– Смазал бы хоть.

– Собираюсь, собираюсь да всё что-то отвлекает.

Идол посреди комнаты накрыт мешком. Роб сдергивает его. В самом деле идол. Грубый, но большой. Наверное, в половину человеческого роста. Золото темное. Признак отсутствия примесей. Капитан подошел и попытался поднять. Не вышло. Покачал из стороны в сторону. Чуть не уронил себе на ноги.

– Ладно, закрой.

Вернулись в контору. Капитан сел и, раскачиваясь на стуле, начал над чем-то размышлять.

– Историческая, культурная ценность, мать ее!

– Что, что? — не понял Роб.

– Да ничего. Сколько ты за него отдал?

– Тысячу двести фунтов.

– А остался должен?

– Четыреста.

– На какой срок?

– На два месяца.

– Француз что, сбрендил, что ли? Пропадал чуть ли не год, а тут решил за два месяца обернуться. Ну, да ладно, срок нужно соблюдать. Соберешь за два месяца четыреста?

– Конечно. У меня сто уже есть.

– Стало быть, вернется Француз — рассчитаешься. Когда бы он ни вернулся. Или с командой, если команда вернется без Француза. Деньги должны быть наготове в любой момент. Чтобы никакая случайность не могла расторгнуть сделку. Если что вдруг пойдет не так —

возьмешь деньги у Люка. Месяца через два должен вернуться голландец. Продашь идола ему за пять тысяч. В Европе он возьмет вдвое. Тысячу возьмешь себе. Если продашь за четыре с половиной, то себе возьмешь только пятьсот. Здесь всё понятно?

– Всё.

– Что дальше?

– Остальное всё — обычные мелочи, если о наших делах. А интересные новости две. Ржавый Билл с ума сошел со своим пропавшим кораблем. Вас зачем-то ищет. Другим скупщикам с вопросами уже надоел до невозможности.

– Слышал. А вторая новость?

– Мы скоро будем новой Европой. Оказывается, и у нас может возникать мода.

– Ты это серьезно? И на что у нас мода возникла?

– Как ни странно, на обеды и ужины в таверне "Рак" на острове Альберта.

Я никогда не видел Капитана так дико хохочущим.

– Нет, это ж надо же! В "Раке"! Мода!

– Вы зря смеетесь, — остановил его Роб. Мне уже некоторые пеняют, что у меня не так, как там. Но это еще ерунда. Они собираются по двое, по трое, прихорашиваются, нанимают парусную лодку и отправляются обедать в "Рак". А вернувшись, собирают толпу вокруг себя разными сказками. Но я-то знаю, что врут больше половины. К Люку-то я захожу регулярно.

– Знаешь что, Роб, ты пособирай эти сказки. Они нам могут очень пригодиться. Обедать мы будем в "Барракуде". Так что не суетись.

Выходим из "Альбатроса" и не спеша идем к причалу.

– Не жалко идола, сэр Виктор?

– Жалко. А что сделаешь? В любом случае пропадет. Слишком рано нашли.

– Да, пожалуй.

Доходим до причала. Черные матросы, увидев нас издалека, уже подтянули посудину к берегу. Прыгаем в нее.

– На Пинту, — командует Капитан.

*

Ветер, как говорят моряки, посвежел. То есть небольшое волнение и качка имеются. Но качка на меня не действует. Быстро бежим галсами, то и дело меняя курс. Направление ветра не очень благоприятное. Зато при возвращении на Альберта ветер будет прямо в спину. Капитан говорит, что часа за два с половиной доберемся до Пинты. Сама Пинта из едва заметного холмика на горизонте выросла до вполне различимых контуров и продолжает расти. Казалось, вот-вот пристанем. Ан нет, еще далеко. Зрение обманывает огромная гора, у подножия которой и раскинулся порт Тринидад.

Удобная, защищенная с трех сторон бухта заставлена кораблями не очень густо. Лавируем между ними. Сэр Виктор отвечает на приветствия. Весь причал заставлен судами, и поэтому высаживаемся на песчаном пляже рядом с ним.

Кабак "Барракуда" оказался прямо перед нами немного выше по берегу. Почти точная копия "Альбатроса", как, впрочем, и само окружающее поселение — копия Румпеля. Навстречу нам из дверей вылетает какая-то фигура и тыкается носом в песок. Ей вслед летит шляпа. На пороге появляются два здоровяка и безучастно наблюдают, как фигура с трудом поднимается, отряхивается, а потом, вдруг что-то сообразив, начинает хвататься за пояс в поисках оружия.

– Снорки, когда прочухаешься, тогда и приходи за своими пистолетами, — кричит один из вышибал и снимает шляпу, придерживая перед нами дверь. Капитан небрежно кивает, и мы заходим внутрь. Навстречу уже бежит управляющий всем этим безобразием. Корена-

стый крепыш неопределенного возраста, боцманской внешности и в полосатой тельняшке.

– Ларри, обедать, — коротко бросает Капитан.

– Сей момент, хозяин. Том, Чарли, быстро!

Мгновенно свободный стол накрывается скатертью, расставляются тарелки, бутылки — и вот уже тащат подносы с едой. За соседним столом начали было возмущаться исчезновением подавальщика, но, узрев, кого он обслуживает, замолкают.

Уже сидя, оглядываюсь вокруг. Гул голосов. Не все, но многие — ну и рожи! Очень литературные и киношные. Табачный дым, испарения разлитого рома и пива, запах кухни создают смог, который плавает облаком выше уровня груди стоящего человека. Сидишь вроде ничего. Встанешь — ест глаза. Капитан с усмешкой наблюдает, как я озираюсь вокруг.

– Сейчас и в "Альбатросе" то же самое. Мы там были, когда контингент еще не проснулся после вчерашнего. Пока мы плыли сюда, пробудились здесь и там и выбрались прожигать заработки. Не обращай внимания. Ешь.

Несмотря на непрезентабельность заведения, пища достойная. Суп, чем-то похожий на грузинские чанахи, баранина на ребрышках, куриное рагу. Пираты совсем не плохо питаются на берегу. Так и звон монет, небрежно бросаемых на стол, говорит о хорошем стимуле для поварского искусства. Вино, правда, неважное. Быстро заканчиваем и в сопровождении Ларри скрываемся в недрах заведения.

Стол на месте. Сундук на месте. Отчет есть.

– Отказались от сделок с одеждой…

– Дальше.

– За четверть цены взял груз хлопка. Разгружен на склад. Думаю, надо придержать до зимы, когда цены подрастут.

– Разумно. Проследи, чтобы не подмок за это время. Иначе сгорит.

– Я его в новый склад.

– Дальше.

– Коротышка Француз распродавал индейское золото. Я взял на шестьсот фунтов. Отдал за восемьсот пятьдесят.

– Неплохо.

– Предлагали много серебра в слитках. Удалось взять по четвертной цене только на четыреста фунтов. Больше денег в наличии не было. Голландец забрал за тысячу двести.

– Когда вы только научитесь работать вместе? У Люка мог взять денег. Сделка была бы вдвое больше.

– Каюсь, не сообразил.

– Кайся, кайся, что еще?

– Был слух, что с Ямайки ушло в Англию большое английское судно с грузом сахара и собранными за год налогами. Больше его никто не видел. Штормов не было.

– Ну, и что из этого?

– Ржавый Билл предложил сахар по четвертной цене. Я взял.

– Думаешь, Ржавый Билл приложил лапу к английскому судну? Он что, с ума сошел?

– Не знаю, сошел или нет. Соображайте сами. Теперь он как волк ищет следы уже своего пропавшего судна. Чего ради?

– Наверное, на его пропавшей посудине было что-то с английского судна. Причем такое, что никем не должно быть обнаружено и привязано к нему. У него чутье обостряется, когда дело начинает пахнуть для него веревкой. Не надо было ему, находясь на территории и под покровительством Англии, нападать на английское судно. Он всех подставил, а не только себя. Да, то, что он ищет меня, можешь не говорить. Знаю.

– Есть еще сегодняшний слушок, имеющий отношение к этому делу.

– Да?

– В море выловили чуть живого матроса и при этом якобы с пропавшего судна Ржавого Билла. Умер через час, всё время повторяя что-то про большой красный корабль с тысячей пушек. Таких кораблей не бывает. Бред, наверное.

– Интересный слушок.

– Если уже и я его знаю, то Ржавый Билл узнал уже давно. Ему имеет смысл взглянуть на покойника, чтобы опознать, его это матрос или нет.

– Как некстати этот покойник!

– А нам-то что до него?

– В этих краях никогда не знаешь, когда и откуда на тебя свалится гора. Так или иначе, мы с этим делом связались, купив сахар.

– Кто же мог знать?

– Успокойся, тебя никто не винит. Ладно, какой итог?

– Тысяча двести десять фунтов.

– Очень неплохо, Ларри. Свое взял?

– Взял.

Ларри полез в сундук и выложил на стол два звякнувших мешка.

– Серж, забери.

Я развязал сидор, спустил в него полученную выручку, завязал и закинул на плечо. Тяжеленьки пиратские денежки!

– Мы пошли, Ларри. Будь здоров.

– До свидания, сэр Виктор. Да, чуть не забыл. Ходят какие-то смутные слухи про бесовские искушения в таверне "Рак".

Весь путь до острова Альберта Капитан молчал, погрузившись в размышления. Только выбираясь из яхты, тяжело вздохнул:

– Ну и кашу заварил Ржавый Билл. Собрали, что называется, слухи.

В "Раке" царила, прямо скажем, вечерняя идиллия. Не битком, но свободных мест немного. Вся публика делится на тех, кто здесь впервые, и кто не впервые. Но на всех явно видны следы серьезных трудов над посильным облагораживанием своей внешности. Во всяком случае шейные и головные платки явно постираны, а шляпы почищены. Тот, кто впервые — сидит, словно аршин проглотив. Иногда даже — пряча грязные руки под стол. Тот, кто не впервые, разыгрывая завсегдатая, щеголяет стрижеными ногтями и развязно поковыривает вилкой в зубах.

Марианна не одна обслуживает посетителей. В зале еще две девушки. Одна из них подсела к столу, занятому небритой троицей зверского вида, и терпеливо объясняет клиентам, для чего перед каждым из них лежит по нескольку ложек и вилок. Чему они обалдело, но сосредоточенно внимают, боясь дохнуть на сидящее напротив них ангельское создание.

Узрев такую картину, Капитан настолько оторопел, что только и смог пробормотать:

– Черт меня побери! Отлучился-то всего-навсего месяца на три…

Тихонько предостерегаю:

– Осторожнее, сэр Виктор. Еще не хватало, чтобы вы хлопнулись в обморок от удивления.

Воспользовавшись шоковым состоянием хозяина, неслышно подкрался Люк. Пробормотал вполголоса:

– Ржавый Билл тут уже третий час околачивается. Вон в угол забился.

– Передай, что я приму его в конторе. Пойдем, Серж.

Мизансцена нехитрая. Капитан за столом. Ржавый Билл перед столом. Я в углу на сундуке.

– Здравствуй, Виктор, — начинает Ржавый и, кивая на меня: — Это кто?

– Здравствуй, Билл. Мой помощник. Можешь говорить.

– Ты уверен?

– Уверен.

– Дело вот какое. Ты, конечно, слышал, что у меня судно пропало. Причем в сезон отсутствия бурь.

– Слышал. Как и не только это, благодаря тебе.

– Это ты на что намекаешь?

– О намеках потом. Сначала выкладывай свое дело.

– Я думаю, что мое судно не просто пропало, а его кто-то пропал. Если я прав, то груз с него должен где-то и у кого-то всплыть.

– Резонно. А я тут причем?

– Ты один из самых крупных скупщиков в этих краях, если не самый крупный. Я опишу тебе, какой груз пропал, а ты по старой дружбе подскажешь, если он попадет к тебе, от кого он пришел. На сам груз я не претендую.

– Давай, Билл, расставим всё по местам. Друзьями мы с тобой никогда не были. И ты по существу предлагаешь мне заложить поставщика. Кто после этого будет со мной работать? Ты забыл правило: сам потерял — сам и возвращай. А не можешь — забудь.

– Значит, нет?

– Значит, нет. Ты ведь ко мне не первому обращаешься. Что получил?

– Не боишься потерять крупного поставщика?

– Какой ты теперь поставщик! Тебе бы теперь самому лишь бы ноги унести.

– С чего бы это?

–Ты упомянул, что твое судно пропало в сезон отсутствия бурь.

– И что?

– А мне также известно, что в этот же сезон пропало английское судно с Ямайки, груженное сахаром и другими мелочами. Тебя подвела жадность. Не надо было тебе продавать сахар, когда его больше ниоткуда не поступало. Утопил бы вместе с англичанином — и концы в воду.

– Я же тебе его и продал.

– Очень плохо. Косвенно втянул и меня в свою аферу. Свидетелей, что ты его продавал, куча. Рано или поздно концы с концами свяжут — и тогда что будешь делать? У Лондона руки длинные и петлю тебе на шею быстро накинут. Допускаю, что от королевского льва еще можно увернуться. Но ты ведь подставил здесь всех. На английской территории английские подопечные уничтожили английский корабль с английскими подданными и деньгами английского казначейства. Адмиралтейство мигом снарядит карательную экспедицию и сотрет с лица земли Румпель и Тринидад. Хотя для этого хватило бы и тех двух фрегатов, которые стоят в гавани Порт-Альберта. Вот такую свинью ты всем нам подложил. Думаешь, от своих удастся скрыться? Сомневаюсь.

Даже под бородой и загаром было видно, как Ржавый Билл малость побелел, но сразу не сдался.

– Фрегаты из Альберта никуда не тронутся.

– Вот даже как? И губернатор замешан в твоей афере? Тогда вас повесят рядом. Дам тебе совет не как другу, а как бывшему клиенту. Я даже и знать не хочу, что́ вас связывает с губернатором и что́ ты там добыл такое привлекательное на потопленном англичанине. Забудь всё. И свое пропавшее судно, и товар, и губернатора, и ваши планы. Снимайся с якоря и драпай куда-нибудь на

Мадагаскар. Там тебя не знают, места много и далеко. Может, еще уцелеешь.

Ржавый поднялся.

– Виктор, а ты ничего не слышал о красном корабле с тысячей пушек?

– Не только слышал, но и видел, и даже топтал палубы кораблей самых разных цветов, но с тысячей пушек не встречал. Всё?

Ржавый молча вышел. Капитан выглянул за дверь.

– Люк, ты далеко?

– Не очень.

– Пошли за Ржавым кого-нибудь последить, что он будет делать. Отдай Сержу мешочек и организуй поужинать.

Я принял от Люка мешочек с пиастрами и дублонами. Сидор заметно потяжелел. Капитан уже сидел за столом и с интересом наблюдал, как замеченная мной троица зверского вида разбирается между собой с сервировкой, горячо споря по поводу каждой ложки и вилки. Все еще до сих пор трезвые. Хотя бутылки на столе стоят. Спор кончился тем, что, оглянувшись с опаской по сторонам, они разделались со стоящей перед ними жареной рыбой руками.

– Ваш ужин, — оповестил голосок Марианны.

– Обе посудины Ржавого снялись с якоря, — вполголоса сообщил Люк.

– Вот, теперь самим придется расхлебывать ситуацию, — посетовал Капитан. — Правда, я так до конца и не знаю, в чём она состоит.

*

В доме Капитана мне была выделена небольшая комната с диванчиком. Вроде даже по росту. В шкафчике аккуратно сложены мои вещички. Отлично! Когда шли из "Рака" домой, Капитан сказал, что нас ждет ночная работа и нужно хотя бы слегка отдохнуть. Я улегся на

диванчик и постарался вздремнуть. Вроде как ничего и не вышло с этой затеей.

– Вставай, соня, — прервал мои намерения голос Капитана. Смотри-ка, он даже переоделся во что-то походное.

– Я только лег.

– Тогда осталось только встать. Уже три. Ты пять часов проспал. Собирайся и не забудь мешок.

Идти легко. Полнолуние. Только редкие облачка иногда закрывают светило — и тогда ни зги не видно. Темные как ночь матросы уже ждут нас на берегу. Грузимся в яхту и отплываем без всякой капитанской команды. Огибаем восточный берег острова и направляемся в открытое море.

– Можешь вздремнуть, если хочешь, — разрешает Капитан, — плыть долго.

– Вряд ли. Сон перебился. А куда мы направляемся, если не секрет?

– На остров сокровищ.

– Как в кино?

– Вроде. Помолчи немножко. Мне надо подумать. Ржавый никогда не делает ничего просто так. Почему он именно меня спросил про красный корабль?

Я стал смотреть на звёзды. Никогда не устаю на них смотреть. Даже с закрытыми глазами. Когда я их открыл, то мы подплывали к какому-то зеленому и слегка скалистому островку. Солнце уже приподнялось над горизонтом.

Яхта медленно наползла носом на отмель. Спрыгиваем на берег. Какая же тут благодать! Шелковый желтый песок, яркое солнце, синева бескрайнего моря, голубизна почти безоблачного неба, зелень склонившихся над узким пляжем пальм. И тишина, нарушаемая лишь шелестом набегающих на берег волн. Божественный уголок!

– Замечтался? — разрушил голос Капитана все райское волшебство. — Надо идти. Мешок не забыл? Квали, ждите нас в бухте на той стороне острова.

И мы через несколько шагов вступили в райские кущи. Что-то они не совсем райские изнутри. Переплетения корней, какие-то уж очень густые и цепкие кустарники и всё больше и больше камней под ногами. И всё крупнее и крупнее становятся камни. Их уже приходится обходить, а не переступать.

Минут через десять нет уже ни пальм, ни мелких камней. Пошли скалы с извилистыми проходами между ними. Очень смахивает на природный лабиринт, поросший мелкими кустиками и густой порослью вьющихся растений. Словно сплетенные из канатов занавеси с листьями и цветами спускаются с вершин скал. Капитан уверенно лавирует в этой путанице проходов и ответвлений. Если он меня бросит, то не скоро найду выход к берегу. Правда, по солнцу трудно было бы ошибиться в выборе общего направления. Наконец останавливаемся.

– Здесь.

Капитан раздвигает путаницу лиан и втискивается в какую-то щель. Я за ним. Вовсе и не щель, а довольно свободный проход. Просто "занавеска" густая и тяжелая. Отпускаешь стебли, и они смыкаются, не оставляя никаких просветов. Короткий коридор и в конце естественный грот глубиной метра четыре-пять с дырами в потолке, словно предназначенными для освещения.

– Вываливай багаж, — следует команда Капитана.

У дальней стены — груда мешочков, подобных тем, что я достаю из сидора. Видно, что их давно сюда складывают. Ибо поднакопилось немало. Если оценить размер кучи с поправками на вес золота и серебра, то, вероятно, получится, что здесь пиастров и дублонов, а также луидоров и соверенов где-то тонны полторы-две. Есть еще пара больших, кованых сундуков, а у правой

стены свалено изрядное количество старинного огнестрельного и холодного оружия. Надо же! В самом деле остров сокровищ и клад налицо.

– Сначала я их сортировал на серебряные и золотые и складывал в сундуки, — откидывая крышки, произнес Капитан. — Потом плюнул на это и сваливаю прямо как есть.

Сундуки доверху набиты золотыми и серебряными монетами. Завораживает. Вопросительно взглядываю на Капитана. Он кивает. Запускаю руки в золото, поднимаю и выпускаю поток монет между пальцами. Они со звоном текут обратно. Круто! Ну-ка еще разок! Ведь это не киношная бутафория.

– Как понимаю — это честные трудовые накопления на тернистом поприще скупщика краденого. И что вы с ними намерены делать?

– Ничего.

– Понимаю. В свой мир не заберешь, а здесь при эпизодических наездах тратить не на что и нет смысла, даже если бы и было на что потратить.

– Вот именно.

– А если раздать?

– Даровые деньги портят людей.

– Тоже трудно что возразить. Тогда, может быть, радость обладания богатством? Вы в себе, сэр Виктор, тяги к скопидомству не ощущаете?

– А что, есть заметные признаки?

– Нет. Это я так, для поддержания разговора. А если и эта тема исчерпана, то остается только покинуть хранилище вашего банка. Очередной вклад сделан, а созерцание такого громадного, но бесполезного богатства путает мысли. Боюсь рехнуться.

Продолжаем путь в ту же сторону, куда и шли. Видимо, Капитан решил пересечь остров поперек. И действительно, скалы сменились валунами, валуны камнями, а

кустики деревьями. Уже не только вверху, над кронами, но и в просветах между стволами уже кое-где мелькает голубизна неба. Последние шаги — и мы выбираемся на такой же песчаный пляж, с какого и начинали свой поход. Квали с яхтой уже тут.

Перед нами узкая бухта шириной метров двести-двести пятьдесят, отделенная от моря очень высокой, полукилометровой в длину, параллельной бе́регу скальной грядой, за окончанием которой видится расширяющийся выход в море. В такой уникальной заводи и в ураган, наверное, волны не выше, чем в уличной луже. В середине бухты носом к выходу из нее стоит на якоре красный трехмачтовый корабль.

Почему-то я не очень и поражен. Хотя и не ожидал ничего подобного. Столько сюрпризов в этом мире, что начинаешь их воспринимать как нечто само собой разумеющееся. Вообще-то он не совсем красный, как мы понимаем, говоря обычно про этот цвет. Борта́ сочного вишневого цвета с черной продольной полосой от носа до кормы и узкой черной окантовкой двух десятков пушечных портов в два ряда. В необычно длинном, я бы сказал, стремительном корпусе и остром наклоне носа ощущается что-то хищное, как в клюве орла. Красив, красив, стервец, ничего не скажешь, но никакой тысячи пушек нет и в помине.

– Хорош!? — скорее как утверждение, чем вопрос прозвучал голос Капитана. — Я на него наткнулся на верфи в Глазго, где он строился как чайный клипер*. Заказчик разорился, и я выкупил у него судно еще на стапелях недостроенным. Переделали в каперский* корабль.

Прыгаем в свою посудину и подходим к правому борту корабля со стороны кормы. На корме надпись: ""Морской ветер" — Глазго". Оп-ля, сложновато без привычки карабкаться по веревочному трапу! Наверное, со сторо-

ны моя эквилибристика выглядит потешно. Тем не менее благополучно переваливаюсь через борт. Капитан, разумеется, давно там и жмет руку рослому мужчине лет сорока с норвежской бородкой. Знакомит нас.

– Капитан Грегори, — представляется тот и жмет руку сильно, но не больно.

– Серж.

– Сэр Виктор, как насчет того, чтобы позавтракать?

– Спасибо, Грегори, с удовольствием, но немного погодя. Сначала покажу своему помощнику ваш корабль. Есть на что посмотреть.

Команда выстроилась по левому борту. Без напряга, как это бывает при команде "смирно". Человек шестьдесят-семьдесят в одинаковой, чистой, холщовой матросской робе. По-разному, но прилично пострижены, а не бородатые побриты. Чувствуется военная дисциплина и аккуратность. Но вот по возрасту подбор не характерный для военного корабля. От двадцати и лет до шестидесяти, если не больше. Причем боцманы вовсе не из стариков.

Оба капитана обходят строй. Сэр Виктор многих называет по имени и пожимает руки.

– Можно разойтись, — командует Грегори и сам исчезает где-то в недрах корабля.

– Казалось бы, странная команда, — замечает Капитан, когда мы остаемся одни, — но все поголовно, включая и капитана Грегори, когда-то пострадали от пиратов. Некоторые из них потеряли вообще всё, а сами чудом остались живы. Попали сюда самыми разными путями. Некоторых я сам извлекал из воды, где пираты оставили их умирать.

– Я правильно понял, что это тот самый красный корабль о тысяче пушек, о котором на смертном одре твердил пират с судна Ржавого Билла? Покажите, где тут прячут тысячу пушек.

– У страха глаза велики, — усмехнулся Капитан, — а между "есть" и "показалось" большая разница. Пойдем, я тебе кое-что покажу. Дело в том, что клипер — это очень легкий по сравнению с другими корабль. Его делают таким для скорости. Его бортá слишком тонки для использования судна в боевых действиях. Пушечное ядро с легкостью пробьет его насквозь через оба бóрта. Единственное спасение — держаться за пределами дальнобойности пушек противника.

– Но тогда и свои пушки того не достанут, — сообразил я.

– Верно. Потому для этого корабля они и сделаны по специальному заказу.

Мы подошли к одной из пушек верхней палубы.

– Они стальные, а не чугунные или бронзовые, и соответственно — легче обычных. Ствол длиннее традиционных морских пушек почти на три фута. Это дает увеличение дальнобойности больше, чем в полтора раза. Держись на нужной дистанции и расстреливай противника совершенно безответно. А если он всё-таки опасно приблизился, то удирай. Преимущество быстрого хода есть всегда. Клипер всё-таки.

Пушки действительно необычно длинные и тонкие. Да они, похоже, и заряжаются не с дула, а с казенной части. И установлены не на колесах, а на зафиксированном, поворотном лафете с сектором обстрела градусов девяносто. Рядом не видно кучек ядер. Вместо них деревянные, решетчатые рамы, из которых торчат ряды заткнутых чем-то артиллерийских гильз диаметром сантиметров десять-двенадцать.

– Заряжание с казенной части позволяет отказаться от откатки орудия для прочистки и зарядки ствола, — продолжал Капитан, — а скорострельность возрастает в шесть-семь, а то и в десять раз при хорошем навыке. Вот такая скорая пальба и показалась покойному пирату

стрельбой из тысячи пушек. Правда, всё равно используются ядра, но большего и не требуется.

Капитан полязгал откидным затвором пушки.

– Боек примитивный. Трахни по нему молотком или чем-то еще — пушка и выстрелит. Вот такой здесь технический прогресс. Ладно, нас с завтраком уже, наверное, заждались. Пойдем.

Капитанская каюта на корме с окном от борта до борта просторна и комфортна. Отделка и мебель красного дерева. Большой стол посредине уже аккуратно накрыт на три персоны. Похоже, на завтрак у нас рыба. Ну, рыба так рыба. Мы в море всё-таки. Рассаживаемся, и капитан Грегори начинает светскую беседу.

– Как дела у старины Люка? С тех пор как он списался с "Морского ветра", я его очень редко вижу.

– У нашего Люка всё благополучно. Даже более того. Собирается "Рака" превратить либо в заведение высшего класса на манер парижских ресторанов, либо в дом воспитания благородных манер для пиратов.

– Вы шутите, Вик.

– Нисколько. Вот Серж может подтвердить.

– Истинная правда, — вставляю и я словечко, — обслуга уже дамская со знанием этикета.

– Вот — слышали, до чего уже дошло, Грегори?

– Трудно поверить, учитывая, мягко говоря, враждебность Люка к пиратам.

– Ну, он эту враждебность не демонстрирует. Должность обязывает к сдержанности. Но, я думаю, что здесь он что-то скрывает даже от меня. Какую-то хитрость затеял.

– Вот на что-на что, а на хитрости он мастер.

– У меня возникло такое подозрение, что Люк приманивает к себе наиболее живых умом пиратов. А это обычно мореходы — штурманы, лоцманы, судоводители и их помощники. Выделив их еще и по, так скажем, не-

обычным интересам, потребностям из всей массы, он вобьет между ними и прочими пиратами клин неприязни друг к другу. А при вспыльчивости и безнаказанности в пиратской среде, понятно, неизбежна будет поножовщина. А при своем массовом преимуществе черная сила сильно уменьшит численность командного, мореходного состава. Это в любом случае поведет к некоторому упадку пиратства.

– Если ваша, Вик, догадка верна, то Люк затеял великое дело.

– Для вас-то двоих, может быть, и великое. Однако вы подрываете мою торговлю. Грегори уничтожает моих поставщиков, а Люк сеет между ними раздор. Этак мне скоро придется идти в матросы наниматься.

– Так что за беда. Приходите на "Морской ветер". Я с удовольствием приму вас на ваше же судно и даже не матросом, а боцманом, — и оба весело рассмеялись.

– Кофе, пожалуйста, Вик, Серж, — предложил Грегори. — А вы, Серж, не хотите послужить на "Морском ветре"?

– Упаси Бог! Я даже подумываю, как бы мне живым унести ноги со службы у сэра Виктора. Уж очень он коварный тип. С одной стороны, водит прибыльные дела с пиратами, а с другой, как я понял из вашей беседы, всё время старается подложить им какую-нибудь свинью и при этом с вашей помощью, Грегори, — тут уж мы все вместе расхохотались.

– М-м-да-а, — задумчиво произнес Грегори, — если продолжить о свиньях, то наш общий друг Ржавый Билл подложил мне одну из них в последнем рейде "Морского ветра".

– Да слышал я уже об этом недобитом пирате с пропавшего судна Ржавого, которого вы не заметили, — откликнулся Капитан, — ничего ужасного. Так, предсмерт-

ный бред. Все уже забыли. Да и Ржавый, наверное, уже далеко отсюда.

– О каком это недобитом пирате? — вскинулся Грегори. — Впервые слышу.

– Да так, выловили одного с пропавшей "Черной звезды" Ржавого Билла. Он почти сразу умер. Как говорят, только всё нес бред перед смертью о каком-то красном корабле с тысячью пушек. И больше ничего.

– Неприятно это, но я совсем о другом. О том, что́ нам удалось извлечь из обломков "Черной звезды" перед тем, как она пошла на дно. Пойдемте со мной, — сказал Грегори вставая.

Мы спустились на палубу под капитанской каютой. Вероятно, пассажирскую, задуманную строителем судна. В коридорчике четыре двери. Грегори осторожно постучал в ближайшую по левому борту. Дверь чуть-чуть приоткрылась.

– Марта, нам нужно поговорить с вашей хозяйкой.

Дверь медленно растворилась.

– Прошу вас, капитан. Вы не один?

– Со мной человек, о котором я говорил вашей хозяйке, и его помощник.

Грегори пропустил нас с Капитаном вперед и вошел следом, притворив дверь. Каюта в четверть капитанской, но вполне приличная. Стол, стулья, кровать, диванчик, шкаф вполне комфортно помещаются в ней. И даже остается немного свободного места. Две женщины. Вернее, девушки и при этом очень миленькие, и очень печальные и задумчивые. Их платья, как и сами особы, явно пережили не самые приятные приключения. Одна, открывшая дверь, — несомненно, служанка. Другая, сидящая на диванчике, — похоже, ее хозяйка, госпожа. К ней и обратился Грегори.

– Мисс, вот сэр Виктор, о котором я вам говорил, и его помощник Серж. Я намеренно не пересказывал сэру

Виктору вашу историю, чтобы он мог услышать ее из ваших уст. Осведомьте, пожалуйста, его о том, что с вами произошло. Конечно же, коротко, избегая тягостных для вас подробностей.

Девушка немного помолчала, перебегая глазами с капитана на Капитана, а с Капитана на меня. Видимо, осмотр не внушил ей беспокойства.

– Присаживайтесь, господа. Меня зовут Анабель Чарльстон. Я дочь лорда Чарльстона — губернатора Ямайки. В Лондоне меня ждет жених Джозеф — старший из сыновей лорда Гамильтона. Скоро наша свадьба. Мы со служанкой отплыли с Ямайки около двух недель назад. Но на наше судно напали пираты. Из всех только нас с Мартой оставили в живых, узнав мое имя. Потом капитан пиратов всё допытывался, насколько богаты мой отец, жених и лорд Гамильтон. Затем он исчез, а нас держали на пиратском корабле до тех пор, пока сэр Грегори не потопил его. Сэр Грегори обещал доставить нас в ближайший английский порт. Но оговорил, что должен с кем-то, наверное, с вами, посоветоваться, как это лучше сделать. Ибо его судну по каким-то причинам нельзя входить в порты.

А она не глупа. Так лаконично и исчерпывающе описать бездну пережитых событий не каждый сможет. Совсем не похожа эта юная особа на избалованных и капризных титулованных барышень из романов и светских сплетен. Самообладание неплохое. Может, это будущая леди Гамильтон? Я невольно даже стал симпатизировать ей. Впрочем, у известной леди Гамильтон было, кажется, другое имя.

Сэр Виктор, смотрю, задумался. Это ж надо, какая задача возникла! Но я уверен на сто процентов, что он выкрутится. Если нет, то я как помощник подскажу ему самый верный способ решения. Бросить их обеих за борт — и конец всем проблемам! Так не согласится же

— джентльмен. Или капитан Грегори воспротивится. Вон он как пожирает глазами лордовскую дочку! Бог с ними, не буду ничего предлагать. Пусть мучаются.

– Мисс Анабель, — начал сэр Виктор, — капитан Грегори совершенно прав. Его судну запрещено входить в какие-либо порты. Таков приказ. "Морской ветер" оснащен для борьбы с пиратством, и успех этой борьбы зависит от того, насколько скрытно корабль будет действовать. Иными словами, никто за исключением очень немногих лиц не должен знать не только о местонахождении "Морского ветра", но и о его существовании вообще. Ваше спасение из пиратского плена — лучшее подтверждение действенности такой тактики. Вы понимаете? — Мисс Анабель кивнула головой.

– Вот поэтому мы не можем доставить вас в какой-либо порт прямо на этом судне. Оно будет раскрыто, и дальнейшие успехи затруднены. Но можем организовать вашу дорогу домой другим судном, однако это потребует некоторого времени. Проблема в ином. Вы и ваша служанка знаете теперь о существовании "Морского ветра" и о признаках его местонахождения. Мы не можем допустить, чтобы эти сведения были разглашены. Равно как не имеем права принуждать вас брать на себя обязательства сохранения тайны.

Поэтому, как ни прискорбно, но мы вынуждены подчиняться обстоятельствам. А обстоятельства диктуют лишь два выхода из ситуации. Вы, мисс Анабель, и ваша служанка добровольно принимаете на себя обязательство сохранения тайны вашего спасения. Мы же доставим вас, куда требуется, и предоставим вам правдоподобную легенду, которую можно рассказывать кому угодно.

– Это разумное условие с вашей стороны, — заметила Анабель, — а какое другое?

– Вы не берете на себя никаких обязательств и будете нашей гостьей на "Морском ветре" до тех пор, пока капитан Грегори не завершит свою миссию. Тогда он доставит вас на своем судне хоть в самый Лондон. Об опасностях и трудностях такого варианта, вы, конечно, догадываетесь.

– И сколь долго будет длиться миссия капитана Грегори, — сэр Виктор?

– Год, возможно, два.

– Сэр Виктор, вы можете положиться на наше с Мартой благоразумие. Я ручаюсь за нее. Мы примем обязательство сохранения тайны и также примем легенду, которую вы нам предоставите.

– Очень хорошо, мисс Анабель. Составьте список вам необходимого, и мы отправим за ним посыльного. Нужно время, пока мы всё организуем для вашего перемещения в ближайший английский порт.

На этом мы откланялись и поднялись в капитанскую каюту.

– Я поражен, сэр Виктор, — начал я, — вашим красноречием и вдохновением, с каким вы обрабатывали несчастную и доверчивую девушку. И просто изумлен вашей изворотливостью, с помощью которой вы ей ни слова не соврали и вместе с тем не сказали и правды. Бедное дитя теперь всю жизнь будет считать, что повстречала людей, находящихся на государственной службе.

– Клянусь Богом, Серж, у тебя необыкновенная способность разрядить любую психологически проблемную ситуацию, доведя ее до гротеска, абсурда, комизма. Без тебя было бы скучно.

– Спасибо. Мне как-то раз уже говорили, что со мной интересно.

– Я даже готов поспорить, — продолжил Капитан, — что у тебя есть свой простой рецепт решения проблемы.

И даже догадываюсь, какой. Выбросить Анабель и Марту за борт.

Капитан Грегори отвернулся к окну и заложил руки за спину.

– Я сокрушен и пристыжен вашей прозорливостью, сэр Виктор. Да, это третий вариант решения проблемы. И какой изящный! Однако есть и четвертый. И ничем не хуже ваших двух. Может быть, даже и лучше, честнее. Ибо не предусматривает запугивания и так несчастных девушек двухлетним заточением на этом корабле.

– Да? И что это за вариант?

– Выдать Анабель замуж за капитана Грегори. Она забудет о своем происхождении, титулованных родственниках и поселится на архипелаге под фамилией мужа. А дальше — уж как судьба распорядится.

Похоже, сэр Виктор слегка опешил, но быстро справился с собой, скосив глаза на спину капитана.

– А, Грег? Каков поворот!

– Не смешно, — ответствовал тот, — хотя как вариант имеет право на жизнь. Но будем придерживаться того, которого добились.

Сэр Виктор недоверчиво повертел головой. Явно в адрес Грегори. Словно сомневаясь в его откровенности.

– Ладно, обсудим ситуацию. Понятно, что Ржавый Билл участвовал в захвате английского судна. Понятно и то, что расспросы о состоятельности отца Анабель и отца жениха велись не просто так, а с целью определить возможный размер выкупа. Затем Ржавый покинул "Черную звезду", оставив ее болтаться в море, чтобы никто не увидел пленниц, а команда не проболталась. Однако Ржавый — не та фигура, у которой могли быть связи и на Ямайке, и в Лондоне. Ему нужен посредник, с которым там и там будут говорить и через которого можно будет совершить обмен.

– Губернатор, — подсказал я.

– Верно. Ржавый ведь косвенно проговорился о каких-то отношениях с губернатором. А сэр Хаксли — как раз нужная Ржавому фигура. Хитер, жаден, беспринципен. Пойдет на любую аферу, если будет убежден в своей безнаказанности. Вопрос в том, что произойдет, когда мы доставим Анабель в Порт-Альберт? Мы не знаем, на какой стадии и сути находится вопрос выкупа.

Если Хаксли еще ничего не делал, то это одно. А если уже разослал письма, то это другое. Всё дело в содержании писем. В зависимости от этого содержания внезапное появление Анабель может просто сорвать сделку без угрозы для Хаксли. Но с другой стороны, может и подвести его под виселицу. Если Хаксли в письмах выступает просто посредником, то ему ничто не грозит. А если, сговорившись с Ржавым, спасителем Анабель, с уже в каких-то шагах осуществленным планом, то внезапное появление жертвы разоблачает его как участника сговора.

– Когда вчера Ржавый снялся с якоря, у него не было времени встретиться с губернатором, — напомнил я.

– Если он, следуя моему совету, отправился прямо на Мадагаскар, то его отсутствие заставит губернатора засуетиться. Если письма разосланы. Как-то это проявится. Нужно подождать и понаблюдать.

– А может просто отправить Анабель через другой порт? — вступил в разговор Грегори.

– И на чём мы ее туда доставим? — возразил сэр Виктор. — До Кубы почти две тысячи миль. На "Морском ветре"? И время угробим, и корабль раскроем. Да еще придется объяснять испанским властям, зачем частному лицу корабль военного типа без флага. Вернуть на Ямайку ничем не лучше. Объясняйся тогда с английскими властями. Проще всего высадить Анабель с легендой в Порт-Альберте. Препятствие — только неизвестность с губернатором. Подождем, — и добавил с ехидцей: —

Если, конечно, вы, Грегори, ради общего дела не решитесь на четвертый вариант решения проблемы.

– Вам бы только шутить, Вик, — отпарировал, улыбаясь, Грегори, — я бы пошел на такой шаг, принеся себя в жертву, но исключительно ради общего дела. И уговаривать мисс Анабель тогда будете вы, Вик. У меня нет вашего делового красноречия, чтобы убедить Анабель в необходимости для нее такого шага.

В дверь каюты постучали. Вошла Марта с какой-то бумажкой.

– Вот, сэр Виктор, список вещей, которые мисс Анабель хотела бы иметь. Если возможно, конечно.

– Хорошо, постараемся достать.

– Марта, — добавил Грегори, — передайте вашей хозяйке, что вы можете выходить гулять на капитанский мостик в любое время, когда пожелаете. Пушечные же палубы — не место для прогулок.

– Спасибо, сэр Грегори, — и Марта вышла.

– Теперь наша охота откладывается, — с досадой произнес Капитан, разглядывая записку, принесенную Мартой. — Нужно отослать Квали в Порт-Альберт за вещами, а потом ждать, когда он вернется. Раньше завтрашнего дня не выйти. Куда думаете, направиться, Грег?

– Вместе с этой парой на борту?

– Не вижу, почему бы они мешали вам заниматься своей работой. Тем более что они уже осведомлены о ее характере. Ладно, нужно проинструктировать Квали и отправить его, — и Капитан выскользнул из каюты.

– Пожалуй, и мы выберемся наружу. Жарковато тут. Не возражаете, Серж?

– Какие могут быть возражения. Вы тут капитан, — и мы поднялись на мостик.

Благодатный ветерок действительно освежает, и не только нас. Анабель и Марта уже здесь, воспользовав-

шись благосклонностью капитана. Сэр Виктор стоит внизу у борта и что-то втолковывает Квали. Тот согласно кивает, спускается в яхту, и они с напарником споро поднимают парус. Легкая посудинка быстро побежала к выходу из бухты.

От нечего делать спрашиваю:

– Сэр Грегори, можно воспользоваться подзорной трубой? — я уже приметил, где она.

– Пожалуйста.

Отличная вещь, наверное. Растягиваю ее и начинаю наводить на резкость, направив объектив на выходящую из бухты яхту. Вдруг метрах в двадцати от носа яхты взметнулся столб воды, а через мгновение донесся звук пушечного выстрела. Еще через секунду на месте яхты вознеслось облако обломков и донесся звук пушечного залпа.

Забил корабельный колокол.

– Все по местам! Якоря поднять! Шлюпки правого борта на воду! Абордажная команда по шлюпкам! Подать носовые концы! Развернуть судно бортом! Открыть пушечные порты! Зарядить орудия! Женщины вниз!

У Грегори и команды мгновенная реакция. Еще якоря не вышли из воды, а шлюпки, подхватив канаты, уже тянут нос корабля, разворачивая его бортом к выходу из бухты. Не прошло пяти минут — и судно в боевом положении. Матросы замерли у пушек.

Ничего не происходит. Никто не рвется в бухту. В подзорную трубу четко видно, что среди обломков яхты ни Квали, ни второго матроса нет. Поймав взгляд Грегори, отдаю ему подзорную трубу. Он тоже разглядывает обломки.

– Наблюдатели, на марс!

Вверх по вантам полезли два матроса. Сэр Виктор уже здесь. Все молчат. Вскоре один из наблюдателей спускается с мачты и взбегает на мостик.

– Сэр, что там за грядой, и сверху не видно. Скалы слишком высоки. Видны только верхушки мачт двух кораблей у выхода из бухты кабельтовых в двух-трех от берега. Есть ли еще суда ближе к берегу за скалой не видно.

– Хорошо. Пусть второй тоже спустится, и идите сюда. Дам задание.

– В отличную ловушку мы попали, — прокомментировал ситуацию Капитан, - Кто же это и как нас выследил? Да еще и напасть рискнул. Если их там только два судна, то известными мне парами ходят только фрегаты из Порт-Альберта. Правда, у Ржавого теперь тоже пара, но он должен быть на пути к Мадагаскару.

– Должен — это неопределенность, — заметил Грегори.

– Тоже верно. Думаю, нападающие в бухту не полезут. Они дали нам знать, что мы в ловушке. Постараются вынудить нас самих выйти, взять измором или атакуют еще и с берега. Из этого вытекает, что так или иначе нам нужно выходить.

– Перед выходом нужно убрать чужие глаза со скалы.

– Думаете, они там, Грег?

– Больше негде. Только по сигналу можно было поймать на прицел быстро идущую яхту прямо на линии выхода из бухты. Даже если пушки и заряжены заранее. Они не дали вашему Квали ни малейшей возможности развернуться и уйти обратно в бухту. Как только засада появилась в видимости у Квали, то тут и последовал залп. А видеть бухту и подавать сигнал в море одновременно можно только с гряды.

На мостик поднялись оба наблюдателя. Грегори им объяснил:

– На гряде где-то должны сидеть дозорные. Зайдите в мою каюту и возьмите оттуда подзорную трубу. Изнутри корабля постарайтесь разглядеть, где они. Очень

осторожно. На скале не должны заметить, что их разглядывают.

– Есть, сэр.

– От пушек не отходить! — последовала команда, — Обедать поочередно!

Обедали в полном молчании. Только закончив, Грегори попросил:

– Серж, навестите, пожалуйста, наших дам. Успокойте их, если потребуется, и предупредите, что ночью им придется временно перебраться в носовой матросский кубрик, — и, уловив вопросительный взгляд Капитана, добавил: — Когда будем прорываться, то корма окажется самым уязвимым местом. Особенно по левому борту.

Успокаивать никого не пришлось. Только Анабель спросила:

– Серьезные сложности?

– Пожалуй. Вы сами видели, что произошло, а мы так и не знаем, кто прячется за скалой и сколько их. Будем прорываться в море, и на корме окажется опаснее всего. Капитан Грегори просит вас быть готовыми на время перебраться ночью в носовой матросский кубрик. Это ненадолго. Матросы в это время будут все заняты на палубе.

– Мы готовы. Вы, Серж, сказали, что самое опасное место будет на корме. И капитан Грегори будет именно там?

– Конечно, место капитана рядом со штурвалом.

– Пожелайте ему от меня, — Анабель слегка смутилась, — вернее, от нас с Мартой удачи.

– Она ему очень понадобится. Передам непременно.

Что я и не преминул сделать, вернувшись в капитанскую каюту.

– Сэр Грегори, докладываю вам, что дамы готовы исполнить любое ваше распоряжение и желают вам удачи. Причем мне показалось, что одна из них желает вам

удачи больше другой. Но тут я могу ошибаться и потому не буду уточнять, какая это из дам. Выбор на ваше усмотрение.

Стук в дверь. Заходят наблюдатели.

– Можно докладывать, сэр?

– Да.

– На скале замечено движение. Примерно на кабельтов правее середины. Там, где разлом, похожий на два пальца.

– Вызовите боцмана Спири.

Один из дозорных сорвался с места и через минуту вернулся с боцманом.

– Боцман Спири, сэр.

– Вот что, Спири, сейчас наблюдатели покажут вам место на скале, где видели движение. Потом я объясню задачу.

Матросы провели краткую консультацию с боцманом, осторожно разглядывая скалу через окно.

– Я понял, сэр.

– А задача такая. Сегодня ночью убрать этот дозор и просигналить нам со скалы, сколько за ней прячется судов. Мы не можем знать, сколько там засело человек. Но нужно исходить из того, что противник предполагает посылку на скалу наблюдателей от нас. Днем, конечно. Группа противника должна быть достаточной по числу, чтобы отбить наших наблюдателей, если они полезут на скалу. Вам, Спири, придется продумать, сколько людей взять с собой ночью. У вас должен быть перевес. Ибо сделать всё нужно бесшумно.

Порядок операции следующий. Ночи сейчас лунные, и на облака надежды мало. Поэтому команда, которую вы подберете, пойдет в воду через пушечный порт правого борта. Добираться до берега без малейших всплесков. Хотя бы и медленно. Будем надеяться, что ветер

удержится и на воде будет рябь. Выбираться на берег, скрываясь за камнями.

Для большей надежности часть вашей команды, Спири, остающаяся на корабле, устроит на носу "Морского ветра" какое-нибудь представление для отвлечения внимания. Сообразите сами. Какая-то беготня, суета, мелькание фонарей, падение чего-то в воду. Всё это на время, достаточное для пловцов, чтобы достичь скалы. Мы будем ждать вашего сигнала со скалы, и, как только начнет рассветать, пойдем на выход из бухты. Заберем вас со стороны моря, когда всё закончится. Пока идет пальба, к берегу не приближайтесь — шальные ядра. Всё понятно?

– Да, сэр.

– Идите все.

– Меня занимает, почему они не шлют переговорщика? — прервал свое молчание Капитан. — Ведь именно для этого они нас заперли, раз ничего больше не предпринимают. Должны быть предъявлены какие-то требования.

– Предъявят, но не сегодня, - ответил Грегори. — Сегодня мы должны убедиться в полной безнадежности нашего положения. Там, за скалой ждут, что мы будем активнее. Пошлем шлюпку на разведку. Пошлем наблюдателей на скалу. Но на скале мы с самого начала людьми рисковать не будем, и это они могут допускать. А вот если шлюпку на разведку не отправим, то это будет подозрительно. Так что запустим. Будем тянуть время.

*

Шлюпка пошла, когда солнце уже начало склоняться к горизонту. Сначала быстро, а потом всё медленнее. Словно собиралась осторожно заглянуть за скалу. Метров за пятьдесят впереди шлюпки, еще не дошедшей до линии выхода из бухты, возник водяной столб от упав-

шего ядра и послышался гром пушечного выстрела. Шлюпка повернула обратно и пристала к правому борту.

– Увидели чего-нибудь? — крикнул Грегори.

– Не дошли!

Ужинали опять в полном молчании. Потом долго сидели, не зажигая огня, в ожидании темноты. Постучал вахтенный матрос.

– Спири отправляется.

На нижней пушечной палубе у открытого порта горит фонарь. Шесть человек. Спири седьмой.

– С Богом! — напутствует Грегори.

Люди по очереди бесшумно соскальзывают по канату в воду. И тут же на верхней палубе начинается какая-то суета. Топот ног, крики. Быстро взбежав на капитанский мостик, застаем только мерцание фонаря и нескольких матросов, толпящихся у бушприта. С его конца какая-то фигура бросается в воду и плывет к берегу острова. Пистолетный выстрел вслед. Ожидание. Смутная тень вылезает на берег и скрывается за деревьями.

– Целый спектакль разыграли, — восхитился Капитан. — Будем надеяться, поможет.

– Остается ждать сигнала.

В середине ночи на скале вспыхнул огонек. Погас. Снова зажегся и погас. Через минуту всё повторилось. Все вздохнули с облегчением. От острова отделилась тень и поплыла к кораблю. С борта сбросили трап.

– Вахтенный, боцманов ко мне!

Через мгновение все были на капитанском мостике.

– Чтобы быстрее проскочить простреливаемое пространство, — начал Грегори, — нам нужно как можно больше разогнать корабль, а бухта для разбега невелика. Спускаем шлюпки и за корму оттягиваем "Морской ветер" в самую глубину бухты. Завести с кормы канаты и привязать к деревьям. Дальше всё будет зависеть от того, насколько быстро будут ставиться и спускаться па-

руса. Поэтому работа с парусами всей командой. Внизу остаются только плотники для срочной заделки пробоин ниже ватерлинии. Никаких дудок и колоколов. Взмах моей руки означает ставить все паруса. Когда выйдем из бухты в море, по моей команде паруса спустить и все к пушкам. Так что с подъема и до спуска парусов всем оставаться на мачтах. Это хорошо еще и тем, что стрелять в нас будут по корпусу и пушечным палубам, а там в это время никого не будет. Всем понятно? Отлично. Спустить шлюпки!

Корабль отбуксировали в самую глубь бухты. Два каната с кормы привязали к ближайшим пальмам на берегу. Шлюпки подняты. Вся команда у мачт. Луна почти зашла за горизонт. Ждем рассвета.

– Вахтенный!

– Да, сэр.

– Проводите женщин в носовой кубрик.

Ждем. Вот стало чуть светлее. Все напряглись. Ждем. Минут через двадцать окружающие очертания стали достаточно отчетливыми. Пора? Грегори взмахивает рукой, и матросы побежали по вантам. Мгновенно развернулись паруса. Корабль двинулся вперед и застыл, удерживаемый канатами. Пальмы согнулись, но выдержали. Еще момент.

– Рубить канаты!

"Морской ветер" рванул так, что трудно было устоять на ногах и, набирая скорость, понесся к выходу из бухты.

– Левее. Еще левее. Так держать!

Пролетаем линию выхода из бухты. Слева в полутора-двух кабельтовых два довольно крупных судна по пятнадцать-двадцать пушек с борта. Выстрелов нет. Пять секунд — выстрелов нет. Десять секунд — выстрелов нет. Пятнадцать… Два выстрела. Поздно! Мы проскочили пристрелянное место. Двадцать секунд — залп с поправкой наводки. Несколько ядер врезаются в корму

и еще больше их пролетает мимо. Еще тридцать секунд перезарядки пушек. Залп. Уже совсем поздно! Ядра не долетают. Проскочили!

– Лево руля! Паруса долой! К орудиям!

"Морской ветер" описывает широкую циркуляцию и медленно останавливается левым бортом к противнику. Команда уже у пушек. Ядра не долетают до нас метров сто-сто пятьдесят. Там началась суета подъема парусов. На одном из судов вспышка огня. Доносится грохот.

– Пушку разорвало. Попытались увеличить заряд, — догадался Грегори.

– Черт, — раздается голос Капитана, — вот так Мадагаскар! Это же "Сцилла" и "Харибда" Ржавого Билла!

– Сейчас будет им и Сцилла, и Харибда вместе взятые! — откликается Грегори. — По первому беглый огонь — пли!

Дьявольская музыка сразу двадцати скорострельных пушек похожа на оглушительную, басовую пулеметную очередь с нарушенным ритмом. Если бы не ветер, сносящий дым, было бы невозможно прицельно стрелять. Пушки нижней палубы бьют настилом над водой, чтобы делать проломы борта ниже ватерлинии. Эти ядра как маленькие торпеды скользят по поверхности воды, поднимая брызги от сбитых гребешков волн.

Сто пятьдесят смертоносных ядер почти прямой наводки за минуту превращают цель в быстро погружающуюся кучу обломков с покосившимися мачтами. Пушки смолкают.

– Перенос огня! По второму беглый огонь — пли!

Опять тот же дьявольский рев. Второй не выдерживает и половины минуты. Огромный столб пламени и дыма. Попали в пороховой погреб. Черное облако кольцом поднимается ввысь. Над поверхностью моря словно ничего и не было. От обоих.

– Осмотреть судно! Шлюпки на воду! Абордажная команда!

У нас течей нет. Я с интересом слежу за шлюпками в подзорную трубу. Они приближаются к месту крушения. То там, то там вроде кто-то бултыхается, шевелится в воде. Подходит Капитан.

– Дай-ка, пожалуйста, мне трубочку. Без нее ты хорошо видишь?

– Да ничего не вижу!

– Вот и хорошо. Нечего и смотреть, — говорит Капитан, складывая подзорную трубу. — Зрелище не для слабонервных.

Издалека доносятся звуки нескольких пистолетных выстрелов. Немного погодя еще несколько. Становится жутковато, если попытаться представить, что там сейчас происходит. Хотя разумом понимаешь, что иначе не могло и не должно тут быть. Все странно, страшно и вместе с тем до безобразия буднично. Никакой напряженной погони. Никакой упорной перестрелки. Никакого залихватского абордажа. Единственное романтическое и киношное во всей истории — так это появляющаяся на сцене спасенная красотка, которую никак не сбыть с рук. Ай, чего это я разнылся! Солнце светит, волны качают, завтрак скоро подадут. Живи и радуйся!

Через полчаса шлюпки возвращаются. В них и семеро ушедших ночью на скалу. Ушли все с ножами. Некоторые вернулись с пистолетами или ружьями. Больше никаких трофеев. Всё пошло на дно.

Боцман абордажной команды поднимается на мостик.

– Ржавый Билл был? — спрашивает Грегори.

– Был. Как вы и велели, я ему посочувствовал, что он ошибся курсом, отправляясь на Мадагаскар. Судя по всему, он очень обиделся на сэра Виктора в свой последний момент.

– Хорошо. Все свободны. Пока лежим в дрейфе. Вахтенный!

– Да, сэр.

– Проводите пассажирок в их каюту.

– Есть, сэр.

В капитанской каюте пробита стенка левого борта. Больше ничего. Ядро вылетело в открытое окно. Только собрались по рюмочке по поводу избавления, так помешали — Марта.

– Сэр Грегори, мисс Анабель спрашивает, не могли бы вы дать нам другую каюту. В нашей окно разбито. Спускаемся вниз. Окно вдребезги. Одно ядро разнесло шкаф, переборку и валяется в коридорчике. Второе влетело тоже в окно, вышибло середину двери и ушло через переборку в каюту напротив. Нетрудно представить, что было бы с красотками, если бы они тут остались. Заглядываем в дальние каюты. Всё в порядке.

– Мисс Анабель, можете выбирать любую из них, — предлагает Грегори. — У нас вам две новости. Первая приятная. На потопленном сейчас корабле был капитан пиратов, который прервал ваше путешествие к жениху.

– И он тоже утонул?

– Разумеется. Вторая новость не очень приятная. По причине, которую вы видели своими глазами, доставка заказанных вами вещей откладывается. Если вам не трудно, напишите, пожалуйста, список еще раз.

– Что вы, капитан, я всё прекрасно понимаю. Благость первой новости покроет неприятности хоть сотни таких, как вторая. Я навеки ваша должница.

– Я счастлив, что вас обрадовал, — и мы вернулись наверх, к Грегори.

Графинчик всё так же на столе и рюмки тоже.

– За то, что легко отделались!

– Вообще-то это моя вина, что оказались в такой ситуации, — заявил Грегори. — Расслабился и не устано-

вил пост слежения за горизонтом на скале или хотя бы на марсе.

– Да и я тоже оказался не на высоте, — поддержал самобичевание Капитан, — ведь Ржавый меня словно предупредил своим вопросом о красном корабле. Надо отдать ему должное. Здорово сработал. Когда Квали входил в бухту, Ржавого же здесь еще не было, а через три часа блокада была уже готова. Впредь нам наука.

– Жаль, что теперь мы никогда не узнаем, как он до нас добрался.

– У Ржавого, Грег, в каждом порту куча осведомителей. Там слух, здесь слух. Со временем может и картинка получиться. Хотя это довольно странно. Ко мне слухи о красном корабле не доходили. А ведь слухи — дело всеобщее.

Капитан немного помолчал.

– Вы знаете, Грег, с потерей Квали и его напарника у меня возникают серьезные проблемы со свободой перемещения, присмотром за домом. Так вдруг надежных людей не найдешь ведь.

– Можете не продолжать, Вик. Ваши намерения ясны — ограбление "Морского ветра".

– Мне правда очень жаль.

Я встаю.

– Извините, господа, мне неинтересно будет слушать ваше препирательство по поводу того, что важнее — экипаж или частная обслуга. Всё равно сторгуетесь. Я пойду наверх погулять на свежем воздухе. А пока предложу вам вариант решения всех ваших сегодняшних проблем разом. Сэр Виктор забирает из экипажа "Морского ветра" двух самых захудалых матросов. А сэр Грегори, чтобы восполнить потерю, зачисляет в экипаж Анабель и Марту. И состав весь при вас, и секреты тоже, — и я закрыл за собой дверь. Было слышно, как они там просто покатились со смеху.

Поднявшись на капитанский мостик, я преследовал две цели: прогуляться и посмотреть, как приводят в порядок корабль после боя. О втором пришлось сразу забыть. Там были Анабель и Марта. Свесившись через перила мостика, они с удивлением прислушивались к всхлипывающему ржанию двух капитанов, доносящемуся из распахнутого окна капитанской каюты. Заметив меня, Анабель с беспокойством спросила:

– Серж, скажите, пожалуйста, там всё в порядке?

– В полном порядке. Сэр Виктор и сэр Грегори обсуждают мое предложение о том, что у вас, Анабель, и у Марты следовало бы получить согласие присоединиться к экипажу "Морского ветра". Разумеется, с полным матросским довольствием, обмундированием и жалованием. Будете стоять вахты, чистить пушки, а со временем научились бы и ставить паруса. Это решило бы все сегодняшние проблемы, — Марта прыснула от смеха, прикрыв лицо ладошками.

– Вы большой шутник, Серж, — улыбнулась Анабель

– Вот у вас и сменилось настроение, Анабель. Отрадно. Значит, вы на пути к выздоровлению.

– Знаете, Серж, что самое забавное в том, что вы сказали?

– Что?

– Вы в некотором смысле оказались совсем недалеко от истины. Ваше смешное предложение — это на самом деле способ сменить образ жизни. Чего мне очень хотелось бы, но, к сожалению, невозможно. Традиции английской аристократии, которым я вынуждена подчиняться, весьма тягостны, но обязательны. Да еще и этот династический брак с Джозефом, который устраивают наши родители. Мало радости во всём этом, несмотря на внешнее великолепие.

– Вы, Анабель, нарисовали такую удручающую картину, что впору заплакать. Хотя на самом деле всё об-

стоит совершенно иначе. Ржавый Билл подарил вам совершенно полную свободу делать то, чего вам хочется.

– Я вас не понимаю.

– А тут и понимать нечего. Когда корабль, на котором вы плыли, не придет в Англию, то всем станет ясно, что вас нет в живых.

– Но я ведь жива!

– Несомненно. Только вот теперь Ржавый Билл, мир его праху, предоставил вам самой выбор своего будущего. Вы можете заявить о том, что вы живы и продолжить аристократическое существование. Однако в вашей семье горя в любом случае не избежать. Известие о вашей гибели уже в пути и на Ямайку, и в Лондон. Оно намного опередит известие о том, что на самом деле вы живы.

С другой стороны, вы можете и не заявлять о том, что живы, и по вам в семье объявят траур. Джозеф притворно погорюет немножко и раз уже готов к браку, то быстренько найдет себе другую невесту. Или ему найдут. В этой ситуации вы совершенно вольная птица. Можете поселиться хоть здесь на архипелаге под другим именем и делать всё, что захотите. Правда, возникает вопрос обеспечения. Придется либо всё равно выйти замуж, но уже по вашему собственному выбору, либо начать работать. Сэр Виктор — умный и щедрый человек. Учитывая ваши обстоятельства, он, конечно, поможет вам и с жилищем, и с работой. Это если вы захотите полной свободы.

Но у вас есть еще и третий вариант. Комбинация первых двух. Отсрочить объявление о том, что вы живы. Свобода у вас остается. Джозеф женится на ком-то, и обязательства к нему вас уже не будут связывать. А ваши родители от радости, что вы живы, простят вам все ваше своеволие. Если они вас любят, конечно. В этом случае у вас и желаемая свобода, и восстановленная

связь с семьей. Так что выбор будущего сейчас только в ваших руках, Анабель.

Воцарилось молчание. Марта стоит и хлопает глазами. Как, впрочем, и Анабель. А я спускаюсь на пушечную палубу.

Здесь рабочая горячка. Дымный порох сгорает не полностью, и стволы пушек всё равно требуется чистить. Хоть и не при каждом выстреле. Но пушки уже почистили. Теперь матросы по двое набивают снаряды. Один сидит у кучи стреляных гильз, железным стержнем выбивает изнутри гильзы отработанный капсюль, а потом на его место осторожным постукиванием деревянным молоточком вколачивает новый. Его товарищ в гильзу с новым капсюлем насыпает мерку пороха, закладывает пыж, ядро и втискивает еще один пыж, чтобы ядро не выпало. Для разрывных бомб берется пороховой пыж с дыркой в середине, и ядро своим запальным отверстием совмещается с дыркой в пыже.

– Не хотите попробовать? — спрашивает подошедший боцман.

– С удовольствием.

И вот я сижу прямо на палубе. Гильза стоит между ног. Выбил старый капсюль. Перевернул гильзу и вколачиваю новый. Немного перекосился и не идет. Стукаю чуть сильнее. Оглушительный грохот, а за ним оглушительный хохот матросов. В ушах звон.

– Вы аккуратнее. Нельзя сильно стучать, а если перекос, то выньте капсюль и начните снова.

Начинаю всё сначала. Теперь уже более внимательно и осторожно. Ничего не грохнуло. Второй тоже. Третий. А этот который? Уже последний? А я и не заметил. Решетка для снарядов вся заполнена. С мостика доносится голос Грегори:

– Серж, сегодня вы обед определенно заработали.

Девушек на мостике уже нет, а оба капитана осклабились, словно узрели что-то потешное. Поднимаюсь к ним.

– Сэр Грегори, я наотрез отказываюсь общаться с этой хитрой и коварной интриганкой Анабель, которую вы по доброте душевной подобрали где-то в море и пригрели на своем судне.

– А что произошло?

– Я, конечно, признаю, что, несмотря на аристократическое происхождение, характер у нее совсем не салонный. Не в пример другим, обычно капризным, истеричным девицам. Это настолько очевидно, что невозможно отрицать. Однако буквально не более часа назад она сообщила мне в приватной беседе, что ее жених Джозеф — это для нее тягостная обязанность династических связей. Такая обязанность ее совсем не радует. При этом Анабель — человек живого ума и не могла не понимать, что вы непременно выпытаете у меня содержание этого разговора. Зачем тогда говорить такое?

– Я? Выпытаю у вас, Серж?

– Конечно. Что вы и сделали. Иначе и нельзя расценивать ваш вопрос: "А что произошло?" Вы капитан. Мы на вашем корабле, и мне ничего не оставалось делать, как подчиниться и честно раскрыть всё, что мне пришлось услышать.

Похоже, сэр Грегори потерял дар речи. Стоящий рядом и ухмыляющийся сэр Виктор попытался выручить его, переведя разговор в другое русло.

– После обеда "Морской ветер" двинется к острову Альберта. Грегори высадит нас ночью на шлюпке. Так что у нас будет время вздремнуть.

Но я, тем не менее, закончил свой донос.

– Я, разумеется, не мог оставить такой выпад без ответа. И совершенно справедливо заметил, что пират Ржавый Билл на данный момент освободил ее от какой-

либо династической зависимости. Сейчас она мертва для внешнего мира, и никто не собирается принуждать ее воскресать немедленно, именно сейчас. Если она сама этого не захочет. Всё. На этом разговор был закончен.

Теперь и на челе сэра Виктора появилась некоторая задумчивость. Однако он благополучно пересилил ее и, встрепенувшись, выразил желание всё же пообедать. Что мы все дружно поддержали действием.

Устраиваясь отдохнуть до ночи, в оставшейся свободной и целой каюте на пассажирской палубе сэр Виктор, наблюдая мои мучения с коротким диванчиком, заметил:

– Ты, конечно, мастерски гнешь свою линию, Сергей. Мне нравится. Тебя бы за это даже следовало наградить кроватью, на которой лежу я сам.

– Так за чем же дело встало?

– Ты на диванчике хоть частично помещаешься, а я не помещусь совсем, — и мгновенно отключился, засопев носом.

Фиг, думаю, вам. Меня на кривой не объедешь. Меня уже когда-то награждали благими намерениями — видимостью королевских орденов. Сползаю с диванчика и с блаженством устраиваюсь на кровати в соседней каюте с пробитой ядром переборкой.

*

Грузимся в шлюпку среди ночи. Шестеро гребцов, мы с Капитаном и еще два пожилых матроса. Они согласились сменить экстремальную службу у сэра Грегори на более спокойную у сэра Виктора. Остров Альберта почти не виден. Тем более не может быть виден оттуда и "Морской ветер".

– Сэр Виктор, а почему у Грегори нет ни помощника, ни штурмана?

– Сам видишь, в каких обстоятельствах всё происходит. Почти невозможно найти людей, которым можно доверять, и при этом с необходимым опытом. Вот Грегори и за капитана, и за штурмана. А обязанности старпома, не касающиеся судовождения, разделили между боцманами. Что поделаешь.

Пристали к берегу, высадились. Шлюпка сразу же ушла обратно. Потихоньку добрались до дома. До рассвета еще далеко, и спать не хочется. Капитан пошел знакомить новых слуг со своим хозяйством. Я же вытащил на террасу кресло и принялся обстоятельно созерцать свое любимое небо. Оно, конечно, синее и со звездами, но звезды какие-то не те и не там. Всё равно красиво и таинственно.

*

В "Раке" утром тихо.

– Здравствуй, Люк.

– Здравствуйте, сэр Виктор. Привет, Серж. О, кого я вижу! Питер, Макс, какими судьбами? Будете работать у сэра Виктора? — старые приятели обнимаются. — Вместо Квали и Мамбо? — и вдруг что-то поняв, Люк замолкает.

Марианна шуршит юбкой, обслуживая нас четверых. Новые слуги и одновременно матросы исподволь ласкают ее взглядами. Всё как обычно. Седина в бороду — бес в ребро.

– Ваш завтрак, сэр Виктор. Ваше утреннее вино, Серж, — и все такое прочее.

Уходим после завтрака в контору к Люку, оставив остальных двоих за столом.

– Квали и Мамбо погибли вместе с яхтой.

– Жаль ребят, сэр Виктор. Толковые и надежные, хоть и черные. И кто это их?

– Ржавый. Но и он сам после этого не долго прожил. Вздумал поохотиться за красным кораблем с тысячей

пушек. На том и погорел. Ребята, видишь, есть. Нужна новая посудинка не хуже старой.

– Ржавый, Ржавый… Стало быть, мы ему так и останемся должны триста фунтов за еще не сбытый товар.

– В отчете укажешь их как возмещение пострадавшим от него.

Возвращаемся в зал еще попить утреннего вина.

В таверну вошли двое. Огляделись и присели за стол в углу. Марианна побежала к ним.

– Этим-то что здесь нужно? Никогда раньше не заходили, — удивился Люк.

– А кто это? — спрашиваю я.

– Из губернаторской челяди. Не поймешь кто. То ли слуги, то ли стряпчие. Подозрительно, что они явились сразу вслед за вами. Из дома губернатора в нашу таверну никто никогда не ходит. Предпочитают ту, которая в верхнем городе.

– Ладно, Бог с ними. Ты не в курсе, кто здесь может продать нам подходящую лодку?

– Да так что-то сразу на ум ничего и не приходит. Разве что вдова Хенкса. Славный был лодочный мастер. Я не слышал, чтобы его яхта к кому-то перешла. Можем сходить поговорить с ней. Это рядом.

– Отлично. Пойдем.

Двое из губернаторской челяди поднялись и исчезли за дверью. Марианна подошла к нам.

– Люк, эти двое, — она кивнула на дверь, — интересуются Ржавым Биллом.

– Что спрашивали?

– Кого он искал, с кем разговаривал. Не говорил ли, когда вернется.

– А ты?

– Что видела, то и сказала.

– Ну и правильно. Многие видели то же, что и ты, — Марианна отошла.

– Чудеса. Губернатор ищет Ржавого Билла?

– Возможно, у них вчера была запланирована встреча. А Ржавый не пришел, резко снявшись с якоря, — предположил Капитан. — Ему важнее было не упустить меня и добраться до красного корабля. Должен признать, что слежку он провел безукоризненно.

– Ему удалось выследить "Морской ветер"? — забеспокоился Люк.

– Да, но удачи ему это не принесло. Никто не уцелел.

– В свете этих событий нужно ждать выхода на сцену самого губернатора, — присоединился к предположениям и я. — Он, видимо, что-то собрался делать или уже сделал, а Ржавый вдруг пропал и где пленницы, что с ними, неизвестно. Вряд ли сэр Хаксли станет что-то выяснять у сэра Виктора через подручных. Ведь многие знают или догадываются, что последним собеседником Ржавого был сэр Виктор. И губернатору об этом доложат.

– Не исключено, но пока губернатор еще не наступает нам на пятки, пойдем и поговорим с вдовой Хенкса. Потом, Люк, подготовь на всякий случай людей к встрече губернатора. Сам знаешь, что это за крыса. Не к добру его активность. Разговор если и будет, то довольно щекотливого свойства. Для такой беседы в свою резиденцию Хаксли приглашать не будет.

Вдова Хенкса оказалась еще не старой и сговорчивой женщиной. Яхту покойного Хенкса сэр Виктор приобрел у нее за сорок фунтов. Дороговато вроде бы, но имя мастера… Осмотрев приобретение, Капитан довольно хмыкнул и выразил желание немедленно опробовать ее на ходу. Погрузились. Резвая и легкая в управлении оказалась штучка. Питер и Макс мигом с ней освоились. Покрутились в бухте, вышли в море, вернулись и подогнали к причалу, где раньше стояла погибшая.

– Чудесная вещь! —заявил Питер, — вы видели что она вытворяет, идя галсами* против ветра? Другая так и при боковом не сможет, сэр Виктор.

– Согласен. Приведите ее в порядок. Не пришлось бы нам на ней в бега подаваться. Хотя нет. Хаксли трус, как всякая сволочь, но может попытаться хотя бы чем-то нагадить.

*

Сидим на террасе дома, попиваем утреннее вино и обозреваем лазурные дали. В общем, ведем себя как люди, честно сделавшие все, что нужно, и теперь с чистой совестью свободные от забот. Вдруг сэр Виктор спохватывается:

– Черт, про тряпки-то совсем забыли! Где список-то? — и начинает шарить по карманам. — Ага, вот он. Так-так, ну, это, наверное, найдем. Это подберем. Это есть. А это что? И это, и это — понятия не имею. Серж, посмотри, — и тыкает пальцем в строчки.

– Может, лекарство? Нужна Марианна.

– Точно.

Опять спускаемся в порт, находим таверну "Рак", обнаруживаем Марианну, суем ей список, берем Люка и все тащимся на склад. На самом деле это не склад, а пещера Али-Бабы. Описывать бесполезно. Проще сказать, чего там нет. И это отсутствие немного погодя обнаружилось. Марианна отбирает несколько платьев и ворох еще каких-то мелких предметов женского туалета.

– Нужно кое-где немного ушить, — говорит Марианна, сверяясь с запиской. — Это быстро, и швея тут неподалеку. Пойдем, — и запихивает все отобранное в мешок.

– А вот это, это и это? — мы оба тыкаем пальцами в список в руках Марианны.

– Этого здесь нет. Надо зайти в лавку рядом со швеей.

– А что это, вообще, ты можешь хотя бы сказать?

– Вот это добавляют в воду для мытья, чтобы кожа рук приятно пахла. Вот этим подкрашивают брови и ресницы. А это для губ и щек.

– Косметика, — ахнул Капитан. — Это заговор!

– Нет, это уже подготовка диверсии против наших, — поправил я.

– Как ни называй, а до чего уже дошло!

– Чего вы так всполошились и что такое косметика? — заинтересовалась Марианна.

– Тебе не понять. Это военный термин. Пойдем, мы тебе донесем мешок до швейки. А это, — и Капитан брезгливо ткнул пальцем в строчки, — зайди и купи сама.

Говорить, что мы дотащили до швейки мешок, было бы явным преувеличением. Тащил я один. Вернувшись в кабак, долго сидели молча.

Наконец Капитан не выдержал:

– Ты только подумай, нет, мы, конечно, предполагали такое возможное развитие событий, но с такой стремительностью…

– Вот и оставляй их без присмотра, — посетовал я, — там, наверное, уже и сейчас черт знает, что творится. А если этой диверсантке еще подвезут и боеприпасы, то спасения уж совсем никакого ожидать не придется. Нужно ее как можно скорее изолировать. Может, попросить Марианну взять к себе эту пару на время?

– Нет, есть идея получше. Да и оставшееся наследство Ржавого Билли правильно пристроим. Тут есть довольно толковый юрист-нотариус. Сходим к нему.

Вывеска "Королевский юрист и нотариус Перри Смит" обнаружилась выше по улице. Мистер Перри принял нас с просто невозможным почтением, рассыпаясь перед сэром Виктором в уверениях и изъявлениях. Сразу видно — та еще шельма!

– Мистер Смит, — начал Капитан, — я ваш давний клиент и знаю, что к вам стекаются сведения о купле-продаже домов в Порт-Альберте. Мне нужен небольшой дом на четыре-пять просторных комнат, включая для прислуги, с кухней, террасой или большим балконом и живописным двориком. Найдется что-нибудь такое?

– А на какую сумму, сэр Виктор?

– Не важно. Посмотрим и решим, стоит дом того, что за него просят, или нет.

Мистер Смит немножко скис. Не удастся какой-нибудь хлам подогнать к максимально возможной сумме, имеющейся у покупателя.

– Сейчас я взгляну бумаги. Вот, есть на продажу три дома примерно требуемого размера, а остальное нужно смотреть. Я вас сопровожу.

Мистер Смит запер контору, и мы двинулись в путь. Первый дом в центре города даже не стали смотреть. Сразу видно, что очень старый, неказистый. Второй оказался на окраине. На вершине холма, один незастроенный, пологий склон которого спускался к морю далеко за пределами порта. Расположение дома очень заинтересовало Капитана. И сам дом снаружи весьма миленький. Понятно, что и построен недавно, раз на окраине. Смит отпер калитку. Есть и дворик, и терраса в сторону моря, увитая цветущими растениями. Четыре большие комнаты внизу и мансарда для прислуги. Кухня, само собой. Мебели немного, но самая необходимая есть. Даже постельное белье и посуду бывшие хозяева оставили.

– Мистер Смит, дом продается со всем, что в нем есть?

– Да, включая запасы в погребе.

– Что за запасы?

– Вино. К дому прилагается еще и небольшой участок земли неподалеку с виноградником в четверть акра.

– И сколько за него хотят?

– Триста фунтов за дом и двадцать пять за виноградник.

Сэр Виктор изобразил на лице великое раздумье, а Смит затаил дыхание.

– М-м-да-а, виноградник-то вроде и ни к чему. Хотя с другой стороны, погреб вроде и не мешает. Но не хочу тратить лишнее. Я, пожалуй, возьму дом, если виноградник будет бесплатным приложением.

На физиономии Смита явное облегчение.

– Я уполномочен владельцем вести торг в пределах десяти процентов цены и оформить сделку от его имени.

– Я тоже уполномочен. В купчей должно быть не мое имя. Тут есть какие-нибудь сложности?

– Никаких. Только доверенность на совершение сделки от лица, на имя которого будет купчая.

– Но, мистер Смит, ведь эта доверенность к купчей потом не прилагается, как свидетельство верности сделки?

– Нет, конечно.

– А мы ведь с вами видели эту доверенность и знаем, что она была.

– Безусловно, была. Я могу это подтвердить хоть под присягой.

– Так что у нас всё отлично складывается. Мы с вами пойдем оформлять сделку, а мой помощник сходит за деньгами, — и уже мне на ухо: — В конторке справа — отсчитай. Вот ключ.

В конторке действительно оказалась вместительная шкатулка, доверху набитая золотыми монетами английского казначейства. Тут же и несколько пустых кошельков. Триста фунтов стерлингов даже золотыми монетами, оказывается, весьма прилично весят.

У мистера Смита по условиям сделки сто́роны уже пришли к согласию. Я положил мешок с деньгами на стол.

– На чье имя, сэр Виктор?

– Анабель Чарльстон.

– Так и пишем: Анабель Чарльстон, — старательно выводит на бумаге мистер Смит. Но вдруг отрывает руку и поднимает голову: - Это не та ли…

– Мистер Смит, — обрывает его Капитан, — мы ведь с вами давно сотрудничаем. Не так ли?

– Так, сэр Виктор.

– И вы знаете, что я человек слова, на которое можно положиться?

– Так, сэр Виктор.

– Я вам совершенно определенно обещаю, что с вами ничего не случится. И даже губернатор не потеряет в вашем лице карточного партнера. Если вы не будете проявлять чрезмерной догадливости и интереса относительно этого имени и лица за ним. И упаси Бог, неуместной разговорчивости о появлении этого имени в ваших бумагах, которых, кроме вас, никто и не видит.

Мистер Смит боязливо поежился, несмотря на спокойный и вежливый тон клиента, – Я только хотел заметить, что очень красивое имя у этой дамы, сэр Виктор.

– В этом вы совершенно правы. Заканчивайте, — и Капитан достал свой кошелек. — Вот десять золотых за ваши труды.

Наконец все написано, проверено, нужные подписи и печати поставлены, деньги пересчитаны, документ свернут в трубку, перевязан лентой и вручен сэру Виктору.

Возвращаясь в таверну, заглянули к швейке, расплатились за работу и захватили с собой Марианну, мешок и боеприпасы, которые она там добыла в соседней лавке. Мешок, понятно, опять тащил я. Усадив меня за стол в конторе Люка, сэр Виктор достал перо и бумагу.

– Будем сочинять письмо. Пиши. Э-э-э…

– "Э-э-э" тоже писать?

– Не дури. Пиши: "Уважаемая мисс Анабель, ваш обидчик Ржавый Билл оставил после себя небольшое наследство, которое оказалось в нашем распоряжении. На компенсацию ущерба из этого наследства можете рассчитывать только вы с Мартой как единственные оставшиеся в живых пострадавшие.

Памятуя о вашем стесненном и малокомфортном положении обеих в условиях военного судна, мы озаботились тем, чтобы передать вам всё это наследство с максимальной для вас пользой именно сейчас. Вступить в права владения им вы сможете в любой момент, когда пожелаете. Документы прилагаются и оформлены только на ваше имя.

Определить и выделить компенсацию Марте полагаем на ваше усмотрение, если вы вознамеритесь продать или передать кому-либо свое новое имущество.

Сэр Виктор и Серж".

– Что ж, вполне тактично и политично предлагаете убраться с "Морского ветра", сэр Виктор. Как раз в вашем духе. Всё — складываем в мешок и на почту?

– Складываем. Питер и Макс отвезут.

Но даже сложить не успели. Заглянул Люк и сообщил:

– Пришел один из тех губернаторских, что заглядывали к нам утром. Просит вас, сэр Виктор.

– Скажи, что сейчас выйду, — и, повернувшись ко мне: — Началось. Пойдем отбиваться. Люк, приготовь на всякий случай для гостя стол в зале и вино. Не для этого слуги, конечно. Похоже, прибудет сам его хозяин.

Мы вышли в зал, где к нам сразу подошел еще довольно молодой человек, которого мы уже видели утром.

– Счастлив вас приветствовать, сэр Виктор.

– Здравствуйте, Стэтсон. У вас ко мне дело?

– Не у меня. Губернатор решил проинспектировать порт и случайно узнал, что вы в городе. Хочет попутно о чем-то с вами поговорить. Он скоро будет здесь.

– Буду рад принять его, Стэтсон. Как вы сами-то? Труден секретарский хлеб?

– Есть немного, но пока не жалуюсь.

– Серж, пойдемте встречать гостя.

Выходим из таверны. Что-то больно людно стало вокруг нее. Матросы, горожане-мужчины стоят группками по два-три человека тут и там и о чем-то увлеченно болтают между собой. У многих странно оттопыривается в некоторых местах одежда.

По улице спускается процессия. Это нечто. Четыре здоровущих негра тащат на плечах кричаще расписанные и украшенные разными финтифлюшками закрытые носилки, позади которых, как на параде, вышагивает шестерка английских солдат в красной форме с ружьями на плечах. Носилки останавливаются у входа в таверну. Один из солдат подбегает, отворяет дверцу носилок, и из них торжественно выходит фигура в белом камзоле и треуголке. Сэру Хаксли около шестидесяти. Одутловатое лицо с презрительной миной ко всему и вся окружающему.

– Сэр Хаксли.

– Сэр Виктор.

Рук друг другу не подают.

– Вы хотели со мной поговорить? Лучше это сделать за бокалом хорошего вина. Проходите, прошу вас.

Капитан пропускает губернатора вперед, провожает до стола и пододвигает ему стул. Сам усаживается напротив. Я сажусь в двух шагах от стола. Марианна наливает бокалы и убегает.

– Я смотрю, сэр Виктор, у вас тут женская прислуга при довольно своеобразной клиентуре, от которой даже мне великие хлопоты.

– Времена меняются, сэр Хаксли. Да и с теми, кто нарушает правила заведения, долго не церемонятся, — и Капитан указывает на стену, где висит девиз: "Если ты

что-то хочешь сказать, то прежде подумай, то ли нужно сказать. Если ты хочешь что-нибудь сделать, то прежде подумай, удастся ли тебе после этого вообще что-то делать".

Хаксли проглатывает намек, приподняв бровь то ли в удивлении, то ли в пренебрежении.

– Остроумно. Кто этот человек и почему слушает нас? — спрашивает Хаксли, кивнув на меня.

– Это Серж, мой доверенный помощник. Знает всё, что знаю я, а иногда даже и больше меня. Очень полезен.

– Тогда вам повезло. У меня столь доверенных помощников нет. Предпочитаю не доверять никому.

– Оно и понятно. Среди окружающей публики и соблазнов трудно найти верных людей.

– Вот-вот, сэр Виктор, именно так. Да и не только верных, а хотя бы даже просто законопослушных. Ведь даже и вы, сэр Виктор, не безгрешны.

– Увы, увы, вы совершенно правы, сэр Хаксли. В этих краях безгрешных нет. Уж так угодно Богу и английскому казначейству. Наши грехи приносят Англии неплохой доход. Впрочем, и губернаторству тоже.

Сэр Хаксли берет бокал и пригубливает вино.

– М-м, недурно. Вы правы. Мы, наверное, все не без греха. Но вы, сэр Виктор, еще к тому же и загадочны. В Англии никто вас не знает, а в геральдической палате нет никаких сведений о вашем роде.

– Ничего удивительного. Я не англичанин.

– Допустим, но есть и еще более интересные вещи. Два года назад, когда я был по делам в Англии, то совершенно неожиданно увидел вас на верфи в Глазго. Уже готовое судно на стапелях называлось э-э-э… вроде какой-то ветер?

– "Морской ветер", сэр Хаксли.

– Вот-вот. А вы знаете, что по английским законам частному лицу запрещается владеть военным кораблем?

– "Морской ветер" — чайный клипер. То есть торговое судно.

– Оно было бы торговым, если бы и трюм для товаров не занимали пушки. Причем не видно и его самого, чтобы можно было убедиться в действительной принадлежности его к торговым судам. А два дня назад вы имели долгую беседу с самым опасным пиратом местных вод Ржавым Билли. После чего он моментально куда-то направился. Это наводит на размышления. Вполне достаточно, чтобы арестовать вас и начать следствие, если вы, сэр Виктор, воздержитесь от не официальных объяснений.

– Ах, Сэр Хаксли, сэр Хаксли, — тяжело вздохнул Капитан. — Если бы было так просто меня арестовать. Мы ведь не в Англии.

– Что это значит?

– Если бы вы выглянули в окно, то увидели бы, что ваш военный эскорт под такой опекой, что никому из солдат не дадут даже рукой шевельнуть.

Сэр Хаксли побагровел и начал подниматься со стула. Вероятно, еще не осознал ситуации, но, глянув вокруг, опять сел. В дверях стояли два здоровяка и пристально смотрели на Хаксли, явно ожидая только чьей-то команды. За столами вокруг нас сидели еще несколько человек, не занятые ни выпивкой, ни едой, и тоже смотрели на нас.

– Вы не посмеете! — сдавленно взвизгнул мигом потерявший весь свой гонор губернатор. — Это, это… — искал он подходящее слово, — это не поджентльменски!

Смотрите-ка, а ведь прав был Капитан, сказав, что Хаксли трус. Так оно и есть. Сейчас Капитан начнет из него веревки вить.

– Разумеется, сэр Хаксли, очень по-джентльменски угрожать арестом хозяину, сидя у него в доме. Причем за то, с чем вы прекрасно миритесь столько лет. Не беспокойтесь, вы спокойно уйдете, закончив беседу, ради которой явились даже сюда. К чему угрозы? Взяли бы и просто спросили, если вас что-то интересует. Да полноте, сэр, что вы так переживаете. Выпейте. Вино для этих мест и в самом деле приличное.

Хаксли схватил бокал двумя руками и машинально осушил до дна. Затем, поняв, что никто его убивать не собирается, приободрился и начал собираться с мыслями.

– Извините, сэр Виктор, возможно, я действительно выбрал не совсем верный тон. Большие заботы, знаете ли, следить за некоторой публикой в колонии. Мне донесли, что Ржавый Билл что-то очень активно стал вести себя на островах. Ходят слухи, что он вроде бы причастен к исчезновению английского судна с Ямайки. Вот решил спросить у вас, не известно ли и вам что-нибудь.

Капитан обернулся ко мне:

– Серж, нам известно что-нибудь о Билли?

– Известно, — ответил я.

– Нам что-то известно, — передал Капитан сэру Хаксли, — что именно вы хотели бы узнать?

– О чем вы беседовали с Ржавым Билли два дня назад? Куда он направился и зачем? Где он сейчас и что делает?

– Мы это знаем, Серж?

– Знаем.

– Вот видите, сэр Хаксли, мы, оказывается, и это всё знаем. Правда, о чем мы с ним беседовали, сказать не могу. Разговоры с клиентами не разглашаются. А что

касается остального, то, Серж, выкладывай нам известное. Сэр Хаксли ждет.

– Ржавый Билл получил от неизвестного нам лица сведения о каком-то красном корабле, принадлежащим сэру Виктору. Потом кто-то уже другой уведомил его о красном корабле с тысячью пушек, который будто бы нанес ущерб Билли, потопив его "Черную звезду". Билли попытался и у нас выяснить что-нибудь по этому поводу, полагая, что в обоих случаях это один и тот же корабль. Однако мы ничем ему не помогли, сказав, что кораблей с тысячей пушек не бывает.

Тем не менее он нам не поверил на этот счет и сгоряча бросился искать красный корабль с тысячей пушек по окрестным водам. Ну, и наткнулся при этом на наш "Морской ветер", который и в самом деле покрашен в довольно темный оттенок красного цвета. Но на "Морском ветре" никогда не было и нет никакой тысячи пушек. Это обстоятельство не остановило Ржавого Билла, и он ни с того ни с сего принялся палить по "Морскому ветру". Капитану "Морского ветра" ничего не оставалось делать, как открыть ответный огонь. Через полторы минуты Билли ушел на дно вместе со всей своей эскадрой и командами судов. Словно его и не было. Надо полагать, что в данный момент у него одно занятие — он кормит рыб. Что же ему еще остается делать.

– Вот и всё, что мы знаем о Билли и его делах в последнее время, — сказал Капитан. — Мне бы вот еще узнать, кто и зачем навел его на "Морской ветер". Я бы с этим наводчиком серьезно поговорил бы. Но увы, Билли уже ничего никому не скажет.

Сэр Хаксли опустил глаза в бокал. Капитан воспринял это как признак внезапно вспыхнувшей жажды и налил вина. И оказался прав. Бокал мигом опустел. Воцарилось тягостное молчание вроде бы исчерпанной темы, которое я рискнул прервать первым.

– Есть еще кое-какие сведения о некоем… м-м-м, так сказать, особом грузе с пропавшего английского судна. Груз пропал и от Ржавого после того как оказался в его руках. Что, собственно, очень его расстроило и именно это, скорее всего, подвигло Ржавого на всякие безумства. Эти сведения кому-нибудь интересны?

– Да, да, — встрепенулся Хаксли, внезапно оживая, — об особом грузе очень интересно. Мне предстоит написать письма на Ямайку и в Лондон о судьбе этого… э-э-э… груза.

– А вы еще не писали, сэр Хаксли? — спросил Капитан. — Груз довольно своеобразный. Неосторожное обращение с ним может пахнуть виселицей для кого угодно, невзирая на титулы и должности. Лучше держаться от него подальше и сообщить, что вам о нем ничего не известно. Вероятнее всего, что груз не будет возвращен в ближайшее время на Ямайку или отправлен в Лондон. Может быть, несколько позже.

– Нет, нет, я ничего еще не писал, — поспешно уверил Хаксли, — почтовой оказии не было. Я, пожалуй, действительно сообщу, что на сегодняшний день ничего не известно.

– Я бы даже по-дружески посоветовал бы вам, сэр Хаксли, еще вот что. Если вам приходилось встречать сей груз где-нибудь ранее, то увидев его здесь, лучше всего сделать вид, что он вам не знаком.

– Я учту ваш совет, сэр Виктор. Мне бы хотелось откланяться — дела.

– Конечно, конечно, сэр Хаксли. Я вас провожу до носилок.

Когда встали из-за стола, то оказалось, что странные наблюдатели за нами уже незаметно испарились. А когда мы вышли из таверны, то толкавшиеся тут и там группы людей стали быстро расходиться. Сэр Хаксли

втиснулся в носилки и негры, сопровождаемые солдатами поволокли их вверх по улице. Подошел Люк.

– Ну, как все прошло?

– Нормально. Мы, пожалуй, двинем домой.

Переть мешок с подарками для мисс Анабель опять пришлось мне. Питер и Макс приняли его вместе с устными инструкциями сэра Виктора.

– Когда сдадите мешок, то сразу обратно сами не отправляйтесь. Передайте сэру Грегори, чтобы он отправил вас, когда мисс Анабель посчитает себя готовой покинуть корабль. Доставите ее сюда. Отплывать отсюда и приплывать сюда всегда будете ночью. Гибель Ржавого не отменяет необходимости в осторожности и секретности.

Снова располагаемся на террасе. Оставленное впопыхах на парапете утреннее вино нагрелось, но тем не менее и теплое приятности не утратило. День клонится к закату, а неотложных дел никаких нет.

– Вот мы и знаем теперь, кто навел Ржавого на "Морской ветер", — говорю я.

– Черт с ним. Все губернаторы друг друга стоят. Теперь этот хоть воздержится делать какие-нибудь глупости. Во всяком случае надеюсь на то. Спокойнее будет. Должен же понимать, что запросто мог влезть в петлю. В метрополии и не такие еще фигуры кончали на плахе. Одно дело — терпеть и использовать пиратов ради интересов короны, а другое — вступать с ними в преступный сговор из личной корысти.

– Капитан, поскольку тут наметилось затишье в событиях, я, пожалуй, покину вас. Хочу сходить и в свои владения. А вас приглашаю как-нибудь при случае посетить их со мной. Сейчас с собой не зову. Вам всё равно нужно дождаться развязки в заварившейся каше.

– Спасибо, как-нибудь сходим и к тебе ненадолго. Очень заинтриговало меня тамошнее винцо. Ты там дома поосторожнее. Постарайся выйти от меня незаметно.

– Если случится нами ожидаемое, то передайте поздравления и от меня.

Я удалился в предоставленную мне комнату и переоделся.

Дом, Дом, где ты, Дом…

*

ГЛАВА 5

НОВЕЛЛА НЕ ТОЛЬКО О ПРИНЦЕССЕ

ГЛАВА 5: Новелла не только о принцессе

Осторожно приоткрываю дверь в коридор. Вроде никого нет. Высовываюсь. Тихо. А ведь в капитанской коммуналке вроде бы все соседи должны быть уже дома. На цыпочках бегу к входной двери и выскальзываю на площадку, прикрывая дверь за собой. Тихо внутри щелкнул замок. Не попался. Нет, все-таки попался. Сверху по лестнице как раз спускается Александр.

– Привет, а я думал, Капитана нет дома. Звоню по телефону. Он не отвечает.

– Так его и нет здесь. Он там.

– Он что, брал тебя с собой, что ли?

– Брал.

– Так, понятно. И чем ты его шантажировал для этого? Со мной такой номер не пройдет.

– И не надо. Ты сам за мной будешь бегать с приглашением.

– Ага, жди.

– Саша, ты никуда не торопишься?

– Да вроде нет. Вот в магазин только собрался сбегать.

– Зайдем ко мне на минутку. Или нет, пойдем в магазин, а потом ко мне. У меня и перекусим чего-нибудь. Есть у меня одна идейка. Нужна помощь.

В магазине не протолкнуться. Так, хлебца, колбаски докторской, маслица, молока. Может, шпротиков взять? Возьмем. Пивка? С молоком-то? Нет, не надо. Печеньица к чаю. Вроде все.

Шпротики быстро кончились. Остаток колбаски, маслица и хлебца Александр заберет с собой. Пьем чай с печеньицем.

– Так что за идея? — спрашивает Александр.

– Мне хотелось бы посмотреть на машину в работе в момент переноса.

Александр сразу схватывает, в чем проблема.

– Только на машину?

– Неплохо бы и на объект переноса в этот момент.

– Стало быть, мне нужно сидеть рядом с ней. А сработает ли при наблюдателе? Да и у тебя не сто глаз, чтобы одновременно смотреть и за объектом, и за машиной.

– Попробуем. Выйдет-не выйдет — уже другой вопрос. Ахмеда привлечем. Он будет смотреть за тобой, а я — за машиной.

– Ладно. Колбаску только вот домой отнесу, и встретимся у Ахмеда. Опасно ее здесь оставлять, раз твои кормилицы в отъезде.

Ахмед дома и не против поучаствовать в эксперименте. Расставил чашки и на Александра тоже. Держит заварной чайничек, собираясь дозировать заварку по чашкам. Мой отказ от чаепития не принял. Сказал, что обидится. Придется уважить, хочется того или нет.

Честно говоря, чем больше я его узнаю, тем меньше мне кажется, что он дворник и по складу ума. Скорее себе на уме. А что там прячется за маской дворника, одному Аллаху известно. Рискнуть, что ли?

– Ахмед, а у тебя какая специализация?

– Ха, смешной ты человек, Сережа. Понятное дело — дворник.

– Я не об этом. По образованию.

Чайничек замирает в воздухе.

– Как догадался?

– По взгляду бывало. Не дворницкому интересу, который иногда пробивается. Выпавшим невзначай словам, характерным лишь для весьма образованного человека.

– Философия, ЛГУ. Но очень давно. Еще до войны. А ты очень наблюдателен. Надеюсь, настолько же и не болтлив. Меня нынешнее положение устраивает.

– Могила. Но с глазу на глаз-то можно будет говорить по-человечески?

– Разве что.

– Если еще до войны, то сейчас тебе должно быть где-то около семидесяти, а выглядишь ты много моложе и физически очень крепок.

– Дворницкая служба нервы бережет. А вообще-то мне еще отец говорил, что у нас в семье меньше девяноста не живут. Сам он перевалил за девяносто, когда умер. Генетика уж такая. Хорош, Учитель идет!

Александр вваливается, триумфально размахивая каким-то кульком.

– Вот, уверен был, что Ахмед принудит пить чай. Не исключено, что и под угрозой нанесения побоев, если попробуешь отказаться. Конфеты шоколадные. Выманил у соседки.

Чай у Ахмеда, конечно, знатный. То, что он, по его словам, комбинирует из магазинных отрубей нельзя назвать иначе, чем колдовство. Секрет никому не открывает, но мы-то догадываемся, откуда такой чай. Сидим и наслаждаемся напитком, посасывая конфетки. Благодать!

Однако и благодать не вечна. Открываем шкаф и заходим в тайник. Немножко стоим, не зажигая света, и любуемся переливами цвета и света, исходящими от машины. Щелкает выключатель. При свете очарование уже не то. Объясняю.

– Я пройдусь вдоль машины и постараюсь запомнить, что и как в ней в данный момент. Потом встану в середине и попробую, насколько возможно, проследить за поведением приборов и устройств в момент переноса. А ты, Александр, садись на стул и сам знаешь, что делать по моей команде. Задержись там минут на пять. Я пройдусь еще раз и посмотрю, какие произошли изменения.

Ахмед, ты смотри, что будет происходить с Александром. Вроде ничего сложного.

Так, на панели шариков-реле картина должна быть обычная. Нет, вру. Как раз не обязательно должна быть. Я и забыл, что Капитан-то там. Обычно большинство шариков колеблется в центре групп контактов, не касаясь их. А сейчас в шести рядах контактных групп все шарики неподвижно замыкают какие-либо пары контактов. Как-то раньше не приходило в голову пересчитать группы. Считаю. Тридцать шесть на тридцать шесть. Значит, всего тысяча двести девяносто шесть. На Капитана работает шестая часть системы — двести шестнадцать реле с шестью вариантами замыкания контактов каждое! Астрономическое число комбинаций соединений.

Вариометры. Обычно они в одинаковом положении. Сейчас внутренняя катушка одного из них повернута иначе, чем другие. Обхожу все до конца. Больше ничего примечательного не заметил.

Занимаю позицию спиной к двери рядом с панелью реле. Слева стоит черный параллелепипед с шарами-ежами рядом.

– Поехали потихоньку!

Ничего пока не происходит. Но через некоторое время слышу легкое гудение этого черного столба слева. Вдруг все стеклянные элементы машины, содержащие жидкости, ярко, но не ослепительно вспыхивают. Краем глаза замечаю, как дернулся один из вариометров. Впереди окутывается красным, искристым свечением метровая гранитная полусфера. Все это длится не больше секунды и гаснет, принимая обычное состояние.

– Он пропал, — доносится сзади голос Ахмеда. — Превратился в серую фигуру и растворился.

Оборачиваюсь — Александра на стуле нет.

– Ладно, сейчас вернется. Пройдусь, посмотрю, что изменилось.

Не изменилось ничего, кроме положения внутренней катушки еще одного вариометра. И теперь включено уже двенадцать рядов контактных групп на панели реле, а не шесть. Подхожу к Ахмеду и вместе ждем возвращения нашего добровольца-естествоиспытателя. Опять вспышка. Серый стоящий силуэт, в одно мгновение превращающийся в тоже стоящего Александра.

– Ну, как? Удовлетворил свое любопытство? — спрашивает он.

– Вполне.

Отхожу к машине и убеждаюсь, что второй вариометр опять в исходном положении, а замкнутых реле опять только шесть рядов. Выключаем свет, выходим и закрываем дверь. Садимся за стол, а Ахмед опять начинает колдовство с чаем. Рассказываем Александру, что видели.

– Получается, что машина может работать с шестью людьми. Не больше. Нас пятеро. Стало быть, есть одно вакантное место, — заключаю я. — Однако можно думать, что число новых миров каждый из пользователей может генерировать неограниченное. Машина допускает умопомрачительное множество комбинаций переключения в пределах работы с одним человеком. Можно было бы попробовать проверить это, но наблюдать при этом за машиной смысла нет. Всё равно не поймем, как она работает. Может, в ней циркулируют совсем не электронные токи или не только электронные.

– А какие же токи еще могут быть? — встрепенулся Александр.

– Да мало ли в природе стабильных и нестабильных, заряженных и незаряженных частиц? Просто мы не знаем, как простыми средствами нестабильное стабилизировать или нейтральное сделать активным и привести в движение в проводниках и что от этого воспоследует.

Расходимся уже за полночь. Отправлюсь в Верн утром.

*

В Верне тепло и зелено. Совсем не чувствуется близящейся осени. Входит в привычку поваляться на скамейке во дворике. Уж очень обстановка к этому располагает. Может, вообще по ночам спать здесь? Чем бы заняться? Вот вопрос. Никакие дела меня с этим миром не связывают. Родственников нет. Близких друзей, к которым можно было бы завалиться просто так, от скуки, тоже не имеется. Любовницу не завел.

Остается одно. Пойти в "Морского дракона", послушать сплетни. Может, по ходу дела случится что-нибудь такое интересное, во что можно было бы ввязаться. А нет ли смысла поискать какую-нибудь разовую работу? Нужен же какой-то источник местных денег. Те, что есть, когда-то все равно кончатся. Поднимаюсь наверх, переодеваюсь в портновское творение Льюиса, открываю шкатулку, кладу в карман пару монет и выхожу из дома.

На Рыночной улице оживленно. Трудящийся народ снует туда-сюда, обремененный делами. Прогуливаются не обремененные. Что-то здесь не совсем так, как было в прошлый раз, а что именно — сразу не уловить. Ага, вот оно в чем дело! Навстречу идет молодой человек, облаченный в джинсу. А вон еще один. И еще, и еще... Льюис, судя по всему, развернулся вовсю. Правда, джинсой это можно назвать с сильной натяжкой. Материал не тот. Но покрой в общем соответствует. А так и скроено похоже из самого разного материала, и традиционной одежде отдается дань в разных цветах и добавлением всяких деталей, украшений в виде кружев, вышивки. Нет однообразия униформы этой одежды, характерной для нашего мира. Всё-таки Льюис молодец. Свое дело хорошо знает.

Захожу в "Морского дракона". Оживленно, но столы не все заняты. Знакомая фигурка обслуживает посетителей.

– Здравствуй, Жанна.

– Ой, синьор Серж, здравствуйте. Хозяин, хозяин, синьор Серж пришел!

Колин выбирается из-за стойки. И этот туда же. В новомодных штанах.

– Кого я вижу! — и уже издалека протягивает руку. — Давай вот сюда, сюда, за этот стол. Надолго?

– Еще не знаю. Посмотрю.

– А ты тут у нас стал знаменитой личностью.

– С чего бы это?

– Как же, как же, избавил город от морского войска. Даже главный министр Герц признает твои заслуги.

– Даже Герц? А мне почему-то казалось, что он был рад от меня избавиться как можно скорей.

– Герц не любит ничего неожиданного, странного. Но если странное приносит явную пользу, то и отношение у него к этому другое. Перекусишь за счет заведения? Я уж про постой не спрашиваю. Ты ведь теперь домовладелец.

– Перекусить не прочь.

– И моего винца, конечно?

– И винца можно капельку. А если можешь, то и посиди со мной немножко, расскажи местные новости.

– Жанна, поднеси легкие закуски и моего вина! А главная новость такая. Мы теперь наконец уже как месяц с королевой.

– Казимир?

– Он самый. Праздник был великолепный. Весь город ликовал три дня и три ночи. Приглашенные гости потом еще неделю разъезжались. Всем до смерти надоело за два года шатание неисчислимых толп женихов неведомо откуда. А тут свой король из вполне приличного рода.

Все довольны. Первую скрипку играет, конечно, королева Виолетта. Да и ее избранник совсем не против этого. Понимает, что по происхождению так и должно быть. Очень прелестная, милая пара. Поговаривают, что и ты к этому как-то руку приложил.

– Преувеличивают.

– Ну-ну, скромник. А у меня посетителей стало вдвое больше. После того как в городе прослышали, что королевский альянс возник за столом в "Морском драконе".

Жанна приносит на подносе что-то вкусненькое и выгружает на стол. Ставит тарелки, бутылку и два стаканчика. Колин разливает вино. Чокаемся. Какая прелесть! К ней невозможно привыкнуть.

– Я теперь королевский поставщик, — не без гордости сообщает Колин.

– И вполне заслуженно.

– Королева Виолетта востребовала вино, а король Казимир — окорока. Герц поначалу заартачился с оплатой. Мол, зачем новый поставщик, если королевское хозяйство и так дает всё, что нужно. Потом утих.

– Наверное, довелось попробовать.

– Да, несколько раз заходил портной Льюис. Спрашивал тебя. Просил оповестить его, когда ты появишься в городе. Видно, дело у него к тебе серьезное. Вот и мне обновку сшил. Удобно.

– Сам к нему загляну, — ответил я, энергично работая ложкой. — Ты лучше скажи: как это у тебя получается такая вкуснотища?

Колин заглянул в мою тарелку.

– Это рецепт Жанны. Вернее, ее бабушки, но присматривает за приготовлением сама Жанна. Бесценная жена кому-то достанется!

– Бесценная, — согласился я, — и дерется здорово.

Колин так захохотал, что сидящие за другими столами обернулись к нам.

– Это верно. За себя она тоже может постоять.

– А как поживает Жозеф?

– Нормально, наверное. О жизни королевского волшебника до нас мало что доходит. Есть слухи, что назревает что-то малоприятное с лесным народом, а разрешать задачу придется Жозефу.

– Что это за лесной народ?

– Ты откуда свалился? Лесной народ — это эльфы, феи, гномы.

– Я почему-то думал, что гномы живут под землей.

– Нет, под землей они только работают. Во всяком случае в наших краях.

– Крис часто наезжает?

– Да обычно через день. Может, завтра будет.

Наконец отваливаюсь от тарелки и лезу в карман.

– Ладно, пойду прогуляюсь до Льюиса. Вот две дексты, Колин. Не за это королевское угощение, а в счет будущих расходов. Чтобы каждый раз не возиться с расчетами. Да и вдруг внезапно придется уехать. Не люблю оставаться должником. Скажешь, когда кончатся.

– Договорились.

Встаю из-за стола и выхожу на улицу. Красота! Солнышко припекает, с моря свеженький ветерок, в животе благость, в голове ясность и настроение слегка подогрето изумительным вином. Самое то, чтобы в гости сходить. Поворачиваю налево и иду, поднимаясь вверх по Рыночной улице. Вот и поперечный переулок с ножницами на углу. Ателье Льюса. На другой стороне улицы длинная очередь зачем-то. Одни мужчины. Захожу к Льюису. Он мрачно сидит за прилавком с выражением безысходности на лице. Увидев меня, всплескивает руками, вскакивает как на пружинах и прямо-таки бежит ко мне, огибая прилавок.

– Синьор Серж, синьор Серж, как вы вовремя! Мне так вас не хватает, так не хватает…

Льюис даже сбивается с голоса от избытка эмоций.

– Успокойтесь, Льюис, возьмите себя в руки. Может, пригласите меня куда-нибудь присесть, предложите кофе или чай.

– Ай, конечно-конечно, какой я остолоп! Давайте пройдем в дом. В столовой удобно поговорить. Присаживайтесь, пожалуйста, я сейчас распоряжусь, — и вылетает за дверь.

Буквально через полминуты влетает обратно с каким-то мешочком в руках. Грохает его со звоном на стол.

– Кофе сейчас будет. А это ваша бесспорная доля, синьор Серж, за два месяца. Двадцать процентов — сто тридцать декст. За третий месяц итогов еще не подводили.

– За что?

– Как за что? — теперь Льюис, похоже, не понимает меня, — за использование модели. Какой успех, какой успех! Мы не справляемся с заказами.

– А я и забыл, — хотя на самом деле слегка ошарашен. Похоже, в этой стране устное согласие равносильно письменному договору. Вспомнил купчую на дом и прочее. Видимо не везде, но тем не менее.

Служанка вносит поднос с кофейником и чашками. Льюис разливает душистый кофе.

– Вы знаете, синьор Серж, всё в прошлый раз произошло в такой спешке, что мы не оговорили распределение прибыли. Поэтому я позволил рассчитать вашу долю по обычной практике в таких случаях. Но такой успех, такой успех! Если вы захотите пересмотреть условия в сторону равных долей, то я протестовать не буду.

– Не нужно ничего пересматривать, Льюис. Ведь вся работа ваша.

– Спасибо, синьор Серж, спасибо. И вот теперь я в полной растерянности и панике. Всё рушится буквально из-за пустяков.

– Что рушится и почему?

– Я так взволнован, так взволнован. Вы видели очередь на той стороне улицы?

– Видел.

– Я снял противоположное здание и использовал его под расширение мастерской. Нанял еще портных и швей, взял учеников, закупил ткани, нитки, пуговицы. И вдруг — бах, оказалось, что шить нечем. Пропали из продажи иголки и мелкий пошивочный инструмент. Есть от чего прийти в отчаяние!

Работникам приходится приходить утренними, дневными и ночными группами и передавать друг другу один и тот же инструмент. А иголки ведь ломаются. Сами понимаете, какое положение. Заказчиков всё больше и больше, а обслуживать мы можем всё меньше и меньше. Через несколько дней вообще всё остановится. Синьор Жозеф сказал, что вот если бы вы были в городе, то наверняка что-нибудь придумали бы. А вас всё нет и нет.

– Синьор Жозеф несколько преувеличил мои способности и возможности — вот уж спасибо скажу ему при встрече! Так куда же и почему пропали иголки?

– Иголки — инструмент тонкой работы, и наши городские кузнецы их делать не могут. Иголки и мелкий стальной инструмент нам поставляют гномы. А сейчас поставки прекратились из-за отказа гномов работать с людьми. Не знаю, какая история приключилась в лесу, но что-то серьезное. У людей никогда не было разногласий с лесным народом.

– А в соседнем государстве не пытались разжиться иголками?

– Всё давно забрали. Рудные горы только у нас, и соседи покупают нужное им тоже у наших гномов.

– Да-а, беда. Покажите, Льюис, какими иголками вы пользуетесь и как.

– Спустимся в мастерскую.

В мастерской двое портных что-то кроят, а несколько швей что-то шьют. Подходим к одной из них. Какая она ловкая! Игла так быстро мелькает, что трудно уследить. Иголки как иголки. Средних размеров. На одном из пальцев женщины колпачок из толстой кожи. Беру ее за руку и осматриваю пальцы. Кожаный колпачок истыкан и вряд ли всегда спасает, когда нужно проткнуть несколько слоев ткани. Все пальцы исколоты.

– Понятно. Льюис, приходите к обеду в "Морской дракон". Может, что-нибудь и придет в голову, — и быстро ухожу, прихватив с собой мешочек с деньгами. Исключительно ради того, чтобы Льюис не принял меня за забывчивого человека, у которого данные обещания могут не удержаться в голове.

*

Вот же напасть какая! Но деньги взяты, и тем признано состоявшееся партнерство. Нужно выручать. Быстро добираюсь до дома, бросаю мешочек с монетами в шкатулку и переодеваюсь.

Дом, Дом, где ты, Дом…

Деньги у меня есть. Живем не роскошествуя. Зарплата у меня приличная. Так что залезаю в ящик письменного стола и без колебаний беру несколько ассигнаций государственного банка СССР.

Где у нас ближайшая галантерка? Вроде на соседней улице, но маленькая. Лучше дойти до "Всё для шитья". Подальше, но надежнее. Дохожу. Иголок всяких навалом. Выбираю средние и крупные иглы в полупрозрачных пакетиках из кальки. Без всяких заводских ярлыков. Средние для ткани — триста наборчиков, и крупные для

кожи — сто наборчиков. Сто наперстков разного размера и двадцать пар небольших ножниц для рукоделия. Большие ножницы для раскроя, думаю, у Льюиса в достатке. Продавщицы даже пожертвовали безликую коробку от обуви, чтобы всё сложить.

Черт, рядом стоит одна из теток из нашего дворового флигеля и ухмыляется, глядя, как продавщица складывает товар в коробку.

– Ателье на дому открываете?

– Нет, хочу сам себе сшить пару брюк.

Продавщицы хохочут. Возвращаюсь домой. Прижимаю коробку к себе. Закрываю глаза.

Верн, домик, спальня…

Опять переодеваюсь. Умаялся я что-то с этой беготней. Может, вздремнуть? Взглядываю на стенные часы. Стоят. Правильно. Хозяина дома не бывает — зачем и заводить? Жанна, оказывается, малость рационалистка! Похвально. Беру подушку и спускаюсь в садик. Ух ты, какая хорошенькая скамеечка-то! Долго не могу заснуть. Наверное, минуты полторы, а то и все две.

Открываю глаза. Солнце заметно перевалило предосенний зенит. Легкость в желудке подсказывает о своевременности обеда. Надо подчиниться. Обрызгиваю из умывальника лицо для свежести и, захватив коробку, выхожу из дома. Уже который раз ловлю себя на мысли, что свой дом — ужасно здоровское дело.

Не я один вздумал пообедать. Посетителей полно. Где бы пристроиться? Оказывается, и искать не надо. Льюис уже здесь и машет мне рукой. Ничего не спрашивает, но взгляд настолько жалобно-вопросительный, что просто жалко мужика! Молча протягиваю ему коробку. Он нетерпеливо ее раскрывает и слегка обалдевает, перебирая пакетики с иголками. Когда дар речи к нему возвращается, спрашивает, вытащив наперсток:

– А это что?

– Эта штука называется наперсток. Она одевается на палец, а вот эти мелкие углубления не дают иголке соскальзывать.

Никелированные ножницы вообще чуть не доводят его до помешательства.

– Нет слов, нет слов, синьор Серж! — едва не плача от счастья, твердит законодатель мод. — Как вам удалось? Где?

– Это мой секрет. А вас, Льюис, портные и швеи, наверное, заждались.

– Бегу, бегу. Навеки ваш должник! — и рванулся к выходу.

Так, теперь и закусить спокойно не грех. Вон уже и Колин говорит что-то Жанне, указывая на меня пальцем. Кто-то пододвигает стул и молча садится за мой стол. Оборачиваюсь. Ну, разумеется, этого и следовало ждать.

– Здравствуйте, Серж.

– Здравствуйте, Жозеф, — оба, довольно улыбаясь, пожимаем руки.

– Как я вас здорово и неожиданно застукал в нашем городе, Серж!

– Это просто удивительно. Ведь я скрывался как только мог, — и мы засмеялись.

Жозеф внимательно меня рассматривает.

– Нет, — говорю я.

– Что — нет?

– Жанна меня сегодня еще не била.

– А не для этого ли она сейчас идет к нам?

– Сейчас узнаем.

– Здравствуйте, синьор Жозеф.

– Здравствуй, здравствуй, Жанна. Чем нас угостишь?

– Есть суп с овощами.

– По бабушкиному рецепту? — спрашиваю я.

– Почти, — улыбается Жанна.

– Тогда тащи на двоих и что-нибудь мясное с картошечкой на второе. Что еще нам понадобится, ты догадываешься, — и, обращаясь уже к Жозефу: — Должен предупредить, что в этом заведении все сидящие со мной за одним столом обслуживаются бесплатно.

– Согласен, согласен.

Молча поглощаем обед. Насытившись, расслабляемся, откинувшись на спинки стульев. Я цежу вино. Жозеф набивает трубку.

– Как там во дворце?

– Не нарадуются друг на друга.

– Приятно слышать. Жозеф, вы видели, что сейчас отсюда убежал Льюис? Зачем вы без моего ведома обнадеживаете людей возможностью моей помощи?

– Но по восторженному выражению его лица видно, что всё-таки помогли.

– Так-то оно так, но не увиливайте. Вы не ответили на мой вопрос.

– Хорошо. Отвечу. Рассуждение очень простое. Вы свободно появляетесь и исчезаете в ваши таинственные края, о которых предпочитаете не распространяться.

– Допустим.

– Вот я и подумал, что не может же быть везде такая катастрофа со швейными иглами, как у Льюиса. Вы непременно захотите помочь делу, с которым вольно или невольно оказались связаны. Характер у вас такой, а это неизбежность.

– У вас как-то всё действительно очень просто получается. Даже не рассердиться на вас. В наших краях не принято давать ручательство за кого-то другого за его спиной.

– Извините, надо было как-то поддержать Льюиса. Он очень хороший мастер. Больше ничего в голову не пришло.

– Только это вас и извиняет.

– Вы надолго, Серж? Есть какие-нибудь определенные планы?

– Не знаю. Есть у меня несколько свободных дней, но как буду использовать их, еще не решил. А вот ваш вопрос о планах попахивает коварством. Похоже, это у вас в отношении меня какие-то планы. Но я не буду спрашивать, какие. И так достаточно ясно. Льюис — второй человек, который упомянул о каких-то больших проблемах с лесным народом. А первый информатор сказал, что решать их предстоит вам. Вы их до сих пор не решили. Следовательно, ваш дар тут бессилен. Как, впрочем, и в прошлый раз. Вот вы меня тут и постарались застукать.

– Мне нечего возразить.

– Должен вас огорчить, Жозеф, в прошлый раз публика была мне знакома. А вот эльфов, фей, гномов в наших краях не водится. Только в сказках. И даже как они выглядят на самом деле, я не знаю. А уж представления об их повадках — то вообще никакого. Так что тут я вам не помощник. Хотя, с другой стороны, я очень любознателен и посмотреть на живую сказку мне было бы очень интересно.

– И почему бы вам, Серж, хотя бы и не посмотреть? Завтра утром я отправляюсь на переговоры с лесным народом. Можете составить мне компанию.

– Вот это я с удовольствием. Только расскажите мне поподробнее о том, что же произошло между людьми и лесным народом. Может, прогуляемся до порта и обратно?

– С удовольствием.

Мы выбрались из таверны и медленно пошли вниз по улице. Предвечерняя прохлада хорошо освежает после духоты заполненного людьми помещения.

– Люди сотни лет благополучно уживались с лесным народом, — начал Жозеф, — и с гномами, которые по сути своей упрямые, но не злые умельцы, и с эльфами

— самовлюбленными, но безвредными эгоистами, и с феями — добрыми, но не легковерными ведьмочками.

Гномы — большие мастера по части железа, сложных механизмов и огранки камней. Их изделия, например часы, иглы, оружие, ценятся больше, чем сделанные людьми. Меняются на ткани, выделанные кожи, всякие хозяйственные вещи и просто деньги для накопления. Самый старый гном у них главный.

Эльфы — большие мастера по части охоты, музыкальных инструментов. Их скрипки, флейты просто непревзойденные. Меняются на ткани, украшения. Деньги им не нужны. У эльфов самый главный — это лучший охотник. Не обязательно самый старший по возрасту.

Феи ничего не делают, и от людей им ничего не нужно. Просто они мудрые, бесконфликтные существа, но враждебные к несправедливости. У них королеву фей слушают все. В том числе уважают и гномы, и эльфы.

Есть еще дриады*, живущие то ли на деревьях, то ли в самих деревьях. Но они людям вообще никогда не показываются. Эти каждая сама по себе.

По древнему договору людям разрешается рубить деревья и охотиться только в строго определенных, но обширных частях леса. Вместо срубленных должны сажаться новые деревья. Точно оговорены места, куда людям заходить запрещено, и места обмена, торговли. Поэтому гномов и эльфов вы никогда не увидите в городе. Хотя никто не помешал бы им туда войти.

Все они без исключения поклоняются Священному дереву. Оно для них и место сбора для решения общих проблем, и место проведения ритуалов, праздников. Да и просто место отдыха.

А случилось вот что. Когда лесорубы углубляются в лес настолько, что деревья уже трудно вывозить с места рубки, то они возвращаются к краю леса и начинают оттуда. Причем выбирается место поближе к дороге. Ме-

сто новой вырубки назначают в магистрате. Для этого там есть карты ле́са. По ним и назначают самое удобное и допустимое для вторжения место. Последнее место новой вырубки сейчас на карте указано верно.

Но дело в том, что дорога вдоль леса извилистая. Приближается к лесу и удаляется от него во многих, далеких друг от друга местах, и лесорубы ошиблись. Они вгрызлись в лес не от той ближайшей к лесу извилины, которая им была указана. То ли неправильно отсчитали место по извилинам, то ли неопытность нового старшего лесоруба. Ужасно то, что за несколько дней они углубились в недопустимое место настолько, что достигли поляны собраний, спилили Священное дерево и уже пошли дальше, но тут появились эльфы. Слава Богу, жертв нет, но некоторых рубщиков эльфы отлупили на славу. Теперь лесной народ заявил, что разрывает с людьми договор и прекращает торговлю. В любое место ле́са вход закрыт вообще, а не только с топором. Вот такие дела. Пока есть небольшой запас дров, но это ненадолго.

– Да, печальная история, — согласился я, — но ведь вы же волшебник, Жозеф. Почему бы вам не оживить Священное дерево?

– Я не некромант, и оживление мертвых мне недоступно. Да и некроманты вовсе не оживляют, а просто заставляют мертвых двигаться.

– Но ведь дерево не человек.

– Оно живое.

– Понятно. Как же вы намерены действовать?

– Не знаю. Нужно посмотреть на настроения. Удастся ли преодолеть упрямство гномов и возмущение фей? К решению гномов и фей эльфы просто присоединятся.

– Итак, на чем мы остановимся?

– Завтра утром встречаемся в "Морском драконе". Я приведу лошадь и для вас.

– Не приводите. Я не умею ездить верхом.

– Тогда придется взять коляску у Герца.

– А даст?

– Ему некуда деться. Походит пешком.

– Тогда до завтра.

– До завтра.

Жозеф юркнул в ближайшую улочку, а я вернулся в таверну поразмыслить над тем, чем бы заняться до вечера. Стол еще никто не занял. Но поразмыслить не удалось. В дверь вошел человек, у которого всегда найдется для кого-нибудь какое-нибудь дело. Обозрел зал и направился ко мне.

– Здравствуйте, синьор Серж.

– Мое почтение, синьор главный министр.

– У меня к вам поручение.

– Стоп-стоп-стоп. Прежде чем вести разговор о каких-то поручениях, давайте разберемся со старыми делами.

– Какими еще делами?

– Морские витязи ушли?

– Ушли.

– Принцесса Виолетта стала королевой?

– Стала.

– А где мой орден?

– Какой вы меркантильный, синьор Серж!

– Передо мной прекрасный образец для подражания.

– Вы бы подумали, в каком состоянии может быть казна после королевской свадьбы.

– В каком? И причем тут орден? Вы же не надеетесь, что я буду покрывать королевские расходы? Да и опять, наверное, преувеличиваете печальное состояние казны. Казимир не тот человек, чтобы при состоятельности своей семьи не внести лепту в свадебные затраты. Вы ведь хорошо его потрясли, синьор Герц?

– Ну, потряс, как вы это называете, — нехотя признался министр.

– Синьор Герц, у вас никто ничего лишнего не требует. Должен же всё-таки быть предел скаредности. Вы сами-то хоть замечаете, что превратились в ходячий анекдот? Не нужен мне никакой орден. Это я просто вас дразню.

Я только что разговаривал с Жозефом. Он предложил съездить с ним завтра в лес. Я с удовольствием, но не ради переговоров. Не моя компетенция — лесной народ. В моей стране их нет, но хотелось бы на них взглянуть. Однако я не езжу верхом, и Жозеф хочет взять вашу коляску. Вы не будете возражать?

– Буду или не буду — какая разница! Всё равно возьмете. Берите и езжайте, куда хотите. Вот мое поручение, — и, положив на стол какую-то сложенную бумагу, встал и сделал шаг к двери. Потом обернулся и добавил: — Я не скаредный, а бережливый, — и вышел.

Так, посмотрим, что нам прислали. Надеюсь, не требование заплатить налог на недвижимость. Нет, приглашение. Причем написанное очень изящным, красивым почерком.

"Королева Виолетта будет весьма признательна, если синьор Серж почтит ее дружеским визитом в любое время, которое синьор Серж сочтет для себя удобным".

Все чин чинарем. И королевская корона, и завитушки с виньетками, и подпись "Виолетта Вернская" с росчерком. Надо почтить. Надо думать, что под "в любое время" не имеется в виду ночь или раннее утро, когда королева еще в неглиже. Стало быть, сейчас вполне подходящее время. Что ж, пойдем во дворец, раз призывают предстать. Было бы невежливо оттягивать. Я уж и не удивляюсь, что в этом городе слухи о событиях разлетаются со скоростью стрелы.

По поперечной улочке довольно быстро добираюсь до Королевской улицы и Ратушной площади. Знакомый бронзовый молоточек. Тук-тук-тук. Меня впускает слу-

жанка, провожает в уже знакомую гостиную и уходит доложить. Что-то здесь изменилось. Ага, добавилась новая картина. Большая. Виолетта в голубой амазонке, сидящая боком в дамском седле на вороной лошади. Красиво. Почти как у Брюллова.

– Здравствуйте, Серж, — раздался за спиной всё тот же ангельский голосок.

– Здравствуйте, Виолетта.

Честное слово, она еще больше похорошела и даже слегка словно повзрослела.

– Нравится? — спросила, кивая на картину.

– Еще бы.

– Вот и Казимиру тоже нравится, — и, слегка наклонившись ко мне, заговорщицки вполголоса добавила: — Вы не представляете, Серж, как я счастлива.

– А вот и нет, представляю, Виолетта. У вас всё на лице написано.

Она звонко рассмеялась, подошла к одной из дверей, приоткрыла и позвала:

– Казимир, а у нас гость.

За дверью послышалось недовольное бурчание человека, отвлеченного от какого-то важного дела. Тем не менее новый король появился на пороге и, увидев меня, расплылся в улыбке и поспешил ко мне с протянутой рукой.

– Серж, очень рад вас видеть. Чем это вы тут развлекали мою супругу? Я слышал смех.

Виолетта ответила за меня:

– Рассматривали твой подарок и обсуждали достоинства лошади.

Казимир подошел к картине и озадаченно уставился в нее.

– Какие тут достоинства? Лошадь как лошадь. Словно больше и никаких достоинств нет?

Потом до него дошло, что его разыгрывают, и, обращаясь ко мне с деланной досадой, подыгрывая жене, произнес:

– Вот видите, Серж, опять я попался на розыгрыш. И так буквально каждый день. Уж такая она игривая, игривая…

– Ты хочешь сказать — как лошадь?

Вместо ответа он прижал ее к себе. Ну просто королевская идиллия! Тут у меня мелькнула одна интересная мыслишка.

– Вы знаете, Казимир, несмотря на прелесть картины, мне внушает опасение дамская манера езды боком. Смотрите — ведь под спиной всадницы нет опоры. Резкий поворот влево — и нетрудно представить себе, что произойдет. А если лошадь понесет? Я не знаю, конечно: традиции традициями, а в наших краях в первую очередь думают о безопасности и удобстве. Любительницы конных прогулок уже давным-давно ездят только сидя верхом.

– Что вы говорите, Серж, какое может верхом в таком платье! — возразила Виолетта.

– А я ничего и не говорил о платье. В брюках. Или просто в мужских, или специально скроенных женских.

Повисло заинтересованное молчание. Виолетта, похоже, прикидывает как может выглядеть на ней мужская одежда. Казимир, вероятно, кроме беспокойства за безопасность драгоценного создания прикидывает, какие соблазнительные обводы откроются взору с новой одеждой.

– Виолетта, а ведь в этом что-то есть, — прервал молчание заботливый супруг.

– Да ты что, — с не очень-то убедительной уверенностью возразила Виолетта, — королева в мужских штанах! А в ваших краях и королевы ездят верхом?

– И королевы. Правда, женщины довольно долго отстаивали свое право на безопасность и удобство. Всё осложнялось тем, что женщине надевать мужскую одежду запрещалось церковными канонами. Нарушение канонов даже каралось смертной казнью. Потом такое правило всё же отменили как недопустимое вмешательство в светскую жизнь, и всё встало на место. Так что если у вас в Верне нет законодательного запрета на ношение женщинами мужской одежды, то препятствиями будут только традиции и мода. То и другое меняется со временем.

– Знаете, Серж, вы меня смутили. Разумность доводов убедительна, но вот… Казимир, надо посмотреть законы. А?

– Пожалуй, надо. То, что сказал Серж, и мне кажется разумным. Я бы даже попросил тебя отказаться пока от конных прогулок. А я посоветуюсь со своим портным. Сможет ли он на основе мужской традиции сделать изящный женский костюм для верховой езды?

– А кто у вас портной, Казимир?

– Льюис.

– Ну, этот всё может. Мастер! — уверенно сказал я.

Дальше я свою провокацию не стал развивать. И так толчок достаточный.

– Дорогая, — спросил Казимир, — а как ты насчет того, чтобы устроить небольшой домашний праздник в честь гостя? Или даже не домашний, а просто дружеский. Мы с тобой всё в этих стенах да этих стенах. Правда, титул у тебя уже не тот, что раньше. Мы можем увязать с королевским этикетом развлечения не во дворце?

– Королевский этикет обязателен для официальных отношений и событий. На дружеские он не распространяется. Никак ты намерен заманить нас куда-то?

– Не куда-то, а в "Морского дракона", где для нас с тобой всё решилось.

– Тогда я пошла переодеваться, — и Виолетта испарилась.

– А я пошлю кого-нибудь занять для нас стол. Поскучайте здесь немножко, Серж.

– Нет, я, пожалуй, не буду скучать, а схожу приглашу вашего брата. Компания так компания. Казимир, может нам взять с собой и Герца? Как вы думаете, он согласится?

Король задумался.

– Не знаю, Герц всегда и со всеми старается держаться сдержанно. Попробуйте сами спросить его. Его комнаты в первом этаже.

Спускаюсь вниз. Служанка указывает на апартаменты главного министра. Стучу. Открывает сам Герц, облаченный в домашний халат.

– Что вам угодно, синьор Серж.

– Синьор Герц, мы тут собираем компанию для кабацких развлечений.

– Кто это "мы" и причем тут я?

– Мы — это их величества, я и, возможно, Жозеф, если он дома. Приглашаем и вас присоединиться к нам на площади, — я сделал паузу. — Должен признаться, синьор Герц, что сегодня во время нашей встречи у меня и в мыслях не было ни малейшего намерения хоть как-то оскорбительно задеть вас.

– Ну да, ну да, просто чувство юмора такое, — и, глядя мне в глаза, Герц начал стаскивать халат.

Жозеф оказался дома.

– Надо же, понятно, что от молодой пары еще можно ожидать какого-нибудь сумасбродства. Но чтобы к этому присоединился еще и Герц… Непременно нужно посмотреть. Идем!

Казимир и Герц уже стоят у дверей дворца и о чем-то переговариваются. Ага, вместо парадной кареты подъезжает коляска Герца. Ждем королеву. Вот и она — в

простом темно-красном платье и черной накидке на плечах. В коляске совершенно без какого-либо препирательства мне, как почетному гостю, уступили и самое почетное место — рядом с кучером.

В "Морском драконе" вечерний аншлаг. Только в середине зала за пустым столом сидит всего один человек. Видимо, посыльный из дворца. Он встал, как только мы вошли, и не спеша удалился. Увидев августейшую чету, окружающие ведут себя с обычной учтивостью, а Виолетта и Казимир вежливо кивают в ответ на поклоны. Где-то в дальнем углу музыканты тихо наигрывают свои обычные, нудные мелодии. Еще не сели, а хозяин уже тут.

– Сначала твоего винца, Колин, — распоряжается Казимир, — а немного погодя пусть несут, что найдется вкусненького. Ты наши пристрастия знаешь.

– Я к вам Жанну приставлю.

– Отлично, а музыку повеселее твой оркестр может изображать? Эта только в тоску вгоняет.

– Попробую заставить.

Почти мгновенно появились вино и подходящая для него посуда. Музыка оживилась и стала весьма приятной. От такой неожиданности и гомон голосов в зале както поутих. А Герц несколько расслабился, и его лицо утратило невозмутимое и опасливое выражение. Виолетта подняла бокал.

– За встречу, дружбу и все такое! — и собутыльники дружно звякнули посудой.

– Всё-таки, как ни крути, а приятно убежать от дворцовой скуки и унылых разговоров о государственных заботах, — поделился Казимир.

– Брось, ты уже настолько втянулся в дворцовую рутину, что и не заметишь, как сам уведешь любую беседу к своим будничным делам, — заметил Жозеф. — Спорим на золотой?

– Спорим, что не уведу.

– Вот человек, который свободен от такой опасности, — и Жозеф тронул за руку Жанну, расставлявшую тарелки. — У нее главная будничная забота — найти хорошего мужа. Правда, Жанна?

– Вы меня смущаете, синьор Жозеф, — ответила та, потупив глаза.

– Почему бы вам, Жанна, не посидеть с нами, между переменами блюд? — предложила Виолетта.

– Я не смею, ваше величество.

– Смеете, смеете, Жанна. Сейчас и здесь мы не величества и подданные, а просто компания друзей. Герц, вы не против, что я и вас причислила к нашей дружеской компании?

– Нисколько.

– Вот и хорошо. Так что и вы, Жанна, присаживайтесь, берите бокал. Выпьем за то, чтобы Жанна нашла себе достойного мужа, — и Жанна слегка зарделась от смущения.

– Жанна, — спросил Жозеф, с невинным видом разглядывая потолок, — а почему бы вам не выйти замуж за Сержа?

– Жозеф, — мгновенно пресек я его наглые поползновения, — прекратите ваши провокации. Вы прекрасно понимаете, что у меня нет возможности стать оседлым гражданином Верна. Да к тому же вам известно, что она чуть что — так дерется. Причем больно, обидно, а после расправы еще и кулаком грозит на будущее, — и все весело рассмеялись, включая Жанну. Даже Герц не удержался от улыбки.

– А ведь в самом деле, Серж, — заинтересовался Казимир, — почему бы вам не переехать в Верн? Вы же говорили, что вам здесь очень нравится. Вроде бы вы даже и дом купили. А мне, например, такой толковый помощник и советник во дворце был бы очень кстати.

– Я, Казимир, очень ко многому привязан с детства в своей стране. Так что не будем сейчас об этом говорить.

– Казимир, — подал голос Жозеф, — гони золотой.

Казимир раскрыл было рот, собираясь ответить. Потом закрыл и молча полез за кошельком.

– Жанна возьми это себе, — сказал Жозеф, отдавая девушке монету.

– Спасибо, синьор Жозеф.

Между тем в середине зала слегка раздвинули столы, расширив центральный проход. Начались танцы. Виолетта потащила туда Герца, а Казимир — Жанну. Мы с Жозефом остались вдвоем.

– Больше не делайте так, Жозеф.

– Не буду.

– Жанна — чудесная девушка, и незачем провоцировать у нее женский интерес ко мне. В таком возрасте они влюбчивы в кого угодно, а излечиться от такого увлечения не так-то просто.

– Согласен.

Обе пары вернулись запыхавшиеся. А Герц — даже уморенным. Свалившись на стул, он долго не мог отдышаться.

– Ну, ваше величество…

– Здесь просто Виолетта, — прервала она его.

– Ну, Виолетта, вы знаете, такому старику за вами не угнаться. Лет тридцать назад все эти притопы и прискоки давались мне не в пример легче. Но приятно вспомнить молодость. В следующем танце возьмите Сержа в оборот.

Часа через два умиротворенные дворцовые жильцы засобирались домой. Да и я после учебных плясок с Виолеттой и Жанной почувствовал себя усталым. Добравшись до дома, свалился на кровать и заснул как убитый.

Я еще завтракал, когда за мной в "Морской дракон" прикатил на герцевской коляске Жозеф.

– Здравствуйте, Серж. Особенно рассиживаться здесь нельзя. Нас будут ждать на дороге до десяти.

– Здравствуйте, Жозеф. Я уже заканчиваю, — и действительно быстро свернулся.

За городскими воротами уже тоже оживленно, как и в городе. Только оживление не пешее, а конное и тележное. Город требует снабжения. Не проехали и тысячи локтей, как навстречу попался Крис со своей груженой телегой-фургоном. На ходу обменялись приветственными жестами. Немного погодя проехали ферму с галльским петухом. Он всё так же сидит на заборе и пронзительно рассматривает проезжающих. А вот и проскочили место первой встречи с принцессой. Дальше дорога безлюдна.

– А кто нас должен ждать?

– Эльф.

Я раньше и не заметил, что не весь лес такой уж и равнинный. Дальше в его глубину лес взбирается на пологие, не очень крутые горы. Похоже, очень старые, как Уральские в нашем мире. Лес повторяет контур подножия гор, а дорога почти повторяет контур кра́я леса. Потому и виляет сильно растянутой кривой линией. Каждая последующая извилина по ландшафту почти в точности повторяет предыдущую. Если нам к десяти, то ехать еще, наверное, не меньше получаса. Но уже минут через пятнадцать-двадцать кучер оборачивается к нам и указывает вперед.

Эльф сидит на придорожном камне. Если бы не лицо взрослого, молодого мужчины, то эльфа можно было бы принять за худенького четырнадцати- пятнадцатилетнего юношу. Стройный, с длинными волосами, большими глазами и вытянутыми вверх остроконечными ушами. Тонкие черты лица приятны и симпатичны. Зеленая об-

легающая одежда. На поясе нож, а через плечо — лук и колчан со стрелами. Он встал, когда мы выбрались из коляски, и оказался чуть ниже меня ростом.

– Идите за мной, — и направился через поле к лесу.

Мы последовали за ним. Чистый, словно специально ухоженный лиственный лес легок для ходьбы и полон звуков. Шелест листьев, перекличка птиц, скрип стволов, раскачивающихся под ветром, звучат вместе как трогающая душу музыка. Эльф ступает совершенно беззвучно. Шум же наших шагов здесь чужероден.

Углубились в лес шагов на четыреста, и деревья начали редеть. Еще немного — и мы перешли из леса разных пород деревьев то ли в рощу, то ли на поляну редко стоящих дубов. Многие не столетние, но мощные. Деревьев мало, места много. Посреди поляны, под свесом крон сразу нескольких дубов широким кругом разложены бревна и колоды для сидения. Почему именно для сидения, ясно — на них уже сидят некоторые из ожидающих нас.

Нас ждали с десяток гномов, одетых чисто, ярко, кто во что горазд. Выглядят и в самом деле, как на известных картинках. С бородами разной длины и безбородые. Самые высокие ростом мне по пояс, полноватые, но совсем не неуклюжие, как их представляют иногда в фильмах. Сразу обращаешь внимание на мощные и ловкие, привычные к труду руки. Сидят и стоят молча, с мрачными лицами.

С десяток эльфов обоих полов. Одетых почти одинаково — в легкие куртки и короткие штаны зеленого или коричневого цвета. Женщины, девушки одного с мужчинами роста просто прелестны и пластичны. Впрочем, как и мужчины. Все хоть чем-то, но вооружены. Оживленно между собой беседуют.

С десяток фей, похожих на больших стрекоз. В общем-то, выглядят именно так, как представляют их в ли-

тературе, кино. Одеты в полупрозрачные балахончики разного цвета. Правда, ни одна из фей, наверное, ни на каком цветке не поместилась бы. Они сантиметров тридцати ростом. Удивителен голос у этих созданий. Характерен был бы какой-то писк из-за маленьких легких и микроскопического голосового аппарата. На самом же деле высоковатый, конечно, звук, но с приятным тембром. Очень хорошо различимый и за несколько метров. Кто из них королева, неясно. Может быть, та, которая выделяется непрозрачным красным платьицем?

Несколько позже я пересчитал всех присутствующих. Их оказалось по двенадцать. Мы с Жозефом вошли в круг, а наш провожатый присоединился к своим.

– Приперлись, — неприязненно пробурчал старый гном.

– Арзон, держи себя в руках, — одернула его фея в красном. — Присаживайтесь, синьоры.

– Мне хотелось бы представить вам моего спутника, фея Роза, — начал было Жозеф.

– Не требуется, синьор Жозеф. Мы знаем, кто он. Синьор Серж, если не ошибаюсь, — сказала фея, обернувшись на мгновение ко мне. Стало быть, я угадал, кто из фей королева.

– Тогда я начну, — не стал оттягивать неприятный разговор Жозеф. — Событие, конечно, произошло ужасное, и я ни в какой мере не собираюсь приуменьшать вину людей.

– Еще бы, — послышалось из группы эльфов.

– Но мне, — продолжил Жозеф, — хотелось бы знать и то, почему такое могло произойти. С одной стороны, наша ошибка определения места вырубки. Но с другой, непонятно, почему лесной народ позволил ей так далеко зайти и не остановил, как только вторжение началось?

– Мы все были в полях на недельном празднике окончания лета и сбора урожая и ни о чем слышать и подозревать не могли, — сообщила фея Роза.

– Вломились в чужой дом в отсутствие хозяев, — выкрикнул Арзон, перечисляя людские грехи. — Срубили и разделали на куски Священное дерево. Дриаду обидели, лишив ее дома. Нельга, Нельга, ты где? Иди сюда!

Из-за ближайшего дуба нерешительно выглянула какая-то неясная зеленая фигура с огромными черными глазами. Потом приблизилась и встала за спинами гномов.

– Вот, пожалуйста, пострадавшая была так напугана, что забилась в самую чащу. Не сразу и отыскали ее, дрожащую от страха. Нельга, скажи что-нибудь. Ты же свидетель.

– Все мои вещи пропали, — как ветер, прошелестела дриада.

– Вот видите, что с невинным существом сделали. До сих пор в себя прийти не может. Где ей жить-то теперь? Для дома дриаде не каждое дерево годится.

И тут началась кутерьма претензий о полученных от людей самых разных обидах. Гномы кричат о том, что они холят и лелеют каждое деревце, а люди истребляют их почем зря. Эльфы возмущены тем, что люди всё зверье в лесу распугали. Охотиться совершенно не умеют. В реках чуть не всю рыбу повыловили. Да и у фей нашлись свои беды. Люди вместе с травой выкашивают и полевые цветы. Приходится за нектаром летать далеко в сады. А у садовых цветов качество нектара не то. Феи болеть начинают.

Жозеф стоит в растерянности. Фея Роза даже не пытается перекричать этот гвалт и, беспомощно оглядываясь по сторонам, случайно поймала мой вопросительный взгляд. Пожала плечами. Я протягиваю руку, и Роза, вспорхнув, усаживается мне на ладонь, ухватившись за

мои большой и указательный пальцы. Я поднимаю руку выше. Легонькая. Не больше ста грамм. Узрев такую картину, Арзон замолкает, забыв закрыть рот. Гвалт от других тоже мгновенно стихает.

– Ну вот, — произносит фея Роза, — видите, синьор Жозеф, что и почему происходит. Сегодня мы ничего не решим. Лесному народу нужно успокоиться. Да и вам нужно осмыслить то, что услышали. Дело не только в Священном дереве, а и во многом другом. И вам, и нам нужно еще между собой посовещаться, чтобы при следующей встрече хотя бы о чем-то договориться. Хотим мы того или нет, а существуем все на одной и той же земле, и другой не будет. Никто не возражает? Хорошо. До следующей встречи, синьор Жозеф. А вы, Серж, вижу, хотите что-то спросить?

– Да, фея Роза. Я ведь из других, очень далеких краев.

– Знаю. Ну, и что?

– У нас нет ни фей, ни гномов, ни эльфов, ни дриад. Зато большой интерес вообще к природе. Вот и мне было очень интересно познакомиться с лесным народом. А услышанные проблемы так необычны. Хотелось бы задать, если можно, всем вам два-три вопроса. Потом я уйду.

– Два-три? Пожалуй, можно. — Арзон, задрав бороду вверх, недовольно зашевелил мохнатыми бровями. — Я сказала, можно, Арзон! Никто не уходит, — и Роза, опять вспорхнув, возвращается на бревно.

– Я буду ждать тебя в коляске, Серж, — сказал Жозеф и отправился в сторону дороги.

– Так что вас интересует, Серж?

– Я вот только что услышал из уст Арзона, что гномы берегут буквально каждое деревце.

– Да, берегут, — вызывающе заявил тот.

– Вот и вопрос в том, как это им удается? Ведь для выплавки металла и ковки нужны дрова. А это значит, что и гномам необходимо рубить деревья.

– Нам не нужно ничего рубить. Мы дрова не используем.

– Я так и подумал. Наверное, в горнах и печах используете черные горящие камни, которые добываете под землей. В наших краях именно так и делают, а камни называются уголь. Они черные, как угли от дров, и так же пачкаются, — Арзон вытаращил на меня глаза.

– Черные камни — это наш секрет от людей. Потому наша сталь и лучше.

– Ваша сталь лучше, Арзон, не потому, что существуют черные камни, которые природа создала для всех, а потому, что у вас большое умение хорошо использовать то, что дано природой.

– Гномы свои секреты не выдают!

– А как же тогда твоя забота о лесе, Арзон? Больше половины деревьев, срубленных людьми, сгорает в горнах, печах, плитах. Если бы вы открыли доступ людям к черному камню или стали бы сами его им поставлять, то спасли бы от вырубки миллионы деревьев, — эльфы и феи вопросительно уставились на смешавшихся гномов.

– Что скажешь, Арзон? — с неожиданным железом в голосе спросила Роза. — Что важнее? Ваш секрет, который на самом деле только у нас и секрет? Или сохранение леса? Что на самом деле тебе дороже? Мертвые камни или живые деревья?

– Так всегда было, — пролепетал поникший гном, прекрасно понимая, что оправдание нашел слабое. Крыть нечем.

– Тогда больше так не будет, — решила Роза. — Предложим людям черные камни в обмен на уменьшение вырубок вдвое, а там дальше посмотрим.

Эльфы согласно загалдели, феи захлопали в свои крошечные ладошечки, а гномы сбились в кучу и принялись шептаться между собой.

– Арзон? Ты меня слышишь, Арзон!? — и тот обернулся.

– Мы… мы согласны. Но делиться с людьми секретами, как лучше использовать черные камни, мы не будем.

– Это верно, Арзон. Своим умением вы вправе не делиться ни с кем. Тогда преимущество в работе всё равно останется за вами.

– Какой у вас, Серж, еще вопрос.

– О Священном дереве. Что оно такое? Почему священное? Оно хоть и священное, но, думаю, всё равно не вечное. Что должно происходить, когда оно умирает?

– Священное дерево — это символ-хранитель лесного народа. Мы сами его выбираем таким вот, как сегодняшнее, собранием от племен. Проводим по древней традиции обряд освящения. Устраиваем под ним свои праздники и разрешаем общие трудности. Это и символ единства, дружбы и взаимопомощи всех лесных племен. С ними вы, Серж, сегодня познакомились. То дерево, которое мы утратили, было выбрано нашими предками лет триста тому назад. Никого из нас тогда и на свете не было. Хранителем же самогó Священного дерева является дриада, которая в нем живет.

– Тогда мне вот что непонятно. Почти неделю назад Священное дерево было безвозвратно утрачено. По вашей же традиции собрание от племен должно бы сразу найти ему замену. Вместо этого собрание созвано только сегодня и для того, чтобы разбираться с обидами на людей. И это разбирательство может затянуться. Фея Роза, тут ничего не напутано с порядком действий? Дриада-то без дома, а вы все без Священного дерева. По вашим же словам несколько минут назад я понял, что после ухода синьора Жозефа и собрание должно было

разойтись. Почему? Хотя главная беда могла бы быть разрешена прямо сегодня. Люди-то здесь уже ни при чем ведь. Они не препятствуют выбору нового Священного дерева.

Королева фей задумалась, и все прочие замолкли, уставившись на нее.

– Вы опять правы, Серж. Обиды затмили разум. Объявляю поиск нового Священного дерева прямо сейчас. Нельга, ты как? — дриада что-то пискнула и подошла к одному из дубов. — Пойдемте, Серж, это можно посмотреть, но обряд освящения для людей закрыт. Да и будет он не сегодня.

Если присмотреться, то Нельга — обычная стройненькая девушка. Только вся зелененькая и словно чуть-чуть прозрачненькая. Прижалась ухом к дубу в полтора обхвата. Покачала отрицательно головой и пошла к другому. Тоже не то. И третье. Мимо четвертого прошла не останавливаясь, что-то прошептав фее Розе.

– Слишком тонкое, — пояснила та. — Будет качаться от ветра, а от качания дриаде становится нехорошо.

Вот как — дриада страдает морской болезнью! Один толстяк дриаду всё же заинтересовал. Она прижалась к нему и исчезла в стволе. Вышла с другой стороны и пожала плечами. Так безуспешно обошли еще несколько дубов, довольно далеко удалившись от начала поисков. В одном она задержалась. Изнутри послышался стук. Потом с другой стороны. Вышла. Задумчиво оглядела крону и пошла дальше. Еще несколько отвергнутых деревьев — и Нельга вернулась к простуканному изнутри великану. Постояла, кивнула головой и занырнула в ствол. Все облегченно вздохнули. Фея Роза объявила Священное дерево выбранным.

– Еще вопросы остались, Серж?

– Последний. И даже не вопрос. Учитывая ущерб, нанесенный людьми лесному народу, хочу предложить вам выкуп. Чтобы хоть как-то возместить утраты и горе.

– Денег у нас самих хватает, — заявил уже оживившийся Арзон.

– Я не о деньгах. Слышал, что вы все очень любите музыку, — эльфы мигом навострили и так заостренные уши. — А уж в том, что умеете делать сложные и хорошие вещи, то вам равных нет. — Арзон расплылся от самодовольства. — Я хочу предложить вам музыкальный инструмент, который может играть без музыкантов.

– Таких не бывает, — заявил один из эльфов.

– Бывает, но очень далеко. Я вам доставлю один такой инструмент, скажем, завтра днем прямо сюда. А вы решите, достоин ли он быть принятым как возмещение, выкуп. Если да, то я уверен, что сможете делать такие инструменты и сами. Договорились?

– Согласны? — спросила Роза гномов и эльфов.

– Пусть везет. Посмотрим.

– Значит, договорились, Серж. Завтра утром мы проведем здесь свой обряд и будем ждать вас после полудня.

Я попрощался и отправился следом за Жозефом. Вот, развалился в коляске и спит себе. И кучер вот-вот свалится с ко́зел. Запрыгиваю в коляску с разбега, и оба просыпаются. Двинулись обратно в Верн.

– Узнали что-нибудь интересное? — зевая спрашивает Жозеф.

– Немножко. То, что в горах есть очень полезные минералы. Да кое-что интересное об обрядах лесного народа.

– Эти обряды нам еще доставят хлопот. Вон сколько претензий! Я не говорю, что они несправедливы, но у них теперь есть дубина в виде утраченной святыни. Мы в очень уязвимом положении при переговорах. Правда,

сельские покосы, скорее всего, можно отодвинуть подальше от леса. Да и охоту упорядочить тоже можно, но вот главное…

– Ну, насчет дубины — так это как повернется вопрос. Я им напомнил, что за обидами они забыли о замене утраченного. Они тут же под руководством феи Розы разыскали и выбрали себе новое Священное дерево.

– Ого! Вы не зря там задержались, Серж.

– Вероятно, на переговорах лесной народ потребует сокращения вырубок пока что вдвое, — Жозеф аж подскочил от неожиданности.

– Это невозможно! Зимой город замерзнет.

– Соглашайтесь, Жозеф, соглашайтесь. Они предложат взамен кое-что получше дров.

Жозеф задумался.

– Горящие камни?

– Они самые.

– Какие-то туманные слухи о них до меня доходили, но ничего определенного в Верне о горящих камнях никто ничего не знает. Считают гномьей легендой. Думаете, стоящая вещь?

– Не думаю, а знаю. Нужно будет соразмерить возможную добычу камня с потребностями города. Хочу попросить вас, Жозеф, об одолжении.

– Всё, что в моих силах.

– В ваших, в ваших. Никогда не изображайте меня гением решения проблем. Многие из ваших трудностей уже были в нашем мире и решены давно и не мной. А заслуга повторить уже известное не так уж велика.

– Вы, помнится, Серж, как-то обмолвились, что я кладезь мудрости?

– Вроде что-то было.

– Так вот, вы кладезь скромности. Принести полезное туда, где оно неизвестно, — в любом случае заслуга немалая.

– Да ладно вам. Компанию за обедом мне составите?

– Нет. Меня ждут во дворце с докладом.

Я вышел у "Морского дракона", а коляска двинулась во дворец. Обед, как всегда, был выше всяких похвал. Так и растолстеть недолго! Крис со своими новостями и слухами был тут как тут. Всё пытался выведать, куда это и зачем мы ездили с Жозефом. Не вышло. Стало быть, появятся еще и новые слухи.

Завтра, завтра… Удастся ли найти нужное к этому сроку? Время еще только около трех. Комиссионки работают до семи. Могу еще успеть что-то сделать и сегодня. Если не всё успею, то еще утром будет время.

– Колин, если меня будут спрашивать, то я буду только завтра.

– Понял.

Поднявшись в своей сказочной избушке в опочивальню, подумал: а на черта мне переодеваться-то? Старушек моих все равно дома нет. А другим какое дело, во что я одет? Отправлюсь-ка я домой в Льюисовом костюме.

Дом, Дом, где ты, Дом…

*

Так, взять денежки. Забираю почти всё. Где у нас ближайшие комиссионки? На соседней улице есть. А если в другую сторону, то через две улицы еще одна. На Садовой имеется большая. Начну с ближайшей. Вылетаю на улицу и натыкаюсь на Александра, мирно беседующего с Ахмедом на тему отсутствия благовоспитанности у современной молодежи. Встречаясь иногда случайно около нашей парадной, они всегда с каким-то изощренным смаком обсасывают почему-то именно эту тему и только ее.

– Эй, ты куда это собрался в таком виде? — окликнул меня Александр. — Окрестные модники и стиляги озве-

реют и разденут тебя прямо на улице. Не рискуй понапрасну.

– Да нет, сейчас не посмеют, — успокоил Ахмед, — еще светло. Вот все встречные девки — труп! Что ни шаг, то труп. Что ни шаг, то труп. Резкое падение численности населения будет.

– Да ну вас на фиг! — отмахнулся я и пронесся мимо.

В первой комиссионке неудача. Аппарат есть, но замызганный, побитый. Не годится для подарка сказочным существам. Бегу в другую. Есть! Даже два. Один тоже не ахти какой. Зато второй — просто сама сказка. Словно и не под сотню лет ему. Но вот цена… Пересчитываю наличность и несусь обратно домой. Коллеги по двойной жизни еще у парадной.

– Что, уже гонятся?

– Саша, срочно нужно сто пятьдесят. Когда отдам, не знаю.

Посерьезнев, он не стал даже ничего спрашивать.

– Пойдем.

После Александра зашел опять домой и забрал всё, что оставалось. Отложил только пятерку на хлеб. Теперь должно на всё хватить. Возвращаюсь в магазин и подхожу к скучающему, одетому с иголочки, похожему на меня телосложением еще молодому продавцу. Небрежным и тоскующим тоном заявляю:

– Мне бы вон тот граммофончик, который посвежее. Уж очень он подошел бы к моему интерьеру.

– Сей момент, — а сам, поставив аппарат на прилавок, с завистью пожирает глазами мой джинсовый, кожаный прикид.

– Недурно, недурно, — внятно бормочу я, осматривая вещь. — Пластиночку будьте любезны приспособить.

Звук, понятно, граммофонный, но ничего говорящего о нехарактерной дефектности нет. Не вытерпел он всё-таки. Вкрадчиво так и просительно поинтересовался:

– Такие джинсовые костюмчики, как у вас, наверное, редки и далеки?

– Да уж, — отвечаю со вздохом, — совсем не близки. И охота на них многотрудная. А уж поголовье совсем на штуки считают. Решается вопрос о занесении этой разновидности в Красную книгу.

Это его добило окончательно.

– Не уступите?

– Да что вы! Тут только одна пуговица с этот граммофон стоит, — попытался я взять его на испуг. — Индивидуальный заказ.

Не тут-то было. Выстоял, не моргнув глазом. Опытный, видно, добытчик модных шмоток.

– Ну, граммофон можете считать уже своим и…, — потянул из кармана пиджака бумажник, — шестьсот рублей. Больше с собой нет, а из кассы не имею права брать.

– Вы, наверное, смеетесь надо мной, — с досадой в голосе обрываю я его. — А еще я домой голым пойду?

– Упаси Бог, вот, английская работа, чистая шерсть с синтетическим волокном. Видите как отливает? — демонстрирует он рукав своего костюма. — А покрой-то! Садится на фигуру, как влитой. Тем более что и фигуры у нас с вами одинаковые.

Изображаю сомнение, колебание и раздумье.

– Ну, право, не знаю, как-то внезапно, неравновесно ваше предложение.

– Так что же нам мешает уравновесить?

– Ну, скажем, если еще коробку бы подходящих пластинок, иголки, то…

– По рукам!

– По рукам, — с унынием обманутого в голосе даю наконец уговорить себя.

Пластинки отобраны. Иголки изысканы. Аппарат удобно упакован.

– Ключи бы от дома не забыть, — словно про себя бормочу, опустошая карманы в подсобке магазина.

У мужика чуть глаза на лоб не полезли, когда он узрел связку черных, замысловатых ключей тонкой кузнечной работы. Костюмчик действительно сел как влитой. Забираю товар и удаляюсь. Неплохая негоция за доставшуюся даром псевдоджинсу из сказки! И новый цивильный костюм, и аппарат с прикладом, и денег стало вдвое больше, чем было. Отношу кладь домой и поднимаюсь к Александру.

– Вот, возвращаю. Обстоятельства так сложились, что не понадобились.

– Раздели-таки. Предупреждал ведь! — но сразу сообразил, почему деньги целы. — Фарцовщик!

Время еще только начало шестого. Не поздно поискать сведения о звукозаписи на пластинки. Магазин "Старая техническая книга" неподалеку, на углу Литейного проспекта и улицы Жуковского. Оказывается, там есть, и немало. Так, заводские технологии не подходят. Хотя в части некоторых моментов изготовления форм могут что-то подсказать. А вот любительская запись на рентгеновских снимках в самый раз. А также и история вплоть до восковых валиков. Как изготовить дома аппарат и резцы для нанесения дорожек — тоже сюда. Журнал "Юный техник"? Отлично. Скверно то, что везде привод электрический. Хотя пусть гномы сами голову ломают, если захотят наладить производство граммофонов у себя в лесу. Водяные мельницы им известны. Могут дать достаточно равномерное вращение.

Дома передо мной встала проблема: в чем отправляться в Верн? Один костюм — джинсовый — остался там. Какой смысл тащить туда еще и другой? Отправился в трусах. За два раза перетащил в Верн весь багаж, оделся и потопал в "Морской дракон".

Конец рабочего дня. В таверне народу столько, что некуда и присесть. Все словно ждут, что король с королевой будут приходить сюда каждый день, чтобы откалывать танцевальные номера. Не беда. Можно поужинать и дома. Подхожу к стойке.

– Колин, когда у тебя Жанна уходит домой?

– Да вот как только придет вечерняя подавальщица. Уже должна бы прийти.

– Раньше Жанна вроде допоздна тут крутилась.

– Так и народа было много меньше — легче. Теперь пришлось взять еще трех работниц, а они уж между собой договариваются, когда и сколько работать. Одной весь день не выдержать.

– Жанна! — остановил он пробегавшую мимо девушку, — Серж интересуется, когда ты идешь домой.

– Анита вот-вот должна прийти.

– Жанна, — спрашиваю, — тебе не трудно будет захватить чего-нибудь мне на ужин и занести по пути?

– Не трудно. Сегодня жареная рыба хорошая.

– С картошечкой?

– С картошечкой.

– Отлично. Колин, у меня к тебе дело.

– Да?

– Мне завтра к полудню нужно будет добраться до лесного народа. Нужна повозка с возницей.

– Возьми коляску. У меня есть одна на мягком ходу для развозки гостей.

– Отлично. Ну, пока, Колин, до завтра.

Сижу дома в столовой внизу. Граммофон на столе. Жанна копошится на кухне. Запускаю танго. В кухне сразу затихло. Жанна появляется в дверях. Вроде хочет что-то спросить и замирает с раскрытым ртом. Тихонько подходит к столу и садится, уставившись в рупор граммофона. Протягиваю через стол руку и аккуратно закрываю ей рот, нажав пальчиком на подбородок. Какая же

она все-таки ладненькая, миленькая! Просто глаз не оторвать.

– Что это, Серж? — спрашивает она, когда музыка затихает.

– Такая музыкальная шкатулка. Называется граммофон.

– Грамфон?

– Граммофон.

– Поняла — граммофон. А еще можно.

– Тащи рыбу. Будем есть и слушать.

Едим и слушаем оркестрованные песни. Жанна время от времени даже жевать забывает. А иногда и тихонько подхватывает припев. Голос у нее и в самом деле как колокольчик. И слух отменный.

– У нас, — говорю, — под такую музыку даже танцуют. Хочешь попробовать?

– Хочу.

Опять запускаю танго. Показываю движения. Она сразу схватывает и через минуту в паре уже не сбивается с ноги.

После ухода Жанны выхожу во дворик. Ух ты, какая хорошенькая скамеечка-то! Смотри-ка — и подушечку кто-то на ней забыл! Тепло. Может, и в самом деле ночевать на воздухе? Тащу небольшую перинку, обнаруженную в шкафу, одеяло. Сколько можно повторять одно и то же? Сказано: благодать — значит, благодать и есть!

*

Проснувшись под открытым небом, еще долго лежу, блаженствуя под лучами утреннего солнца. Спешить вроде некуда, но не валяться же до бесконечности. Бр-р-р, какая вода холодная! А вместо мыла — какая-то серая смесь. Слышал, что в средние века вместо мыла использовали золу. Она, наверное, и есть с чем-то еще. Черт, а ведь побриться-то нечем! Как же я об этом заранее не подумал? И зубы нечем почистить. Надо будет в

следующий раз озаботиться доставкой сюда туалетных принадлежностей. Чищу зубы пальцем с золой.

Выбираюсь на Рыночную улицу. Где-то тут я видел заведение брадобрея. Ага, вон чуть подальше. За один солентино меня обработали по высшему разряду. Можно идти завтракать. Подходя с разных сторон, у дверей таверны сходимся с Жозефом. Молча здороваемся. Молча заходим. Молча садимся. Просто молчим. Подходит незнакомая подавальщица и молча стоит, ожидая заказа.

– Две яичницы. Жозеф, молоко будете?

– Да.

– Молока тоже два и ягодный пирог, — подавальщица улепетнула.

– Когда у вас очередные переговоры с лесным народом?

– Скорее всего, дня через два. Уточним во дворце, как и на какие пойдем уступки. Хоть стало ясно, чего от нас потребуют, и появилась надежда на благополучный исход. Герц доволен, что пока чересчур обременительных требований нам не выставили. Но ждет требований гномов о компенсации ущерба. Решили, что нужно предложить какое-то более тесное сотрудничество с лесным народом. Нельзя более допускать, чтобы некоторые возможные разногласия вырастали до больших проблем.

– Пожалуй, разумно. Самый весомый аргумент для лесного народа — это сохранение леса и живности в нем. Удачи вам!

Яичница у Колина всегда отменная, а пироги выше всяких похвал. Покончив с этим, расходимся. Жозеф в дверь на улицу, а я в дверь во двор. Коляску уже выкатили и запрягли. Возница готов. Выезжаем и сворачиваем к моему дому. Выношу и загружаю багаж. Поехали!

Едем потихоньку, прогулочно для приятности времяпрепровождения. Спешить некуда. Протолкнулись через городские ворота. Поругались со встречными возницами. Попеняли стражникам на отсутствие порядка. В общем, маленько размялись перед дорожной скукой. Хоть и красота вокруг, но однообразие пути всегда навевает тоску. Вон и даже этот галльский воображала с придорожного забора опять не сказал ни слова. Мог бы и ругнуться хоть разок для разнообразия.

– Онемел, чучело, что ли? — поприветствовал я петуха. Смолчал, зараза, и на такую провокацию. Только глазом презрительно зыркнул.

К камню подъехали рановато. Солнце хоть и почти в зените, но еще никого нет. Ждать пришлось почти час. Я даже погрузился в легкую дрему, как Жозеф в прошлый раз. Сонное место?

– Здравствуйте, синьор Серж, — пробудил меня звонкий голос давешнего эльфа.

– Здравствуйте, э-э…

– Везер.

– Здравствуйте, Везер. Помогите мне немножко. Возьмите вот эту коробку, — указал я ему на пластинки, а сам взял свертки с аппаратом и граммофонной трубой.

В дубовой роще перестановка мебели. Бревна и колоды для сидения переместились под новое Священное дерево. Все в сборе. Сразу со всеми и здороваюсь. Только гномы бурчат что-то неразборчивое в ответ. Остальные отвечают вполне вежливо и благожелательно. Разворачиваю пакеты, ставлю аппарат на колоду, прилаживаю трубу, завожу механизм, ставлю пластинку — и вот в колдовском лесу зазвучала волшебная мелодия "Сказок Венского леса".

Аудитория замерла, внимая необыкновенным для этого мира частотным колебаниям. Интересный эффект производят они на лицевые мышцы и лесного народа.

Но не будешь же обходить их всех, закрывая им рты! Это было бы недопустимой фамильярностью. Критически настроенные гномы, и те явно вовсе не враждебно поражены. А некоторые феи даже покачиваются в такт музыке. Про эльфов и говорить нечего. Известные меломаны просто затаили дух. Дриада — и та по пояс высунулась из дерева и хлопает большущими глазами.

Пластинка кончилась. Всеобщий вздох сдерживаемых эмоций. Ставлю танго — и опять тишина и внимание. Похоже, танго больше всех пришлось по душе гномам. Некоторые из них полуприкрыли глаза, а Арзон явно озадачен и удивлен. Быстрый фокстрот вызвал у эльфов всплеск активности. Они завертелись, задергались, пихая друг друга, а потом словно дети с хохотом затеяли между собой потешную потасовку.

Закончился фокстрот, и я отступил на несколько шагов. Все, кто только мог хоть как-то толпиться, вмиг, галдя, столпились вокруг невиданной машинки.

– Ах, Серж, Серж, — растроганно обратилась ко мне фея Роза, — мы никак не могли и ожидать такого богатого подарка. Арзон, Арзон, остановитесь, не смейте этого делать! Ну, что ты скажешь, вот уж неуправляемое племя!

И действительно, эта деловая компания, не обращая внимания ни на что, оттеснила всех от аппарата. В мгновение ока пластинка снята, заводная ручка выдернута, труба аккуратно вытащена. Корпус быстро осмотрен и с возгласом "Ага!" моментально вскрыт. Компания коротышек погрузилась в профессиональное созерцание внутренностей диковинного музыкального инструмента. Краткий обмен мнениями среди специалистов и быстрый диагноз:

– Там внутри всё проще, чем в наших часах!

Один из гномов, отойдя немного в сторонку и присев, изучает свою добычу — грампластинку. Посмотрел на

свет — не прозрачная. Поковырял ногтем этикетку — не отковыривается. Поводил мизинцем по поверхности — по кругу гладкая, а поперек слегка шершавая и пищит при быстром движении пальца. Это его очень озадачило. Явилась на свет и вставлена в глазницу лупа часовщика. Подхожу.

– Ну, как? — спрашиваю исследователя.

– Не мешай, человек, я думаю!

– Думай, думай. Вот тебе и некоторые сведения для размышления.

Бросаю ему на колени добытую и прошедшую мою цензуру вырывания страниц литературу о грамзаписи. Гном быстро листает, задерживаясь на картинках. Затем уставился на меня. Видимо, соображает: говорить спасибо или нет. Однако всё-таки переборол свою натуру и признал, вроде бы сам себе удивившись:

– Может быть очень полезным.

Я, в свою очередь, устно проинструктировал его о необходимости смены иголок время от времени.

Между тем граммофон уже восстановлен в свое работоспособное состояние и Арзон роется в пластинках, стараясь понять, о чем идет речь на этикетках. Выбор пал на фрагменты первого концерта для фортепиано с оркестром Чайковского. Во времена граммофонов долгоиграющих пластинок еще не было. Музыка опять заворожила всех. Помолчали немного.

– Ну как? — заговорила фея Роза. — Принимаем выкуп? Арзон?

– Согласны. Всё, что из металла, мы сможем сделать. А вот такую тонкую каменную пластину с дыркой — еще не знаю. Надо пробовать.

– Везер?

– Мы, эльфы, тоже согласны. Очень интересный и приятный музыкальный инструмент. Мы можем делать

само вместилище для механизма и этот большой рог, из которого исходят звуки.

– Вы слышали, Серж? Мы принимаем принесенную вами вещь в качестве полной компенсации ущерба, понесенного с утратой Священного дерева и вырубкой в запретном месте. Но только этого. Об остальном нужно еще договариваться, — королева фей немного помолчала и добавила:

– Вы знаете, Серж, ваш подарок нам очень по душе, и я сделаю вам ответный. Отныне и навсегда вам разрешается входить в любое время, в любое место нашего леса, а также присутствовать на наших праздниках. Любой представитель лесного народа будет обязан посильно помочь вам, если в этом у вас возникнет когда-либо нужда. Помолчи, Арзон! Что за манера перебивать королеву! Когда-нибудь я тебя накажу всерьез.

Но вы, Серж, должны взять на себя обязательство, что и словом не обмолвитесь с другими людьми о том, что увидели или услышали в нашем лесу, — Арзон согласно и успокоенно кивнул. — Принимаете такое условие, Серж?

– Принимаю.

– Тогда так тому и быть.

*

На обратном пути я выпрыгнул из коляски на Портновской улице и зашел к Льюису. Вчерашнего уныния как не бывало. Впрочем, очередь на другой стороне улицы вовсе не стала меньше.

– Синьор Серж, синьор Серж, как же я рад приветствовать нашего спасителя! Мы теперь сможем обслужить всех желающих. А уж как вам благодарны швеи за ваши наперстки, то и не описать! Что я могу для вас сделать?

– У вас, Льюис, еще сохранились мои мерки?

– Конечно.

– Сшейте мне еще один костюм. Такой же, как и был, но немного посветлее.

– Так давайте выберем кожу, — и мы подошли к полкам с образцами.

– Пожалуй вот эта подойдет, — указал я на нечто среднее между коричневым и светло-коричневым.

– Завтра будет готово. Я сам займусь.

– Если меня не будет в Верне, то передадите Жанне из "Морского дракона". Она в мое отсутствие занимается делами по дому.

– Хорошо.

– А теперь мне нужно еще поговорить с вами, Льюис, об одном деликатном деле.

– Прошу в столовую. Я на секунду. Распоряжусь, чтобы принесли кофе.

Кофе принесли.

– Я весь во внимании, синьор Серж.

– Скажите, пожалуйста, Льюис, вы ведь не только мужской портной?

– Нет, конечно, мы шьем для всех. Просто мастерская для женщин в другом доме — чуть дальше по улице.

– Понятно. А как часто меняется в Верне женская мода? — тут Льюис сильно задумался.

– Не знаю даже, что и сказать. Когда не меняется и года три-четыре, а когда сменится и дважды в год. Невозможно предсказать. Многое зависит от того, в чем появляются у нас приезжие дамы из других стран. Вот ваша модель, — оживился Льюис, — обречена на многолетнюю моду среди мужчин.

– А если возникнет мода на брюки среди женщин?

– Что вы, что вы! Как можно! Никто из женщин не рискнет облачиться в мужские штаны или брюки! Засмеют в лучшем случае, если в суд не потащат за оскорбление нравственности. Вы шутите, синьор Серж.

Такого быть не может. Я еще могу допустить, что с пришедшего судна попытается сойти иностранка в мужских штанах, но ей не позволят даже спуститься по трапу.

– Первый заказ на брюки для женщины может последовать из королевского дворца.

– От самой королевы? — пораженно удивился Льюис.

– От короля.

– И королева публично выйдет в мужской одежде? Как можно!

– Не в мужской, а в женской. Наличие двух ног вовсе не исключительная особенность только мужчин, а и женщин тоже, — и я объяснил Льюису отличие в покрое женских брюк, исходя из физиологического строения женского тела.

– Так-то оно так, — согласился Льюис, — но всё равно такой крутой поворот в традициях одежды…

– Как вы думаете, Льюис, мужское население будет бурно возражать против такого зрелища? Что тут больше сыграет: мужские страсти или дань женской традиции?

Он опять задумался, что-то прикидывая и временами улыбаясь своим мыслям.

– Я понял, что вы имеете в виду. Все мужчины будут поражены, но большинство не будут возмущаться. Во всяком случае, не станут возражать. Зрелище-то обещает быть восхитительным. А это означает хотя и молчаливую, но поддержку.

– Совершенно верно. Добавьте сюда еще и женщин-подражательниц, для которых авторитет — королева, а не традиции. Шум, споры, конечно, будут, но когда их не было в моде? Я хочу чтобы вы были готовы к такому повороту событий в своих делах. Если заказ из дворца поступит, то и мерку будете снимать только вы и шить сами. До первого выхода королевы на публику в женских брюках никто ничего не должен даже подозревать.

– Здесь не может быть возражений. Но всё равно такой резкий поворот…

– Попробуем сделать его не резким, а плавным и неизбежным, продиктованным заботой о женщине.

– Как это?

– Новая одежда представляется как одежда узкого применения — костюм для верховой езды. Вы же понимаете, что всадник, сидящий верхом на лошади, гораздо прочнее, устойчивее держится в седле, чем сидящий боком, свесив ноги на одну сторону. В платье верхом не сядешь.

– Конечно. Я понял вашу мысль. Довольно сильный аргумент, а потом уже никакие аргументы для более широкого использования женских брюк и не потребуются. Вы меня почти убедили. Дело за дворцом. Попробуем. Какие интересные и обширные возможности открываются!

– Есть еще одно дело по вашей части, Льюис.

– Нет-нет, синьор Серж, — и Льюис заразительно рассмеялся, — не буду даже и слушать пока мы не договоримся об увеличении вашей доли. Ваши предложения, помощь очень дорогого стоят, и меня совесть начисто загрызет, если всё останется, как вы пожелали.

– А меня совесть загрызет, если я буду получать за идеи столько же, сколько и тот, кто работает над воплощением идей. Создание вещей — гораздо более весомый вклад. Давайте договоримся так. Всю прибыль после уплаты налогов вы делите со мной пополам.

– Это я и предлагал!

– Подождите. Это не всё. Из моей доли вы отдаете мне половину, а вторую половину вы распределяете между закройщиками и швеями. Это будет им поощрение за хорошую работу. Лучше работа — больше прибыль. Больше получится и поощрение. Понимаете?

– Понимаю. Так вообще-то не принято, но не могу сказать, что неразумно. Если это приведет к более продуктивной работе, то и я приму в этом участие. Договорились, — и мы пожали друг другу руки.

– Теперь еще об одном деле. Вы не задумывались, Льюис, чтобы расширить свое дело в другие города и страны?

–Это заманчиво, но сложно. Я не могу присутствовать сразу везде, а индивидуальность подхода к каждому клиенту именно этого требует. Конечно, можно найти и в отдаленных местах хороших портных-организаторов. Но всё равно много времени требуется на прививку им нужного стиля работы.

– А ведь конечная цель у вас, Льюис, чтобы из каждой вашей вещи был виден ваш стиль. Я правильно вас понял?

– Совершенно правильно.

– Тогда проблема только в одном. Чтобы вещи с вашим стилем появлялись сколь угодно далеко без вашего присутствия в этом самом далеко. Верно?

– Вроде бы по логике да, — как-то раздумчиво и неуверенно протянул Льюис, — но в практике одно исключает другое.

– Не исключает. Тут может быть два пути. Вы ведь берете на обучение швейному мастерству мальчиков и девочек?

– Конечно, беру. Как же без этого!

– А почему бы не брать взрослых и опытных, талантливых швей и закройщиков из очень отдаленных мест и других стран на обучение уже не просто шитью, а вашему стилю и организации дела. После завершения обучения остается лишь снабдить новых специалистов деньгами на открытие ваших дочерних предприятий в отдаленных местах. Вы станете владельцем множества

швейных мастерских вашего стиля по всему миру. При этом сидя дома.

– Поразительно. У меня уже нет сил восторгаться течением ваших мыслей, синьор Серж. А каков второй путь?

– Льюис, а как долго ваши закройщики хранят записи с мерками клиентов?

– Долго. Не меньше года, наверное.

– Возьмите, пожалуйста, все записи у двух-трех закройщиков и свои захватите.

– Сей момент! — и минут через пять Льюис приволок целый ворох бумажек с таинственными циферками. — Вот.

– Теперь сделайте вот что. Рассортируйте записи по курткам и штанам. Потом выберите из них такие, которые совпадают, почти совпадают и очень не намного различаются друг от друга. Критерий один. Любой из заказчиков из выборки может без потери комфорта надеть вещь другого заказчика. Это могут быть или куртка, или брюки — и ничего физически стеснять клиента не будет.

Эта задачка оказалась для Льюиса посложнее, но и с ней он справился чуть поболее чем за полчаса. На столе оказались разложенными примерно на два десятка стопочек обрывки разных бумажек. В одних две-три бумажки, а в других — с десяток и более.

– Льюис, я не подсматривал, что вы там делали. Однако полагаю, что если я возьму две самые многочисленные стопки бумажек, то в одной окажутся брюки, а в другой — куртки. Верно?

– Верно.

– В нашей стране это называется статистикой. С ее помощью можно легко количественно определить ну́жды и предпочтения больших масс людей. Давайте опять присядем и порассуждаем.

– Вы меня опять заинтриговали, синьор Серж.

– Вот две выбранные кучки. Брюк двадцать шесть, а курток… двадцать три. Стало быть, подходящую пару верха и низа могут одеть двадцать три человека. Теперь нам нужно выяснить, сколько всего было по всем запискам обслужено людей, — мы принялись считать все бумажки. — Так, сто пятнадцать человек. Таким образом, мы выяснили, что примерно пятая часть ваших заказчиков обладает очень близким сходством фигур. А поскольку ваши заказчики и есть обычные горожане, то мы вполне можем полагать, что пятая часть взрослого мужского населения города обладает сходными фигурами либо в части выше пояса, либо в части ниже пояса. Понимаете, к чему я веду?

У Льюиса заблестели глаза.

– Начинаю понимать. Можно шить без снятия мерки для множества людей по одному и тому же крою. И можно открыть магазин готового платья, где можно купить одежду, просто выбрав по фигуре.

– Совершенно верно. Ничего нового тут по сути нет. Люди часто меняются одеждой. Но мы можем внести сюда свою лепту. Одежда-то будет новая, гарантированно продающаяся, а не кем-то уже ношенная. Ее можно делать крупными партиями и рассылать по миру с ярлыком "Льюис из Верна". В пределах сходства фигур людей очень большие возможности. Вот и второй путь распространить по всему миру свой стиль, сидя при этом дома.

– Очень заманчиво, синьор Серж, но теряется творческое начало работы.

– Вот тут вы не правы, Льюис. Только начинается. Своими руками лично вы, конечно, творчески многих обеспечить не можете. Но ведь суть вашего творчества для клиента вовсе не в конкретно ваших, приложенных к клиенту руках. А в стиле, удобстве вещи, которую он по-

лучает. Чем больше людей будут востребовать вещи вашего стиля, тем выше для всех сам стиль. И тем самым выше и ваш личный творческий вклад.

– Сдаюсь, сдаюсь. Вы, синьор Серж, не оставляете неразбитых возражений, и это почему-то не огорчает. Будем пробовать.

Распрощавшись с Льюисом, почти бегом направляюсь в "Морского дракона". Обед пропущен, а сейчас уже вечереет. Есть хочется просто ужасно. Вот будет фокус, если в таверне уже и свободных мест не будет. Однако нашлось. За моим привычным столом хотя уже и сидят, но их всего двое — Жозеф и Герц.

– Так, — поздоровавшись с Герцем, начинаю я их подкалывать, — как услышали, что за моим столом обслуживают бесплатно, так и зачастили сюда. Ну, от синьора Герца можно было бы ожидать стремления к экономности. Но ведь вам, Жозеф, такая мелочность не свойственна. Вы только не учли одно обстоятельство, что бесплатно действительно только в моем присутствии, а я вот возьму и сяду за другой стол. И горели синим пламенем ваши мечты о даровой закуске и выпивке.

– Здравствуйте, здравствуйте, Серж, — произнес Герц, — вы уж не оставляйте нас возможностью поживиться за ваш счет. Да и сесть вам больше некуда. А мы вам место держим.

И действительно — свободных столов вроде как и опять нет. Изображая мимикой и телодвижениями великую досаду и муки жадности, присаживаюсь к этой компании. Мигом появляется Жанна и ставит передо мной тарелку с жареными куриными ножками. Хищно впиваюсь в них зубами.

Понятно, что эта пара уже прослышала о моем визите к лесному народу и пришла на разведку. Их можно понять. Государственное дело, как-никак. Но я не госу-

дарственное лицо и даже не тутошний подданный. Стребовать с меня ничего не возможно. Вот и приходится терпеть мои выходки. Этим я и не преминул воспользоваться.

– Представьте себе, синьоры, а этот галльский петух на заборе у дороги так при мне не разу и не кукарекнул. Странная птица, не находите? Вокруг такая природа, что петь хочется, а он молчит. Кстати, а у Жанны, оказывается, такой прелестный певческий голосок, что можно заслушаться. А вот Льюис, похоже, петь не мастер, но зато каков портной! Я, например, не устаю восторгаться. Опять у него какие-то новые идеи…

– И, скорее всего, ваши, Серж, — заметил Герц, начиная нервно барабанить пальцами по столу.

– Не буду отрицать, что портняжное искусство в Верне почему-то становится мне всё ближе и ближе. Я даже подумываю: а не открыть ли мне в вашем городе большую лавку по торговле бантиками? Вы только подумайте! Бантики для женщин. Бантики для мужчин. Бантики для лошадей, кошек и собак. Можно даже попробовать продавать бантики для домашних мышей. До такого еще никто не додумался. Синьор Герц, а вы любите бантики? Как вы считаете, будет спрос на бантики для мышей?

– Шут гороховый, — процедил сквозь зубы главный министр.

– Не нервничайте, Герц, — начал успокаивать его Жозеф. — Ему скоро надоест дурака валять. Это он таким оригинальным образом берет с нас плату за свои услуги по решению наших проблем.

Мы все трое переглянулись и дружно, включая и Герца, рассмеялись. Напряжения как не бывало. Умница все-таки Жозеф!

– Часа два назад, — сообщил Герц, — пришло известие, что лесной народ готов к переговорам.

– А мы вот не готовы, — добавил Жозеф.

– Вот это-то как раз очень и странно. Когда мы с вами, Жозеф, возвращались из леса, то вы продемонстрировали прекрасное понимание того, что от вас потребовали. И даже решение вам было ясно. Сами же говорили, что полевые покосы можно перенести дальше от леса. И тогда проблема фей решена.

А если упорядочить охоту, введя определенные правила и следить за их соблюдением, то и проблема эльфов уже не проблема. Эльфы сами будут присматривать за порядком в лесу. Гномы же предложили или, скажем так, согласились на замещение вырубки поставками или доступом к горящему камню. У вас всё было почти готово. В чем дело?

– Все дело в главной проблеме, — озабоченно посетовал Герц, — Священном дереве. Мы до сих пор не имеем представления, что с нас потребуют в возмещение ритуально-духовной утраты такого масштаба. Для лесного народа это то же самое, что для нас было бы разрушение и осквернение городского собора. Да и потрава леса в запретном месте вдобавок.

– Да, был я сегодня в лесу со своим личным интересом. Очень уж публика там занятная. Но у меня сложилось такое впечатление, что никакой проблемы Священного дерева уже нет и в помине. Во всяком случае на переговорах никто из лесного народа не собирается упоминать ни Священного дерева, ни лесной потравы в запретном месте. Так что и вам не следует даже заикаться об этом.

– Это точно? — недоверчиво спросил Герц.

– Точнее не бывает. Мое слово — кремень! Давайте лучше еще поговорим о бантиках для мышей. У меня в связи с ними возникли еще некоторые мысли. Черт, я еще про тараканов забыл…

– Мы, пожалуй, пойдем, — мгновенно засобирались мои сотрапезники. — Нам утром выезжать, а ваше известие нужно еще обсудить. До свидания, Серж. Мы очень вам признательны за помощь, — поблагодарил Жозеф.

Герц, тряся мне руку, так расчувствовался, что, похоже, потерял дар речи. А я посидел за столом еще немного, потягивая винцо Колина. Полюбовался, как порхает Жанна между столами, и отправился восвояси.

Ух ты, какая хорошенькая скамеечка-то во дворике с ангелочком! Да на ней еще какой-то чудак разложил матрасик, подушечку и одеяльце. Мне это подходит. Брык под одеяльце! Вроде мне гулять еще четыре дня. Нет, пять. Здесь, похоже, пока никаких интересных событий не назревает. С утра вернусь домой и посмотрю, что там делается. Да, не забыть бы зарисовать Арзона, фею Розу и других. Очень уж колоритные существа. Звёзды-то надо мной какие…

*

ГЛАВА 6

НОВЕЛЛА О БАГДАДЕ: ЗУБЕЙДА

ГЛАВА 6: Новелла о Багдаде: Зубейда

Дома тоже никаких событий. Капитан еще там. Александр по уши в делах нового учебного года. Анна Петровна не тот человек, к которому внезапно завалишься просто поболтать. Вот Ахмед — теперь другое дело. Поскольку удалось уличить нашего тайного философа в сокрытии профессии, то и поболтать с ним не грех. Спускаюсь вниз, захожу во двор и стучу в дверь.

– Здравствуй, Ахмед.

– Здравствуй, милок, здравствуй. Как ма… Тьфу ты черт, вот, что называется, привычка — вторая натура. Заходи.

– Нет, ты мне сначала скажи, сколько можешь терпеть гостя. Не занят ли.

– Не занят.

– Тогда ставь свой чайник, а я покуда в магазин сбегаю.

В гастрономе беру маленький фруктовый тортик. Точно замечено, что от фруктового тортика Ахмед добреет. Беру еще пряничков триста грамм и двести грамм "Белочки". Ахмед хоть и старик, но сластена редкий. А зубы тем не менее — как у молодого. Выгружаю гостинцы на стол, а сам иду полюбоваться нашей машиной. Завороженный, стою несколько минут, не зажигая света. Сзади подходит Ахмед и тоже некоторое время молча созерцает небывалое творение.

– Притягательная штука, — наконец произносит он. — Я теперь почти каждый день сюда заглядываю. Как присяду на стул, так время словно останавливается. Мысли начинают течь плавно и приятно.

И тут светящиеся при переходе элементы машины вспыхнули, и через секунду погасли. Кто-то ушел туда или вышел оттуда. Зажигаю свет и подхожу к панели реле. Да, кто-то ушел туда. Капитанские ряды замкнуты,

и теперь еще шесть рядов сработали, но не те, которые срабатывали на Александра.

– Анна Петровна куда-то пошла, — констатирую я.

И только поворачиваюсь, чтобы отойти, как опять вспышка. Контакты Анны Петровны разомкнулись.

– Пришла обратно.

Опять не успел отойти — как еще вспышка. Снова Анна Петровна. Но я успел уловить положение пары угловых шариков при прошлом переходе. Сейчас оно иное.

– Анна Петровна, но в другое место.

– Да, — подтвердил Ахмед, — у нее не один мир. Наверное, ошиблась в первый раз и забежала не туда, куда хотела попасть.

Закрываем дверь и садимся за стол. Пошли в ход чайники. Сначала заварочный, а потом большой.

– Ты ведь с ней ходил, Ахмед? И по моим наблюдениям, наверное, не раз. Я понимаю, что о том, куда ходил, может рассказывать только хозяин своего мира. Просто сам факт группового ухода и возвращения сам по себе интересен. Ведь мир придуман не тобой, а погружаешься в него как в свой.

– Анна Петровна иногда просит меня там чем-нибудь помочь. Женщина всё-таки. Не всё может сделать сама. А ты-то откуда знаешь о чувстве чужого мира?

– Капитан на днях взял меня с собой.

– Да ну!? Интересно было?

– Очень. Слушай, Ахмед, совесть-то поимей. Мне-то хоть кусочек тортика оставь! Что ты, в самом деле, навалился на него так.

– А ты не зевай. Ладно, забирай свою долю. Я пряничками утешусь.

– Утешься, утешься и "Белочку" не забудь. Я сегодня добрый.

– Понятно. Доброта у тебя, разумеется, самая что ни на есть бескорыстная. Не иначе как что-то выпытать хочешь. — Ахмед такой простак, что за половинку крошечного тортика и пару пряников выдаст любую дворницкую тайну. Дешево меня купить хочешь. Вот если бы торт был большой, как в прошлый раз, и при этом на одного, а пряников — целый килограмм, то тогда у тебя шансы еще какие-то были бы. А так…

– Ни фига, мой интерес большого торта не стоит. А если без трепа, то вот что я хотел бы узнать. Ты опытом умудрен по самые завязки. Понимаешь, есть некоторые трудности незаметного входа в другой мир. Мы с Капитаном не придумали ничего другого, как приобрести там для этого свои дома. Это, конечно, в какой-то степени снимает проблему. Но всё равно существует странность внезапного появления человека в доме, если знаешь, что недавно его там не было, а прибытия откуда-то снаружи не наблюдалось. У капитана есть слуги, которые держат язык за зубами и присматривают за хозяйством. А у меня нет и того. Приходящая экономка, но рано или поздно я столкнусь с ней при появлении из ниоткуда. Будет ли она молчать об этом или распсихуется? Может, у тебя есть какие-нибудь свои идеи, опыт по этой части?

– М-м-да-а, спросил бы что полегче. Сам мучаюсь с такой же проблемой. У меня для появления дом — не дом, но разница, по сути, не велика. Там наготове человек, который меня прикрывает. А дом и у меня есть, но только далеко от места входа. Так что в свой дом я прибываю совершенно естественно.

– А поподробнее, что и как ты делаешь не секрет?

– Да вроде и секретничать особенно смысла нет. Мы ведь, получается, не чужие друг другу люди, хотя и не родственники, — немного подумал и добавил, — а может, и больше, чем некоторые родственники.

У меня в Багдаде времен Гарун-аль-Рашида есть дом неподалеку от дворца халифа. А вхожу я в Басре. В Басре есть один содержатель курильни опиума, который обязан мне своей неотрубленной головой. Вот на задворках курильни, куда имеют доступ только хозяин и я, есть всегда запертое помещение. Вот там я и вхожу. Хозяин курильни принимает и чтит меня как незлого колдуна. Побаивается, конечно, тоже. Тем и обеспечивается его верность и молчание. Колдуны и джинны там понятны каждому. Хотя и не каждый их видел воочию.

Ну, а из Басры я за два дня на судне по Тигру или за четыре дня с караваном по дорогам добираюсь до своего дома в Багдаде. В том мире я богатый торговец, который редко и недолго бывает дома. Вот такая у меня легенда. Так что обычно получается побыть в Багдаде всего лишь день-другой. Путь из Басры съедает почти всё доступное время. Разве что во время отпуска удается побыть в Багдаде подольше. С выходом всегда проще. Можно прямо из Багдада. Сказал, что уезжаешь, нашел безлюдное место и уходи. А вот появление из ниоткуда просто не объяснить. Вот и приходится мудрить.

– Понятно. Может, поразмышляем на эту тему? Ты ведь философ. Стало быть, не чужд логике. Вдруг и придумаем что-то стоящее хотя бы для Багдада. Тогда и другие ситуации будет освоить проще.

– Да я разве против рассуждений и размышлений? Не раз думал об этом. Но всегда наталкиваешься на необходимость иметь того, кто тебя встретит и прикроет. Либо возникают проблемы со странностью ситуации, когда появляешься среди людей.

– Хорошо, давай подумаем детально о разных условиях внезапного появления среди людей. Мы все, как я понимаю, опираемся на безлюдье ме́ста входа. Но это безлюдье как раз и играет злую шутку незаметности момента входа, но заметности внезапного появления ново-

го лица на месте событий. Пожалуй, что единственным по части безлюдности идеалом может служить только лес. Никто не может ручаться, что ты в него откуда-то не вошел, как все. Так что не странно и выходить из леса когда и где угодно. Здесь возникает лишь вопрос, какого черта тебя носит по лесу, если, например, не охотишься, не рубишь дрова или не собираешь грибы-ягоды? А охота и прочие лесные дела подразумевают, что совсем недавно, а не несколько месяцев назад ты вышел из дома. То есть нужна хорошая лесная легенда и средства передвижения от леса к людным местам.

– Да, — согласился Ахмед, — лесное появление хорошо покрывает и момент входа, и странность появления оттуда возникает не для всех наблюдателей со стороны и не всегда. Неподалеку от Багдада есть лесные массивы. Можно подумать над лесной легендой и ее обеспечением.

– С другой стороны, — продолжил я, — эффект толпы. Чем больше вокруг незнакомых людей, тем естественнее среди них появление нового человека, исключая сам момент его материализации из ниоткуда. То есть ситуация совершенно противоположная лесной. Однако имеющая свои достоинства. Сразу происходит внедрение в толпу — и никаких проблем с транспортом, но нужно как-то скрыть от глаз толпы момент входа. Где в Багдаде постоянно образуются скопления людей?

– В мечети, на базаре и, пожалуй, у городских ворот. Но это, конечно, днем, — ответил Ахмед. — Ночью-то можно появиться где угодно. Хоть посреди любой улицы, но ночное появление само по себе неестественно. Как объяснить дома, где ты болтался весь день? Ночью же городские ворота заперты, и ты не можешь попасть в город.

– В чем дефектность наших любимых миров, — размышляю я вслух, — так это в отсутствии железнодорож-

ных вокзалов. Из кабинки вокзального туалета можно входить в мир совершенно без каких-либо проблем и противоречий в любое время.

– Да, за исключением того, что в момент перехода нужно, чтобы для тебя заведомо была бы свободная кабинка. Понятно чем будет сопровождаться твое внезапное появление в занятой кабинке. Хорошо, если человек перед тобой уже будет сидеть на горшке! А если нет?

– Ну вот, что за привычка у философов осквернять цинизмом даже самые блестящие идеи! Хотя постой! Как ты сказал? Заведомо была бы? Так ведь Дом-то как раз и создает заведомо предсказуемые ситуации. Как мы до сих пор не доперли до такой простой мысли? Это же очевидно. Инертность нашего мышления просто поразительна. Мы ситуации управляемого Домом переноса в другие миры противопоставляем типичную ситуацию нашего родного мира, которой управлять не можем. А это ошибка рассуждений. Что мешает переноситься в специально подготовленные условия? Ничего!

– Подожди, подожди, дай-ка сообразить, — заинтересовался Ахмед. — Если скопление людей — наиболее подходящее с точки зрения удобства место появления, то нужно всего лишь, чтобы в момент переноса на точку входа просто никто со стороны не смотрел. А как только ты в толпе нарисовался, то ты уже часть ее и никто не обратит внимания, что секунду назад тебя тут не было и в помине. Ты это имеешь в виду?

– Именно.

– Слушай, а ведь это очень интересно. Например, если появляться в толчее у городских ворот, то достаточно быть заслоненным на момент от чьих-либо глаз хотя бы какой-то повозкой. А если на базаре, то за какой-нибудь лавкой или за завесой выставленного, развешанного товара. А в мечети можно материализоваться

за любой колонной, углом и выйти оттуда, словно только что за них зашел.

– Верно. Да хоть просто у всех за спиной. Важно только, чтобы в момент входа в твою сторону никто не смотрел. Это в беспорядочной толпе нужно за что-то спрятаться. А вот в мечети, как я понимаю, во время молитвы все смотрят исключительно в сторону Мекки, а не озираются вокруг себя.

Всегда спокойный и уравновешенный Ахмед просто заерзал на месте от возбуждения.

– Это надо немедленно проверить, — заявил он. — Посиди тут. Я сейчас, — и вылетел во двор.

Вернулся минут через десять.

– Порядок. Сегодня четверг. Отпросился на пару дней. Так что у меня в распоряжении будет четыре дня. Можем отправляться в Багдад.

– Постой, постой! Это что, приглашение?

– А что еще может быть после нахального подкупа тортиком и пряниками? Я просто вынужден тащить тебя с собой. Не думаешь же ты, что причина — это твои собственные хилые логические рассуждения. Не подкрепленные никакой систематизацией, диалектикой, обращением к печатным источникам и авторитетам?

– Ахмед, притормози. Ты же не собираешься идти в Багдад прямо так, в дворницком комбинезоне? Да и проинструктировать меня о тамошних порядках и обычаях не мешало бы. А от Багдада Гарун-аль-Рашида я отказаться просто не в силах.

– Ну вот, всю ажитацию* сбил! — посетовал Ахмед, оглядывая свою рабочую амуницию. — Давай-ка я чайничек подогрею. "Белочка" еще не освоена, а в Багдаде ее не водится.

Горячий чайник снова на столе. Посасываем конфетки и прихлебываем божественный ахмедовский чай.

– Стало быть, так. Багдад в основном как раз такой, как в преданиях. Только избавлен от некоторых досадных пороков, которые в натуральном мире есть до сих пор. Мой арабский мир терпим к остальному внешнему миру. Нет религиозного психоза ни в отношении самих арабов, ни в отношении иностранцев. Если какому-нибудь маньяку вздумается объявить газават против неверных, то у него большие шансы кончить свою жизнь на плахе по приказу халифа.

Женщины достаточно свободны. Хотя многоженство, гаремы никуда не делись. Запрет для женщин на открытое лицо больше традиционный, чем религиозный, и касается только появления на улице. В помещении закрывать лицо или нет — ее личное дело. Традиции затворничества женщин и беспрекословного подчинения мужу тоже нет. Грамотность женщин не порицается, но и не славится.

Рабство как было, так и есть. Правда, по формам может быть довольно разнообразным. И довольно безобидное волшебство тоже имеется, и жить людям не мешает.

Смертная казнь существует, но только за очень серьезные провинности. Супружеские коллизии, воровство к таким не относятся. Вот, в общем-то, и всё, но из этого многое вытекает. Например, иноверец или безбожник может беспрепятственно войти, осмотреть мечеть. Или даже встретиться в ней с кем-то для беседы. Там даже есть специальные уголки для этого. В караван-сарае или порту к иностранцу всегда отнесутся как к гостю, а не врагу или конкуренту.

– Учить арабский язык надо или ты будешь переводчиком?

– А с чего ты взял, что мне, прожившему всю жизнь в СССР, и притом в Питере, могут быть известны древние

арабские языки? Там как-то сама получилась смесь русского с вкраплениями арабских слов и понятий.

– Тогда нам остается только решить, где в Багдаде мы сейчас появимся. Вернее — тебе решить, Ахмед. Ты в курсе ситуации.

– Я думаю, чтобы особо не искушать судьбу, попробуем в уголке мечети. И полюбуешься на нее изнутри, и базар рядом, куда мы пройдемся в первую очередь. Давай собираться.

Ахмед раскрыл стоящий в углу комнаты сундук и извлек из него всякое шмутье восточного происхождения.

– Вот тебе тюбетейка. Иначе голову напечет. Больше ничего для пришлого и не требуется. Только со своей европейской внешностью не вздумай изображать из себя араба.

– Зачем? Я всегда свой собственный Серж, — отпарировал я, разглядывая богато расшитую тюбетейку.

Когда снова обратил свой взор на Ахмеда, то просто поразился произошедшей метаморфозе голубого комбинезона в цветастый халат и белую чалму.

– Ну, как?

– Нет слов. Вылитый Хоттабыч. Только вот борода длиной подкачала.

– Борода — ерунда. Мой умище при мне, и этого достаточно. Сядем на дорожку, — и мы присели за стол.

– Сними башмаки и положи вот в этот мешок. В мечеть нельзя в обуви.

И сам Ахмед, смотрю, уже босиком.

Ахмед взял меня за руку и, закрыв глаза, мы полетели на сказочный Восток…

*

Мечеть. Вернее, какой-то ее кусочек со стенами с трех сторон. С четвертой ничего нет. То есть, конечно, имеется, но что-то очень обширное, откуда гулко доносится хор голосов, повторяющих одни и те же слова мо-

литвы. Если взглянуть вверх, то разукрашенный изразцами потолок где-то на совершенно недостижимой высоте. Напротив, на низенькой лавочке сидит Ахмед и подо мной такая же, а между нами — резной с инкрустацией столик. Наверное, это и есть упомянутый им уголок для беседы в мечети. Получилось! Никто не стоит рядом и не глазеет на нас как на диво дивное.

– Смотри-ка, как всё просто оказывается. Очень удачная мысль пришла тебе в голову. Пойдем, — предлагает Ахмед и встает, прихватив мешок с нашей обувью.

Выходим из закутка в молельный зал с грандиозным куполом и поразительной стереоакустикой. Молящихся не так уж много, но звуки их голосов, отражаясь от купола и стен, идут со всех сторон. Здесь не задерживаемся и выходим наружу. Жарко. Ахмед вытряхивает из мешка башмаки и облегченно вздыхает. Обуваемся. Перед нами большая площадь с разбегающимися во все стороны улицами, окруженная одно- и двухэтажными глинобитными домами. Чуть правее — мощное и вместе с тем изящное сооружение, блистающее на солнце мраморной белизной и окруженное крепостной стеной.

– Дворец халифа, — говорит Ахмед, — а нам вон туда, — и тянет меня в какую-то улицу левее дворца.

Идем хоть и не спеша, но не долго. Воздух становится какой-то тяжеловатый, насыщенный вовсе не амброзией.

– Базар близко, — объясняет Ахмед. — Жарко, и как торговая стража ни следит за чистотой лавок и караван-сараев, запаха животных и отбросов не избежать. Канализации европейского типа здесь нет, но сточные каналы вдоль улиц всё-таки есть. Их каждый день проливают водой из Тигра для очистки и тем самым спасают город от смрада и заразы.

Вот и добрались до базара. Шум есть, да еще и какой! Колорит имеется, и при этом совершенно невообразимый. Товаров завались и еще трижды по столько. Порядка, на первый взгляд, никакого. Толчея интенсивная и совершенно беспорядочная. Многокрасочно пестрые лавки, палатки расставлены, как кому в голову взбредет. Не сразу замечаешь, что они кучкуются по товарному признаку. Вот кучка медников и чеканщиков. А вот гончары. А чуть дальше — сапожники. О, а вот и уголок европейцев. Чем торгуют, издали не разобрать. Просто видно группу людей в средневековой испанской и итальянской одежде.

Но Ахмед даже не приостанавливается нигде, пробираясь к только ему известной цели. Цель приближается. Об этом можно судить по тому, что всё чаще встречаются люди, здоровающиеся с Ахмедом.

– Салям алейкум, Ахмед-ага.

– Салям, Джафар.

– Салям, Махмуд.

– Салям, Ибрагим…

Да сколько же их тут — Махмудов и Ибрагимов? Этак Ахмед со всем базаром перездоровается, если дня хватит. Бег замедлился. Видно, мы уже почти достигли цели. Останавливаемся. Все тот же "салям".

– Как здоровье, хозяин? — пришли, стало быть.

– Спасибо, как торговля, Мустафа?

– Хвала Аллаху, хорошо идет.

– Завтра поговорим.

Батюшки, китайский фарфор! Как ему не идти-то хорошо! Какая прелесть, изящество, тонкость работы! Особенно это видно в искусно и любовно сделанных статуэтках. Просто как живые. Век бы любовался. Но оказывается, что в какие-то владения Ахмеда мы пришли, но до конца еще, как видно, не дошли. Он тянет меня за рукав дальше. Останавливаемся на минуту у

большой ювелирной лавки, где Ахмеда тоже признали хозяином. Глаза опять разбежались, созерцая сокровища. Не богатство поражает — в пещере Капитана его намного больше. Поражает человеческое искусство, безграничная фантазия придания форм. Разговор со своим приказчиком Ахмед и здесь отложил на завтра.

Уже медленно идем среди лавок тканей и ковров. Здесь Ахмеду знакомы все поголовно. Мне кажется, он уже устал от бремени ритуала арабской вежливости. Однако нарушать его не собирается. Слава Богу, что он меня не представляет никому. Иначе вообще стояли бы на месте. Тем не менее до финиша все-таки добрались. Это уже не базарная лавка, а целый магазин ковров и тканей в одном из окружающих базарную площадь домов. Заходим.

– Салям алейкум, Ахмед-ага, — подскакивает к нам молодой человек немногим старше меня, а еще двое молча кланяются хозяину из-за прилавка.

– Алейкум салям, Али-Баба. Познакомься. Мой гость Серж. Очень издалека.

– Салям.

– Салям, — соприкасаемся мы с Али-Бабой по восточному обычаю двумя руками.

Проходим внутрь дома. Красиво и уютно. Ноги утопают в таких коврах, что ходить по ним кажется кощунством. Большая комната с большим, но низким столом, и вокруг него расставлены несколько оттоманок. На одну из них, скинув у двери башмаки и бросив чалму в угол, немедленно заваливается Ахмед. Я тоже разуваюсь и располагаюсь напротив.

– Ахмед, а почему мы не разулись при входе в дом, а только здесь? — спрашиваю я.

– Там торговое помещение для всех, а здесь жилое. Моя как бы домашняя штаб-квартира. Не устраивать же ее в своем семейном доме.

– Семейном?

– А что ты удивляешься? — улыбается он. — Восток — дело тонкое. Советую тебе на время пребывания здесь забыть обо всех привычных условностях и традициях. Попробуй поступать так, как все, и снищешь доверие и понимание окружающих. Не надо быть белой вороной. Вот я отдохну немного, и сходим купим тебе рабыню, которая будет тебе прислуживать, пока ты здесь и, если появишься еще, то и потом.

– Рабыню!? Мне? Да ты что, Ахмед! Что я с ней буду делать-то?

– Да что хочешь. Твой ужас лишь от незнания местных законов и обычаев. Я тебе потом все объясню. Ограниченная свобода здесь вовсе не означает полного отсутствия прав. Али-Баба, где ты застрял?

– Бегу, бегу, хозяин. Вот попить и закусить слегка, — Али-Баба ставит на стол поднос со всякой всячиной.

– Скажи-ка, любезный Али-Баба, твоя жена Марджана рабыня?

– Рабыня. Моя, конечно.

– Она горюет об этом.

– С чего бы ей горевать?

– Да вот Серж что-то испугался, когда я предложил купить ему рабыню для прислуживания.

– И что тут страшного? Она ведь войдет в вашу семью.

– Ладно, проехали. Расскажи-ка, что у вас тут новенького произошло, пока меня не было.

– Всё можно рассказывать? — спросил Али-Баба, покосившись на меня.

– Всё. Серж достоин доверия.

– Тогда ладно. Халиф наш тут выкинул недавно славненькую штуку. Отпустил на волю половину своего гарема. Представляете, сколько раз ему пришлось трижды повторять каждой: "Я развожусь с тобой"? Женский

рев стоял на весь Багдад. Хотя им предоставлялся выбор: брать или не брать с собой детей. А также давались немалые деньги на обзаведение своим домом, хозяйством. При этом совсем забыли о том, что закон не позволяет бывшим женам халифа снова выходить замуж и вступать в связь с мужчинами. Причем под угрозой охолащивания нарушивших закон мужчин.

Пришлось издать фирман*, снимающий относительно уже разведенных жен халифа означенный запрет и наказание. Тогда уже не во дворце, а в городе начались беспорядки. Сюда нахлынуло неисчислимое количество желающих взять в жены особу из халифского гарема. Даже с детьми. Ведь дело-то небывалое! Не мужчина платит калым за жену, а жена приносит в дом большие деньги. Возникало столько драк между претендентами, что стража не успевала разнимать. В конце концов объявили, что выбирать мужей будут сами женщины. Беспорядки в городе прекратились. В два дня женщины пристроили сами себя и всё вроде бы успокоилось. Лишние женихи убрались из города.

Однако когда подсчитали, во что всё это обошлось казне, то оказалось, что втрое дороже, чем содержание всех бывших жен в гареме до конца их жизни. Трое визирей, включая главного, лишились должностей. Ведь этот массовый развод был их советом халифу по уменьшению государственных расходов.

Ахмед, а за ним и мы с Али-Бабой от души расхохотались.

– Видишь, Серж, — чуть не сквозь слезы проговорил Ахмед, — какие чудеса тут происходят. А мы пропустили.

– Но на этом история еще не закончилась, — продолжил Али-Баба, — так что еще есть возможность понаблюдать за ее развитием и повеселиться.

– И что же еще произошло, когда уже всё кончилось?

– Оставшиеся жены все вместе потребовали от халифа, чтобы с ними тоже развелись и притом на тех же самых условиях, что и с предыдущими. И даже в старых законах вроде нашли установление их пра́ва на такое требование. Халиф и его советники в полной панике, — и мы опять дружно захохотали.

– Давненько я так от души не смеялся. Да, попал наш Гарун-аль-Рашид в переделку. Как он будет из нее выбираться, наверное, и Аллаху неизвестно, — подытожил Ахмед. — Что еще интересного?

– Вчера приплыл Синдбад. Доставил кашмирские платки, китайский фарфор и шелка.

– Фарфор мы с Сержем видели — очень хорош. А ткани?

– Еще тюки не открывали.

– Пойдем, посмотрим. Что за вино? — спросил Ахмед, наливая себе и мне.

– Местное. Взял на пробу. Мне понравилось.

– В самом деле, неплохое вино. Но мне доводилось пробовать и намного лучшее, — подмигивая мне, осушил кубок Ахмед.

Вышли во двор. Али-Баба отпер склад и вскрыл один из тюков с шелками и один с кашмирскими платками. Я ничего в тканях не понимаю, но Ахмед остался очень довольным.

– Думаю, пойдут хорошо, и надолго торговли ими не хватит.

– Да, пожалуй, — согласился Али-Баба.

– Закажи Синдбаду двойное количество. Когда он собирается опять отплыть в Китай?

– Говорил, что недели через две. Хочет корабль подремонтировать. Бурей потрепало.

– Значит, можем сегодня вечером собраться у него на судне. Он еще не знает, что я в городе. Нужно предупредить его и остальных. Надеюсь, Синдбад не будет

против, что соберемся опять у него. Бочонок вина ему доставь и копченого мяса. Остальное он сам сообразит. Вроде пока всё. Отправляйся. А мы с Сержем пойдем покупать ему красавицу, а потом домой. Да, деньги принеси. У меня с собой ничего нет.

Через полминуты Али-Баба приносит два мешка с деньгами и развязывает их. В одном серебряные монеты самого разного размера, а в другом — золотые. Ахмед отсчитывает с горсть серебра разного достоинства, добавляет к нему несколько золотых и пододвигает ко мне.

– Это тебе на всякий случай. Без денег в кармане здесь нельзя. Мало ли что и вообще на текущие расходы. Серебро больше в ходу, чем золото. Если вдруг не хватит — скажешь.

Себе он тоже тщательно отсчитывает. Только больше золото.

– Али-Баба, запиши расход в семьдесят золотых динаров.

*

Выйдя из этого оплота торговли Ахмеда, мы направились в дальний конец рынка, где шла торговля рабами. С Ахмедом бесполезно спорить. Не зря говорят, что не лезь в чужой монастырь со своим уставом. Он здесь хозяин положения по всем статьям. Пусть и делает, как знает. Наша мораль для здешних обычаев смешна и нелепа. Слепо придерживаться ее вряд ли разумно. Никто не оценит. Скорее, как минимум, глупцом посчитают.

Так это и есть рабский рынок? Ну и дела. Никаких клеток. Никаких плеток. Никаких ошейников, веревок и цепей. Сидят себе детишки, молодежь и взрослые рядками, группками или поодиночке. Чистенько и поразному все одеты. Явно своевременно накормлены. Аккуратно причесаны. Кто молчит и смотрит по сторонам, а кто оживленно болтает с товарищами по несча-

стью. По несчастью? Как-то не заметно несчастья в глазах. Возмутительно! Рабы должны быть битыми, грязными и испуганными. Иначе что ж это за рабы будут? Этак и бунтовать, бежать не захотят. Всё тут как-то неправильно.

– Что? Не похожи на рабов? — спрашивает Ахмед. — Что поделаешь, такой уж здесь товар. Разный и не весь подневольный. Давай смотреть.

Не подневольный раб? Что это за диво такое? Но на девушек приятно посмотреть. Лица открыты. Только мало их. Пять штучек всего, если считать их как товар. Совсем даже не дурнушки. А одна — так вообще картинка! Волосы длинные, черные как смоль. Стройная и высокая. Немного ниже меня. Выступает хорошо сформировавшаяся грудь. Тонкая талия. Губки поцелуя просят. Или обещают? Глаза синие, как у Жанны. Но черты лица совсем другого характера — восточного, но тоже тонкие и мягкие, как у Жанны. Что это я всё про Жанну, да про Жанну? Хорошая девица — и всё тут. Во взгляде ни страха, ни стеснения, ни забитости.

– Ну, что? Берем эту? — спрашивает Ахмед. — Как тебя зовут?

– Зубейда.

– А что ты умеешь?

– Всё по дому — готовить, шить и вышивать, за огородом и цветами ухаживать.

– А за детьми?

– И за детьми, и за больными тоже.

Ахмед протянул руку и приподнял девушке подол, открыв до середины плотно сомкнутых бедер стройные, как у Жанны, красивые ноги. Девушка покраснела, но не шелохнулась и промолчала.

– Видел?

– Видел, — отвечаю я.

– Если хочешь осмотреть ее всю, то это можно сделать вон в той палатке. Разрешается.

Я повернул голову и встретил умоляющий взгляд девушки.

– Не надо.

– Берем?

– Берем.

– Сколько ты хочешь, Зубейда?

– Пятьдесят динаров.

Вот так фокус. Рабы сами себя торгуют!

– Давай-ка отойдем, — берет меня под руку Ахмед. — Понравилась?

– Понравилась, а что?

– Девица хорошая, но она столько не стоит на здешнем рынке. Что-то здесь не так. Она может стоить не больше сорока, и это если ей просто повезет. Но смотри, это ведь для тебя. Если скажешь, то отдадим ей пятьдесят. Мне просто интересно. Похоже, что она не первый день здесь стоит и цéны знает, но ее никто не берет из-за высокого запроса. Наверное, очень нужны именно пятьдесят динаров.

Возвращаемся к девушке, и Ахмед начинает торг.

– Скажи, Зубейда, а сама как ты думаешь, за сколько можно купить здесь девушку вроде тебя?

– За тридцать пять динаров.

– Я тебе предлагаю сорок.

– Мне нужно пятьдесят.

– Сорок пять.

– Мне нужно пятьдесят.

Ахмед искоса взглянул на меня — я кивнул.

– Где твой договор, Зубейда?

Девушка подняла руку вверх, и подбежал писец с уже почти готовой бумагой и чернильницей.

– Ты умеешь писать, Зубейда? — спросил Ахмед.

– Умею.

– Впиши свое имя, цену и приложи палец.

Она так и сделала, передав бумагу Ахмеду, который как покупатель вписал и свое имя. А получив деньги, облегченно вздохнула, виновато взглянув на нас. Писец получил свою серебряную монетку и, расписавшись на договоре как свидетель, ушел.

– Сколько времени тебе нужно, Зубейда?

– Часа два.

– Придешь на улицу Ткачей в дом старого Ахмеда. Смотри не перепутай. А то на этой улице есть еще и дом молодого Ахмеда. Если меня и его, — продолжил Ахмед, кивнув на меня, — дома не окажется, то скажи любому, кто ты. Я предупрежу домашних, что придет новая прислуга.

– Я не перепутаю.

– Очень хорошо. Вот возьми еще два риала. Вдруг понадобятся дома.

– Спасибо, — как-то нерешительно и недоверчиво произнесла девушка, забирая с ладони Ахмеда две серебряные монеты. Повязала на лицо платок, повернулась и разве что только не побежала от нас.

– Зачем ты ей дал два риала, если у нее в руках пятьдесят золотых?

– В руках-то в руках, да мне кажется, недолго будут у нее в руках. Пятьдесят золотых динаров — обычный выкуп за неопасного преступника. Какая-нибудь несчастливая случайность, вынужденные долги. В общем, всякая мелочь, но за которую в зиндане можно просидеть очень долго. Может быть, отец или брат. А поскольку ей требовалось именно пятьдесят динаров, то значит, дома денег нет совсем. Пойдем-ка к моему жилищу. Давно обедать пора.

И вот тебе еще один совет. Не пытайся применять нашу отечественную мораль к этому случаю. Я имею в виду, что, мол, нельзя пользоваться чьим-то затрудни-

тельным положением и всё такое прочее. В первую очередь тебя не поймет сама Зубейда. Она совершенно сознательно пошла на это на всю жизнь, и попытку не принять ее обязательства, включая физические, сексуальные, она не поймет и сочтет за оскорбление. Таковы здесь законы, традиции и воспитание. А поскольку она и писать умеет, то похоже, что хорошо воспитана. Ведь пошла же на такую жертву. По договору родственники могут ее выкупить обратно за двойную цену, но мне о таком событии где-нибудь слышать не приходилось.

– Хорошо, учту твои советы, Ахмед.

– А вот и улица Ткачей. А вот и мой дом.

Мы останавливаемся у довольно большого для этого места и времени каменного дома. Именно каменного, а не глинобитного, каких в Багдаде большинство. Два этажа, фасад длиной локтей пятьдесят, высокая и тоже каменная глухая ограда внутреннего двора, рельефный, украшенный изразцовым орнаментом фасад. Всё говорит о богатстве хозяина. Не так уж и далеко, казалось бы, локтях в двухстах-трехстах за домом высятся ажурные формы дворца халифа.

На стук в дверь нам навстречу как пуля вылетает девчушка лет семи-восьми и с визгом виснет на шее у Ахмеда.

– Бабушка, бабушка, мама, папа, дедушка приехал!

– Ты что, ты что, Джамиля, меня, старого, чуть с ног не сбила!

– Не ври, дед. Ты не старый, а старший, и я не слезу с тебя. Поехали в дом. Кто это с тобой?

– Наш гость.

– Ничего, дед, не расстраивайся. Гостей мы тоже любим.

Между тем, видимо, вся или почти вся наличная семья Ахмеда столпилась внизу. С десяток взрослых обое-

го пола и дюжины две детей от мала до велика. Я ткнул Ахмеда в спину пальцем и на ухо шепнул:

– Ну, Ахмед, ну, Ахмед, слов моих нет. Бес тебя в ребро! Надо же наплодил сколько и главное где!

Со всей галдящей компанией Ахмед справился в два счета.

– Подайте нам обедать в угловой комнате для гостей. Наш гость там остановится. Приготовьте рядом комнату для прислуги. Она скоро придет. Не мешать нам, — и уже обращаясь ко мне: — Пойдем.

Большая комната со всем набором необходимой мебели на втором этаже. Окна на дворец халифа, терраса, с которой можно войти в почти привычный и довольно большой, совмещенный санузел с каким-то подобием унитаза, раковиной, но почему-то без умывальника, и емким, выложенным изразцами углублением в полу. В углублении дырка с затычкой. Прототип ванной? Чувствуется влияние более поздней цивилизации. Рядом с санузлом, на террасе — дверь в комнату прислуги. Дальше еще двери куда-то.

Садимся за стол и вкушаем, что Аллах послал. А послал он, разумеется, бесподобный плов, пару жареных куриц и густую, наваристую и остренькую похлебку. Это не считая еще всякой другой съестной мелочи. Вино мне не нравится, но молчу. Люблю сладкие, а не сухие вина. Ахмед просто наслаждается пловом, да и я тоже. Интересно, а Зубейда сможет такой плов приготовить?

– Сможет, — произносит Ахмед.

– Ты что, умеешь мысли читать?

– Нет, читать не умею, но твои мысли в данный момент вычислить несложно.

– Брось, как это?

– Зубейда хорошая девушка. Не зря же ты ее выбрал. Учитывая же твою молодость и недавность покупки Зубейды, ты не можешь не думать о ней. Плюс видно,

что плов тебе очень понравился. В сумме, так или иначе, склеится применение Зубейды к приготовлению плова. Так что всё очень просто. Если у нее сразу не получится, то мои жёны ее научат.

– И сколько у тебя их?

– Четыре. Причем две куплены, как и Зубейда.

– А детей?

– Одиннадцать. Здесь живут две дочери и три сына со своими семьями. Остальные уже давно отделились.

– Уживаются те, что здесь?

– Я их не распускаю. Если что, то любой получит на всю катушку за действительную вину. Но и балую я всех очень и очень. Только Джамиле спускается буквально всё. Уж такая бесовка, что сердиться на нее невозможно. Но поразительная умница в свои почти восемь лет. На Востоке терпимо, но всё равно с предубеждением относятся к грамотным женщинам, и будет трудно дать Джамиле хорошее образование. А она к знанию стремится. Родилась на тысячу лет раньше времени.

– Скорее родилась-то вовремя, но не там, где нужно. Твоя ведь внучка, а не торговца Ибрагима, с которым ты здоровался на базаре. Так что, сам понимаешь, ей бы еще года три назад оказаться в Питере, а теперь уже поздновато. На дошкольницу не очень сложно сделать фальшивые документы, а на школьницу уже почти невозможно. Хотя с другой стороны, восьмидесятые годы кончаются. Видишь, что вокруг происходит? Дальше, наверное, беспорядка будет еще больше. А в беспорядке многое можно провернуть. Только вот как родители Джамили отнесутся к ее исчезновению отсюда?

– Да, ты, пожалуй, прав. Путного с документами сейчас ничего не выйдет. Пока нужный беспорядок в Питере назревает, Джамиля, находясь здесь, станет по современным меркам неграмотным переростком.

– Ты попробуй посоветоваться с Анной Петровной. Вроде бы у нее есть какие-то связи относительно документов. Если Джамиле почти восемь и есть талант, то за год-два начальных классов она легко наверстает пропущенное.

– Точно! Анну Петровну можно спросить. Как я сам об этом не подумал раньше! Дочь с мужем я как-нибудь уломаю. Они сами видят, какой чертенок растет. Ладно, это всё потом. А нам с тобой нужно отдохнуть. Вечером встреча с друзьями. Надеюсь, что они и тебе станут друзьями.

– А кто это — "они"?

– Увидишь.

Осторожный стук в дверь. Заглядывает, видимо, старшая из жен Ахмеда.

– Что тебе, Гюльнара?

– Зубейда пришла.

– Покажи ей наше хозяйство, ее комнату, объясни обязанности. Нас не беспокойте. Мы с Сержем отдохнуть приляжем, — и Ахмед ушел.

Я не стал сопротивляться послеобеденной истоме и утруждаться раздеванием. Всё равно переодеться пока не во что. Как есть, скинув куртку, в брюках, завалился на оттоманку, подтащил пару подушек, укрылся зачем-то в такой жаре какой-то мохнатой шкуркой, попавшейся под руку, и мгновенно отключился.

*

Я еду, лежа на сидении в трясучей карете. То ли сплю, то ли не совсем. Черт, неужели нельзя ехать ровнее? Вот-вот, так-то получше будет!

– Хозяин, хозяин, вас зовут, — и тряска возобновляется.

Вот я сейчас задам этому кучеру! Только почему у кучера женский голос?

– Ну, что там за беда с дорогой? — спрашиваю я, раскрывая глаза.

Надо мной стоит Зубейда и трясет за плечо.

– Чего тебе, кучер?

– Я не кучер. Я Зубейда. Вас старый хозяин зовет.

Принимаю сидячее положение, еще слегка обалделый от сна.

– А-а, ну да, Зубейда. Воды и полотенце.

– Всё есть в умывальне.

– Умывальня, умывальня… Что ж, пойду в умывальню. И не зови меня хозяином. Лучше как-нибудь по-другому.

– А как по-другому? У нас иностранцев называют "сахеб".

– Не знаю. Я ведь не здешний. Мое имя — Серж. Вот и обращайся ко мне, скажем, Сержи-сахеб, что ли. Так у вас можно?

– Можно.

– Зачем ты меня разбудила?

– Старый хозяин вас зовет.

– Ладно, подожди. Я сейчас ополоснусь, — и направился в умывальню. Зубейда за мной, — а ты куда?

– Я вам воду полью.

Ясно. Водопровод остался в Питере. Досюда так и не дотянули.

– Подожди здесь. Я позову, — захожу в умывальню, совмещенную с писальной, и освобождаюсь от лишней влаги в организме. — Заходи!

Зубейда поливает из кувшина, а я споласкиваю физиономию. Вода прохладная и хорошо освежает. Просыпаюсь окончательно. Да, вот теперь замечаю, что девушка переоделась, заменив бесформенную, базарную хламиду на что-то легкое, веселое, обливающее фигуру. Платье? Не знаю, как это здесь называется. Может, и платье. А мне почему-то казалось, что девушки Востока

дома ходят в шальварах. Или это только одалиски? Или шальвары у нее под платьем? Ладно, потом выясню.

– Ты свои вещи перенесла или нужно кого-нибудь послать за ними?

– Принесла. У меня их немного.

– Ну и ладно, если чего-нибудь будет не хватать, то купим. Вот возьми на свои расходы, — выгребаю из кармана половину наличного серебра и пересыпаю в ее ладонь.

– Тут много, хоз… Сержи-сахеб.

– Если много, то и не трать лишнего. Только и всего. Как сказал Ахмед-ага, немножко денег в кармане на всякий случай всегда иметь хорошо. Покажи, где его комнаты, — и мы куда-то пошли. — Да, меня сегодня ждать не надо. Вернемся поздно, а может, не вернемся и до утра.

– Поняла, Сержи-сахеб. Вот сюда, — указала она на дверь.

Стучу и захожу. Просто арабская идиллия старого и малого. Малая сидит на коленях у старого и терзает того детскими вопросами.

– Нет, дед, ты, конечно, у нас главный и хороший, но ничего не понимаешь в куклах. Кукла — это вовсе не игрушка, а образ жизни. Ты сам так говорил о своих лавках. А чем моя кукла хуже твоей лавки? Отвечай!

– Во, видал, Серж?

– Серьезный ребенок — серьезный и вопрос. Нужно отвечать.

– Вот видишь, дед, отвечать всё равно нужно. Ладно, раз ты не знаешь, то я за тебя отвечу. Моя кукла хуже лавки потому, что в лавке кукол больше. Вот! Эх, ты! Такой простой ответ. Сразу видно, что ты никогда в куклы не играл. Отдай меня, — и она соскальзывает с колен деда. — Пойду к маме. Не ждать же, когда вы меня сами выставите за дверь, — и Джамиля убежала.

– Нам пора к Синдбаду.

– Далеко идти?

– С четверть часа. Нужно обогнуть дворец халифа — и выйдем к причалам.

– Так пойдем. Мне с Синдбадом не терпится познакомиться. Это тот самый Синдбад?

– Тот самый, но не перевранный писателями и режиссерами. Более прозаичный, но всё равно до сих пор хулиган своего рода.

– Стало быть, с ним скучно не будет?

– Вот уж это точно. С ним иногда даже очень не соскучишься. Двинули.

*

Уже вечереет. Молча лавируем в узких улочках.

– Что это ты такой сосредоточенный? — спрашивает Ахмед.

– Да вот посмотрел сейчас на Зубейду, и я в каком-то сомнении.

– А именно?

– Хороша, очень хороша, но всё равно мне как-то не по себе.

– Издержки этики и морали современного общества. Здесь они очень мешают. Нужно время, чтобы у тебя в голове всё утряслось.

– Понимаю, но всё равно…

– Ты можешь отдать Зубейде ее договор, если хочешь, но она сама все равно никуда не уйдет. А если выгонишь, то сломаешь ей жизнь.

– Почему?

– А я тебе еще на базаре втолковывал, что если она себя продает, то прекрасно понимает, что это на всю жизнь. Она берет на себя обязательства и будет их выполнять независимо от того, есть договор на бумаге или нет. Деньги она взяла. Теперь и окружающие знают, что сделка заключена. Если она вернется домой, то либо она нарушила обязательство и тем нечестна, либо по

какой-то причине от не нее отказались, даже не потребовав обратно денег. Это позор. Ее уже никто замуж не возьмет, а презрением и сплетнями изведут. Так что не мучайся понапрасну. Договор может оказаться очень нужным в суде, если кому-нибудь взбредет в голову Зубейду обидеть, а ты обидчика покалечишь. Защита своей собственности. Ага, вот мы и пришли.

У-у, кораблик-то немаленький! Разве что поменьше "Морского ветра" и сколочен грубее, тяжеловеснее, а мачт две. Видно, непросто провести его досюда по извилинам Тигра, не посадив на мель. Капитан встречает нас у сходней. Мускулистый и широкоплечий, смуглый мужчина с волевым лицом, как у нашего Капитана. И возраст, похоже, тот же. Видно, профессия накладывает на людей один и тот же отпечаток во все времена и стра́ны. Или это Ахмед так постарался когда-то. Приветливые объятия старых друзей.

– А это кто с тобой, Ахмед? Али-Баба упоминал, что ты придешь не один.

– Знакомься, это Серж. Очень толковый и надежный человек. Не смотри, что молодой. Авантюрист вроде тебя, но только очень осторожный и изобретательный.

– Ты что, Ахмед, — одергиваю я его, — я сейчас покраснею.

Синдбад захохотал.

– Вот такие мне нравятся! Твой друг, Ахмед, — наш друг. Возраст тут ни при чем. Проходите в каюту. Уже все собрались.

Все — это еще четверо. Али-Баба кивнул нам, а другие двое мужчин обнялись с Ахмедом. Женщину Ахмед просто поцеловал в щеку. Потом Синдбад представил меня.

– Знакомьтесь, это Серж. Очень издалека и при этом, несмотря на молодость, друг нашего почтенного Ахмеда. Стало быть, другом будет и нам. А наша компания,

Серж, вот такая. С Али-Бабой ты уже знаком. Вот этого проныру с хитрющими глазами зовут Абу. Хотя он больше известен под именем "Багдадский вор". Ему уже за третий десяток перевалило, но до сих пор его таланты так никто и не превзошел.

А это Аладдин. Да-да, тот самый. Но только вот сказки врут. Лампу с джинном он когда-то видел и держал в руках, но долго ею не владел и до дочери халифа до сих пор еще не добрался. Но еще не поздно. Видишь, он не так уж намного старше тебя.

А это…

– Подожди, Синдбад, — остановил я его, — я попробую сам догадаться. Шехерезада?

– Честное слово, — поспешил вмешаться Ахмед, — я ему ни о ком заранее не говорил.

– Значит, я и в очень далеких краях известна. Очень тронута твоей догадливостью, Серж. Ахмед говорил, но я не так уж верила.

Хотя ей уже явно за тридцать, но женщина красоты необыкновенной. Не хуже Жанны или Зубейды. А обаяние — и в жесте, и в голосе, и в каждом слове.

– Еще как известна, — подтвердил я.

– Это очень приятно. Как только ты сказал, что попробуешь догадаться, я почему-то сразу вспомнила историю о догадливом сапожнике. Так вот…

– Шехи, — прервал ее Синдбад, — еще не время историй.

– Извини, уже в привычку вошло. С тех пор как всё-таки умер своей смертью султан Шахрияр, меня и приглашают лишь ради моих историй. Только вы ради дружбы.

– Ладно, — подытожил Синдбад, — познакомились и теперь располагайтесь, кому, где нравится. Я сейчас распоряжусь, — и, приоткрыв дверь каюты, кому-то сказал:

– Заносите.

Только тут я обратил внимание, что просторная каюта обставлена как-то странно. Всё на восточный манер, а вот посередине — вполне европейские большой круглый стол и с десяток стульев. Синдбад перехватил мой удивленный взгляд.

– Ахмед посоветовал. И, знаешь, довольно удобно оказалось. Всем понравилось.

Между тем состоялся внос яств. Бутылки и графинчики. Тарелки, блюда, кастрюльки и подносы, источающие аппетитные мясные и рыбные запахи и ароматы. Стаканы, бокалы, кубки и прочая сервировка, включая ложки и вилки.

– Ребята, я голодна как джинн после тысячелетнего заточения, — сообщила Шехерезада и вгрызлась в жареную ножку фазана. — Налейте мне греческого.

Ребята последовали ее примеру и несколько минут молча устраняли ощущения острого, мешающего приятной беседе голода.

– Шехи, — через некоторое время нарушил молчание Ахмед, — какие новости во дворце? Я слышал что-то про бунт в гареме, — и, обернувшись ко мне, пояснил. — Шехерезада — рассказчица сказок при детях халифа. Да и при самом халифе тоже.

– М-м, подожди. Вот сейчас расправлюсь с этими чудными солеными грибами и расскажу. Уф-ф, какая прелесть! Ладно, слушайте, но не говорите, что услышали. То, что оставшиеся жёны халифа требуют с ним развода, известно всем. И то, что условий развода требуют тех же, что и для уже разведенных жен, — тоже не секрет. Да, и есть закон, позволяющий им такого требовать. Но…

Как говорится, палка о двух концах. С одной стороны, зависть существующих жен к бывшим женам, которые многое обрели, чего у них раньше не было. И не потеря-

ли во дворце ничего, кроме постоянных гаремных интриг и склок.

С другой стороны, и это пока строгий секрет — вдруг выяснилось, что изгнанные трое визирей проводили махинации с деньгами для разведенных жен. Ведь была паника, что женщинам снова не выйти замуж. Запрещено законом, как бывшим женам правителя. Так эти трое умников обошли всех разведенных жен и договорились, что каждая отдаст им четверть полученных при разводе денег. При условии, что они уговорят халифа выпустить фирман, дающий им свободу снова выйти замуж. Это огромные деньги.

Фирман вышел. Бакшиш получен. Халиф, узнав об этом, взбесился. Палач, конечно, топор уже точит. Но этого мало. Халиф хочет вернуть выплаченные бывшим женам деньги в казну. И по закону может это сделать. Сделки ведь опорочены мошенничеством. Но есть о чем задуматься. Мошеннической может признаваться только вся сделка, а не какая-то ее часть. Тогда отменяется и развод. Бывшие жены возвращаются в гарем, опять садятся на шею халифу, а в городе начинается бунт по причине разрушенных семей и хозяйств.

Халиф не знает, что делать, и ситуация напоминает собой бочку с китайским порохом, к которой вот-вот кто-нибудь поднесет огонек. Так что больше новостей никаких. Всё замерло в ожидании.

– Да-а, тяжела жизнь монархов, — оценил ситуацию Аладдин. — Но почему наш с легкостью избавляется от жен, позволяя им снова выходить замуж даже за простолюдинов? Странно как-то. Ведь сами-то эти женщины совсем не простолюдинки и даже они не возражают. А часто, я слышал, и сами выбирали простолюдинов в новые мужья. А, Шехи, ты знаешь объяснение?

– Ой, Аладдин, прошу тебя, не надо забивать себе и другим голову всякой ерундой. Ты опять ведешь к одно-

му и тому же. Почему бы халифу не отдать за тебя дочь? Ну, видел ты как-то раз случайно Будур, когда она отправилась в баню, и влюбился. Но она-то тебя не видела. А я тебя знакомить с ней во дворец не потащу. Меня саму быстро оттуда выпрут за такие фокусы.

Девица она, конечно, внешне очень завидная, да и неглупая, незлая. Но у тебя лампы-то нет, чтобы с ней познакомиться. А без знакомства нет и любви. Халиф Гарун не дурак и не будет запрещать своей дочери любить кого угодно. У него этих дочерей куча. Ну, а отдал бы он Будур за тебя или нет, то кто может знать, какие сложатся обстоятельства? Сам-то Гарун-аль-Рашид вовсе не королевской крови, если верить слухам.

– Стало быть, нужно достать лампу.

– Слушай, — вступил в разговор Абу, — достать всегда что-то можно. Важно знать, где, а ты не знаешь. Лампа как-то на миг попала тебе в руки, но ты ее упустил. Магрибский* колдун, к которому она перешла, теперь сам мертв. Где лампа, неизвестно. А Око Света* я уже давно продал халифу. Так что искать пропажу нечем.

– Шехи, — подал я голос, — а нет ли у тебя в памяти какой-нибудь истории про магрибских колдунов?

– Была вроде бы. Сейчас поищу, — и погрузилась в раздумье. — Вот, пожалуй, только эта подходит. Она называется "Притча о страхе быть обворованным".

"Однажды султан Стамбула спросил заезжего магрибского колдуна:

– Молва людская говорит о несметных богатствах, которыми обладают черные колдуны. У тебя они, наверное, тоже есть. Как ты их охраняешь?

На что колдун ответил:

– Свои богатства охраняет тот, кто боится их потерять. Воров не страшится тот, для кого и любая охрана не помеха. Кто боится за свое, тот охраняет и мое".

– Вот и всё, — закончила Шехерезада. — Что это значит, я не знаю. Я ведь рассказчица, а не отгадчица загадок.

Все уставились на Ахмеда.

– И что скажет наш наимудрейший Ахмед ага по этому поводу? — с провокационной улыбочкой произнес Багдадский вор.

– Наимудрейшему не пристало толковать такие пустяки, — и Ахмед повернулся ко мне. — Кто помоложе, то тот пусть этим и займется.

Теперь все уставились на меня. Вот же хитрый старикан! И от ответа увильнул, и мне испытание на сообразительность перед своими друзьями устроил. Ладно, я сейчас Ахмеду нос утру!

– Правильно говорит наимудрейший. Пустяки недостойны его утруждения. Султан боится за свои богатства и их охраняет. Колдуну султанская охрана не помеха. Так что он может свои богатства прятать в султанской сокровищнице.

– Вот как всё просто оказывается! — и Шехерезада от избытка эмоций хлопнула в ладоши. — А сокровищница поблизости только одна.

– Шехи, ты что — предлагаешь ограбить сокровищницу халифа? — поинтересовался Синдбад.

– Зачем грабить? Ведь лампа халифу не принадлежит. Просто зайти и взять только ее.

– Только вот одна незадача, — заметил Ахмед. — Точно не известно, там ли на самом деле что-то хранил магрибский колдун и была ли в этом хранении лампа. Взломаете сокровищницу, как минимум поднимете всех на ноги, если сразу на месте не попадетесь, а лампы нет. Здорово будет. Оправдаться нечем.

– Тогда задачу пока меняем, — заявил Али-Баба. — Не похищение лампы, а проверка: там ли она.

– Задачу ты можешь менять, сколько хочешь, — охладил его Абу. — Необходимость взлома от этого никуда не уйдет.

– Перестали бы галдеть без толку, — вмешалась Шехерезада. — Вопрос только один. Помогаем Аладдину получить лампу или нет. Вот и всё. Остальное ерунда. Что скажет наимудрейший?

– Наимудрейший скажет, что это чистой воды авантюра. Впрочем, как и очень многое, что мы до сих пор вытворяли. Но я по стенам лазать не буду. Уже возраст не тот.

– Не только ты не будешь, — заметил Багдадский вор. — Всем там толкаться незачем. Важно, что все согласны рискнуть. Я возьму Синдбада, Аладдина и нашего нового друга. Пусть опыта набирается. Где сокровищница, я знаю сам. Шехи, сможешь скинуть нам веревку?

– Со стороны малого сада. Там стена выше, но зато охраны нет. Синдбад, дай, чем писать. Я нарисую, где за малым садом стоит наружная охрана. Внутренней теперь нет — экономия, — и Шехерезада старательно начертила план нужной части дворца.

– Когда идем? Шехерезада, ты как?

– Лучше бы, конечно, завтра. Спокойнее. Хотя и сейчас тоже подходящее время. Ночь только началась. Во дворец и из дворца я могу ходить свободно в любое время. Луны нет, а мне нужен всего час, чтобы попасть во дворец и спустить веревку. Решайте сами.

Абу – Багдадский вор спросил:

– Вы как? Выпитое вино не помешает? Нет? Тогда идем сейчас. Может, оно и к лучшему. Замечено, что чем больше готовишься, тем меньше успех. Я немного с Шехерезадой пройдусь. Инструмент из дома захвачу. Нам немного по пути. Шехи, идем!

– Ребята, вы уж, пожалуйста, поаккуратнее. Веревочную лестницу захватите. Я привяжу. Легче взбираться будет.

– Уже когда они были на пороге каюты, я окликнул:

– Шехи!

– Да?

– Если удастся за этот час узнать хоть малость о прошлом Гарун-аль-Рашида, то будет очень здорово. Полезно хоть что-то представлять о том, с кем или чем можно столкнуться.

– Попробую, — и сходни заскрипели под этой парой.

– Чем займемся этот час? — спрашивает Аладдин. — Я что-то нервничаю. По дворцам еще не лазал и халифских сокровищниц не грабил.

– Ну, тогда сиди и дрожи или еще вина выпей, —- ответил Синдбад, — а я свое оружие приготовлю.

– Не думаю, что нужно готовить оружие и тем более брать его с собой.

– Серж прав, — поддержал меня Ахмед, — наличие оружия у тебя может побудить стражу применить свое. А это совсем ни к чему. Если поймают, нужно сдаваться без сопротивления.

– Да вы что, сговорились, что ли? Как это так? Попасться и не подраться!

– Пойми, Синдбад, не следует понапрасну рисковать жизнью. Стража всё равно окажется сильнее. А она сейчас очень злая. Ты слышал, что сказала Шехи? Стражников разгоняют из экономии. Остающиеся не будут просто драться, если их спровоцировать. Они будут убивать, чтобы показать свою нужность, незаменимость.

– Ладно, уговорили. Но я уязвлен до глубины души. Слушайте, а этот-то спит, — и Синдбад ткнул пальцем в сторону Али-Бабы. — Тут зреет опасный заговор против царственной особы, а ему хоть бы что. Хотя да, он ведь здесь отсиживаться будет. Ну, ничего, если нас схватят,

то я непременно выдам его как участника и организатора. За то, что храпит!

– Не ври. Я вовсе не храплю, — не открывая глаз, произнес Али-Баба. — А в благородном преступлении я всей душой с вами. Даже когда вы будете на стенах дворца или в лапах стражи. Здесь будет гораздо тяжелее, чем там. Мы с Ахмедом исстрадаемся от неизвестности, пока вы будете веселиться при грабеже халифа.

– Мы идем не грабить, а за своим, — заметил Аладдин.

– Вот-вот, — раздался с порога голос Абу, — конечно же, за своим. Только таким и должно быть всегда настроение для любого благородного разбоя. Кончайте спорить. Пора двигать потихоньку.

*

Идем гуськом чуть ли не ощупью по замершему городу. Впереди Абу с его кошачьим зрением. Всё время что-то, где-то или у кого-то бренчит. Спрашиваю:

– Синдбад, ты что — всё-таки захватил с собой свои железки?

– Нет, это у Абу его воровской инструмент нас выдает. У меня только лестница и факелы.

– Абу, давай поделим между собой твои орудия труда. Тише будет.

Дальше идем уже бесшумно вдоль дворцовой стены, пытаясь руками на ощупь наткнуться на свисающую веревку. Свет от звезд позволяет только смутно видеть белую стену.

– Есть! — тихо сообщает Абу.

Синдбад привязывает лестницу к веревке и дергает пару раз. Лестница поползла наверх. Тихий свист сверху. Дергаем лестницу — держится. Синдбад натягивает ее и наступает на нижний конец ногой.

– Пошли!

Абу взлетает наверх, как обезьяна. За ним карабкается Аладдин, как мешок с опилками, и я в том же стиле. Переваливаюсь через край, и ждем Синдбада. Вот и он. Шехерезада подходит ко мне и вполголоса говорит:

– Мало что удалось узнать среди ночи. Почти все спят. Старая служанка, которая, наверное, уже больше пятидесяти лет живет во дворце, говорит, что будто бы дед Гарун-аль-Рашида был кузнецом, а отец — пиратом.

– Ну, что ж, и то хлеб, — и мы пошли, оставив Шехерезаду в саду.

Абу повел нас известным ему путем, сверяясь по рисунку Шехерезады с расстановкой стражи. На стене светлее, чем под стеной. Цветы, фонтанчики, скамейки. Кое-где в больших чашах на ножках что-то горит. Масло или нефть? Когда вошли внутрь, стало еще светлее. На стенах факелы. Красота интерьеров фантастическая, но это не трогает. Сердце екает при каждом шорохе.

По лестницам спускаемся всё ниже и ниже. Вдруг шум шагов и звук голосов. Вжимаемся в стену за колонной. В пяти шагах проходят, о чем-то споря, двое мужчин в богатых одеждах. Не стража. Оказывается, не все во дворце спят. Как я понимаю, нам нужно будет тихо открыть две двери. В подвал и непосредственно в сокровищницу. Вроде уже и спустились ниже некуда. Нет ни факелов, ни окон, ни мрамора — серые камни голых стен. Останавливаемся и с помощью кремня зажигаем свои факелы. Там и там мощные, окованные железными полосами двери. Которая?

Абу останавливается у той, что в тупике. Замок внутренний или накладной изнутри. Нет, два замка. Абу забирает у нас свой инструмент, и начинается колдовство медвежатника. От волнения начинаю отсчитывать про себя секунды. На сороковой открыт верхний замок. На семидесятой — нижний. Дверь беззвучно распахивается. Видимо, петли хорошо смазаны, и сюда часто заходят.

Абу предостерегающе поднял руку и, глядя на потолок впереди, начал ощупывать стену справа за дверью. Один из камней оказался фальшивым и повернулся. Абу запустил руку в щель и за что-то потянул. Какая-то ловушка.

– Можно заходить.

Камера где-то десять на десять локтей. В противоположной стене еще дверь. Железная полностью. Замок тоже не висячий. Абу провозился минуты две. Помещение за дверью тоже локтей десять в ширину, но в длину уже локтей пятьдесят. В самом деле, похоже на сокровищницу. Не как в сказках, конечно, но тем не менее на полностью истощенную казну не похоже. Есть и сундучки с золотыми и серебряными монетами. Есть ларцы и ларчики с каменьями. Есть и другие емкости с ювелирными изделиями. Есть и небольшие груды золотой и серебряной посуды. В общем, свистнуть есть что.

– Вот она, — восклицает Аладдин, — подбирая лампу с пола у стены.

– Замечательно, — облегченно реагирует Синдбад. — Теперь поскорее сматываемся.

– Абу, положи обратно, — говорю я.

– Что?

– То, что взял слева. Если нас на обратном пути застукают, то вряд ли мы все удерем. А может быть, и никто не удерет. А ты в карман положил виселицу для тех, кого поймают.

– Привычка, — и он бросает обратно что-то изукрашенное каменьями.

– Всё?

– Всё.

– Прекрасный совет тебе дали, Абу, — раздался позади нас от дверей хорошо поставленный голос. Мы замерли от неожиданности. — А я стою и думаю: возьмут

что-нибудь или нет. Не взяли, и это очень интересно. Салам алейкум, Синдбад.

– Салам, Гарун.

– Салам, Абу.

– Да ну тебя! Око Света?

– Как хочешь. Да, оно.

– Вот эта физиономия мне откуда-то вроде бы знакома, — указывая на Аладдина, сказал Гарун-аль-Рашид. А вот этого в не нашей одежде не знаю. Что-то раньше я его в вашей компании не видел.

– Только утром прибыл, — признался я.

– Надо же, а к ночи уже оказался в банде грабителей. Видно, специально их искал. Так что вам здесь нужно, раз ничего не взяли?

– Так, кое-что из своей посуды, — мрачно пробурчал Синдбад.

– Своей?

– Своей, своей.

– И нашли?

– Нашли.

– Тогда берите с собой и пойдем выяснять, ваша ли посуда на самом деле. Только не дурите. Сами понимаете, бежать бесполезно, раз я вас узнал. Найдут. Абу, запри обратно двери.

Поднимаемся, как понимаю, в покои халифа. Он усаживается в кресло с высокой спинкой, стоящее на небольшом возвышении, а мы — на оттоманки перед ним. Зал с тонкими изящными колоннами просто великолепен. Ажурные окна, орнаменты стен и потолка поражают неназойливой яркостью и колоритом.

– Ну, так что вы своего откопали в моей сокровищнице?

Аладдин показывает лампу.

– Только и всего?

– Она нам нужна, — ответил Абу и, кивком указывая на хозяина лампы, добавил: — Лампа принадлежит Аладдину.

– Неужели? И он может это доказать?

– Точно так же и ты не можешь доказать, что лампа твоя. Позови казначея и посмотрим: если она есть в счетных книгах как сокровище, то она твоя. А если нет, то тогда еще неизвестно чья, и будем определять владельца. Тебя никогда не интересовало, как она попала к тебе, а что у тебя из сокровищницы пропало?

– Как попала, не знаю, но всё-таки держал ее в руках и думаю, что она не стоит никакого разбирательства. Хотя когда-то и была волшебной.

– Была?

– Попробуйте сами.

– Аладдин, потри лампу!

Тот попытался потереть и вскрикнул, отдернув руку. На ладони возникла набухающая кровью царапина. Я взял лампу и осмотрел. От частого трения одна из стенок оказалась протертой до дырки. Дырка залеплена чем-то изнутри. Однако истончившийся до остроты бритвы металл кое-где на крае дырки отогнулся наружу. Не мудрено порезаться. С другой стороны лампы металл еще крепок. Я потер ладонью это место. Внутри что-то зашуршало, и из горловины высунулась голова джинна.

– Шайтан вас забери! Сколько можно говорить, что лампа сломана, не работает. Вон какую дырищу протерли! — и голова втянулась обратно в лампу. Затем опять высунулась: — Идите к морю бутылки с джиннами собирать, — и снова втянулась внутрь.

– Вот видите. Уже не годится эта посуда для исполнения желаний. В другое время я просто сказал бы, что, мол, забирайте этот хлам и проваливайте. Но вы неудачно попали. Настроение у меня отвратительное. Хо-

чется на ком-то отыграться, сорвать злость. В сокровищницу вы влезли без ведома и согласия хозяина. А это о-го-го какое преступление! Так просто вы отсюда не уйдете.

– И чего ты от нас хочешь? — поинтересовался Синдбад.

– Для начала расскажите, что у меня из сокровищницы пропало.

– А для конца?

– Для конца? — задумчиво повторил вопрос халиф. — Для конца вы попробуете решить мою проблему с гаремом. Тогда отпущу вас. А может, еще и награжу. Я ведь наблюдаю за вашей бандой. Вас бы уже давно разогнали, если бы не довольно странное дело. Вы иногда вытворяете черт знает какие вещи и выбираетесь из вроде совсем безвыходных положений. На первый взгляд, вам всем место в зиндане. А как начнешь разбираться, то оказывается, что никому никакого несправедливого вреда нанесено не было. И даже больше. Каждый раз от вас получается что-то очень полезное. Удивительно умно действуете. Хочу этим воспользоваться.

– Слушай, Гарун, а почему ты тогда нас бандой зовешь? Если от нас никакого вреда, кроме пользы. А?

– Не знаю. Может, от досады, что у меня самого никогда так не получается. Да и обидно. Шехерезада — острого разума женщина, и та к вам примкнула. Не без ее помощи ведь во дворец-то проникли?

– Недооцениваешь, наверное, — заметил Абу. — Вот ей и скучно у тебя. Зря я тебе все-таки продал Око Света. Слишком много через него ты знать стал.

– Сделка есть сделка, и обратно ты Око Света не получишь. А что это ваш новый приятель в разговоре не участвует? — спрашивает халиф, оборачиваясь ко мне.

– Жду, когда вы все исчерпаете свои застарелые притязания и обиды.

– Ишь ты, значит, тебе есть, что сказать, э-э-э…

– Серж, или Сержи-сахеб, ваше величество.

– Не надо усложнять. Серж так Серж. Как и меня — в домашней обстановке просто Гарун. Не обидно. Это для толпы и льстецов я великий правитель, свет очей и всякое такое прочее. С Синдбадом мы давно и по-хорошему знакомы. А Абу смеет грубить мне потому… Нет, лучше промолчу. В общем, причины есть, но кроме нас двоих, о них никто знать не будет. Я тоже кое-что о нем знаю и могу напомнить. Вот так и живем, досаждая друг другу.

Да, теперь я вспомнил, где видел вашего Аладдина. Какое-то время назад мне на него указывали в медресе как на самого пытливого читателя книг. Гончар вроде бы. Так что ты хочешь сказать, Серж?

– Гарун, вы же, конечно, понимаете, что запереть нас в зиндане можно, но удержать там — вряд ли.

– Допустим. Что из этого.

– И у вас, и у нас есть свои трудности. Ваши связаны сейчас с гаремом и утраченными деньгами. Наши трудности были связаны с отсутствием вот этой лампы, когда-то похищенной у Аладдина магрибским колдуном. Но поскольку оказалось, что лампа неисправна, то теперь разрешить нашу трудность может только халиф. Предлагаем сделку. Мы избавляем вас от сегодняшних забот, а вы — нас.

– Интересно и заманчиво. Только вот я не знаю, равновесный ли будет обмен. О своих заботах я сказал, а вот о ваших еще ничего не слышал. В чем ваша забота?

– Аладдин хочет жениться на вашей дочери Будур.

– Только и всего? Халифу породниться с гончаром? Ничего себе!

– Не совсем так нужно ставить вопрос.

– А как же его еще поставишь?

– Сын гончара ничем не хуже внучки кузнеца.

– Но-но, ты полегче там с кузнецом-то! Это давно быльем поросло.

– Мы могли бы купить Аладдину какой-нибудь подходящий титул. Это сгладило бы формальные противоречия. Но лучше, если бы халиф сам наградил его титулом за государственные заслуги.

Халиф задумался.

– Мне вот не понятно, как Аладдин собирался решить свою проблему с помощью лампы? Трахнуть лампой Будур по голове, и пока она в беспамятстве, утащить ее к себе?

– Джинн должен был помочь Аладдину и Будур встретиться. Аладдин Будур видел, а она его нет.

– Ах, вон оно что! Они еще и не знакомы. Понятно. А если Аладдин не понравится моей дочери?

– Он не будет настаивать на женитьбе.

– Хорошо. Молодой человек достаточно симпатичный, чтобы понравиться девушке. Ситуация понятна, и я допускаю, что всё так или иначе можно организовать. Даже больше. Я могу согласиться с вашим предложением при условии согласия Будур и разрешения моих упомянутых проблем. Но не значит, что я уже согласился.

– Справедливо. Но вы, Гарун, конечно, понимаете, что ваши проблемы решать будем не мы, а вы сами. Мы только подскажем, как их можно решить.

– Согласен. Выкладывай, Серж, что там у вас в головах.

– Сначала о том, что пропало из вашей сокровищницы. Аладдин, когда пропала лампа и погиб магрибский колдун?

– Уже почти два года.

– Дело в том, Гарун, что у магрибских колдунов была привычка хранить свои богатства в сокровищницах правителей. Очень удобно. Войти туда колдун может когда угодно, и тратиться на охрану не нужно. Нужно только

нанести на свои богатства заклятье отвода глаз казначея и правителя. Ведь больше никто не знает, что на самом деле должно быть в сокровищнице.

И вот магрибский колдун, который обитал в Багдаде, погиб два года назад после того, как похитил у Аладдина его лампу. Доказательством того, что свои богатства он хранил в вашей сокровищнице, как раз и является найденная там лампа. Раз лампу видно, то значит, чары отвода глаз пали со смертью колдуна. А где тогда его остальные богатства? Обнаружить, что внезапно в сокровищнице появилось что-то лишнее, могли только вы и ваш казначей. Вы видели?

– Нет.

– Около сокровищницы год-два назад происходило что-нибудь необычное?

– Раньше дверь была деревянная, — подал голос Багдадский вор.

– Точно, — подтвердил халиф, — уж побольше как года полтора назад казначей заявил, что нужно поменять замок. Да и дверь заодно. Он сам надзирал за работами.

– Стало быть, богатства добавились немалые. В карманах было не унести, и потребовались помощники. Дальше сами думайте, как вытрясти украденное теперь уже из вашего же казначея. Колдуны, наверное, ставили свои метки на редкие вещи. Всё уже не найти, но любая найденная вещь колдуна будет доказательством кражи.

– Ах, мошенник! Ну, я с ним разберусь!

– Теперь давайте поговорим о вашем гареме. Там ведь сейчас бунт. Так?

– Так.

– Вопрос в том, чего вы сами хотите, халиф. Избавиться от оставшихся жен без дорогих издержек или оставить их, успокоив страсти? Или вы мечтаете получить за них выкуп? Разного можно достичь. Одного не

надо делать — пытаться вернуть потраченное на развод с самих уже бывших жен. Дороже развода обойдется. Сами понимаете, что взятое в казну имущество провороваившихся визирей покроет весь ущерб, нанесенный казне вашим разводом с множеством жен.

– Конечно, покроет. Но обидно баб-мошенниц оставлять с деньгами.

– Нет уже этих денег. Ушли на хозяйство. Да и вам-то какая разница? Они же деньги у вас мошенничеством не выманивали. Вы сами ведь дали. Бывших жен уже после этого вынудили часть денег отдать мошенникам, и только. Обстоятельства так сложились. Так что оставьте бывших жен в покое. Не в них ваши беды.

– Не могу не признать, что пока у тебя довольно убедительно получается.

– Ну вот, видите, как хорошо. Части проблем уже нет. Так вы решили, чего хотите относительно оставшихся жен?

– Даже затрудняюсь, что выбрать. И того хотелось бы, и того. А если всё сразу? Я уже понял, что голова тут ты, Серж, а не все вы вместе.

– Жадничаете, халиф. Ишь ты — сразу всё. Но давайте попробуем поговорить о том, что вы огласили в условиях сделки с нами. Итак, ваши нынешние жёны требуют и развода, и выкупа, и отмены запрета на повторный брак одновременно.

– Именно.

– Но, как я понял, ваш фирман о снятии запрета на повторный брак касался только уже разведенных с вами жен. Надеюсь, там не было оговорено, что и любая в будущем разведенная с вами жена будет иметь право на повторный брак?

– Нет. К чему это ты клонишь?

– К тому, что нынешние ваши жёны с вами еще не разведены и фирман на них вообще не распространяет-

ся. Следовательно, вы можете и даже по закону обязаны удовлетворить их требование о разводе и выкупе. Но вовсе не обязаны, если не хотите выпускать еще один фирман о повторном браке еще каких-то разведенных с вами жен. То есть бунт сразу должен прекратиться. Ваши беспокойные жены не полезут в петлю будущего безбрачия ни за какие деньги.

– Так-так-так, а разве они с момента развода не попадают под действие первого фирмана?

– Нет, фирман касался конкретного события и с момента выхода замуж вашей последней бывшей жены исчерпал себя и стал недействительным впредь. Ваши нынешние жены неверно и слишком вольно с выгодой для себя толкуют ситуацию. А их ошибку им никто не объяснил.

– Здорово! У меня среди советников одни идиоты. Не понять такую простую вещь!

Синдбад громко хмыкнул, а халиф сердито покосился на него.

– Ты что, Синдбад, и меня считаешь идиотом?

– Что ты, что ты, Гарун! Просто я представил рожи твоих визирей, когда ты их уличишь в идиотизме.

– То-то же. Однако, Сержи-сахеб, старый закон говорит, что я должен удовлетворить интересы любой разведенной последующей жены не хуже разведенной предыдущей. А в их интересы входит и снятие запрета на повторный брак, которого добились предшествовавшие разведенные жёны. Заколдованный круг.

– Нет никакого заколдованного круга. Интересы могут быть какие угодно, а права — только прописанные законом. Старый, прошлый закон не может быть указанием выпустить в будущем какой-либо новый закон с конкретным содержанием. Старый закон указывает, что вы должны соблюсти имущественные права разведенных жен, и вы от этого не отказываетесь. Но старый закон не

может обязать вас выпустить фирман с новыми правами для разведенных жен. Фирман с новыми правами — это ваша добрая воля. Хотите — издаете. Хотите — нет.

– Всё понял. Это просто здорово! Теперь я их всех прижму. Против кого бунтовать вздумали! Против хитроумнейшего Гарун-аль-Рашида! Сегодня же объявлю решение.

– Ну а как на самом деле нужно с выгодой для казны разводиться — то это еще проще.

– Вот-вот, как? Это был бы бесценный совет.

– Нет, почему бесценный? Как раз цена тут понятная. Брак Аладдина с Будур. Разумеется, если она будет не против этого. Ваше согласие — и совет будет дан просто как благодарность за взаимопонимание.

– Так, давление какого-то неизвестного иностранца на правителя страны. Некрасиво.

– Очень даже красиво. Как решить ваши трудности, мы с вами теперь представляем. Условия сделки уже исчерпаны. Последний совет я давать не обязан. Согласие на брак Будур вы и так должны огласить.

Гарун-аль-Рашид заерзал в своем кресле.

– С вами, Сержи-сахеб, трудно спорить. У вас на всё готов ответ. Не хотите стать моим главным визирем?

– Нет, не хочу. Меня дома ждут. Не увиливайте, Гарун.

– Что делать, что делать, вы меня прижали к стенке! Ладно, Аладдин, у тебя есть мое согласие на брак с Будур. Только не надо представления с паданием на колени и целованием моих рук. Ах, ты и не собирался? Нахал! Каким титулом тебя наградить и нужно ли это вообще, я подумаю после согласия Будур. Обещаю, что никак не буду пытаться повлиять на ее решение. Но и ты должен пообещать, что не будешь давить на нее моим согласием. Ну? Да? Вот и хорошо. Давайте ваш последний на сегодня совет, Сержи-сахеб.

– Любая разведенная с вами жена уже не является для вас родным человеком. Она просто женщина, каких великое множество. Но свобода ее ограничена законом, с одной стороны. А с другой стороны, если бы и была свободна, как любая другая женщина и при этом без денег, то и тут ничего особо завидного в ней для мужчины нет. Иными словами, халиф, с разведенной жены выгоды вы никогда не получите.

Но можно сделать ее свободной для повторного замужества, не нарушая закона и не издавая фирманов. А также очень просто лишь по вашему желанию сделать ее настолько привлекательной для будущих женихов, что они будут готовы платить за нее именно вам.

– Я в нетерпении, а вступление слишком длинное, — прервал меня халиф.

– Да просто удочеряйте разведенных с вами жен, Гарун. Вот и всё. На дочь уже не распространяется запрет на повторное замужество. А за жену — дочь халифа — многие заплатят вам баснословный калым. Даже если она уже однажды и побывала замужем.

Халиф раскрыл рот и так надолго застыл.

– Вот это фокус! — только и смог произнести он минуту спустя, ошеломленный открывающимися перспективами.

– Нам уже пора, — напомнил Абу. — Светать начинает.

– И договориться бы насчет встреч с Будур, — добавил Аладдин.

– Ты уж только оденься поприличнее. Всё-таки с моей дочерью собираешься встречаться. Вашими свиданиями пусть ваша подруга и занимается. Сейчас распоряжусь ее позвать.

– Не нужно меня звать. Я вас подслушивала, — Шехи выскользнула из-за колонны и подошла к нам.

– Вот, видали, Сержи-сахеб, в моем дворце не только стены, но и колонны имеют уши. Будете уходить…

В зал, громыхая железной амуницией, ворвался здоровенный мужик.

– Ваше величество, ваше величество, во дворец проникли чужие! — и, бросив на пол нашу веревочную лестницу, с удивлением уставился на нас. — Вот, я объявил тревогу.

– Объяви успокоение, — распорядился халиф. — Видишь, я уже их всех захватил. Отдай им то, что притащил, и проводи к воротам, чтобы их еще раз не поймали, — и уже когда мы были на пороге, окликнул:

– Серж!

– Да?

– Ты заходи, если что. Ну, там, если помощь, какая потребуется, деньги в долг или еще что. Для твоей головы у меня работа всегда найдется.

– Спасибо, Гарун. Если что — зайду.

*

На корабль Синдбада возвращались молча. Только Шехерезада поделилась своими страхами.

– Ребята, я уж думала, что всё. Это уж когда увидела, что он тащит вас с собой. Гарун, конечно, душка, но когда он вот так спокойно и проникновенно начинает с кем-то говорить, то жди беды. Злой уж очень он ходит последние дни. Но потом поняла, какую ловкую Серж дал ему надежду на устранение забот. После он уже просто играл с вами, чтобы не показывать, как доволен. Он бы за такие советы не только Будур отдал.

Ахмед и Али-Баба ждали нас у борта. Шехи приветственно помахала им еще издалека. Вваливаемся в каюту — и сразу за бокалы. И пить хочется, и выпить за то, что пронесло.

– Я вижу, вы с добычей, — констатирует Ахмед, разглядывая поставленную на стол лампу.

– Не только, — отвечает Синдбад. — Еще и с новоиспеченным женихом для Будур.

– Как? Уже? Ну и дела!

– Только вот сама Будур еще не знает, что у нее появился жених, одобренный халифом, — добавила Шехерезада. — Застукал их Гарун прямо в сокровищнице.

– Но тем не менее выкрутились как-то.

– Это Серж нас всех как-то выкрутил. Да притом так, что халиф начал ему в друзья набиваться, — и Шехерезада, как свидетель, описала Ахмеду и Али-Бабе всё течение событий. — Пожалуй, я сделаю красивую историю про это приключение.

Ахмед рассмеялся и сказал:

– Я же говорил, тебе, Синдбад, что привел с собой очень талантливого авантюриста. Думаю, он еще не раз выручит нас. Что с лампой-то будем делать?

– Как что? — ответил Абу. — Раз она теперь не волшебная, то нальем масла и будем освещаться.

– Я вам налью! — угрожающе пообещал высунувшийся из лампы джинн. — Ишь что удумали! Не для этого она делалась.

– Мы знаем, для чего она делалась. Я полагаю, что ты просто саботажник, а дырка в лампе — просто предлог, чтобы тебе ничего не делать. Может, ты сам ее специально и провертел.

– Ах ты, ворюга несчастный, думай, что и кому говоришь! — запинаясь от возмущения, вскричал ламповый сиделец. — Да я из тебя котлету сделаю! Имею я право отдохнуть на старости лет или нет?

– Эй, эй, прекратите сейчас же! — вмешался я в перепалку. — Конечно же, уважаемый джинн, имеешь право на спокойную старость. Тебе уж, наверное, за две тысячи перевалило.

Джинн задумался:

– Да, пожалуй.

– Выпить хочешь?

– А что у вас есть? — и джинн, высунувшись уже по пояс, начал внимательно оглядывать стол.

– Сладкое греческое вино.

– Не диковинка. У меня его хоть залейся. О, соленые грибочки из северных стран! И вы их оскверняете сладким вином?

– Оскверняем?

– Конечно. Грибки требуют особого напитка. Бражка называется. Только на севере и делают.

Синдбад со вздохом поднялся, порылся в одном из шкафчиков и поставил на стол корявую стеклянную бутылку с какой-то мутной жидкостью.

– Она? — спросил джинн.

– Она, — подтвердил Синдбад.

– Тогда я выхожу. Поставьте лампу на пол. Я выберусь без дыма и огня.

Поставили. И действительно — словно вытек из лампы, превратившись в благообразного старика среднего роста. Отодвинул ногой лампу в сторонку и устроился за столом.

– Кто-нибудь еще будет? — берясь за бутылку с брагой, спросил джинн. — Нет? Ну, тогда я один. Грибочки пододвиньте, пожалуйста. Далековато за всем этим добираться на север. Сейчас даже мне тяжело стало. Устаю быстро. Так что спасибо за угощение. Ваше здоровье!

– Уважаемый джинн, — полюбопытствовал пытливый Аладдин, — а не будет нескромным как-то взглянуть на ваше жилище изнутри? Интересно, какая у вас там обстановка?

– Взгляни. Чего уж там. Как я понимаю, опять я тебе в руки попал. Не хочу портить отношения. Отойдите от лампы. Я ее сейчас увеличу.

И лампа стала быстро разбухать, став даже выше стола. Аладдин подошел к ней и по плечи склонился в горловину. Изнутри послышался женский визг и плеск воды. Аладдин отпрянул и обернулся к нам с мокрым лицом.

– Так они у него там голые! А обстановочка шикарная.

– Понятно, что у каждого свое представление о спокойной старости, — сказал Ахмед. — Так что всё же будем с лампой делать? Опасна она для каждого обладателя. Заманчивая штука для всяких махинаций. Аладдин свою проблему решил и без нее. Я бы советовал избавить мир от нее раз и навсегда.

– Это ты к чему клонишь? — подозрительно спросил Ахмеда джинн, перебегая глазами по нашим лицам, и не переставая при этом дожевывать грибочки.

– Оставим ее Синдбаду. Пусть завезет на какой-нибудь необитаемый остров и засунет подальше в какое-нибудь потайное место. Или, может, бросить тебя в море, где поглубже? — спросил Ахмед у джинна.

– Нет, лучше на остров. Сырость не люблю. А вы не глупые ребята. И не жадные. Полезу домой. Да пребудет вам всем счастье! — и джинн влился в свою уже уменьшившуюся до обычных размеров посудину.

– Синдбад! — скомандовал Ахмед.

Тот взял лампу и спрятал в шкаф. Никто даже не попытался что-то возразить или спросить. Вот что значит понимать друг друга даже без слов! А Аладдин, вытирая лицо развязанной чалмой, попросил совета:

– Как мне одеться-то на свидание с Будур? — и все в ожидании квалифицированных рекомендаций заинтересованно уставились на Шехерезаду.

Она немного подумала и начала повествовать самую подходящую случаю историю:

"– Однажды известный парижский модельер Жан-Поль Готье*…"

Тут ее голос стал падать, а лицо приняло удивленное выражение.

– Нет, это что-то не то. Откуда взялось? Не понимаю. Виновата… Да одевай, что хочешь, Аладдин! Было бы только чисто и аккуратно. Побрякушками всякими не злоупотребляй.

– Я вижу, все уже устали, — подвел итог ночи Ахмед. — Давайте расходиться по домам.

*

В каменном доме на улице Ткачей уже обычная дневная суета. Не успеваю открыть дверь в свои гостевые апартаменты, как навстречу из комнаты выходит Зубейда, держа под мышкой брыкающегося чертенка с обиженной физиономией.

– Меня уносят, — увидев меня, деловито сообщает Джамиля. — Говорят, что нельзя заходить к гостю, когда его нет дома, — и, обращаясь уже к Зубейде, — Поставь же меня, наконец! Ты же меня уже вышла. Чего вы смеетесь? Подумаешь, нельзя так нельзя. Зайду в другой раз. Свои колени для моего сидения приготовь, Сержи-сахеб. Я тебя еще ни разу не сидела, — и, окинув взглядом Зубейду с ног до головы, о чем-то понимающе хмыкнула и испарилась.

– Спать, спать и только спать, — говорю я Зубейде, упреждая всякие вопросы. — Чертовски устал. Или как нужно у вас говорить? Может, иначе — устал как шайтан?

– Все равно, Сержи-сахеб. Чёрт и шайтан одно и то же.

– А здравствуйте и салям алейкум?

– Тоже так и так у нас говорят. "Здравствуйте" обычно говорят, когда в разговоре участвует иностранец.

– А ты умница. Грамоте как училась?

– У меня отец учитель в медресе. Может быть, Сержи-сахеб хочет, чтобы я его помыла перед сном? Гюльнара-ханум говорит, что я должна и это делать.

Да-а, вот задачка-то. Это значит раздеваться догола, а Зубейда будет мне всё мыть. Как-то стеснительно. С другой стороны, заманчиво. В этой жаре у меня одежда уже к телу липнет, и кожа не дышит. Эх, была не была!

– Ты знаешь, Зубейда, у меня на родине мужчины моются сами. Здесь другие порядки, к которым придется привыкать. Мыться-то всё равно надо.

– Тогда я пойду, скажу, чтобы принесли побольше теплой воды. Я вас позову. Вон там, — Зубейда указала на угол комнаты, — разная одежда. Гюльнара-ханум принесла, чтобы вы себе что-нибудь выбрали.

Иду в угол. Чего тут только нет! И всякие штаны. И всякие рубахи. И всякие халаты. Выбираю пока тонкий и легкий явно не для улицы халат. Раздеваюсь догола и набрасываю халат. Отлично. Свободно и по полу не волочится. С террасы заглядывает Зубейда.

– Всё готово, Сержи-сахеб.

Выхожу на террасу и сворачиваю в туалетную комнату. Несколько бадей с водой. В имитации ванной стоит скамеечка, на которую, скинув халат, я и сажусь. Зубейда уже в надетом прямо на платье длинном кожаном фартуке, полив водой, намыливает мне голову. Долго и привычно теребит волосы пальцами, моет лицо и споласкивает. Затем еще раз. К телу она приступает с самой что ни на есть настоящей морской губкой. Всё шло хорошо до пояса. Потом мне пришлось встать для продолжения. Вот тогда и начались трудности. Со спиной и ниже Зубейда справилась в два счета. Но когда я повернулся к ней лицом, то ниже живота начались какие-то странные и нерешительные маневры. В конце концов я забрал у нее губку и сам обработал свои интимные места.

– Спасибо, извините, — виновато пробормотала Зубейда, принимая обратно губку.

С ногами покончено быстро. Несколько кувшинов воды сверху — и я чист. Процедура помывки завершилась. Выбираюсь из "ванной". Мне накинули на голову огромную простыню и осушают через нее волосы. Затем простыня оказывается обернутой вокруг меня. Зубейда присаживается на корточки и вытирает мне ноги ниже колен. Затем снимает фартук, забирает мой халат и распахивает дверь, приглашая выйти и переместиться в жилище.

Обработка поверхности организма после мытья, оказывается, — тоже процедура не простая. Это одновременно и вытирание, и растирание, и массаж. Но и это в конце концов закончилось. Правда, опять не без некоторых проблем в нижней части главного фасада, вызванных стыдливостью банщицы. Освежающее обмахивание простыней завершает банное обслуживание. Ощущение заново родившегося. В организме небывалая легкость и нега.

Зубейда подносит мне сзади распахнутый халат, помогает попасть в рукава и, ничуть не подозревая о нависшей угрозе, опрометчиво и простодушно заходит спереди, чтобы завязать кушачок халата. Но сделать этого не успевает, поплатившись за свою доверчивость.

Мои руки внезапно отключаются от центральной нервной системы и начинают действовать совершенно самостоятельно, отдельно от головы, быстро раздевая Зубейду. Причем совершенно автоматически и мгновенно определяя, что именно нужно расстегнуть, а что развязать.

Так, непревзойденные по форме и стройности ножки есть. Прелестный втянутый животик с венчиком волос внизу на месте. Упругие на ощупь очаровательные груди там, где и должны быть. Однако, похоже, что чего-то по

ходу дела явно не хватало. С великим удивлением понимаю, что не было ожидаемых шальвар! Она теперь совершенно голая и беззащитная в своей обнаженности. Что же теперь делать? Решение приходит моментально. Как честный, цивилизованный и интеллигентный человек, я аккуратно укладываю девушку на спину на ближайшей оттоманке и своим телом прикрываю сверху от чьих-либо нескромных глаз ее наготу. Мои шаловливые и нахальные, вышедшие из повиновения руки теперь уже почти ничего бесстыдного не могут сделать. И только тихо и ласково поглаживают оставшиеся открытыми части тела Зубейды.

Время словно останавливается на ближайший час. А когда снова возобновляет свое течение, то я, утомленный всеми сегодняшними событиями, мгновенно словно проваливаюсь в сонное нигде и никуда.

Опять я еду, лежа на сидении в трясучей карете. Но теперь уже, еще не открыв глаз, прекрасно соображаю, что, а вернее — кто меня трясет за плечо. Резко выбрасываю вперед руки, хватаю Зубейду за талию и тащу к себе. Она взвизгивает от неожиданности и со смехом падает на меня. Мои шаловливые ручки почему-то опять оказываются у Зубейды под юбкой. Против чего она, вообще-то, и не возражает, а напротив, прижимается ко мне всем телом. Нет ничего прекраснее, когда в такой ситуации оба хотят одного и того же.

Через полчаса я лежу на боку и любуюсь огромными синими глазами Зубейды. Время от времени притягиваю ее к себе и дарю ее нежным губам осторожный, но достаточно страстный поцелуй. Такой же подарок получаю и в ответ.

– Помнится, ты хотела мне что-то сказать?

– Я принесла обед, Сержи-сахеб. Теперь уже всё остыло.

– Ничего, съедим и не горячий.

– Прислуге положено есть на кухне или у себя в комнате.

– Я тебя не выдам. Давай вставать. Действительно, есть очень хочется.

Смотреть, как красивая девушка раздевается, всегда очень здорово. А как одевается — ведь тоже ничего! Откровенно упиваюсь зрелищем второго типа. Зубейда еще немного стеснятся. Однако чувствуется, что одновременно ей и приятно такое мое внимание.

– Зачем есть холодное? Я сейчас спущусь в кухню и всё подогрею. Это недолго.

Через десять минут сидим за столиком и вместе уплетаем всё, что опять послал Аллах. Спрашиваю:

– Не знаешь, Зубейда, что сейчас делает Ахмед-ага?

– Его дома нет. Уже давно ушел на базар по своим торговым делам. Еще до обеда ушел.

Зубейда унесла пустой поднос. А моя джинса куда-то испарилась. В стирку или чистку, наверное. Денежки из карманов лежат на подставке для цветов. Начал опять рыться в вещах, которые принесла Гюльнара-ханум. Хотя я и так почти полностью одет на восточный манер. Тюбетейка-то у меня есть. Халат носить как-то не по душе. Синие штаны — шальвары — с завязкой на поясе и голубая рубаха вроде в цвет. Есть еще что-то вроде жилеток. Красную, черную или коричневую? Черная, расшитая серебром, к голубому вроде лучше подходит. Интересно, а есть ли разница в названии между мужскими и женскими шальварами или разница только в покрое, материале? Надо будет спросить у Зубейды? Она всё знает — грамотная.

Напялив выбранные шмотки на себя, гляжусь в мутноватое зеркало. Ну как есть — турецкий басурман! Но удобно и приятно. Когда шагаешь, то колыхающаяся ткань широченных шальвар обдувает ноги, и они вроде

не должны потеть, как в брюках. Карманов мало. Во всей одежде обнаружилось всего два. Ладно, для денежек хватает. Спускаюсь вниз и у порога обуваю свои кроссовки. Интересная штука — серые кроссовки. Годятся буквально к любой одежде. Если уж и не гармонируют полностью, то, во всяком случае, не кричат о дисгармонии. Теперь бы не заблудиться на самом базаре! Как пройти до него по улицам, запомнил вчера.

В головном магазине Ахмедовой торговой фирмы здороваюсь с Али-Бабой.

– Хозяина не видел?

– Он пошел по лавкам. Если не боишься заблудиться, то попробуй сам поискать. Давай я тебе прямо отсюда подскажу. К посудной лавке выйдешь, если будешь держаться в направлении левого минарета мечети, а к ювелирной держись правого минарета.

– Слушай, Али-Баба, а как ты оказался в приказчиках у Ахмеда? Ведь как я слышал, ты был дровосеком. Да и про пещеру разбойников тоже рассказывают.

– Совершенно случайно. Только вот рассказы врут. И Шехерезада историю обо мне тоже приукрасила. Не было никакой пещеры. Да и разбойников тоже. Просто в дупле срубленного дерева оказался кем-то спрятанный клад. Очень даже немаленький. Когда тащил его домой, то пробирался мимо рабского рынка. И так мне их стало жалко, что весь клад я и отдал за выкуп тех, на кого клада хватило. Со всего базара сбежался народ, чтобы посмотреть на сумасшедшего, который скупает и отпускает рабов на волю. Тут Ахмед и оказался среди зрителей. Так что от всего богатства мне досталась одна Марджана. Ее я не отпустил, и не жалею. И она тоже не жалеет ни о чем. Вот уже четвертый год мы с ней вместе. А Ахмед разыскал меня на следующий день и предложил у него работать.

– Интересные у вас события происходят. Не скучаете. Ладно, пойду поищу Ахмеда.

Выбрал курс на ювелирную лавку. И правильно сделал. Он оказался там. Сидят с приказчиком в глубине лавки и чаевничают, а помощник приказчика присматривает за товаром. Присоединяюсь к чаевникам. Приказчика зовут Али.

– Вот, теперь ты хоть стал похож на нормального человека, — заметил Ахмед.

– А до сих пор был похож на ненормального?

– Был. Тебе бы еще головной убор сменить на чалму или феску, бороду отрастить — и получился бы заправский перс или турок.

– Ничего, мне и в тюбетейке уютно. Ахмед, чем бы заняться? Работа есть какая-нибудь?

– А что, Зубейда уже наскучила? Ты с нами вчера ночью наработал на год вперед.

– Зубейда — не работа. Наскучить не может. Но и заменой работе не является.

– Мудро. И возразить нечего. Нет у меня пока для тебя ни работы, ни развлечений. Поищи сам. Сходи к Синдбаду или Абу. У них всегда какие-нибудь дела есть. А тебе моя торговля будет скучна. Слушай, а не выбрать ли тебе здесь в лавке украшения для Зубейды? У нее, по моим наблюдениям, своих побрякушек вроде как никаких и нет.

– Знаешь, Ахмед, а это заманчиво. Только думаю, выбирать должна она сама. Как-нибудь потом мы с ней вместе зайдем.

– Зачем потом? Сейчас. Пошлем за ней Махмуда. А, Али?

– Почему бы и не послать? — ответил Али. — Махмуд!

– Я тут, Али-ага.

– Сходи домой к Ахмеду-ага и передай Гюльнареханум, что ее муж приказал привести сюда служанку Зубейду.

– Слушаюсь, — и Махмуд растворился в толпе.

Мы не успели освоить и по третьей пиале ароматного чая с какими-то тягучими сладостями, когда Махмуд в лучшем виде уже доставил в лавку закутанную в легкую накидку Зубейду.

– Зубейда, — обратился я к ней, — Ахмед ага предложил мне выбрать для тебя украшения. Но потом мы решили, что ты сама сделаешь это гораздо лучше. Ты мне нравишься и без всяких украшений. Так что главное, чтобы они понравились тебе самой.

– Спасибо, Ахмед-ага, спасибо, Сержи-сахеб, но я не достойна такой вашей доброты.

– Достойна, достойна. Я уверен. Выбирай, что тебе по душе. Серж, прикажи ей. Ведь это твоя служанка.

– Зубейда, ты хочешь обидеть меня и Ахмеда-ага?

– Я никогда не посмею, Сержи-сахеб.

– Тогда не стесняйся, — и девушка, сопровождаемая Махмудом, принялась рассматривать выставленные в лавке ювелирные чудеса.

– Интересно, что она выберет? — вполголоса сказал Ахмед. — Берусь спорить, что она нас удивит.

– Тебе спорить не с кем, — ответил я. — Я уверен, что удивит.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец Зубейда окончила свои изыскания и подошла к нам. Махмуд выложил перед нами отобранные вещи.

– Зубейда, одень, пожалуйста, — попросил я. И вещи перекочевали на предназначенные для них места.

Широкий браслет — на запястье, два браслета-змейки — на предплечья, поясок из скрепленных между собой прямоугольных элементов — на талию, кольцо —

на безымянный палец и кулон с голубоватым камешком — на шею.

– Поразительно, Зубейда! — воскликнул Ахмед. — Впервые вижу женщину, которая при свободе выбора богатству золота предпочла ажур и изящество серебра! Как ты поняла, что серебро тебе идет больше золота?

– Не знаю, Ахмед-ага. Вы же сказали взять то, что мне больше нравится. Я и взяла.

– Понятно. Все выбранные тобой вещи лежали в разных местах. И самое удивительное — то, что выбирая их порознь, ты выбрала вещи одного и того же мастера из Дамаска. Другого такого мастера по серебру на всем Востоке нет. Али, где та вещь, которую я велел никому не продавать?

– Сейчас, Ахмед-ага, — и Али принялся рыться в одном из сундуков. — Вот, нашел! — воскликнул он, передавая Ахмеду небольшой мешочек.

На свет появилось и было разложено на столе неширокое серповидное серебряное ожерелье сказочной красоты и изящества. Огромный каплевидный сапфир в центре и два чуть поменьше, но круглых по бокам от него, и густая россыпь более мелких, а также и крошечных сапфиров по всей вещи.

– Тот же мастер. Оно твое, Зубейда. Молчи! Серж, пристрой его на место.

Я снял с девушки выбранный ею кулон и заменил его на ожерелье. Попутно снял и платок с ее лица. Али и Махмуд очарованно вздохнули. Нам-то с Ахмедом легче. Мы лицо Зубейды уже когда-то и где-то вроде видели. Но три сапфира на груди и два сапфира глаз на лице девушки делают поразительным даже для нас такое сочетание. Лучшего места для ожерелья и не найти!

– Редкое чувство гармонии и тонкого вкуса у тебя, Зубейда. Садись вот сюда, — указал рукой Ахмед.

Она немного поколебалась и нерешительно присела рядом со мной.

– Меня уже и не удивляет, что ты умеешь читать и писать. Что само по себе редкость среди женщин.

– Ее отец учитель в медресе, — вспомнил я. — Подозреваю, что она продала себя, чтобы выручить его. Это так, Зубейда?

Девушка кивнула, не поднимая глаз. Ахмед подал ей пиалу с чаем и о чем-то задумался, словно что-то вспоминая и сопоставляя.

– Ты дочь Бахтияра-хаджи из медресе Акбара?

– Да, — Зубейда вскинула глаза на Ахмеда. — Вы его знаете?

– Знаю. В том-то и дело, что знаю. И при этом очень хорошо. Только давно мы с ним не встречались. Вот что, идите-ка вы домой. А мне нужно подумать.

Зубейда повязала на лицо платок, и мы отправились обратно на улицу Ткачей.

Тюбетейка и жилетка полетели в угол. Я развалился на оттоманке, а Зубейда, сняв с лица платок и сбросив накидку, устроилась у меня на коленях. Я прижал ее к груди и поцеловал в носик.

– Всё равно ты мне больше нравишься без всяких украшений.

– Тогда я не буду их одевать.

– Нет, лучше ты их будешь просто снимать, когда мы вдвоем.

Она не успела ответить. Требовательный стук в дверь — и в комнате нарисовался чертенок.

– Так я и подозревала! Мое место уже занято. Зубейда, нельзя так нахально тебе одной пользоваться нашим гостем. Он всехний гость.

– Пользуйся, пользуйся, Джамиля, — Зубейда, улыбаясь, соскользнула с моих колен и села напротив.

Джамиля по-хозяйски устроилась у меня на коленях. Поерзала, устраиваясь поудобнее.

– Зубейда, тебе нужно кормить его получше. Жестко сидеть.

– Я постараюсь, Джамиля. Я ведь только недавно…

– Я знаю и потому прощаю тебя.

– Спасибо, Джамиля. Ты добрый и справедливый человек.

Девочка задумалась.

– Правда? Мне почему-то тоже так кажется. Когда я уйду, то ты можешь вернуться обратно. Разрешаю. Вот, совсем отвлекли меня от дела, и я забыла, зачем пришла. Нет, вспомнила. Сержи-сахеб, бабушка мне по большому секрету сказала, что Зубейда очень хорошая девушка.

– Согласен с ней. А ты сама как думаешь?

– А мне и думать не надо. Я вижу, что хорошая. Да и ты вроде ничего себе. Так что не обижай ее, — и Джамиля кряхтя начала слезать с меня.

– Тяжело мне с вами со всеми, — с глубоким вздохом произнесла она. — Не говорите никому, что меня видели, — и унеслась куда-то через террасу.

Мы с Зубейдой от души рассмеялись.

– В самом деле, на это чудо невозможно рассердиться!

Опять стук в дверь. Заглядывает Гюльнара-ханум.

– Джамиля не у вас?

– Нет, — отвечаем мы хором.

– Гюльнара-ханум, хочу поблагодарить вас за одежду. Я выбрал, что мне нужно. Остальное можно забрать.

– Подошло? Зубейда соберет лишнее. Вы, Сержи-сахеб, довольны ей?

– Доволен.

– Старательная и внимательная девушка. Скоро ужин будет готов, — и Гюльнара-ханум ушла.

– Чем это ты всех обольстила в этом доме всего за один день? — спросил я Зубейду, опять усаживая ее себе колени и целуя во всё тот же носик.

– Не знаю, — прижимаясь ко мне, отговаривается Зубейда.

– Будем ужинать или сделаем что-нибудь еще до ужина? — шепнул я ей на ухо.

– Как скажете, Сержи-сахеб.

– Или, может, не до, а после ужина?

– Как скажете, Сержи-сахеб.

Мы не были уверены в правильности выбора из "или — или" и поэтому сделали это "что-нибудь" до ужина. А потом, на всякий случай, чтобы уже точно не допустить ошибки в выборе, сделали "что-нибудь" еще и после ужина. И только успели привести себя в относительный порядок, как к нам пожаловал Ахмед-ага и тяжело опустился на оттоманку напротив меня. Зубейда мгновенно поставила на столик поднос с фруктами и сластями.

– Чай или кофе, Ахмед-ага?

– Надо поговорить, — хмуро произнес он. Зубейда поклонилась ему и направилась к двери. — Зубейда, останься. Разговор будет о тебе. Сядь рядом со мной.

– Что случилось? — поинтересовался я.

– В общем-то, ничего. Кроме одной досадной ошибки, которую мы все невольно совершили вчера с покупкой Зубейды. Конечно, кто мог знать, но тем не менее проблема возникла, и довольно запутанная. Я один без вас разрешить ее не смогу.

– Ахмед, не говори загадками.

– Сейчас, соберусь с мыслями. С Бахтияром-хаджи — отцом Зубейды — я знаком очень давно и многим ему обязан. Правда, встречаемся мы очень редко, а дома у Бахтияра я был всего раз где-то лет десять назад. Ты, Зубейда, была тогда крошкой, как Джамиля, и помнить меня не можешь. Хотя и крутилась около нас. А я тебя

узнать на рабском рынке тоже никак не мог. Ты ведь выросла и изменилась. Последний раз мы с твоим отцом, Зубейда, разговаривали в медресе Акбара где-то с год назад. Как и за что он угодил в зиндан, я не слышал. Иначе просто внес бы выкуп, и тебе, Зубейда, не пришлось бы стоять на рабском рынке.

– Ахмед-ага, так вы тот, кого мой отец называет Ахмед из ниоткуда? — воскликнула Зубейда.

– Вот именно. И получается, что в то время, когда мой хороший товарищ попал в беду, я покупаю его дочь в рабыни для своего молодого приятеля.

– Вот так каша заварилась, — только и смог промолвить я.

– Но вы же ни в чем не виноваты, Ахмед-ага, — попыталась успокоить его Зубейда, взяв за руку. — Это я что-то не так сделала. Мама, наверное, вас знала, но она весной умерла. Когда отца схватили, я осталась одна с младшей сестрой. Мне нужно было как-то разыскать друзей и знакомых отца. Правда, как? Он о них говорит мало. Вы же знаете его, Ахмед-ага. Затворник, молчун и бессребреник. Умрет, а никого о помощи просить не станет. Всё сам и сам. Что мне оставалось делать, когда его кинули в зиндан? Мы с сестрой оказались как в пустоте, и денег в доме ни куруша. А визиря Джафара все боятся.

– А Джафар-то тут причем?

– Причем его сын Саид. Когда я как-то зашла к отцу в медресе, то Саид меня там увидел и воспылал. Проходу от него не стало. Очень наглый и самовлюбленный. Недавно Саид дождался меня около нашего дома, схватил меня за руку и пытался обнять. В это время вышел отец. Его разговор с Саидом кончился тем, что Саид унесся с воем и сломанной рукой. Вы же знаете, Ахмед-ага, какой отец здоровяк. Вот и вся история. На следующий день пришли стражники и забрали отца.

– Да, по слухам, Джафар — еще тот фрукт. Мстительный и злобный, — задумчиво произнес Ахмед. — Но не в этом проблема. Джафара укротить мы как-нибудь сможем. А вот между нами самими возникла запутанная история. Как ее распутать? Отца-то отпустили? Что он тебе сказал, когда узнал, почему?

– Отпустили, Ахмед-ага. Сразу, как только я внесла выкуп. Мне он ничего не сказал. Погладил по голове и молча поцеловал. Ходит мрачный.

– Да, — согласился я, — довольно-таки запутанное положение создалось. Но вопрос-то не в этом.

– А в чём же?

– Создает ли эта запутанность кому-то какие-то тяготы? Если создает, то имеет смысл что-то попытаться изменить. А если тягот нет, то не надо эту запутанность и трогать. Всё само распутается со временем. Это мое мнение.

– Зубейда, а ты что скажешь? — спросил Ахмед.

– Я в растерянности. Но и отказываться или просить освободить меня от моих обязательств я не буду.

– Понятно. Дочь своего отца. Принципиальная и щепетильная. Что эти слова означают, представление имеешь?

– Первое знаю. Щепетильная — это как?

– Честная, обязательная в мелочах. Что-то в этом роде.

– Спасибо.

– Не за что. Вот твой договор, — и Ахмед передал бумагу Зубейде. — Делай с ним, что пожелаешь и поступай, как помыслишь. Но нам не хотелось бы, чтобы ты от нас ушла.

Зубейда молча и задумчиво, довольно долго рассматривала бумагу. Потом, словно решившись на что-то неминуемое, без слов протянула ее мне и вопроситель-

но уставилась на меня своими синими глазищами. Я тоже прочел бумагу.

– Ну, что же, документ составлен правильно. Со знанием дела. Но поскольку сейчас он передается из рук в руки с явным намерением передачи и прав, то это должно быть соответствующим образом оформлено. Ахмед, ты должен сделать на этом договоре передаточную надпись в пользу Зубейды. Потом Зубейда сделает надпись уже в мою пользу. Иначе я не смогу продать Зубейду кому-нибудь, когда она мне наскучит. Где чернила? Нет? Что это за дом, где нет чернил! Возмутительно! Тогда, чтобы никто не имел возможности изменить свои намерения, сделаем вот это, — и я разорвал бумагу на мелкие клочки.

– Я не уйду от вас, — тихо сказала Зубейда, и Ахмед облегченно вздохнул.

– Я же говорил тебе, Серж, что она хорошо воспитана и будет выполнять свои обязательства даже без всякой бумаги. Мы обречены, Серж.

– Обречены? На что?

– Нам теперь никогда от нее не избавиться. Без договора ее не перепродать, — и Ахмед заразительно рассмеялся.

Глядя на него, засмеялись и мы с Зубейдой. Словно гора спала с плеч. Отсмеявшись, Ахмед обратился к Зубейде:

– Сходи, пожалуйста, с утра домой и попроси отца встретиться со мной в моей коверной лавке завтра после вечерней молитвы. Как бы он каких-нибудь глупостей не натворил. А ты, Серж, сходи к Синдбаду и попроси его поговорить с Джафаром. Синдбад знает, как всё устроить. Еще передай, что послезавтра мы с тобой уезжаем. Пусть все приходят завтра вечером ко мне. Посидим.

– Послезавтра? — упавшим голосом переспросила Зубейда. — Так скоро?

*

Солнечный луч уже давно поднявшегося светила через открытую дверь террасы упал мне на лицо. Отвернуться и поспать еще или открыть глаза и пробудиться? Выбрал второе. Рядом, уткнувшись своим очаровательным носиком мне в плечо, тихо посапывает Зубейда. Осторожно поворачиваюсь, чтобы не разбудить ее. Волна ее роскошных черных волос прикрыла лицо и плечо. Бережно сдвигаю пряди, чтобы полюбоваться тем, что под ними.

Всё-таки она что-то почувствовала сквозь сон. Зашевелилась, обхватила меня рукой и придвинулась ближе. Зря. Попала под тот же солнечный луч. Потянулась с дремотным, носовым мычанием и открыла глаза. Какая же у этой сонной тетери всё-таки обворожительная улыбка! Но это не извиняет ее безобразного поведения. Ее хозяин уже давным-давно бдит, а она еще только глазки продирает! Надо ее наказать. И долго наказываю. Просто не оторваться от таких губ! Так и задохнуться недолго.

Взгляд Зубейды падает на окна и высоко стоящее солнце. Она отстраняется и вскакивает, словно подкинутая пружиной. Забыв при этом, что на ней ничего нет. Какая картина! Потом, поняв, что стесняться уже поздно, она заливается звонким смехом.

– Проспала. На кухне меня уже, наверное, ругают. Нужно бежать.

Что-то накидывает на себя и несется в умывальню. Возвращается. Надевает остальное и выскакивает за дверь. Значит, скоро будет завтрак. О-хо-хо, вставать всё равно надо! Голубые шальвары ждут. Залезаю в них, а умывшись — и во все остальное. Опять забыл выпро-

сить у Ахмеда что-нибудь для бритья. Двухдневная щетина портит всю мою неотразимую красоту.

– Завтрак подан, Сержи-сахеб. Гюльнара-ханум разрешила мне завтракать, обедать и ужинать вместе с вами. Оказывается в этом доме очень свободные порядки. Главное, чтобы всем было удобно и приятно, а стесняющие это традиции как-нибудь потом.

С удовольствием вкушаем дары, посланные Аллахом, не забывая попутно поедать глазами и друг друга. Закончив, спускаемся вниз и разбегаемся в разные стороны. Зубейда к отцу, а я — к Синдбаду. Время, похоже, уже часов десять-одиннадцать. Всё-таки пораньше бы нужно было встать.

Издалека видна рабочая суета на корабле. Что-то пилят, что-то тянут, что-то приколачивают и что-то непонятно что делают с парусами. Синдбад с деловым видом обсуждает какой-то вопрос — похоже, что с подрядчиками. Подрядчики изъясняются на торговом языке: "это есть — этого нет". Синдбад же на техническом: "вобью в землю — оторву голову". Как они друг друга понимают, совершенная загадка. Синдбад, кивнув мне, протягивает руку и быстро говорит:

– Извини, занят. Нужно подождать. Вон составь компанию Абу. Он со скуки сюда забрел.

И действительно — наверху на капитанском мостике Багдадский вор рассматривает окрестности в какую-то странную штуку. Видимо, прототип подзорной трубы. Надо будет в следующий раз захватить сюда с собой морской бинокль и презентовать Синдбаду.

– Здравствуй, Абу.

– Салам, Серж. И тебе дома не сидится?

– И не говори. Ищу какую-нибудь разовую работу для души и тела. Да, и вот возникла у нас с Ахмедом одна трудность. Нужно как-то разрешить.

– Разрешение трудностей — это по нашей части. Освободился, наверное, наш капитан. Сюда идет.

И действительно — Синдбад уже поднимается по трапу.

– Что это вы в разгар дня решили ко мне завалиться? У меня же ремонт корабля. Все на ушах стоят. Может, вечером придете?

– Ахмед попросил заглянуть к тебе с утра. Наверное, есть причина.

– Проблема у них какая-то возникла, — добавил Абу.

– Ну, если Ахмед побеспокоил в такое время, то, наверное, не так просто. В чём дело?

– Знаете визиря Джафара?

– Да как его не знать! Всем известная сволочь.

– А Бахтияра-хаджи из медресе Акбара?

– Слышали что-то. Говорят, достойный человек. Что между ними может быть общего?

Оказывается, может. У Бахтияра есть дочь Зубейда, а у Джафара — сын Саид. Зубейда приглянулась Саиду, и он, наверное, решил побаловаться с ней. Подстерег ее у дома и взялся тискать. Тут из дома вышел Бахтияр и увидел такую картину. Разумеется, как отец, он решил побеседовать с Саидом о его невоспитанности и недопустимости такого поведения. В результате Саид убежал домой со сломанной рукой. На следующий день явилась стража и бросила Бахтияра в зиндан. Зубейда осталась одна с младшей сестрой. В отчаянии она пошла на рабский рынок, продала себя и этими деньгами внесла выкуп за отца. Его отпустили.

– В чем трудность-то? Всё ведь разрешилось, — спросил Абу.

– Ахмед считает, что не разрешилось, а только начинается, учитывая репутацию Джафара.

– Очень может быть, — подтвердил Синдбад.

– Ахмед полагает, что раз сейчас Бахтияр от Джафара ускользнул, то Джафар непременно постарается устроить ему еще какую-нибудь подлость, и это нужно предотвратить.

– Мне приходилось сталкиваться с Джафаром, — сказал Синдбад, — он плохо поддается убеждению. Но тем не менее всё же иногда можно уговорить его не делать глупостей или подлостей. Мне как-то удавалось. Наверное, у меня врожденный дар красноречия.

– Ага, знаем мы твое красноречие! — воскликнул Абу. — А что это Ахмед вдруг принял такое участие в интересах Бахтияра? Джафар гадит многим, а не только ему. Или Ахмед имеет какое-то отношение к этой истории?

– Имеет. Бахтияр — хороший знакомый Ахмеда, и Ахмед ему чем-то издавна обязан. С другой стороны, когда Зубейда продавала себя, на рабский рынок зашли мы с Ахмедом, и Ахмед купил Зубейду для меня, не зная, что она дочь Бахтияра. Это выяснилось позднее. Получается, что и я сюда тоже замешан.

– Разрази меня гром, — заорал Синдбад, — ну и каша заварилась! Как мне такие вещи нравятся!

– Жаль, что здесь нет сейчас Шехерезады, — поддакнул Абу. — Она сказала бы: "Какая романтическая история!" И непременно сочинила бы из этого сказку.

– Поговорить с Джафаром, конечно, надо срочно, — в раздумье согласился Синдбад. — Только вот подходящее место и время не так просто найти. Про дворец и думать нечего. В свой дом Джафар никого не пустит. И в чайхану для беседы не пойдет — побережется. Мне в голову приходит только одно. Перехватить Джафара по дороге от его дома к дворцу халифа и побеседовать прямо на улице, — Синдбад взглянул на небо. — Сейчас около полудня. Дворцовая знать не утруждает себя ранним пробуждением. На малый диван собираются много

позже дневной молитвы. Так что Джафар двинется во дворец часа через два-три. Успеем подготовиться.

– Самый короткий путь от дома Джафара до дворца — по Соломенной улице, — напомнил Абу. — Где-нибудь там и нужно его ждать. Только вот визирей всегда сопровождают не меньше четырех стражников. Нужен перевес, чтобы всё обошлось тихо, если Джафар заупрямится и не захочет поддержать разговор.

– Перевес — это мое дело, — ответил Синдбад. — А тебе, Абу, я дам быстроногого мальчишку. Сходи и посмотри, где бы нам удобнее встретить Джафара. Соломенная улица рядом, да вот дом Джафара не очень близко. Отсюда его не увидишь. Мальчика поставишь наблюдать за домом. Пусть бежит сюда, когда Джафар направится во дворец. Пойдем.

Через несколько минут Абу с каким-то шустрым мальчонкой сошли на берег и скрылись в улицах. А Синдбад, собрав своих матросов, что-то им старательно втолковывает. Я же пока обследую капитанский мостик. Штурвала нет. Вместо него — огромное бревно-правило, идущее от рулевого пера. Веревки с петлями, удерживающие правило в среднем положении. Если их снять и волна грохнет по рулевому перу, то бревно трудновато будет удержать.

На низком столбе перед правилом примитивный компас — игла, залитая воском и плавающая в покрытой стеклышком медной лоханочке. Воск не дает игле утонуть. Прототип подзорной трубы — это две не очень хорошо отшлифованные открытые линзы, подвижно укрепленные на планке. Приближают. Но и даже настроенные в фокус заметно искажают изображение. Но всё равно лучше, чем вообще ничего. Да, тяжеловат труд навигатора тысячу лет назад!

– У меня всё готово к мирным переговорам, — сообщает поднявшийся на мостик Синдбад. — А вон и Абу

возвращается. Прикажу-ка я, чтобы нам перекусить принесли прямо сюда.

Перекусываем стоя и ждем мальчика. И в самом деле, проходит почти два часа унылого обмена фразами между собой, прежде чем он выскакивает из одной из улиц и машет рукой. Короткая команда — и восемь живописно одетых матросов с сабельками и ножичками топают по сходням вслед за нами.

Да, Соломенная улица, действительно, всего в пяти минутах ходьбы. Команду матросов во главе с Абу оставляем за углом какого-то проулка, по которому пришли. А мы с Синдбадом вышли на саму Соломенную и встали в сторонке. Прохожих немного, а процессия визиря уже показалась вдалеке.

Четверо здоровяков волокут носилки, а впереди и позади них — по два вооруженных стражника. Мы готовы их встретить. Из-за угла проулка торчит нос Абу, наблюдающего за ситуацией. Когда процессия почти поравнялась с нами, Синдбад вышел на середину улицы и поднял руку. Носилки остановились, а стражники насторожились, схватившись за рукоятки сабель.

– Спокойно, спокойно, — ровным голосом, но громко и внушительно произнес Синдбад. — Никакой опасности нет, — стражники замерли в напряженном ожидании.

Мы с Синдбадом подошли к носилкам. Синдбад постучал по крыше.

– Салям алейкум, Джафар.

– Салям, Синдбад, — донеслось изнутри, — что тебе надо?

– Поговорить хотим.

– Мне некогда с тобой говорить. Спешу во дворец.

– И всё-таки поговорить придется. Может, тебе даже расхочется идти во дворец.

– Ты наглец, Синдбад. Отойди, или тебе придется иметь дело со стражей!

– Какой же ты всё-таки несговорчивый, Джафар! — со вздохом сожаления и укоризны произносит Синдбад.

Он протягивает руку и как пушинку выволакивает из носилок богато одетого, слегка рыхловатого мужчину лет пятидесяти с одутловатым лицом и бегающими глазками. В то же время из-за угла стремительно вылетает гурьба матросов. Три-четыре секунды — и все стражники прижаты к стене, а их оружие валяется на земле. Носильщики, бросив свой груз, в знак повиновения присели на корточки и закрыли головы руками. Джафар словно потерял дар речи от неожиданности. В глазах испуг.

– Начинай, Серж.

– Уважаемый Джафар-ага, — выступаю я на сцену, — ваш сын Саид позволил себе нанести недопустимое оскорбление очень уважаемому в Багдаде Бахтияру-хаджи и его дочери. За что Аллах и наказал его сломанной рукой. Это меньшее, чего Саид мог бы ожидать. Если бы Бахтияр-хаджи не был бы так добросердечен, то мог бы просто свернуть Саиду шею и любой суд оправдал бы отца, защищающего честь своей семьи. Однако от вас, Джафар-ага, не последовало никаких извинений за оскорбление. Наоборот, Бахтияр-хаджи почему-то оказался в зиндане. Мы подозреваем, что, выбравшись оттуда, он может подвергнуться еще каким-нибудь недопустимым преследованиям с вашей стороны. Поэтому предостерегаем вас от необдуманных действий и надеемся, что нанесенное вашим сыном оскорбление семье Бахтияра-хаджи будет справедливо возмещено. Я понятно выразился?

– Понятно, понятно, — подтвердил Синдбад. — Мне, во всяком случае. И как проникновенно! Я чуть не прослезился. Джафар, а тебе-то понятно?

Судя по всему, Джафар приободрился, сообразив, что его никто прямо сейчас убивать не собирается.

– Что вы лезете не в свое дело! Я как-нибудь сам разберусь с Бахтияром и вы мне не помешаете. А халифу я пожалуюсь на ваше нападение.

– Да-а, пожалуй, он так ничего и не понял или просто не хочет понимать, — констатировал я. — Зря я рассчитывал на его разумение. Попробуй теперь ты, Синдбад. Может, твое хваленое красноречие окажется более доходчивым.

Последовал короткий и мощный удар в левый глаз. Джафар влетает в свои носилки и застревает там, дергая ногами. Синдбад рывком извлекает его оттуда и держит за халат, не давая рухнуть на землю.

– Ты, Джафар, наверное, просто забыл, чем кончились твои жалобы на меня халифу в прошлый раз. Могу напомнить для освежения памяти. Лучше всего, думаю, подействует приложение по зубам. С одного удара я вряд ли тебе их все вышибу, но за половину ручаюсь. А если еще халиф узнает, что́ ты из-за своего крысеныша Саида вытворяешь с уважаемыми в городе людьми, то мое красноречие тебе райским наслаждением покажется.

– Я, я, я…, — пытается что-то плаксиво выдавить из себя Джафар.

– Да, ты, — подытоживает Синдбад, — отправишься сейчас не во дворец, а домой, ставить примочки на глаз. Немедленно напишешь Бахтияру-хаджи письмо с извинениями. Вернешь ему деньги, потраченные на выкуп его из зиндана, и добавишь еще двадцать золотых динаров как возмещение за беспокойство. И не рискуй снова нарваться на мое красноречие!

Синдбад бесцеремонно запихнул Джафара в носилки, дал знак отпустить стражников и жестом указал двигаться с носилками обратно. Стражники подобрали свое оружие и, опасливо оглядываясь, поплелись за носилками. Мы еще немного постояли, глядя процессии вслед, и вернулись на корабль.

– Где это ты, Серж, научился так ловко изъясняться? — поинтересовался Абу. — Я прямо заслушался.

– Природный талант и чтение книг, — скромно потупив взор, ответил я. — Но зато Синдбад просто ошарашивает своими очень весомыми аргументами. У меня никогда не получится так быстро и так убедительно. Ребята, мы с Ахмедом завтра уезжаем. Поэтому он просил передать, что сегодня вечером все собираемся у него. Предупредите Шехи и Аладдина.

– Ладно, сделаем. Зубейду-то покажете? Сто́ит она войны с Джафаром?

– Сто́ит.

*

В доме на улице Ткачей все уже давно отобедали. Но и мне всё же что-то перепало. Официантка принесла пищу и теперь сидит напротив, с улыбкой наблюдая сапфировыми глазами, как я с аппетитом все уплетаю. Наконец отваливаюсь от стола. Вздремнуть, что ли, маленько? Я подбираюсь к Зубейде и принимаю горизонтальное положение, положив голову ей на колени. Нет, лучше не так. Поворачиваюсь на бок и устраиваюсь поудобнее, уткнувшись носом в ее живот. Под щекой — теплое и упругое бедро девушки, а ее пальцы ласково ворошат мои волосы.

– Интересно, Зубейда, а райские гурии очень похожи на тебя? — спрашиваю я и засыпаю, так и не дождавшись ответа.

Я и не заметил, как из-под моей щеки утянули теплое и упругое, а заменили на рыхлое и душное. Подушка никогда не заменит девичьего бедра. Сны ими навеваются разные. От девичьего бедра исходят сладострастные сны, а от подушки — романтические. Солнце уже склоняется к вечеру, а я еще валяюсь на оттоманке. Не сразу, конечно, а проснувшись и ополоснувшись, выбираюсь из дома и топаю на рынок. Ахмед, как и предполага-

лось, сидит в коверной лавке и мирно распивает чаи с Али-Бабой и кем-то еще. Оказывается, со своим давнишним приятелем Бахтияром-хаджи. Ахмед нас знакомит и подсовывает мне пиалу.

– Давай-ка догоняй.

– И далеко вы оторвались?

– На два часа. Тут, понимаешь, какая-то странная история, — украдкой подмигивая мне, говорит он. — К Бахтияру сегодня после обеда пришел гонец с письмом и мешком денег от визиря Джафара. Джафар извиняется за поведение сына и просит не держать зла на их семейство. Мол, произошла досадная ошибка, и просит принять возмещение за нанесенный ущерб и хлопоты. Бахтияр не может понять, что такое произошло с Джафаром. Притащил сюда деньги и пытается всучить их мне. Помоги мне от него отбиться. Бахтияр хоть и приятель мне, но иногда до ужаса въедливый и занудливый, когда дело касается его принципов.

– Я не знаю, как вас рассудить. Вы давние приятели, а я человек посторонний для Бахтияра-хаджи. Какой из меня судья! Но давайте хотя бы разберемся в ситуации. Может, всё дело не в принципах и отношениях, а просто в неверно истолкованных событиях.

Начнем с Джафара. Конечно же, он причастен к неприятностям с Бахтияром-хаджи. Я, Синдбад и Абу встретились сегодня с Джафаром в дружеской обстановке и попытались выяснить, что произошло. Джафар оказался на редкость приятным и понимающим человеком. Оказалось, что его обманул собственный сын. Не на Саида напали, как он сообщил отцу, а Саид напал на дочь Бахтияра-хаджи. За что и пострадал. Узнав это, Джафар, как всякий честный и разумный человек, поспешил исправить свою ошибку. Отменив свой визит во дворец, он бросился скорее домой и по невнимательности споткнулся, упал и сильно ушибся. Однако, как я понимаю,

свое намерение искупить вину постарался выполнить как можно быстрее.

Ахмед и Бахтияр переглянулись и дружно расхохотались.

– Сержи-сахеб, — отсмеявшись, сказал Бахтияр, — я еще ни разу не встречал такого бесстыдного и складного вранья. Джафар, стало быть, упал и ушибся? Ахмед верно описал вас как очень находчивого человека.

– Спасибо. Что там еще, Ахмед? Твой друг хочет навязать тебе какие-то деньги? Сколько и за что?

– Пятьдесят динаров выкупа почему-то хочет вернуть мне.

– Вот это очень странно, Бахтияр-хаджи. Выкуп за вас кто вносил?

– Зубейда.

– Это были ее деньги или чужие?

– Ее.

– Тогда почему вы пытаетесь вернуть их не дочери, а совсем другому человеку?

– Но…, — и Бахтияр замолк на полуслове.

– Вот именно — "но". Может быть, вы сомневаетесь в источнике денег? Ведь Зубейда была сегодня дома и наверняка рассказала, какой странной связью мы все совершенно случайно оказались опутаны.

– Рассказала.

– Вы не думаете, что в произошедших событиях со стороны кого-либо из нас было сделано что-то нечестное?

– Упаси Аллах! Нет, конечно. Но всё как-то странно, необычно. Как реагировать на всё это?

– Никак. Ситуация необычная и путанная. Тут я согласен с вами. Сложилась она в результате беды. Это невозможно отрицать. Но сами подумайте, есть ли в этой путанице хоть какое-то положение беды сейчас для кого-нибудь из нас? Кто-нибудь жалуется? У нас в

стране есть народная поговорка: "Не было бы счастья, да несчастье помогло". Самым пострадавшим человеком два дня назад была Зубейда. А сегодня она себя считает страдающей? Что она говорит?

– Она не хочет ничего менять.

– Вот вам и ответ. Смиритесь с тем, что получилось, и не пытайтесь изменить принудительно. Со временем всё само встанет на свое место. Ну, а что делать с деньгами, посоветуйтесь с Зубейдой. В доме Ахмеда-ага они вряд ли ей понадобятся. У нее всё необходимое есть. Вас, наверное, больше всего беспокоит получившаяся несвобода вашей дочери.

– Еще как беспокоит!

– Напрасно. Нет никакой несвободы даже формально. Договора покупки на бумаге уже нет, и она совершенно свободна. Но она — дочь своего отца и свои обязательства никогда не нарушит. Не надо ее к этому подталкивать. Странное положение Зубейды известно только нам. А внешне соответствует законам и традициям вашей страны. В силу обстоятельств она оказалась в чужой семье не как чья-то жена, чего вам, Бахтияр-хаджи, наверное, хотелось бы, но она и не рабыня. Пусть она сама выбирает свою судьбу. Мне почему-то кажется, что Ахмед-ага склонен относиться к Зубейде, как и к своей, а не только вашей дочери, и в обиду ее никому не даст. Что поделаешь, раз уж так нескладно всё получилось.

– Вот видишь, Бахтияр, как этот стервец всё здорово излагает. Соблазнил нашу общую дочь, а теперь уговаривает нас ничего не делать. Хотя, насколько я его знаю, у него наверняка уже созрел какой-нибудь коварный план на будущее. Но сейчас он прав. Не нужно пытаться что-то распутывать, чтобы чего-то случайно не испортить. Тем более что, похоже, они с Зубейдой влюблены

друг в друга. Сам понимаешь, соваться сюда никому не следует.

– Одурманили вы меня своими разговорами. Хотя и возразить трудно. Я так и этак прикидываю. Что ни попытайся зацепить — получится только хуже. Раз Зубейда не хочет ничего менять, то пусть так и будет.

Мы просидели вместе еще часок, болтая о разном, и разошлись вполне довольные друг другом. Бахтияр отправился к себе домой один, а мы — на улицу Ткачей втроем.

– Слушай, Ахмед, может, посиделки устроим у меня в гостевой комнате? Синдбад и Абу жаждут увидеть, за кого сегодня воевали. Пусть лопнут от зависти.

– Зачем? В гостевой и тесновато будет, и угощение, наверное, уже начали расставлять у меня. Просто возьмем прислуживать Зубейду.

– Ладно, как скажешь.

Шехерезада уже пришла и болтает о чем-то с Гюльнарой-ханум, зашедшей в комнату мужа проверить, всё ли готово к приходу его друзей. Прикладываемся по очереди к щечке сказочницы, и я на минутку забегаю к себе. Зубейда скучает в своей комнате.

– Зубейда, — прошу я, присасываясь ненадолго к ее губам, — сейчас у Ахмеда соберутся наши друзья. Помоги их обслужить. Тебе нужно хоть немного с ними познакомиться. В наше с Ахмедом отсутствие ты всегда сможешь обратиться к ним за помощью, если возникнет необходимость.

– Поняла, Сержи-сахеб. Сейчас переоденусь и приду. Нужно еще спросить у Гюльнары-ханум, что и когда подносить.

Вернувшись к Ахмеду, обнаруживаю, что все уже в сборе. Рассаживаемся и, балуясь легким винцом, ждем вноса яств. Зубейда правильно уловила не высказанное мной пожелание. Первое же вплывшее в комнату блюдо

— это просто предлог для явления собравшемуся обществу женской красоты и совершенства. Уж на что Шехерезада искушенный и всё повидавший по части женских прелестей человек, но и она не сдержалась.

– Ахмед, откуда у тебя это чудное создание? Прячь скорее. Если халиф прослышит о такой красоте в твоем доме, то не миновать беды, — и, подумав, добавила: — Кому-нибудь.

– Это не моя красота, — ответил Ахмед. — Ее обладатель Серж.

– Так это и есть Зубейда? — чуть не в один голос восхищенно ахнули Синдбад и Абу. Переглянулись между собой, и Синдбад пообещал:

– Прибьем Джафара.

– Аладдин, — скомандовала Шехеризада, — закрой рот и смотри перед собой. А то я всё скажу царевне Будур.

– Брось, Шехи, — ответил тот, — восхищение красотой и измена — не одно и то же.

– Небывалая удача тебе выпала, Серж, — признал Али-Баба.

И, действительно, Зубейда, зардевшаяся от комплиментов, как майская роза, ужас как хороша! Мне даже стало завидно самому себе. Вишневое ниспадающее платье с ажурным серебром украшений, сапфир глаз и каменьев, совершенство черт лица, пластичность и стройность фигуры создают поразительное по гармонии, безукоризненности сочетание.

А Зубейда между тем, похоже, решила пошалить, раз представился такой случай. Поставив поднос с пловом и мясом на стол, она не ушла, а отступила на три шага назад и, сложив перед собой опущенные руки, застыла, словно в ожидании распоряжений. Трапеза началась, но в поведении гостей чувствуется какое-то замешательство. Только Ахмед посмеивается себе в бороду. Прав-

да, Шехерезаду не так просто провести женскими уловками. Она всё поняла и моментально исправила неловкость положения.

– Зубейда, иди садись рядом со мной. А то кто-нибудь из присутствующих подавится невзначай или вывихнет себе шею, оборачиваясь к тебе.

– Я не смею, Шехи-ханум. Только если Сержи-сахеб разрешит.

– Зубейда, не позорь меня перед друзьями. Ты прекрасно знаешь, что тебе никто ничего не запрещает. Стало быть, и разрешений никаких не надо.

– Тогда я сяду рядом со своим повелителем, — улыбнулась она.

– Вина выпьешь?

– Спасибо.

Между тем Ахмед на минуту вышел и вернулся с другой служанкой, уже нагруженной всяким разным. Что она и принялась расставлять перед гостями.

Шехерезада тяжело вздохнула:

– Счастливая ты, Зубейда. Тебе не нужно никому никаких сказок рассказывать по ночам. Ты сама сказка. Я бы с радостью приняла тебя в нашу компанию.

Багдадский вор мечтательно и завистливо сказал:

– А вот мне бы для отвлечения внимания такую напарницу, как Зубейда. Пока все, раскрыв рот, пялятся на нее, я мог бы вернуть себе не только Око Света. Дворец халифа разобрал бы по кусочкам, и никто ничего бы не заметил.

– Брось, — отмел такую возможность Али-Баба. — Зубейда не создана для воровских махинаций. Вот если бы взять ее к нам в лавку, то продавать стали бы вдесятеро больше. Весь базар сбегался бы к нам, чтобы полюбоваться на такое диво.

– Блестящая идея, — воскликнул Ахмед, — и спасение от домашней скуки. Ты как, Зубейда?

– Я не знаю, Ахмед-ага.

– Ладно, потом обсудим.

– А мне бы от нее ничего кроме вреда, — посетовал Синдбад. — Матросы посходят с ума. Обидно.

– А мне, а мне…, — начал было Аладдин.

– А тебе ничего, — оборвала его Шехерезада, — ты уже продан царевне Будур. Вы только представьте себе, какая история произошла сегодня во дворце…

– Шехи, совсем не обязательно всем об этом рассказывать, — забеспокоился Аладдин.

– Как это не обязательно? Сам знаешь, что у нас друг от друга секретов нет. Так вот, явился Аладдин во дворец, разодетый, как модник на базаре. Пришлось даже кое-что тут же снять, чтобы не позориться. Провела его в верхний сад, где обычно гуляет Будур. Усадила на скамейку и настрого велела ему ни в коем случае рта не раскрывать и только вежливо поклониться, если Будур его заметит. Очень важно, чтобы она первая проявила интерес и начала расспрашивать у кого-нибудь о нем. У "кого-нибудь" — это, значит, у меня. Сама я спустилась в нижний сад и села у фонтана, словно совершенно ни при чем. Только прислушиваюсь.

И дослушалась. Буквально через четверть часа из верхнего сада донеслись истошные вопли Будур "Стража, стража!" Взбегаю наверх. Стражники уже тут и держат нашего Аладдина вполне надежно. С Будур чуть ли не истерика. Упала мне на грудь и всё повторяет: "Это он, это он!" Больше ничего не может промолвить. Я распорядилась стражникам пока не уводить Аладдина из сада никуда, а привязать к колонне и присматривать. А Будур я увела к себе.

Когда Будур немного поуспокоилась, то выяснилась очень интересная вещь. Оказывается, что Аладдин кое-что утаил от нас. Будур его видела раньше. И при очень

интересных обстоятельствах. Как я понимаю, имело место следующее событие.

Аладдин положил глаз на Будур, когда она шествовала в баню. Он последовал за процессией, проник в баню и стал подсматривать, как Будур раздевается. На этом сама Будур его и застукала. Конечно же, вопли, паника, стража. Аладдину удалось удрать только потому, что стражники, преследовавшие его, поскользнулись на мыле.

Повествование пришлось прервать из-за жуткого хохота охватившего всех.

– А мне было не до смеха, — обиженно проговорил Аладдин, когда все немного поуспокоились.

– Да ладно тебе, — смахивая набежавшие слезы, отмахнулся Ахмед. — Шехи, продолжай, пожалуйста. Только поосторожнее. У меня сердце может не выдержать.

– А дальше вот что. Когда истерика кончилась, то началось обсуждение того, какой казни потребовать у отца для наглеца. Нужно так, чтобы помучился, но без крови и хрипов. Будур очень впечатлительна и не выносит крайностей, а понаблюдать за жертвой ей хочется. Я ей сказала, что всё это можно устроить. А одновременно и получить большую пользу для себя. У тебя, мол, Будур, куча старших, еще незамужних сестер. Когда тебе выпадет черед выйти замуж, одному Аллаху известно. Тебе представилась возможность опередить всех и избавиться от дворцовой скуки. Нужно только наглеца поставить перед выбором. Или женитьба на Будур, или топор палача. Понятно, что́ он выберет. Ну, а пытку ты уже после свадьбы устроишь ему сама. Главное, чтобы отец не узнал о преступлении наглеца. Тогда и твои просьбы о помиловании не помогут, а безголовых мужей не бывает.

Тут Будур и призадумалась. А потом высказалась, что наглец, вообще-то, недурен собой. Поинтересовалась, кто он. За что отец собирается наградить его титулом. Какой у него дом. Ну, и всё такое прочее. Осталось только передать наглецу наши условия. За тем я и вернулась в верхний сад.

– Ну, ты и дипломат, Шехи, — восхитился Синдбад. — Раз Аладдин здесь, то значит, твоя миссия увенчалась успехом. И как удивительно просто у тебя всё получается. Восхищаюсь.

– Ты подожди восхищаться простотой. Во дворце ее не бывает. Там на каждом шагу возникают неожиданные сложности. Так получилось и на этот раз. Поднявшись наверх, я застала в саду халифа. Гарун стоял напротив привязанного Аладдина и о чем-то расспрашивал стражников. Увидев меня, Гарун оставил стражников в покое и между нами состоялся примерно вот такой разговор:

"– Шехерезада, что это значит? Почему он тут привязан? Стражники говорят, что Будур истошно кричала "Это он, это он!". Что происходит?

– Просто Будур признала в Аладдине человека из своих снов. И это ее так возбудило, что она и начала кричать, а стражники подумали, что на нее напали, и схватили парня.

– А зачем он привязан? Стражники говорят, что это ты приказала.

– Будур попросила как-нибудь задержать его. Она застеснялась своих чувств и убежала. А этот вот претендент на ее руку тоже норовил удрать. То ли испугавшись криков Будур, не поняв их значения. То ли испугавшись стражников. Не могла же я разорваться надвое. Бежать за Будур и стеречь этого парня. Вот и сказала, чтобы его здесь придержали.

– Да? А можно было бы подумать, что виной всему вспыхнувшая с такой силой страсть, что предмет страсти приковали поближе к себе, чтобы удобнее было пользоваться. Но тогда нужно было бы этот предмет утащить в комнату Будур. Здесь ее сёстры быстро парня растерзают.

– Ваше величество, очень хорошо, что вы оказались тут. Не уходите. Сейчас я приведу Будур, и всё разъяснится.

– Веди. Посмотрим, как она выкручиваться будет. Знаю, что тебя-то на обмане так просто не поймаешь.

Прибегаю к Будур.

– Всё, нас накрыли! Твой отец наверху и пытается выяснить, почему парень привязан. Ты врать, как я, не умеешь. Поэтому на любые вопросы отвечай, что хочешь выйти за него замуж. Только это и больше ничего. Поняла?

– Поняла.

– Побежали!

Наверху всё та же картина.

– Будур, что это все значит?

– Папа, я хочу выйти за этого человека замуж.

– А почему тогда он привязан?

– Я хочу выйти за него замуж.

– Ты его знаешь?

– Хочу выйти за него и всё тут!

– А он хочет взять тебя в жены?

– А мне плевать, — заявила Будур и получила от меня больный щипок пониже спины. — Ой, я хочу выйти за него замуж! Чего тут непонятного?

– Сил у меня нет с вами ладить. Врете вы все! Сговорились, — заявил Гарун и повернулся уходить. — Не забудьте отвязать парня и готовьтесь к свадьбе".

– Вот, собственно, так наконец мы и продали Аладдина в мужья. За избавление от топора.

– Ловко, — заметил Синдбад. — А ты, Зубейда, не хочешь рассказать нам какую-нибудь историю?

Зубейда прижалась к моему плечу и помотала головой.

– Я еще ни одной истории не прожила, — звонким, как серебряный колокольчик, голосом призналась Зубейда.

– Ничего, у тебя в семнадцать лет еще всё впереди, — обнадежила Шехерезада.

Так за разговорами и шутками разошлись уже только после полуночи.

В гостевой комнате только мы с Зубейдой. Она сидит у меня на коленях и, склонив голову на плечо, дышит мне в шею. Весь дом уже спит, а мы никак не можем оторваться друг от друга.

– Какие у вас хорошие друзья, Сержи-сахеб, — промурлыкала Зубейда.

Она где-то в оборудовании моего организма отыскала правую руку, разогнула пальцы и прижала мою раскрытую ладонь к своей груди. Я и не подумал сопротивляться такому бесстыдству.

– Наши друзья, Зубейда, наши. Теперь они и твои друзья тоже, — шепчу ей в маленькое ушко, ласково поглаживая упругую округлость, к которой мне открыли доступ. — А не пора ли нам ко сну? Как ты думаешь?

– Наверное, пора. Я пойду переоденусь.

– Зачем? Снимай свое парадное платье прямо здесь.

– Как скажете, Сержи-сахеб.

Какая прелесть это парадное платье! Его приходится очень долго снимать. Откровенно любуюсь сложной процедурой. Зубейда уже не стыдится свой наготы, а, закончив процесс и тряхнув своими роскошными волосами, ныряет под покрывало нашего ложа.

*

Хорошо быть хозяином, не обремененным заботами. Хотя бы даже хозяином только самому себе. Когда хочешь, тогда и просыпаешься. Просыпаюсь, когда солнце уже довольно высоко. Вокруг на всём ложе ни души, кроме меня. Бросили меня одного без зазрения чего бы то ни было! Время, наверное, где-то между пора вставать и пора завтракать. Намного ближе ко второму. Черт, задумавшись, чуть не вылетел на террасу в чем мама родила, а там, у дверей уже ждет засада. Едва успел прикрыться какой-то салфеткой, сдернутой на лету со стола.

– Сержи-сахеб, а чего ты такой голый? Зубейда ограбила? Ну, я ей задам! Хотя нет, вон твои штаны позади тебя лежат.

Подлетает мать Джамили. Смеясь и отводя от меня глаза, хватает дочь.

– Сержи-сахеб, меня опять уносят! Да вы что, сговорились все, что ли? Каждый день одно и то же…, — доносится уже откуда-то издалека.

Полить некому. Так что моюсь одной рукой, в другой держа кувшин. Хорошо хоть, что вчера Ахмед снабдил меня безопасной бритвой. Скребусь. Вроде ничего рожица в мутном зеркальце. В меру смазливая, в меру мужественная, а вообще-то ничего особо примечательного. За что она меня любит? Загадка. Семнадцать лет, как заметила Шехи? Или восемнадцать? Сам как-то стесняюсь спросить. Наверное, всё же не больше. Почти крайний срок девичества на Востоке.

Прибыл завтрак, а с ним и гость.

– Сегодня я позавтракаю с вами, — говорит Ахмед, — поговорим заодно о некоторых делах в наше отсутствие.

Все трое расселись и принялись вкушать.

– Я, собственно, больше по поводу Зубейды. Неизвестно, сколько мы будем отсутствовать, а ей нужно будет чем-то время занять. Гюльнара, конечно, может ее

чем-нибудь загрузить по дому, но для молодой девушки это скучно. Али-Баба вчера хорошую мысль подал. А, Зубейда? Не хочешь торговлей тканями заняться или фарфором? Интересно, весело и время незаметно летит.

– Спасибо, Ахмед-ага. Я подумала. Наверное, интересно. Но я ведь не умею торговать. Да и этим обычно мужчины занимаются. Как смотреть на нас будут? Что скажут?

– Да пусть говорят, что хотят. Поговорят и перестанут. Мы убедились ведь, что чувство красоты у тебя есть, и при этом изрядное.

– Вот-вот, — поддержал я, — взять, скажем, торговлю тканями. Что может подсказать торговец-мужчина женщине о ткани на платье, которая была бы ей к лицу? Ничего. А ты можешь, и со стороны женщин к тебе будет больше доверия. Тем более что у тебя теперь есть новый друг — Али-Баба. Он как начальник тебе поможет, научит. Ну что — попробуем?

– Как скажете, Сержи-сахеб.

– Ну вот, опять то же самое. А свои-то желания у тебя есть?

– Я согласна. А вдруг не получится?

– Вот и хорошо. Всё у тебя получится, Зубейда,— Ахмед поднялся, — собирайся, и пойдем учиться продавать ткани и ковры. А ты, Серж, чем займешься? Не забудь, что днем мы уезжаем.

– Не знаю, пойду прогуляюсь. Потом зайду к вам в лавку. Оттуда и двинемся.

Захватил мешок со своей отстиранной, отглаженной джинсой и зашел попрощаться с Гюльнарой-ханум.

– Очень благодарен вам, Гюльнара-ханум, за кров и пищу.

– Да что там, Сержи-сахеб. Мы всегда вам рады. Ахмед сказал, что угловая комната навсегда ваша. А за

Зубейдой я присмотрю. Не беспокойтесь. Очень хорошая девушка, — помолчала и, вздохнув, добавила: — Мы с Ахмедом встретились почти сорок лет назад. Он и тогда был взрослым мальчишкой. Таким и остался до сих пор — старый мальчишка. А я так и не могу привыкнуть к его внезапным появлениям и исчезновениям. Хотя и ни о чём не жалею. С ним интересно и покойно, когда он здесь. Вы ведь, Сержи-сахеб, тоже оттуда, куда он исчезает? Конечно же, оттуда. И характер у вас похожий. Почему-то думаю, что Зубейда тоже ни о чём жалеть не будет. Возвращайтесь. Здесь всегда вас ждут.

Бреду потихоньку к базару и размышляю. Почему-то во всех мирах, которые я посетил, нас — пришельцев — воспринимают одинаково. Как сказала Гюльнара-ханум: "С ним интересно и покойно". Несмотря на сумасбродства. Наш Дом отобрал схожих по характеру, морали людей? Как это ему, Дому, а, вернее — Генриху Швейцеру, удалось?

Теперь я начинаю понимать, почему там, у себя в Питере, мы обречены на самоизоляцию. Это вовсе не только ради свободы перемещений. А потому, что создали в другом мире то, что больше нигде повторять нельзя. Во всяком случае, по нашим собственным моральным принципам. Зубейда — это хотя мне и очень дорогое, но еще не неповторимое, хотя может им стать. А вот семья Ахмеда — уже то неповторимое, которое нельзя множить. Думаю, что если Ахмед почувствует, что его время на исходе, то он уйдет сюда насовсем. А что касается меня, то всё-таки Багдад — это не мой мир. Чёрт, а что может помешать перетащить Зубейду в свой мир? С ее согласия, разумеется. Надо же, какая мыслишка любопытная проскочила!

Шумит и суетится восточный базар. Карманные деньги, которыми меня обеспечил Ахмед, так все и не потрачены. Бренчат и оттягивают карман. Интересно, а то

чудное вишневое платье Зубейды, которое я назвал парадным, уже было у нее или куплено на деньги Ахмеда? Тащить монеты с собой в Питер не стоит. Стало быть, надо спустить всё здесь. А на что? Кого это я пытаюсь надуть таким вопросом? Когда ясно заранее, на что — на подарки. Причем и известно кому.

Так, где тут европейцы? Вон они, держатся особнячком. Чего это они на меня с таким интересом уставились? Ну да, конечно — физиономия европейская, а штаны турецкие. А вот и лавка венецианского купца. Торговец очень похож на персону с портрета руки Леонардо. Зеркала? Пожалуйста. Ого! Настенное стоит двадцать золотых динаров. Это нам не по карману. А ручное? Да-да, вон то — овальное. Четыре? Это нам подходит — беру! Очень даже миленькое, чистое зеркало в изящной оправе. И низенький ларчик для него. В мешок! Куда дальше?

Вспоминаю о китайском фарфоре в одной из лавок Ахмеда. Пробираюсь к ней сквозь базарную толчею. Приказчик узнает меня. Дружелюбно здороваемся. Как же его зовут? Ага, вспомнил.

– Мустафа, покажи, пожалуйста, китайские статуэтки. Все, какие есть.

– Люди, животные или растения? Их много всяких, Сержи-сахеб.

Смотри-ка, и он меня по имени знает! Хотя в прошлый раз Ахмед нас не знакомил.

– А вот об этом-то я как раз и не подумал. Пожалуй, люди.

– Таких в этот раз привезли немного, и все женщины.

– Давай всех их и посмотрим.

Мустафа вытаскивает изделия из разных углов. Некоторые приходится распаковывать. Помогаю расставить их на одном из сундуков и начинаю рассматривать. Разные. Есть грубоватые, а есть и тщательно сделанные.

Одна сразу привлекает внимание. Большая фигурка девушки — наверное, сантиметров тридцать пять в высоту. Идеальная, тонкая работа! Складки одежды. Гармонично подобранный, сочный колорит. Изящная поза и жест рук. Тончайшие пальчики и нежнейшие цветочки. Тщательно прорисованные мельчайшие детали лица совсем вроде бы не китаянки. Или китаянки, похожей то ли на индианку, то ли на персиянку. Слегка подрумяненные щечки. И во всём вместе что-то неуловимо похожее на Зубейду. Восхитительно!

– Вот эту возьму. Сколько?

– Полтора динара.

Высыпаю на сундук всю наличность.

– Давай считать, Мустафа, хватит ли?

– Хватит, и еще останется. Вот один золотой динар есть, и серебром отсчитаем остальное. Вот это остается.

– Понимаешь, Мустафа, мне еще нужен гребень. Лучше из слоновой кости и красивый. Этого хватит?

– Должно хватить.

Статуэтка завертывается в ткань, потом в циновку и укладывается в специально для нее сплетенную корзиночку. Мустафа объясняет, как добраться до изделий из кости.

Гребней и гребешков просто завались. Из слоновой кости тоже немало. Объясняю торговцу, для кого гребень и показываю, сколько есть денег. Оказывается, на такие деньги можно получить даже набор резных гребней из слоновой кости. Выбираю. Вот набор из пяти предметов разного размера и частоты зубьев. Недурно, недурно — беру. Всё! Пустой. Можно идти в лавку к Ахмеду.

Смотри-ка ты — у Зубейды уже клиент. Вернее, клиентка. Первая? Стоят у полок с пестрыми тканями и, вытащив концы нескольких рулонов, что-то оживленно

вполголоса обсуждают. Али-Баба с помощниками внимательно за ними наблюдают из-за прилавка. Какой-то мужик в богатом халате с унылым видом сидит в сторонке и пялится на Зубейду. Наверное, он кошелек клиентки и скучает уже давно. Не хочу мешать и, скинув в нужном месте башмаки, тихо проскальзываю во внутреннее помещение. Ахмед тут.

– Что это ты набрал, — наблюдая за выгружаемыми свертками, подозрительно спрашивает он.

– Наши подарки для Зубейды.

– Наши?

– А ты как думал? Деньги-то твои. Да и вообще — ты меня втянул в рабовладение и теперь думаешь в стороне остаться? Дудки! Последствия делим по справедливости. Мне радости — тебе траты.

– Ну-ну. Видел, что там творится? Зубейда прямо слёту уже вторую покупательницу обрабатывает.

– И как?

– Предыдущая модница пришла купить головной платок, а ушла с ним и еще с материей на три платья, — со смехом говорит Ахмед.

– Ты знаешь, Ахмед, у меня в моем мире хорошая доля в модельном, пошивочном деле. Если что, можешь советоваться. Тут же можно так развернуться! А если наладить обмен опытом между мирами? Модник — он всегда и везде модник.

– Что-то ты городишь про обмен опытом между мирами? Обмен опытом хорош при личном ознакомлении, а не по переписке или с чужих слов

– Видимо ты, Ахмед, не до конца меня понял. Что, например, мешает нам ту же Зубейду в два приема перекинуть отсюда в мой мир, а потом вернуть обратно. Вот тебе и личный обмен опытом. В моем мире есть чему поучиться. Я уж не говорю о нас самих.

– Знаешь, в этом что-то есть. Заманчиво. И новые приключения притом, — тут у него загорелись глаза. —

Подумаем. А вот насчет Зубейды, то я тебя насквозь вижу. Уж очень это смахивает на переманивание кадров. Вот она возьмет и не захочет сюда возвращаться. Жулик! Из молодых, да ранний! Ай-ай-ай, старого Ахмеда решил вокруг пальца обвести!

Нашу пикировку прервало появление в комнате Зубейды и Али-Бабы. Зубейда довольно улыбается.

– Ее и учить ничему не надо, — заявляет Али-Баба. — Покупатели-женщины — это ее стихия и талант. Тут скорее нам есть чему поучиться. Только вряд ли. Я послушал, о чём они говорят. Мне бы такое никогда и в голову не пришло. Чтобы понять женщину, нужно самому быть женщиной. Давно нам надо было это усвоить и брать женщин на работу. Плевать на всякие торговые традиции, если они делу мешают. Пожалуй, надо присмотреть еще одну такую работницу.

– А тебе, Зубейда, понравилось торговать?

– Понравилось. Только я не торгую. Я обсуждаю и советую, а торгуется уже Али-Баба. Мы решили, что так лучше будет.

– Замечательно. Нам с Сержем пора в путь, и он тебе на прощание подарки приготовил. Посмотри. Али-Баба, пройдем-ка в лавку.

Зубейда извлекает вещи на свет.

– Какая красота, Сержи-сахеб! И это всё мне?

Такое ощущение, что девушка вот-вот расплачется. Я обнимаю ее, глажу по волосам, целую в лобик, носик, губки…

*

Пробираемся с Ахмедом сквозь базарную толпу.

– Откуда будем уходить?

– Эх, была не была! Давай рискнем.

Ахмед хватает меня за руку и втаскивает в проход между лавками. Потом сворачиваем и оказываемся позади двух рядов лавок. Поблизости никого. Закрываем глаза…

Каморка Ахмеда. Холодный чайник. Недоеденная "Белочка". И чуть ли не ошеломительное падение в тишину.

– Вот так, — нарушает молчание Ахмед, — что называется, применили и испытали новый метод.

– Сбегаю-ка я в магазин за фруктовым тортиком! — Ахмед вопросительно взглядывает на меня. — За большим, за большим. Надо нервы успокоить. А ты пока чайник ставь.

– Сбегай, сбегай. Тортик — дело богоугодное. Только шальвары смени на что-нибудь другое. А то мне тортика будет не дождаться. Вместо магазина в психушке окажешься!

*

ГЛАВА 7

НОВЕЛЛА ОБ ИГРАХ КАРДИНАЛА РИШЕЛЬЕ

ГЛАВА 7: Новелла об играх кардинала Ришелье

Я стою теплым, еще светлым сентябрьским вечером на верхней площадке башни старого замка в пригороде Парижа и внимательно разглядываю в подзорную трубу отдаленную картину французской столицы времен Людовика XIII. Лье — это сколько? Вроде бы четыре километра. Пожалуй, от подзорной трубы и до Парижа столько и есть. Или, может быть, чуть больше. То есть не так уж и много. Во всяком случае, контуры Нотр Дам де Пари как на ладони. Лувр тоже вполне узнаваем. Крепостная стена кое-где обветшала и позеленела, но всё же внушает почтение. Сена блестящей лентой проходит среди улиц и домов. Какой же это всё-таки маленький город по меркам нашего родного мира! Мрачно высится твердыня Бастилии. И я сам столь же мрачно созерцаю издалека эту главную тюрьму королевства, не имея ни малейшего представления, как штурмовать этот оплот монархии. А ведь именно за тем меня сюда и затащили. Имею в виду этот мир. На башню-то я уже сам залез. Поразмышлять, с какого конца браться за дело, в которое меня втравили Ахмед с Анной Петровной. А может, лучше не Бастилию штурмовать, а Лувр? Взять там всех в заложники — и дело с концом. Во всяком случае, хотя бы попытаться и бесславно пасть от руки мушкетера короля или гвардейца кардинала.

Не прошло и недели с того момента, как я вернулся из Багдада — позвонила Анна Петровна и попросила почтить ее визитом.

– Здравствуйте, Сережа, ваша мама сказала, что вы у Капитана. Вы не смогли бы, когда будет удобно, заглянуть ко мне? Нужна ваша помощь.

Мне вполне было удобно прямо в этот момент.

– Здравствуйте, Анна Петровна. Сейчас приду.

Мы с Капитаном, сидя у него вечером, как раз заканчивали обсуждать, что подарить Анабель и Грегори к свадьбе. Сошлись на большом маникюрном наборе для Анабель и двенадцатикратном морском бинокле для Грегори. Ни на что другое фантазии не хватило.

Как рассказывал Питер, передавший Анабель мешок с затребованными ею вещами, всё решилось мгновенно и вроде бы без малейших колебаний с обеих сторон. Грегори капитулировал еще до того, как Анабель применила свои косметические боеприпасы. Стоило только Питеру передать капитану "Морского ветра" просьбу сэра Виктора сплавить поскорее Анабель со служанкой в Порт-Альберт. А крепость Анабель пала в тот же момент, как девушка прочла письмо сэра Виктора о том, что ей, как тактичному гостю, уже пора бы и честь знать, покинув поскорее "Морской ветер". Оба события совпали с точностью до нескольких секунд, а может быть, и еще скорее.

– Не знаю, приврал мне Питер или нет, — рассказывает Капитан, — но он утверждает, что "Да" от Анабель последовало, когда Грегори успел произнести только "А не согласились бы вы, Анаб…?" Купленный домик Анабель с Мартой довольно быстро освоили с помощью Марианны. Теперь они уже и сами, без Марианны, ходят на местный рынок и сами обслуживают себя. День и место свадьбы еще не назначены, но никакого шума вокруг этого не предвидится. Как, впрочем, не будет и затяжки с оформлением брака по закону и церковным канонам. Я уже договорился с кем надо, чтобы действо провели без публичной огласки. Можешь радоваться. Всё получилось по-твоему. Интриган!

– А вы, Капитан, тогда не меньше чем первый пособник интригана, — отпарировал я. — Ладно, я пойду. Анне Петровне что-то надо от меня.

– Я видел ее утром. Перекинулись парой слов во дворе, когда она выходила от Ахмеда. Чем-то очень обеспокоена наша аристократка.

Анна Петровна сегодня необычно суетлива и рассеянна. Села напротив меня за стол. С минуту помолчала, собираясь с мыслями. Не собралась. Внезапно вспомнила, что гостю надо предложить чай или кофе. Принесла чайник. Присела. Вспомнила, что чай обычно разливают в чашки. Побежала за чашками. Присела. Пролила чай. Вспомнила, что где-то должно быть печенье. Собралась его искать. Пришлось мне самому попробовать прервать эти мучения.

– Анна Петровна, успокойтесь, пожалуйста. Сядьте и расскажите, что случилось.

– Да-да, вы правы, Сережа, нужно сесть и успокоиться. Сесть и успокоиться. Что это я так распустилась? Нервы, видно, уже не те. Сегодня вот посоветовалась с Ахмедом, и он предложил обратиться к вам. Да и я к тому же склонялась. Вы молоды, энергичны, не по годам сообразительны и всегда готовы выручить, если что. Ахмед восторгается, с какой ловкостью вы прямо на ходу выпутываетесь из сложных ситуаций. А у меня положение уж сложнее некуда. Прямо не знаю, с чего начать.

– А вы начните с того, что попроще, Анна Петровна. Сначала — сама суть ситуации, а уж потом по отдельности всякие сложности.

– Да-да, ситуация, значит… Если только сама суть, то у меня сын попал в тюрьму.

– Я и не знал, Анна Петровна, что у вас есть сын. Родной?

– Родной. Вы и не могли знать. У меня сын не здесь, а там.

Я просто опешил от неожиданности. Час от часу не легче! Ахмед наплодил в воображаемом мире кучу детей и внуков, а Анна Петровна в детище своего воображения

даже умудрилась когда-то забеременеть и родить. Что же остается мне? Следовать примеру? Ну и повороты! И просто от неожиданности я ляпнул первое, что пришло в голову:

– Взрослый? В Крестах?

– Ему уже скоро двадцать шесть. Нет, не в Крестах. В Бастилии.

– И давно? Я имею в виду, что сейчас-то Бастилии уже нет.

– Сейчас там 1632 год.

– Стало быть, Людовик XIII и Ришелье. А также толпа д'Артаньянов, туча Атосов, сонм Арамисов и скопище Портосов.

Анна Петровна печально улыбнулась.

– Да, Людовик и Ришелье есть, а вот мушкетерские персонажи Дюма не скажу, что отсутствуют, но просто мне их встречать не довелось. Нет, конечно, королевские мушкетеры там существуют, но не как герои действия в моих пристрастиях, а просто как королевская охрана. Или события, описанные Дюма, еще не наступили. Время любопытное, но, сами понимаете, Сережа, что у женщины в нём совсем другие интересы, нежели у мужчины. И круг знакомств, характер связанных с ними событий совсем иной. Хотя некоторые имена и персонажи от Дюма есть и в круге, в котором я вращаюсь.

– Понимаю насчет разницы интересов. Не мальчишеское увлечение дуэльными потасовками и случайным участием в чьих-то интригах, а девчоночья склонность к устройству самих интриг.

– Ну, что-то вроде того. Да и пышность светской жизни тоже очень привлекательна.

– Теперь вопрос о том, за что ваш сын попал в Бастилию?

– Вот это как раз и не совсем ясно. Арестован будто бы за участие в заговоре против государства и короля.

Но он ни в каких заговорах не участвовал. За это могу поручиться.

– А какое положение, Анна Петровна, вы с сыном занимаете во французском королевстве? Я имею в виду сословия или иерархию в титулованной знати.

– По геральдическим записям я графиня Аманда де Жуаньи, а мой сын — виконт Антуан де Го. Причем мы прямые вассалы самого короля. Поэтому со своими трудностями мы можем обращаться прямо к королю, а арестовать кого-либо из вассалов короля не может даже принц крови.

– Обращались?

– Еще нет. Приказ об аресте подписан королем, но ведь не он его писал. К королю нет смысла идти, не зная, кем и за что арестован Антуан. Приказ — всего лишь распоряжение, и там указан предлог для ареста, а не действительный мотив.

– То есть вы еще даже не знаете, кем инспирирован арест?

– Не знаю. При таких условиях на риск ложного обвинения не каждый может пойти. А возможность ареста по указанному в приказе обвинению не многим доступна. Таких лиц кроме самого короля всего трое. Кардинал Ришелье, начальник дворцовой стражи де Линь и капитан королевских мушкетеров де Тревиль. Представленные этими троими приказы и ордера король подписывает, не задавая никаких вопросов. Правда, ходят слухи, что у кардинала есть уже подписанные королем приказы и ордера с еще не внесенными в них именами.

Я уже хотела было пойти на крайность и вытащить Антуана из Бастилии с помощью Дома. Но тогда неизвестно, сколько ему придется быть беглецом. Может, всю жизнь.

– У вас бы ничего не вышло, Анна Петровна.

– Почему? Я водила людей и туда, и оттуда. Всё было благополучно.

– Если вы имеете в виду перенос с вашим сопровождением, то в сегодняшнем случае вам нужно было бы оказаться в одной камере с сыном. Дом вас перенести туда не может. Вы там никогда не были, и вообразить в памяти вам нечего. В лучшем случае Дом создаст какую-нибудь новую камеру. В ней и окажетесь.

– Об этом я как-то не подумала.

– Чего-нибудь странного, необычного не наблюдалось в этой истории?

– Сама я уже с давних пор очень редко бываю в Лувре. Только на церемониях, для которых присутствие вассалов короля обязательно. Так что тамошние слухи и сплетни проходят мимо меня. У Антуана дворцовой должности нет, но он часто заходит в Лувр к друзьям. Странным мне показалось то, что Антуан был арестован дворцовой стражей при выходе из Лувра. Хотя внутри дворцовыми делами занимается Ришелье, а де Линь опекает сам Париж.

– Значит, не исключено, что Ришелье приложил сюда руку. Просто не стал раньше времени афишировать свое участие в аресте, привлекая к нему своих гвардейцев. Это могло быть?

– Могло. Де Линь зависим от Ришелье, как от первого министра, и старается не портить с ним отношений. Тревиль намного более самостоятелен.

– М-м-да-а, Арман-Жан дю Плесси, герцог де Ришелье… Серьезная фигура и, насколько известно из истории, ничего просто так, не обдумав, не делает. Да и в средствах особо не стесняется. Один только его серый кардинал — отец Жозеф — с его любовью к тайным кинжальным расправам и удушениям чего стоит.

– Сережа, вы меня пугаете!

– Да нет, Анна Петровна, полагаю, ваш сын вряд ли попадет в руки отца Жозефа. Вашего сына арестовали публично, как я понимаю. Стало быть, не нужно было, чтобы об этом никто не знал. А "клиенты" отца Жозефа исчезают в неизвестность тайно. Так что я думаю, что арест вашего сына больше связан с какой-то интригой, а не с преступлением Антуана. Но это в том случае, если он действительно не участник заговора против короля. Вдруг вам, Анна Петровна, всё же что-то не известно? Но если тут интрига, то вряд ли жизни вашего сына что-то угрожает. Мертвые для интриг почти никогда не годятся. В интригах нужны арестанты, как разменная монета для шантажа. Может быть, вы, Анна Петровна, сами что-нибудь натворили? Или вас заблаговременно хотят нейтрализовать, чтобы чему-то не помешали. Ситуация слишком туманная, со многими неизвестными. Непонятно, что и как следует предпринять. Но вы правы. К королю сейчас идти не с чем. Можно только ухудшить ситуацию.

– Вот мне, Сережа, и пришла в голову мысль: а не согласились бы вы отправиться со мной в Париж? С вашей логикой и живостью ума помощь в возникшей проблеме была бы неоценимая.

– Анна Петровна, я, конечно, отказать вам не могу. У нас пятерых вроде бы как некое братство идолопоклонников таинственной машины сложилось. Но, сами посудите, какие сложности нужно решить прежде, чем двигаться в старую Францию? Иначе можно всё провалить. Сколько времени нам потребуется на освобождение вашего сына? Неделя? Месяц? Я же не могу просто так взять и бросить работу. Правда, у меня отпуск по графику через две недели. Но это ведь не завтра же.

С другой стороны, мама здесь, и объяснять ей свое исчезновение я не берусь. Хотя она опять собирается в Новгород. Бабушка ведь там осталась. Возможно, они

обе насовсем туда переедут. Там ведь дом, огород, хозяйство, за которым надо присматривать, а для пенсионерок это самое то, что надо — занятие и отдых на природе. Но неизвестно еще, когда и как произойдет переезд.

Следующая сложность — в том, какой легендой будет обеспечено мое появление в вашем парижском круге. Мне ведь необходимо оказаться в гуще связей и событий. Иначе бессмысленно вообще там появляться. Но и легенда не решает всего. Я не умею ездить верхом и орудовать шпагой. Не говорю уж о знакомстве с изысками французского этикета. Как быть? Лошадь, шпага и этикет — непременные атрибуты того времени и места.

Пока что единственным для опоры обстоятельством может быть только надежда на арест Антуана в результате какой-то интриги. Разумеется, в случае, что он сам ни в чём не замешан. Тогда его взяли не для того, чтобы с ним что-то сделать, а просто для содержания в заточении, пока в отношении кого-то другого будет что-то делаться. Это дает какое-то время на сборы, подготовку. Да и пока я работаю, а моя мама здесь, то можно использовать хотя бы выходные. Я ей чего-нибудь совру.

– Я была уверена, что вы, Сережа, не откажете. Сегодня среда. Давайте встретимся в это же время завтра. Я подумаю над вашей легендой.

Завтра принесло некоторое разнообразие с уходом в отпуск. Мой начальник не против, если я уйду насколько мне нужно ранее или позднее. Отпускные можно будет получить и после возвращения. Мама собирается в Новгород во вторник или среду следующей недели. Раньше не утрясти перевод пенсий в другой город. Сообщил ей, что в пятницу после работы смоюсь с друзьями на их дачу в Карелии. Получил благословение и предостережение от безумств. При таком нахальном обмане моя совесть даже не пискнула. Видно, она уже на пути к пол-

ной деградации. Вспомнил Зубейду. Вру. Я ее и не забывал. Как она там? Тоскую по этому чуду.

У Анны Петровны тоже кое-какие новости.

– Я сходила туда и послала со слугами несколько писем с приглашениями своим близким друзьям. Тем, которые недалеко и смогут в пятницу вечером составить нам компанию в моем замке. Вас, Сережа, я представлю как виконта де Бурже. Сына моего дальнего родственника. Вы только что из России, где родились, и во Франции впервые. В России не требуется французский этикет и владение шпагой. Так что держите себя свободно. Вам это простительно. Тем более что в узком кругу друзей мы этикета и сами не придерживаемся. И обращаемся друг к другу просто по именам, без всяких церемоний.

Подходящую одежду вам уже приготовили. Что же касается верховой езды и, если захотите, фехтования, то мой управляющий шевалье Гийом де Брие вас всему научит. В моём владении при замке Жуаньи в пригороде Парижа есть где поноситься на лошадях. Да, де Брие тоже принадлежит к кругу моих друзей. Наиболее доверенных.

– Ну, что ж, начало есть. Тогда до завтра, Анна Петровна. Я постараюсь удрать с работы на часок-другой пораньше. Чтобы вы ввели меня в курс дел прямо на месте. Еще до того, как прибудут ваши гости.

*

Вот так я и оказался вечером в пятницу на башне замка Жуаньи близ Парижа — города из нашего литературного детства. Или города, чем-то похожего на Париж д'Артаньяна по Дюма. До этого мы с графиней Амандой и управляющим Гийомом прошлись по замку от подвалов, кухни и конюшен до верха крепостных стен. Скелетов фамильных узников в подвале почему-то не обнаружилось. Или мне не показали? А вот бочки с вином есть. Большие и много. Вообще-то домик в жилой части очень

впечатляет. Просторно и роскошно. Явно не хуже, чем у меня в Верне. Картины, скульптуры, гобелены, камины, серебро буквально везде. Оружие и охотничьи трофеи на стенах в изобилии. Паркетные полы красивее, чем в Эрмитаже, а ковры столь же шикарные, как и в лавке Ахмеда в Багдаде.

Комнатку, в которой я сразу же и переоделся, мне предоставили скромненькую. Размером всего в половину моего дома в Верне. Но, в общем, жить можно. Притом, что и прислуги достаточно. Пожалуй, даже много больше, чем в таверне "Рак" в Порт-Альберте.

Неплохо устроилась наша графиня де Жуаньи! Так и устраивалась-то, наверное, не один десяток лет. Раз и сыну уже двадцать шесть. Как ей это удалось в давнее время при живом-то муже в Ленинграде? Или он умер вскоре после переезда из Москвы? И как ей удалось здесь легализоваться с таким титулом и положением? Ведь всё на виду. С такими беспардонными вопросами не полезешь ни к французской графине из Парижа, ни к русской переводчице из Питера. Даже при отсутствии каких-либо представлений об этикете. Если захочет, то сама расскажет.

Сейчас больше занимает вопрос, как меня воспримут друзья графини Аманды? От этого зависит, насколько они будут откровенны и насколько энергичную помощь окажут. Гийом принял хорошо, без настороженности. Наверное, наша хозяйка его уже подготовила. Гийому лет сорок пять. А за добродушным, приветливым характером чувствуется изрядная порция силы воли и решительности.

Из-за деревьев, скрывающих дорогу, выехала карета и загрохотала по опущенному подъемному мосту. Через минуту у меня за спиной послышались шаги.

– Монсеньор, графиня просит вас в зал приемов, — оповестил слуга.

Раз просят, то нужно идти. Спускаюсь на второй этаж. Шевалье Гийом уже здесь. Приехавшая женщина буквально буравит меня пытливым взглядом, пока я иду от дверей зала.

– Моя лучшая подруга герцогиня де Шеврез, — говорит хозяйка замка.

Герцогине на вид нет и сорока. Приятное, свежее, весьма молодое лицо и умные, внимательные с некоторым вызовом глаза.

– Луиза, — представляется та сама и протягивает мне руку, к которой я насколько возможно элегантно прикладываюсь губами. — Аманда, ты зря меня напугала в письме своим родственником из дикой России. Можно было бы подумать, что он медведь, а оказывается, вполне обходительный и приятный молодой человек. А если еще он и говорить умеет, то это было бы вообще выше всяких похвал.

– Умеет, — отвечаю я. — Так что все ваши высокие комплименты приму, не покраснев. Серж де Бурже. Для вас просто Серж. Вообще-то, Луиза, первым представиться следовало бы мне, но у вас, я вижу, просто терпения не хватило этого дождаться. Приношу извинения за свою провинциальную неповоротливость.

– Поосторожней, Луиза. Серж за словом в карман не полезет, — предупреждает подругу Аманда. — Если будешь его задирать, то он тебя саму краснеть заставит.

Герцогиня звонко рассмеялась.

– Нет, мы с вами, Серж, определенно подружимся. Аманда хотя мне и подруга, но ее чрезмерная манерность подчас навевает такую скуку, что я злиться начинаю. С вами, Серж, чувствую, злиться не придется.

В зал вошел слуга.

– Граф Арман де Гиш и маркиз Пьер де Моль, — оповестил он.

Эти оба — бодрые, а по сложению довольно атлетического вида мужчины. Де Гишу лет сорок, а де Молю лет сорок пять. Хозяйка представляет нас друг другу. Оба гостя с любопытством разглядывают меня. Интересно, что это такое графиня Жуаньи написала им обо мне в своих письмах-приглашениях? Не успели начать светскую беседу, как прибыла еще одна гостья.

– Баронесса Катрин де Бово — виконт Серж де Бурже, — представила нас Аманда.

Баронессе Катрин лет тридцать или чуть больше. Хорошенькая.

– Катрин, — предупредила Луиза, — не засматривайся на Сержа. Мы тут по делу, в котором, как говорит Аманда, Серж тоже будет участвовать. Твоя любвеобильность будет мешать.

– Луиза, — не осталась в долгу Катрин, — по этой части мне далеко до тебя. Но я так же, как и ты не путаю дело с развлечением. Ты сама учила меня холодному разуму.

– Девочки, мальчики, прошу к столу, — прервала Аманда обмен шутками между приятельницами. — Там и поговорим.

Все перешли в столовую и во главе с хозяйкой расселись в одном из концов длинного обеденного стола. Звон посуды, бренчанье вилок и ложек, плеск наливаемых напитков совсем не мешают течению разговора. Начала совсем не Аманда, как я ожидал, а Луиза.

– Вы все уже знаете об аресте Антуана. Странная история. И это притом, что при дворе не слышно ни о каких заговорах против короля. Странность еще и в том, что такой внезапный арест, похоже, не единственный. Вчера мне сообщили, что на охоте в своих владениях гвардейцами кардинала схвачен маркиз Александр де Грамон.

– Ты напрасно полагаешь, Луиза, — вставил слово Пьер де Моль, — что нет никакого заговора. По крайней

мере, один заговор против короля существует постоянно.

– А, ну да, Гастон Орлеанский. Неприкосновенный братец Людовика XIII и постоянный источник козней и коварства во французском королевстве. Уже столько его друзей отправилось на плаху в результате заговоров Гастона, что всех и не упомнить. А ему все неймется. Но Антуан-то какое может иметь к этому отношение?

– Для того чтобы быть втянутым в интриги Гастона, вовсе не обязательно иметь отношение именно к Гастону, — пояснил Арман де Гиш. — Достаточно иметь отношение к другой стороне — королю.

– Аресты без шумных и внятных обвинений, похоже, начались довольно давно, — в размышлении произнес Гийом, — и не с Парижа. По слухам, в провинциях уже не первый месяц то тут, то там что-то такое происходит. Я вот сейчас прикинул в уме, из каких мест приходили известия, и получается, что почти из всех отдаленных и не отдаленных мест Франции.

– Значит, — заключила Аманда, — арест Антуана может оказаться лишь какой-то мелочью в неизвестной нам чьей-то крупной игре. Раз эта игра охватывает всё королевство. Но что это за игра?

– Тогда круг влияния сокращается до двух лиц, — подытожила Луиза, — короля и Ришелье. Король такими делами не занимается. Остается Ришелье. Но каков мотив у кардинала хватать везде и кого попало? Притом, что поддержка всей Франции нужна кардиналу в грядущей войне с гугенотами.

– Может быть, арестовывают именно потому, что война близка, — рискнул я вступить в разговор.

Все с любопытством обернулись ко мне.

– Ну-ка, ну-ка, Серж, — поощрительно поддержала Луиза, — что вам пришло в голову? Аманда упоминала о вашей не по годам развитой сообразительности.

– Во-первых, и до России доходят известия о событиях во Франции. А во-вторых, мы с вами даже из того немногого, что сказано за этим столом, можем сделать некоторые выводы.

Какие факты у нас есть? Гастон Орлеанский — коварный интриган и всегда плетет заговоры против короля. Ибо сам хочет сесть на трон. Этому мешает Ришелье, который раскрыл прошлые заговоры Гастона и не исключено, что будет раскрывать новые и впредь. При этом Ришелье не меньший интриган, чем Гастон. Аресты по всему королевству может организовать только Ришелье. Возможна война с гугенотами. Таковы факты.

Теперь о том, что́ может из них вытекать. Гастону не стать королем, пока существует Ришелье. Значит, возможен очередной заговор Гастона уже не против короля, а против кардинала, и наверняка Ришелье это понимает. Если начнется война, то Гастон непременно воспользуется ситуацией. Войска будут далеко. Возможно, и кардинал тоже. Гастон наверняка сможет по всей Франции понемногу стянуть к себе достаточно сторонников, чтобы свергнуть короля. Или, во всяком случае, попытается это сделать. Да и в отсутствие Ришелье Гастон может разрушить всю систему защиты и сыска кардинала. Ведь она останется в Париже, а не уйдет с войсками драться с гугенотами.

– И как это может быть связано с арестами? — поинтересовалась Катрин.

– В самом деле, причем тут те, кто к Гастону Орлеанскому никакого отношения не имеет? — поддакнул ей Арман.

– Мне кажется, что Ришелье просто подстраховывается на случай войны и очередного заговора Гастона. Аманда, у вас есть связи, родственники в доме Гастона Орлеанского или среди его преданных вассалов?

– А у кого их нет! Орлеанский дом — старейший во Франции, и нет, наверное, ни одного известного дворянского рода, который бы с Орлеанским домом не пересекался хотя бы и очень отдаленным родством, дружбой или обязательствами.

– Вот, пожалуйста, а что бы вы стали делать, Аманда, если бы кардинал поставил вас перед выбором? На одной чаше свобода и жизнь сына, а на другой — помощь кардиналу в разоблачении козней Гастона. Мне почему-то кажется, что вы бросились бы в объезд всей страны, убеждая известных вам лиц не участвовать в заговорах Гастона Орлеанского. И, думаю, преуспели бы. Ближние родственные и дружеские связи всегда дороже очень отдаленных, хотя бы и королевских.

– Наверное, бросилась бы. Тут вы правы, Серж.

– Вряд ли кардинал подозревает вас саму, Аманда, или Антуана хоть в какой-нибудь причастности к заговорам. Так что как только война с гугенотами будет объявлена, то предложение от Ришелье о сотрудничестве сразу же поступит. А вы не сможете от него отказаться. Таким образом, кардинал обезопасит свою жизнь, короля и Париж от посягательств Гастона Орлеанского. Причем вы, Аманда, и близкие других арестованных сделаете это лучше самого кардинала со всей его командой шпионов и убийц.

Если я прав, то распространив влияние не только на вас, а и на других по всей Франции, Ришелье в любой момент может создать вокруг Гастона такую пустоту, в которой невозможен никакой заговор. Кардинал взял заложников, чтобы гарантировать чье-то нужное послушание. С точки зрения морали ход гнусный, но очень мудрый по эффективности. Очень опасно иметь такого противника, как Ришелье. Поэтому нужно постараться избежать прямого конфликта с ним.

– А что, вполне возможная вещь, — согласилась Луиза. — Как раз в духе Ришелье. Только вот родственники арестованных — немалая сила. Могут, собравшись вместе, доставить большие неприятности кардиналу.

– Вряд ли, — ответил Арман, — тайно собраться со всей Франции не получится. Это означало бы также и заговор против короля. Ведь приказы-то подписаны им. У Ришелье тогда будет на выбор два действия. Либо ликвидировать уже наш заговор, либо ликвидировать заключенных. Кто из близких арестованных на такое пойдет? Никто! Нет оснований думать, что жизни заключенных сейчас что-то угрожает. Вместе с тем никто не может и утверждать, что за родственниками арестованных сейчас не установлена слежка для выяснения их намерений.

– Так что же будем делать?

– Я думаю, нужно собрать сведения в подтверждение наших догадок. Вслепую нельзя ничего предпринимать.

– Серж, а вы что думаете по этому поводу? — спросила Луиза.

– Прежде всего важно знать, все ли присутствующие и безоговорочно ли готовы на любые действия ради освобождения сына Аманды, — я обвел взглядом друзей хозяйки замка, сидящих за столом. — Все? Хорошо. Тогда я согласен, что как можно скорее нужно получить сведения в подтверждение или опровержение наших догадок. Кто за это возьмется?

– Наверное, я, — ответила Луиза. — Всё-таки королева Анна тоже моя подруга. Хотя сам король меня и на дух не переносит! А уж о Ришелье и говорить не приходится. Он прекрасно знает, как я отношусь к его методам управления государством.

– Так, отлично. Нужно собрать все сведения о кардинале. Вам всем что-то уже может быть понемногу известно, но сегодня это может оказаться недостаточным.

Нужно выяснить все сильные и слабые места Ришелье и его подручных. Пристрастия, пороки, предпочтения, любовь, обязательства, страхи, родственные отношения. Всё как можно подробнее. Кто возьмется?

– Пожалуй, я, — не очень уверенно произнесла Катрин. — Я почти всё время во дворце как воспитательница при дочерях короля. Есть возможность прислушаться и расспросить людей. А Пьер и Арман попытаются узнать что-нибудь в своем кругу.

Катрин вопросительно взглянула на них, и те согласно кивнули.

– Так, дальше. Ни в коем случае нам не следует искать сторонников в решении нашей проблемы. Это самый простой способ привлечь внимание Ришелье и усугубить положение. На приступ Бастилии всё равно никто не пойдет. Силой ничего хорошего не добиться. Поэтому круг заговорщиков из нас семерых увеличивать не надо. Выбор возможностей повлиять на ситуацию у нас невелик. Воевать с кардиналом Ришелье в открытую мы не можем, но можем попытаться переиграть его.

– Как?

– Интриге кардинала с арестами нужно противопоставить другую интригу, в результате которой узники будут освобождены. Здесь мне видятся два одновременных пути. Интрига против Ришелье лично, как инструмент влияния на него, а для этого мне и нужны подробные сведения о его жизни и окружении. Вторая интрига — против Гастона Орлеанского. Нужно отбить у него охоту к заговорам хотя бы на время. Такое обстоятельство должно оказаться известным Ришелье. Смысл заточения арестованных сразу теряется, и они будут отпущены. Что известно о Гастоне, мне хотелось бы услышать от вас прямо сейчас.

– Вот видите! — воскликнула Аманда. — Мне не зря описали Сержа как своего рода молодого гения по раз-

решению сложных ситуаций. Поэтому он здесь. И, как видите, сразу понял суть дела. А мы сами, я боюсь, наверное, бросились бы собирать армию для штурма Бастилии и сами попали бы в нее. Что же касается Гастона Орлеанского, то…

По своим апартаментам разошлись далеко за полночь.

Утром за завтраком договорились, что все вместе опять соберемся в следующую пятницу. А также о том, что Пьер и Арман будут неотлучно опекать меня, как не сподобившегося в России приобщиться к французской науке фехтования и галантного поведения. Это так, для досужих любопытных. На самом деле они будут как бы моими консультантами и защитниками до завершения нашего заговора. На этом настояла Аманда при поддержке Луизы. Впрочем, Граф Арман и маркиз Пьер даже и не пытались возражать. Похоже, только одна Катрин была недовольна, что я окажусь под постоянным надзором. Что очень позабавило Луизу.

Все дамы в карете Луизы покатили в Лувр на разведку. Гийом остался в замке, а я с Пьером и Арманом в карете Аманды двинулся знакомиться со светскими и злачными местами Парижа.

– Интересно, — произнес Арман, время от времени оборачивавшийся назад, — из замка за нами никто не выезжал, а на парижскую дорогу вслед нас выбрался какой-то всадник.

– Думаешь, ты оказался прав насчет слежки?

– Не знаю, посмотрим, что будет дальше. При въезде в Париж замедлимся и попробуем незаметно разглядеть преследователя.

Но рассмотреть никого не удалось. Как только крепостная стена Парижа показалась вдали, следовавший за нами всадник пришпорил коня, пронесся мимо нашей кареты как ветер и скрылся за городскими воротами.

– Значит, не шпион, — заметил Пьер.

– Скорее всё же шпион, — возразил я. — Случайный путник непременно посмотрел бы на тех, кого обгоняет. А этот, наоборот, отвернул от нас лицо, чтобы его не увидели. Скверно, если слежка за замком началась сразу после ареста Антуана. Тогда шпионы могли заметить странность. В замок въезжали двое гостей-мужчин, а выехали трое. Я-то въехал в замок тайно — ночью. Не следовало этого делать. Не додумали мы с Амандой.

Мои спутники переглянулись.

– Знаете, Серж, — обратился ко мне Арман, — пожалуй, Аманда и Луиза правы. Ваша голова сто́ит того, чтобы ее охранять.

– У кого-то из вас есть знакомцы, родственники из свиты, службы кардинала?

– У меня есть пара собутыльников из гвардейцев кардинала, — сказал Арман. — Вполне нормальные ребята.

– Кузен моей жены ведет какие-то дела у Ришелье, — добавил Пьер. — Я не интересовался, какие именно, но вроде бы что-то связанное с поставками для королевского двора. А что?

– Не удивляйтесь, если кто-то из них внезапно вынырнет и начнет расспросы. Ведите себя свободно, открыто.

– Понятно. Выдадим и вас, и себя, как договаривались, — со всеми потрохами с первых же слов. Вот и Париж.

– А это что за здание?

– Аббатство Сен-Жермен де Пре. Так же называются и эти ворота в город. Мы на прогулке. Так что тебе, Серж, решать, что хочешь посмотреть. Если дворец королей, то едем прямо, а если дворец Бога, то направо.

– Всё интересно. Давайте сначала прямо. Я взгляну на Лувр снаружи. Заходить-то мы туда не собираемся.

Потом проедемся к Нотр-Дам. А дворец Тревиля? Посмотреть бы и на него.

– Тогда налево, а потом Лувр и остальное.

Через решетку ворот дворца Тревиля и в самом деле можно убедиться в существовании мушкетеров в голубых плащах с крестами. Немало их. Только во дворе человек сорок группками заняты болтовней между собой. Одна пара упражняется в фехтовании. Да еще несколько человек увлечены метанием кинжалов в доску. Где-то здесь неподалеку жили или живут и д'Артаньян с Атосом.

По Королевскому мосту пересекаем Сену и проезжаем мимо Лувра по набережной Тюильри. Дворец особо не впечатляет. На современных фото всё гораздо шикарнее. Напротив Лувра дворец кардинала — Пале-Кардиналь. Набережная забита каретами и лошадьми на привязи. Наш кучер едва протискивается между ними. Бог с ним, с Лувром. Понадобится — заглянем.

Опять по набережной на остров Сите. Нотр-Дам — это нечто. Но прелести культуры сейчас как-то не занимают. Голова забита другим, и наша прогулка по Парижу — на самом деле моя рекогносцировка сцены действия. Нужно же хоть как-то на ней освоиться. Экзотика экзотикой, романтика романтикой, но в натуре затеяно дело, из которого хотелось бы все же выпутаться живьем, а этого как раз никто и не гарантирует. Способность мгновенно исчезнуть не спасет от выстрела из-за угла.

Впечатление от состояния улиц не очень благостное. Дома красивые, но вот мостовые… Это сейчас сухо, и поэтому терпимо. Представляю, в какое грязное болото превращаются проходы и проезды после дождя! Да и отсутствие канализации приятности не добавляет. Надо срочно учиться верховой езде. То ли дело — чистенький, ухоженный Верн.

– Серж, нам теперь сюда, — слышится голос Пьера, словно откуда-то издалека. — Вы уставились на собор так, словно ушли в другой мир.

– А, что? Какой другой мир? Просто задумался. Куда нам теперь?

– Вот сюда! — и приятели тянут меня в заведение напротив Нотр-Дам. На заведении вывеска "Сосновая шишка".

– Обедать пора, а в этой таверне неплохо готовят.

Таверна как таверна, но, судя по запахам, чреву тут угодить можно. Чистенько. Вино неплохое и мясо достойное, а курочка превосходная. Немноголюдно. Троих мужчин типичной торговой наружности со старанием обслуживает дородная подавальщица, а вокруг нас суетится мальчик лет четырнадцати. За столом в углу у окна сидит молодой человек лет двадцати с небольшим и что-то старательно пишет гусиным пером.

– Жан, — окликает его Арман, — идите к нам, выпейте за здоровье короля.

– Здравствуйте, Арман. Здравствуйте, Пьер. Не могу. Заказ нужно закончить. Я так, без вина пожелаю здоровья его величеству.

Арман наклоняется ко мне и вполголоса сообщает:

– Жан пишет любовные стихи, четверостишья для кавалеров. Тем и живет. Сейчас мы его всё равно заманим за свой стол, — и уже во весь голос: — А перекусить, Жан? Сейчас рагу принесут.

– Вы подлый искуситель, Арман. Знаете, чем взять бедного поэта. Иду, иду. Жан-Батист Поклен, — представился он мне.

– Серж де Бурже.

Вот так знакомство! Будущий знаменитый поэт и драматург? Но в истории нашего мира ему в это время должно быть еще только лет десять.

– Так где же обещанное рагу, Арман?

– Вон уже несут. Как успехи, Жан?

– Неважно, — с аппетитом уплетая поданное блюдо, ответствовал будущий мэтр. — Вы же знаете, что основные мои клиенты — это королевские мушкетеры. А они сейчас вместо любовных похождений заняты обновлением экипировки. Верный признак близкой войны. Как заметили еще когда-то давно итальянцы: "Когда говорят пушки, музы молчат". Правда, пушки еще не заговорили, но музы уже замолкли. Печально всё это. Я лишился доходов. Что делать — не представляю.

– Жан, — вступил в разговор Пьер, — когда падает спрос на любовные стихи, растет требование на политические пасквили. Вы не пытались писать сатиры на известных государственных деятелей?

– Что вы, Пьер! Какие страсти вы говорите! Этак вместе с потерей доходов можно потерять и голову, — и, осмотревшись по сторонам, тихо добавил: — Мне на днях предложили написать пасквиль на кардинала Ришелье, но я ведь не сумасшедший. Денег предложили столько, что можно было бы год прожить. Однако если бы я его написал, то не прожил бы и недели. С отцом Жозефом шутки плохи! Хотя, как я понимаю, и несостоявшийся заказчик — тоже не добряк. Если он подумает, что я догадываюсь, кто он, то…

– Можно скрыться под вымышленным именем, — предложил я, — и тогда опасность со стороны обиженного лица для вас может уйти. Что вы скажете о таком псевдониме для вас, как, например, Мольер?

– Мольер, Мольер, — словно пробуя слово на вкус, пробормотал поэт. — Неплохое имя. Я подумаю. Может, и в самом деле когда-нибудь пригодится, но не сейчас. Никакое ложное имя не спасет от обиженного, если подлинное имя автора известно хотя бы заказчику.

– Это очень интересно, Жан, — продолжил я. — Мне только сейчас довелось впервые оказаться во Франции.

Мне так любопытны все эти хитросплетения, что я готов возместить вам утрату доходов. Расскажите нам, кто заказчик пасквиля и чего он хотел получить. А может, он и сам что-нибудь вам рассказал? Ведь для пасквиля нужна хоть какая-то суть. Вам сколько платят за четверостишье?

– Пять су.

– А мы вам за интересный рассказ о вашей несостоявшейся работе заплатим гораздо больше.

Жан опять боязливо огляделся вокруг.

– Не пугайтесь, Жан, — поощрил его Пьер. — Вы же знаете, что мы на службе кардинала не состоим. И могу вас уверить, что и заговоров против короля тоже не устраиваем.

– Ладно, только вот доем это чудесное рагу. Пять ливров меня устроят.

– Если рассказ будет интересным, то вы получите двадцать ливров, — пообещал я, и у поэта округлились глаза.

– Тогда я быстро доем.

И в самом деле очистил тарелку в мгновение ока. Успокоил пищу добрым глотком вина и приступил к повествованию.

– На днях сюда, в "Сосновую шишку", заглянула молодая служанка и сообщила мне, что ее родовитая госпожа хочет встретиться со мной в Люксембургском саду, чтобы заказать стихотворный текст к музыкальному рондо. Понятно, что знатные дамы по тавернам не ходят. И действительно, в Люксембургском саду меня ожидала какая-то дама в маске. Лица я, понятно, не видел, но голос показался знакомым. Она извинилась, что пришлось прибегнуть к такой уловке, и тут же объяснила, что речь вовсе не о стихах к музыке. От меня требуется сочинить политическую сатиру. Если не полностью, но хотя бы

частью в стихах настолько простых, что были бы понятны любому горожанину.

Сатиры могут быть разные. От шутливых до издевательских и от лживых до обличительных. Поэтому я попросил даму объяснить, о какой форме пойдет речь. Вместо слов она мне протянула листок с перечислением того, что должна содержать сатира, и сказала, что за эту работу я получу десять пистолей. Я был так ошарашен названной суммой, что чуть тут же не согласился с предложением, не ознакомившись, на кого сатира и о чем.

Прочтя написанное, я оказался не в пример еще более ошарашенным, нежели мгновение назад был удивлен размером оплаты моих услуг. У меня в руках оказался перечень пороков и преступлений кардинала Ришелье. Причем любовная связь кардинала с мадам де Пуатье или присвоение денег, предназначенных для ремонта крепостных стен Лиона, — это самые безобидные деяния из описанных в листке. Насколько они правдивы, судить не мне, но нетрудно понять, насколько опасно для меня участие в распространении этого. Тем более в такой издевательской форме, которую потребовала незнакомка.

Я отказался наотрез. Началось препирательство и надбавка оплаты. Когда я отказался и от двадцати пистолей, то дама возмущенно обозвала меня упрямым ослом и чуть ли не бегом удалилась. Скомканный в процессе спора листок остался у меня зажатым в кулаке. От страха я не появлялся здесь в таверне три дня. Думал, что листок будут искать и придут сюда. Но еще неделю назад у меня здесь была назначена встреча с заказчиком стихов, и сегодня пришлось преодолеть страхи. Впрочем, если кому-то очень было бы нужно найти меня, то нашли бы и дома. Вот такая произошла история.

За столом воцарилось минутное молчание, которое нарушил Арман:

– Любезный Жан, стало быть, листок можно посмотреть. Не окажете нам такое одолжение?

Несчастный поэт снова оглянулся вокруг, пошарил в кармане и положил на стол сложенный вчетверо, измятый лист бумаги. Арман развернул его, прочел и передал мне. Я тоже прочел и передал Пьеру.

– Ого, — присвистнул он, — если хотя бы четверть из этого правда, то нашего кардинала ждет в аду горяченькая сковородка.

– Жан, — обратился я к будущему Мольеру, — ваш рассказ стоит двадцати ливров. А вот если вы еще отдадите нам и эту бумагу, а также назовете имя незнакомки в маске, голос которой показался вам знакомым, то получите в награду еще двадцать ливров.

– Мне показалось, что это был голос графини Камиллы де Буа. Не так давно меня с ней знакомили как с поклонницей драматургии Пьера Корнеля. А бумагу, ради Бога, берите. Она жжет мне руки.

Я достал кошелек, которым дальновидно и щедро снабдила меня графиня Аманда, и отсчитал поэту сорок серебряных монет. Только мы покончили с расчетами, как скрип двери возвестил о двух вошедших мушкетерах. Жан, увидев их, подскочил как ужаленный и устремился в свой угол у окна. Там вошедшие заказчики любовных виршей к нему и присоединились.

– Все думают то же, что и я? — спросил Арман.

– А что тут думать, — ответил Пьер, — надо листок показать всем. Может, удастся по почерку узнать, кто писал. Рука явно не дамская. Заказчик не Камилла де Буа. Это же надо как нам случайно повезло! Ясно, что какой-то заговор зреет, и понятно, против кого. А вы, Серж, что мыслите по этому поводу?

Ответить я не успел. Опять заскрипела дверь, и в таверну ввалилась гурьба человек в восемь военных в коротких красных плащах с крестами на груди и спине. Вот, пожалуйста, — гвардейцы кардинала. Не обращая ни на кого внимания, компания словно случайно заняла пару столов между нами и дверью, потребовав себе мяса и вина. Мушкетеры лишь на мгновение досадливо обернулись на шумливых посетителей и вернулись к своим делам с Жаном.

– Вы, Серж, как в воду глядели, — вполголоса произнес Арман, — один из моих собутыльников здесь. Наверняка подойдет к нам.

Пьер без суеты сложил бумагу, сунул ее за пазуху и произнес:

– После знакомства с твоим собутыльником мы с Сержем спокойно выходим из заведения и как можно скорее удираем в замок Аманды. Твоя задача — не дать твоему приятелю и его спутникам выйти вслед за нами.

– Понятно.

– Пожалуй, так просто нам отсюда не уйти, — заметил я, — через окно видно, что и у нашей кареты околачиваются какие-то два типа. Правда, без шпаг.

– Пустое. Для кучера Аманды двое — это просто легкая закуска, — произнес Пьер. — Выберемся, если что-то заварится.

– Однако я полагаю, что если они в таком множестве всё же по нашу душу, то просто на всякий случай. Драка вряд ли кому-то нужна. Так же как и пленники. Иначе набросились бы на нас сразу. Не будем спешить. Сначала выясним, что от нас нужно. Вот один из гвардейцев идет к нам. Это ваш знакомец, Арман?

– Он самый, — и Арман воскликнул: — Кого я вижу! Бурвиль, вот так встреча! Давненько вас не видал. А где ваш товарищ?

– Готье в карауле. Очень рад вас видеть, Арман. Познакомьте меня с вашими спутниками.

– Пьер де Моль и Серж де Бурже. А это Мишель де Бурвиль. Один из самых славных гвардейцев. Присоединяйтесь к нам, Мишель!

– Да полноте вам, Арман, какой из меня один из самых славных, — поскромничал де Бурвиль, устраиваясь напротив меня. — Вот господина де Моля я раньше видел в вашем обществе. Правда, издали. А вот господина де Бурже встречать не доводилось.

– Вы и не могли его видеть. Он впервые во Франции. Серж — дальний родственник графини де Жуаньи. Родился и всю жизнь провел в дикой России. Графиня попросила нас с Пьером некоторое время опекать его и обучить этикету, которого не знают в этой северной стране. Давайте выпьем за встречу, Мишель. Хозяин, еще вина!

– Давайте, давайте выпьем. На это я всегда согласен. Россия… Это же надо, куда людей заносит из благодатной Франции! Господин де Бурже, а это правда, что в русских городах медведи ходят по улицам? А чтобы их отпугивать, на перекрестках разжигают костры?

– Полноте, господин де Бурвиль! Какие там медведи на улицах — выдумки! Там очень холодно зимой, и костры в городах разводят, чтобы любой прохожий в любое время мог подойти и обогреться. Иначе было бы много обмороженных и замерзших совсем. Конечно, дикости в России много, но не до такой степени, как иногда представляют. По рассказам, и во французских провинциях нравы вовсе не дворцовые. Я вот погощу недельку-другую у тетушки в замке и отправлюсь в родные края в Шампани, где никакого этикета нет. Так что воспитательные труды Пьера и Армана будут потрачены даром. Скажите, господин де Бурвиль, а очень сложно поступить на службу гвардейцем или мушкетером?

– Не просто. Обычно нужна протекция. Однако вы упомянули о своей тетушке — графине Жуаньи. Я слышал, у нее сын пропал. Известно, куда?

– Вообще-то известно, но тут Арман и Пьер больше меня в курсе. Они из-за этого к графине и приехали.

– Виконт Антуан арестован, — вступил в разговор Арман, — и графиня пригласила нас с Пьером и пару своих подруг, чтобы посоветоваться, как поступить. По слухам, арест произошел по обвинению в каком-то заговоре, и графиня Аманда склонна обратиться с прошением к королю. Только не может понять, с прошением чего обращаться. Мы пока что отговорили ее идти к королю. Непонятно, участвовал ли Антуан действительно в каком-то заговоре или тут ложное обвинение, или просто какая-то ошибка. Это нужно сначала выяснить, а уж потом обращаться к королю. Вот графиня и попросила нас разузнать, не участвовал ли ее сын в каком-нибудь заговоре. Сколько у нас это займет времени, одному Богу известно. Может, вам, Мишель, известно о каком-то заговоре?

Гвардеец заметно смутился своим вопросом о сыне графини, поставив самого себя в щекотливую ситуацию. Но его выручили сослуживцы, окликнув по имени.

– Нет, мне известно только о том, что он внезапно пропал. Извините, меня зовут. Был очень рад встрече и знакомству.

Помолчали. Пьер кликнул хозяина и рассчитался с ним. Увидев нас спокойно выходящими из таверны, типы, стоявшие у нашей кареты, не спеша куда-то двинулись. Забравшись в карету, тронулись домой и мы.

– Эти двое без оружия, наверное, подручные отца Жозефа, — в раздумье произнес Арман. — А почему вы, Серж, решили, что драки скорее не будет? Обложили-то нас довольно плотно, но почему-то отпустили. По вопросам Бурвиля понятно, что им нужны были именно мы.

– Попытался принять в расчет ум Ришелье. А может, некоторую роль сыграло и присутствие мушкетеров, которые могли вмешаться. Если бы началась драка, то это было бы враждебное действие непосредственно против Аманды. Тогда можно было бы потерять ее как послушное орудие против Гастона Орлеанского. Кардиналу же важно знать ее намерения. Возможно, ему интересно и что это за неизвестная фигура неведомо откуда под именем Сержа де Бурже появилась у нее в замке. Теперь он будет всё это знать от Бурвиля. Не думаю, что он полностью поверит в нашу сказку. Но то, что это точно сказка, знаем только мы. Для кардинала из нее вытекает, что Аманда никаких решительных действий пока предпринимать не собирается. Только ее друзья будут что-то вынюхивать. Ну и пусть вынюхивают в отношении Антуана то, чего нет. Мы же с вами не будем оповещать Ришелье, что нас интересует он сам.

Когда мы прибыли в замок, Аманда была уже там.

– В Лувре мы пока ничего толком не узнали. Может быть, к следующей пятнице Луиза и Катрин соберут что-нибудь стоящее. А вы как прогулялись? Сержу Париж понравился?

Пьер подробно рассказал о случившемся.

– Да-а, — протянула Аманда, разглядывая переданную ей бумагу, — Камилла де Буа, значит. Вот оно что. Бывшая любовница Гастона Орлеанского. Я ее хорошо знаю. Запросто ходим друг к другу с визитами. Заказчик вроде ясен, и намерения его тоже. Вы многое узнали. Нужно эту бумагу показать Луизе. Может, почерк ей знаком. Завтра же съезжу к ней. Пьер, Арман, возвращайтесь домой и действуйте, как мы договорились. Серж пока из замка выходить не будет. Ждем вас в пятницу.

Половину следующего дня Гийом обучал меня премудростям верховой езды. Вопреки представлениям, самым трудным оказалось легко и с достоинством сесть

на лошадь и соскочить с нее. Если слабо оттолкнуться от земли, то непременно носом уткнешься в седло. А если очень сильно, то перелетишь через животное и уткнешься носом в землю с другой стороны лошади. Доказано практикой. Лесенку бы сюда… После всех этих упражнений и тряски в седле я, отобедав, с трудом переставляя ноги, отправился в свои апартаменты и переоделся.

Дом, Дом, где ты, Дом! Ох, как болят бедра и ягодицы…

*

В следующую пятницу я опять стою на башне и, вдыхая еще не осквернённый плодами промышленной цивилизации воздух, с удовольствием любуюсь начинающей готовиться к осени природой. Тепло и тихо. Зелень деревьев уже кое-где начала сменяться легкой желтизной. По-вечернему сонно, и всё ленивее гомонят и перекликаются птицы. Едва ощутимый ветерок ласкает щеку. Легкий запах прели скорее приятен, чем раздражающ. Благодать!

Два всадника показались из-за деревьев. Арман и Пьер. Приветственно машут руками. Отвечаю тем же. Подъемный мост перед ними опускается и, пропустив внутрь, поднимается вновь. Мост, поднятый круглые сутки, — это еще с прошлой недели посоветованная мной Аманде предосторожность от непрошенных визитеров. Дам еще не видно. Хотя нет — подкатила карета Катрин. Впустили.

На башню поднялись Арман и Пьер. Пожали мне руку и вместе со мной стали любоваться открывающейся вокруг панорамой.

– Велика и красива Франция, — с пафосом произнес Пьер и с досадой добавил: — Не будь в мире проходимцев вроде Ришелье, Гастона Орлеанского и монстров

вроде отца Жозефа, то только и живи в свое удовольствие!

От дороги, скрытой деревьями, послышался какой-то тревожащий шум. Через мгновение на открытое пространство перед замком прямо-таки вылетела карета с герцогской короной на дверце, мчащаяся просто с невообразимой скоростью. Размахивающий кнутом кучер стоит на полусогнутых ногах и свистом подбадривает распластавшуюся в невиданном беге четверку породистых, вороных лошадей. Луиза!

Оторвавшись от нее метров на тридцать, во весь опор несется четверка преследователей в красных плащах гвардейцев кардинала. Если карета замедлит ход перед замком, то ее мгновенно настигнут. Если же не сбавит скорость, то мост не успеют опустить — и лошади с каретой полетят в ров. Но, похоже, шевалье Гийом де Брие свое дело хорошо знает и слуги замка вышколены на совесть. Мост не просто опускается, а почти падает прямо перед каретной запряжкой и начинает подниматься, когда карета еще не съехала с него в ворота. Преследователи чуть не врезались в край поднимающегося моста, осадив лошадей так резко, что на камнях мостовой от подков полетели искры.

Протягиваю Арману подзорную трубу.

– Чего это они вдруг вздумали гоняться за Луизой? Ее выручили только лошади, каких, возможно, нет даже у самого Ришелье. Не говоря уж о его гвардейцах. Посмотрите, Арман, нет ли среди всадников вашего собутыльника Мишеля или его приятеля.

– Я и так вижу, что нет. Не нравится мне это. Луиза ведь особа из королевского дома. Обычно Ришелье старается не связываться с членами королевской фамилии. Даже с отдаленными по родству. Что-то гвардейцы не собираются уходить. Не к добру.

Один из всадников что-то прокричал. Через бойницу над воротами кто-то ему ответил. Не слышно, что. С минуту переговаривались. Затем мост опустился, говоривший всадник спешился и вошел в замок. Мост поднялся. Мы втроем поспешили вниз. Во дворе Гийом, Луиза, Катрин и несколько вооруженных слуг наблюдают, как Аманда разговаривает с непрошенным гостем.

– …Нет, лейтенант, похоже, вы плохо представляете себе, куда вторглись. А ваше заявление, что речь всего лишь о невинном приглашении герцогине де Шеврез посетить Пале-Кардиналь, вообще нелепо.

– Но, мадам, у меня приказ кардинала…

– На землях вассалов короля действуют только приказы короля. Вам это понятно, лейтенант? Заручитесь таким — и тогда сможете чего-то требовать. Только и тогда не означает, что госпожа де Шеврез будет вас здесь дожидаться. Гийом, прикажите опустить мост, — и уже вслед уходящему гвардейцу добавила: — И не оставляйте своих людей где-нибудь за деревьями в моих владениях. Иначе я прикажу посадить их в замковые подвалы.

В столовой уже накрыто на ужин. Рассаживаемся.

– Что произошло, Луиза? — спрашивает хозяйка.

– Сама не знаю. Я ведь прямо из Лувра. Как водится, сегодня при встрече с Ришелье обменялись колкостями. Все как обычно. Правда…, — тут она замолкла и задумалась.

– Что — "правда"?

– Как-то странно он на меня взглянул. С мрачной, а сейчас я даже думаю, что и с угрожающей улыбкой. Я не придала значения. Теперь вот думаю: а не донесли ли ему о том, что я в последние дни интересовалась таинственным исчезновением герцога Кайенского два года назад? Его вражда с Ришелье ни для кого не являлась секретом. Было много шума. Король назначил расследо-

вание, которое кончилось ничем. Так герцог по дороге в Нормандию и испарился бесследно вместе со всей сопровождавшей его свитой.

Мой кучер заметил, что от королевского дворца за нами поодаль следует четверка гвардейцев. Перед поворотом на дорогу к твоему замку они пришпорили коней. Я приказала гнать во весь опор. Думаю, они выжидали безлюдного места, чтобы захватить меня без свидетелей, но чуть запоздали. А как вылетели к замку, то им ничего не оставалось делать, как раскрыться.

– Скверно, — произнес Арман. — Как я понимаю, никакого письменного приказа гвардейцы не предъявили.

– Не предъявили, — подтвердила Аманда.

– Значит, охота за Луизой может продолжиться, и ей нельзя появляться в безлюдных местах. Жаловаться не на что. Кардинал отговорится, что речь и в самом деле шла о неверно понятом невинном приглашении по пустяковому поводу. Еще одна проблема на нашу голову.

– Всё не так уж плохо. Нет худа без добра, — сказал я. — Ришелье, затеяв большую интригу с арестами, похоже, сам начал нервничать, наблюдая за вызванными им же событиями. Вряд ли он ожидал, что кто-то вдруг начнет интересоваться им самим. Погоня за Луизой может означать, что Ришелье действительно имеет отношение к исчезновению герцога Кайенского. Стало быть, пасквильная бумага, которая попала нам в руки, в этой части не врет. Нужно еще больше вывести его из равновесия, но так, чтобы самим не засветиться. Чтó удалось узнать за прошедшую неделю? Может, Луиза и начнет? Только без мелких подробностей. Они понадобятся, когда начнем составлять план действий. Сейчас важно понять, есть ли у нас на что опереться.

– Ну, я так я. А начну как раз с упомянутой бумаги, которую мне показала Аманда. Я заметила, что последняя ее часть, касающаяся исчезновения герцога Кайенского,

написана не той рукой, что весь предшествующий текст. Вот почерк этой приписки мне очень знаком. Писем Гастона Орлеанского в моем архиве достаточно, чтобы сравнением убедиться в этом. Кто писал основное, мне неизвестно. Да это и не так уж важно. Причастность Гастона как заказчика здесь явная. Поэтому судьба герцога Кайенского меня больше всего и заинтересовала. Всё остальное в бумаге — просто злоупотребление кардинала положением и естественные пороки. Плохо, беззаконно, конечно, но не необычно для нашего королевства.

Что касается арестов по всей Франции, то королева Анна говорит, что за последний год Людовик не раз подписывал Ришелье приказы на аресты довольно родовитых дворян. Странным ей показалось то, что за этим не следовало ни разбирательств, ни судов. К королю жалобщики приходили не раз. Все получили уверения, что идет всего лишь какое-то расследование и не обязательно арестованные в чём-то виновны, но пока следствие не закончится, никаких освобождений не будет. Стало быть, мы верно всё предположили. Есть и заговор против Ришелье, и какая-то интрига Ришелье. Но насколько это связано, знает только сам кардинал. Мы же будем считать, что связано. Признаков чего-то другого нет.

Наверняка Ришелье известно и то, что приближенные Гастона вроде Камиллы де Буа зачастили в Париж и подолгу задерживаются здесь. Это настораживает, но заговор в Париже еще не сложился и разоблачать нечего. У меня пока всё. Вот у Катрин улов, наверное, побогаче.

– Не знаю, насколько у меня богаче, но всё равно хотелось бы поймать еще больше, чем удалось, — ответила Катрин. — Однако у меня ведь королевы в подругах нет. Есть только вредная и язвительная единомышленница — подруга королевы.

Для начала о любовнице Ришелье. Это маркиза Сюзанна де Пуатье. Похоже, что это в самом деле обоюдный и прочный любовный роман, а не случайная и временная связь. Маркиза не бывает ни в королевском дворце, ни в Пале-Кардиналь. Раз в неделю вечером кардинал посещает ее в доме на площади Сен-Сюльпис. Обычно это начало недели, но не понедельник. У маркизы от кардинала есть сын двух лет. Сюзанна де Пуатье с сыном — наиболее уязвимая слабость Ришелье. Однако я не позавидовала бы тому или тем, кто рискнул бы воспользоваться этой слабостью.

– Мы, возможно, рискнем. Только очень осторожно и не обременительно для маркизы, — пообещал я. — Что еще, Катрин?

– Это не афишируемая, но всё-таки видимая сторона личной жизни кардинала. О ней многие знают.

– А есть еще и невидимая сторона?

– Во всяком случае, Ришелье полагает ее невидимой.

– Ну-ка, ну-ка, это очень интересно.

– Не только очень интересно, но и очень опасно для осведомленного. Уже как минимум два человека поплатились жизнью за эту тайну кардинала. Вы не поверите, но, оказывается, кардиналу не чужды и некоторые другие острые развлечения кроме политических интриг. Он, переодетый и в маске, тайно посещает приют девочек-сирот при аббатстве капуцинок на улице Капуцинок. Причем это развлечение его настолько притягивает, а свидетели настолько нежелательны, что кардинал отправляется туда каждую последнюю среду месяца совершенно один. Если не считать кучера кареты, два предшественника которого внезапно умерли во цвете лет. Приходит кардинал туда под покровом темноты и уходит через три-четыре часа.

– Это тот приют, где попечителем королева Анна? — спросила Луиза.

– Тот самый.

– Ну, Катрин, мне с подругой-королевой не переплюнуть тебя по части богатства улова. Преклоняюсь. Если это правда, то какой получается крючок для Его Преосвященства! Уж насколько в Лувре свободные нравы, но подобное падение даже самому завзятому развратнику и в голову бы не пришло. Как только такое станет известно хотя бы королеве, то Ришелье мгновенно перестанет быть и первым министром, и Его Преосвященством.

– Вот его отставки нам как раз совсем и не надо, — заметил я. — Отставка Ришелье означает начало переворота Гастона Орлеанского. А это ничем хорошим для Франции не обернется. Насколько можно доверять этим сведениям, Катрин? Источник надежный?

– От кого получены такие сведения, я, пожалуй, воздержусь разглашать. Однако человек, достойный доверия. Не подумайте чего. Не из окружения кардинала. Там это вряд ли кто знает. Просто я обещала никому о нем не говорить. Никому — значит никому, — Катрин тяжело вздохнула. — Дороговато и трудновато досталась мне эта история.

– Трудновато в чем? — ехидно спросила Луиза.

– Да ну тебя, Луиза. Тебе везде чудится одно и то же.

– Ладно, какие и о ком у нас еще появились сведения? — поинтересовался я.

– Наверное, теперь моя очередь проявлять хоть какую-то осведомленность, — вступил в разговор Арман. — Мы с Пьером занялись ближайшим окружением Ришелье. А это ближайшее окружение — всего один человек, отец Жозеф. В миру самого близкого и неразборчивого в средствах помощника и советника Ришелье зовут Франсуа Леклерк дю Трамбле. Оба знают друг друга с молодости и прекрасно ладят между собой. Мы думаем, что между Ришелье и Жозефом есть и дружба, и соперничество одновременно. Соперничество не в положении,

а в том, кому из них первому придет в голову наиболее удачное решение какой-нибудь задачи. Очень часто Жозеф оказывается впереди.

У Жозефа есть свои апартаменты в Пале-Кардиналь, но он предпочитает свой дом на Вью-Коломбье. Это недалеко от дворца Тревиля.

По Парижу передвигается без опаски в карете даже ночью в сопровождении лишь кучера и слуги. Значит, не трус. Ведь зуб на него имеют очень многие.

Отец Жозеф принадлежит к ордену капуцинов. Хотя со времени работы на Ришелье совершенно пренебрегает обетом своего ордена. Я вот сейчас подумал, послушав Катрин: а не через него ли Ришелье нашел свое развлечение в приюте для девочек-сирот?

Камеры для допросов и пыток у отца Жозефа есть и в Бастилии, и в тюрьме Консьержери, и в подвалах Пале-Кардиналь. Сена с последними рядом. Что позволяет легко избавляться от трупов. Говорят, что от Пале-Кардиналь к Сене есть подземный ход как раз для этих целей.

По поводу женщин отца Жозефа ничего не известно. То ли их нет совсем. То ли никто не рискует совать сюда свой нос. Нам же с Пьером показался странным подбор служанок в доме Жозефа. Все слишком молодые для опытных работниц и чем-то похожи друг на друга. Как капуцин, отец Жозеф должен бы пользоваться только мужской прислугой.

Аманда тяжело вздохнула.

– Негусто у нас набралось. За исключением пасквильной бумаги и приюта на улице Капуцинок, ничего тайного и сильно компрометирующего. А уж как отца Жозефа можно было бы использовать, то вообще не представляю. Против Ришелье и думать нечего — они друзья и соратники. Против Гастона? Так между ними нет никакой связи. Серж?

– При определенных условиях против Гастона Орлеанского можно использовать и отца Жозефа.

– При каких это условиях?

– Если, так сказать, в какой-то момент отец Жозеф вдруг покинет этот мир.

– Но мы же не можем столько ждать. Жозеф в расцвете сил.

– Ей-богу, Аманда, — воскликнула Луиза, — ты самая старшая среди нас, а как ребенок. Серж говорит о том, что мы сами должны убить Жозефа.

За столом воцарилось гнетущее молчание. Мух нет. Иначе стало бы слышным их жужжание. Гийом напрягся, Арман и Пьер переглянулись, а Катрин застыла с открытым ртом. Тишину нарушила Луиза.

– Наверное, давно это нужно было сделать. Всегда ждем, что грязную работу кто-то совершит за нас. Только вот Аманда у нас уж очень чувствительная.

– Что Аманда, что Аманда? Правда, не по душе мне такой оборот дела, но если необходимость заставляет… Серж, в самом деле, необходимость?

– В самом деле.

– Аманда, перестань причитать и пытаться переложить ответственность на что-то или кого-то. Тебя-то мы за этим не пошлем.

– Гийом! — окликнул Арман управляющего.

– Я с вами.

– Катрин!

– Страшно-то как! Но я согласна с Луизой. Отец Жозеф давно просится в ад. Надеюсь, что не только Аманду, но и меня не будете подсылать к Жозефу с ножом или ядом. Луизу, Луизу пошлите. Она отважная. Ножик я ей найду, а яд и искать не надо. У нее духи подходящие есть — убийственные.

Луиза возмущенно надула губы.

– Подруга называется!

– Утихомирьтесь! — прервал их Пьер. — Справимся и без вас. Что делаем, Серж?

– Что делаем? Прикидываем план действий. Хорошо, что все понимают, какую границу мы сейчас переступим. От простых разговоров к тому, за что полагается плаха. Поэтому двойная и тройная осторожность. Аманда права. Козырей у нас немного. Так и времени, чтобы их набрать, у нас нет. Так что придется использовать то, что есть.

Пасквильная бумага. Очень хороший козырь против Гастона. Будем использовать. Только нужно спрятать поэта, от которого мы ее получили. Хотя бы на месяц, пока всё не утихнет. Если до него кроме нас кто-нибудь доберется, то это может спутать все карты. Нельзя допустить, чтобы кто-то узнал, что бумага была у нас. Кто может спрятать Жана у себя?

– У меня в поместье никогда не будут его искать, — живо сообщила Катрин.

Луиза, опоздав перехватить инициативу в этом вопросе, возмущенно сверкнула глазами, но промолчала.

– Хорошо. Тогда, Арман, вам нужно завтра же отыскать Жана и, слегка припугнув, уговорить его скрыться на время. Может быть, я составлю вам компанию.

– Дальше. Сюзанна де Пуатье. Совсем не причастное ни к чему лицо. Никак пострадать не должна. Вместе с тем — неплохой козырь, чтобы вывести Ришелье из равновесия, сделать уступчивее. Даже при том, что он может очень разозлиться. Нужно сделать так, чтобы она на несколько дней внезапно исчезла из дома неизвестно куда. Катрин, перестаньте мечтать о поэтах! Поручим это вам.

– Мне?

– А кому же еще? Придумайте, как, через кого к ней подойти. Сюзанну де Пуатье нужно убедить срочно покинуть Париж вместе с сыном, никому не сообщая, по-

чему и куда. Впрочем, она на это не согласится. Она никуда не поедет, не уведомив кардинала.

– Именно.

– Но можно предложить ей написать Ришелье письмо, взяться передать и как-то забыть об этом. Задача в том, чтобы, приехав к ней, Ришелье бы не застал ни ее, ни сына, и никто бы из слуг не знал, где они. Но, пожалуй, лучше всего, если дом вообще окажется запертым, и спрашивать было бы некого. Разве что соседей. Соврать можно что угодно. Например, что есть заговор против кардинала и заговорщики, чтобы повлиять на него, могут взять Сюзанну с сыном в заложники или даже убить. Понятно, Катрин? Врите что хотите, но Сюзанна должна исчезнуть с горизонта.

– Понятно-то понятно, да вот с какого конца взяться? Я же с ней не знакома. Луиза, ты знаешь де Пуатье?

– Знаю немножко и могу познакомить. Сюзанна каждый день ходит к обедне в церковь Сен-Сюльпис. Уж так и быть, составлю тебе компанию. Сюзанна — женщина приятная и непременно пригласит нас на чашку чая.

– Вот и хорошо, — порадовался я, — начните вдвоем. Посетуете, что, похоже, назревает какое-то беспокойство, а о заговоре или чем-то другом уже, когда подойдет время. Нужный момент нужно будет точнее рассчитать.

Так, идем дальше. Приют на улице Капуцинок. Козырь очень сильный. Пожалуй, даже слишком. Используем не все его возможности. Нам нужно освободить арестованных, а не свергать Ришелье.

Луиза, не возмущайтесь. Ваше личное отношение к кардиналу может нам помешать. Равновесной Ришелье фигуры, способной заменить его, сейчас во Франции нет. Во всяком случае, нет на виду, и вы это прекрасно знаете. Свержение же Ришелье вовсе не означает освобождения нужных нам узников. Постарайтесь это понять.

– Попробую. Может, вы и правы, Серж.

– Вам, Луиза, в нашем плане предстоит немалая и тонко разыгранная роль. Кроме вас, больше некому рассказать в нужном свете королеве Анне о визитах кардинала в приют. Нужно внезапно закрыть ему доступ туда. Чтобы он явился, а его не пустили. Можно объявить какую-нибудь болезнь, но тогда есть опасность, что кто-то проговорится. Лучше, если Анна, как королева и попечительница, без шума сменит аббатису и персонал приюта, загнав всех под охраной в какой-нибудь отдаленный монастырь с крепкими замками и стенами. Может она такое сделать, чтобы кардинал ничего не пронюхал?

– Думаю, да, — смеясь, ответила Луиза. — Представляю себе удивленную и разъяренную физиономию кардинала.

– Но это только первая часть спектакля. Арман, Пьер, Гийом, нам с вами нужно в это же время оказаться там, на улице Капуцинок. В тот момент, когда кардинал отойдет от дверей приюта. Нам нужно вынудить его открыть лицо. Может быть, сделать это под видом ночной стражи? При этом ваши лица не должны быть видимы. А вот мое лицо он должен увидеть, чтобы позже узнать. После этого мы кардинала отпускаем.

– Что-то уж очень сложное и хитрое задумали вы, Серж, — заметил Гийом. — А для себя и опасное.

– Пока Ришелье знает только лицо, но не знает имени, то опасности нет. Имя он узнает, когда в этом возникнет необходимость у нас, а не у него.

Луиза, нужно будет составить черновик письма королевы к кардиналу о том, что ей всё известно об улице Капуцинок, но она пока в раздумье о том, до каких последствий это довести. Хотя он и сам сразу поймет, что что-то вдруг очень изменилось. Но пока королева не подтвердит этого, он не будет знать, есть тут ему какая-то угроза или нет. Он же не может приказать своим под-

ручным разобраться, в чем тут дело. Несколько дней неизвестности сыграют в нашу пользу. Это письмо, но уже написанное рукой королевы, должно попасть к Ришелье в точно определенный момент по моей команде. Как вы уговорите королеву сделать именно так — ваше дело. Сможете?

– Думаю, да. А вы, Серж, коварный тип. Хотите взять Ришелье за горло?

– Что-то вроде этого.

– Многие до вас пытались. Да вот где они теперь?

– У меня есть поддержка, которой у них не было — вы все. Ладно, поехали дальше. Есть ли какие-нибудь дворцовые праздники в начале октября?

– В первый день октября в Лувре бал провинций, — подала голос Аманда. — Мое присутствие обязательно и Луизы тоже.

– Очень хорошо. Это, получается, через неделю в понедельник. Возьмете меня с собой. Письмо королевы разыграем во время бала. Надеюсь, что на этом благополучно закончится проблема с Ришелье и узниками. Правда, до этого нам предстоит еще разрешить проблему с Гастоном Орлеанским. Сегодня пятница. На всё у нас девять дней.

Арман, Пьер, Гийом, вам предстоит избавить мир от отца Жозефа. При нём должны обнаружить пасквильную бумагу, которая сейчас у нас. Думайте сами, как это лучше сделать в промежутке между посещением кардиналом улицы Капуцинов и балом в Лувре. Лучше бы через пару дней после первого события и за два-три дня до бала. Но у нас нет столько времени. Может быть, снять какое-нибудь жилище на пути отца Жозефа домой? Для наблюдения, ожидания, засады.

Аманда, на следующий день утром вы должны пригласить в гости Камиллу де Буа. Здесь она услышит новость об отце Жозефе. А также о том, что при нём

найдено пасквильное письмо против кардинала и короля, написанное двумя лицами. Она сразу поймет, о каком письме речь и что означает оно для Гастона и ее самой в совокупности с убийством друга и соратника Ришелье. Камилла непременно рванется в Орлеан, не рискуя даже заглянуть в Париж.

Наше с вами, Аманда, дело — направить ее мысли так, чтобы она убедила герцога Орлеанского отказаться от заговора против Ришелье. Угроза для Гастона образуется серьезная. В таких обстоятельствах на убийство будут смотреть только как на следствие заговора, а заговор налицо. Здесь неважно, кто на самом деле убил Жозефа. Важно то, на кого подумает Ришелье. Тот и будет уничтожен легально или тайно. Кардинал смерть своего друга и помощника не простит никому. Гастон ведь не дурак и сразу поймет это. Принцы крови тоже смертны и прикосновенны. Один вроде бы до сих пор сидит в Бастилии. Да и герцог Кайенский исчез не так уж давно. Гастон постарается оправдаться перед Ришелье прежде, чем тот что-то предпримет.

Гийом, вам, наверное, придется сопровождать бедную, испуганную женщину в Орлеан. А оттуда, возможно, привезти письмо Гастона к Ришелье. Мы это письмо должны прочесть прежде кардинала.

Мы с вами должны выстроить цепь событий. При этом не можем изменить дату праздника во дворце. Поэтому время для нас очень сжато. Завтра в субботу выручаем нашего поэта и отвозим домой к Катрин. Катрин, утром предупредите своих слуг, чтобы сразу же отвезли Жана в ваше поместье. После этого мы с Арманом и Пьером пройдемся по пути передвижения отца Жозефа и посмотрим, где бы удобнее организовать засаду на него.

Завтра же Луиза познакомит вас, Катрин, с мадам де Пуатье, а сама до этого побывает у королевы с нашим

доносом на кардинала. Вы обе умные женщины и, думаю, найдете способ, как удалить Сюзанну из Парижа, не прибегая к запугиванию. Или же, во всяком случае, смягчите его.

– Не каждая женщина испугается заговора, — произнесла Катрин, — но каждая всегда клюнет на любовную приманку. Придумаем что-нибудь.

– Придумаем. И я даже примерно представляю, что, — поддержала подругу Луиза с такой готовностью, что Катрин подозрительно взглянула на нее.

– Отлично. Поскольку среда отведена кардиналом на ночное посещение приюта, то вряд ли он в этот же день появится у мадам Пуатье. В понедельник он к ней не ходит. Значит, появится во вторник. Сюзанна должна исчезнуть самое позднее в понедельник.

В среду вечером или ночью мы всей мужской компанией ловим кардинала в странном для такой фигуры месте. Гийом, ваша забота — подготовка нашего появления на улице Капуцинок.

– Понял.

– Дальше. Письмо из Орлеана нам лучше всего получить не позже субботы перед балом. В крайнем случае, в воскресенье утром. Надо и самим прочесть, и к кардиналу доставить. Гийом, сколько лье до Орлеана?

– Сорок. Десять часов пути верхом или в карете.

– И обратно десять. И отдохнуть хотя бы чуть-чуть. Пусть будут сутки с пятницы на субботу. Другого времени нам не остается. Значит, отец Жозеф должен покинуть земную юдоль не позже ночи с четверга на пятницу. Аманда, вам нужно будет залучить к себе Камиллу де Буа в пятницу с утра. То есть раньше, чем распространятся городские слухи. Или же в предыдущий день пригласить и задержать на ночь. Сможете этого добиться? У вас больше всех времени для подготовки.

– Думаю, что смогу. У меня с ней вполне хорошие, приятельские отношения, и она у меня здесь не раз бывала.

– Меня беспокоит только один момент, — продолжил я. — Если Гастон Орлеанский решит отправить свое письмо либо не с Гийомом, а со своим курьером, либо отправит письмо позже, чем нам нужно. В первом случае ничего страшного не произойдет. Не прочли мы его — и Бог с ним. Важно, что оно пришло кардиналу. Хуже, если оно запоздает. Придется откладывать действия, а это всегда не очень хорошо даже в лучшем случае.

– А в худшем? — спросила Аманда.

– В случае большого запоздания письма или если оно не придет совсем, то Ришелье уничтожит Гастона. Нам это не нужно.

– Почему не нужно? — поинтересовался Арман. — С любым устранением Гастона угроза для Ришелье и короля пропадает. Стало быть, и узники уже не нужны. Их отпустят. Мы в любом случае выигрываем.

– А ведь верно, — поддержала его Аманда. — Может, и не пытаться выручить Гастона? Нам любой исход на руку.

– Не совсем верно, графиня. Если Гастон попадет в Бастилию или на кладбище, то нет никаких гарантий, что его непричастность к убийству Жозефа не выплывет наружу. А нам ведь совсем не хочется, чтобы начались поиски настоящих виновных?

– Нет, конечно.

– Их не будут искать только пока Гастон жив и свободен. Как-нибудь потом я объясню, почему. Сейчас уже поздновато, а вставать нам всем рано.

*

Утром Катрин отправилась в свой парижский дом, а затем на службу в Лувр. Вслед за ней к королеве отбыла Луиза в сопровождении вооруженных слуг Аманды. Я же

в компании Армана и Пьера поспешил в карете Аманды на поиски Жана-Батиста Поклена. В "Сосновой шишке" его не оказалось. Но хозяин таверны сказал, что он живет рядом, буквально за углом, и можно послать за ним мальчишку. Послали.

– Здравствуйте, Жан, присаживайтесь, — приветствовал поэта Пьер.

– Здравствуйте, господа. Неужели кому-то из вас понадобились мои услуги рифмоплета?

– К сожалению, нет, Жан. Дело у нас к вам более серьезное. Мы узнали, кто писал ту пасквильную бумагу, которую вы нам передали, — поэт сразу поник.

– Я и сам догадываюсь.

– Тогда вы понимаете, насколько опасен этот человек. Заговор против кардинала действительно существует, и мы полагаем, что он провалится так же, как и все предыдущие. Начнут убирать любых свидетелей. Не в первый раз такое.

– Мне нужно бежать?

– Да. И чем быстрее, тем лучше. Наша общая приятельница согласилась спрятать вас в своем загородном поместье неподалеку от Парижа. Вас там не найдут. Не думаем, что это надолго. Вряд ли придется скрываться более месяца. Да и дамское общество за это время хорошо послужит вашим творческим порывам. Собирайтесь, Жан.

– Как я вам благодарен, господа! Надо же, изгнанник в дамское общество! Я мигом.

Не прошло и четверти часа, как беглец опять нарисовался в таверне в более свежей одежде и с дорожным мешком. Доставили его к дому Катрин и молча сдали на руки мажордому.

Нельзя сказать, чтобы кратчайший путь от Пале-Кардиналь до Вью-Коломбье, где обитает отец Жозеф, был бы и самым прямым. Узость улиц и их извилистость

нам на руку. Больше мест для засады. Сначала проехали весь путь из конца в конец, обозревая оба ряда домов. Оказалось, что дом Жозефа почти рядом с дворцом Тревиля. Посовещались и поехали обратно. Остановились на четверти пути от Вью-Коломбье. Интересное место. По одну сторону улицы — большой заколоченный дом, а по другую — заброшенный сад с широченными коваными воротами. Если открыть ворота, то они перегораживают почти всю улочку. Пройти можно, но карете не проехать.

– Я думаю, хозяев искать не стоит, — проговорил Арман. — Привлечем внимание. У меня на примете есть умельцы, которые любой замок откроют. Привезу их сюда сегодня же ночью. Мы с Пьером и Гийомом освоим дом и сад.

Пьер и Арман остались в городе, а я вернулся в замок и до вечера упражнялся в верховой езде. Едва я со стоном уселся за стол рядом с Амандой, как появились чем-то ужасно развеселенные Луиза и Катрин.

– Вы только подумайте, какую свинью мне подложила Луиза, — хохоча, начала рассказывать Катрин. — А я-то думала, чего это она вдруг с такой готовностью взялась помочь мне с Сюзанной де Пуатье? И в самом деле, мы встретили Сюзанну в церкви Сен-Сюльпис. Очень милая и доброжелательная женщина. Пригласила нас на обед, похвасталась симпатичным отпрыском Ришелье, посетовала на отсутствие мужчины в доме — и с этого момента все разговоры были только о мужчинах. Что меня очень обрадовало. В этой воде можно любую рыбку поймать. Если бы я только знала, чем это закончится! Давай, Луиза, продолжай. Я просто не могу…

– Ладно, отдохни, — тоже смеясь, согласилась Луиза. — Как только я почувствовала, что разговор попал в нужное русло и хозяйка дома проявила живой интерес к теме мужчин, я стала осторожненько подвигать беседу в

нужную нам сторону. Сначала выяснилось, что редкость и скоротечность визитов кардинала очень расстраивает Сюзанну. Молодость уходит, а радостей, развлечений никаких. Тогда мы с Катрин рассказали о некоторых своих веселых грешках. У Сюзанны разгорелись было глазки, но быстро угасли. Она призналась, что с удовольствием бы побаловалась с кем-нибудь, но страшно, если узнает Ришелье.

Всё, тут она и попалась! Ерунда, говорю я, в таких случаях не нужно пытаться скрыть любовную связь, не трогаясь с места. Нужно сделать совсем другое. Исчезнуть от досужих глаз неизвестно куда на какое-то время и там свободно отдаться утехам. Правда, в случае Сюзанны нужен весомый и правдоподобный предлог для исчезновения. Причем правдоподобный именно для Ришелье. Его так просто вокруг пальца не обведешь.

Стали придумывать предлог. Перебрали и отвергли кучу вариантов. В конце концов Катрин словно как-то нечаянно оговорилась, что против Ришелье зреет очередной заговор. Тут я и предложила исчезнуть под предлогом нужды обезопасить сына кардинала от возможных покушений заговорщиков. Такая затея привела Сюзанну в восторг. Только возник вопрос: куда можно исчезнуть с ребенком и прислугой? Не в свое же собственное поместье! Это было бы не исчезновение, а просто переезд на другое место. У меня мелькнула гениальная идея.

– За которую я была готова там же придушить Луизу, — подала голос Катрин. — Врет она. Эта идея у нее мелькнула не в гостях у Сюзанны, а гораздо раньше. Еще вчера вечером за этим столом.

– Ну и что? Всё равно гениальная идея. Я говорю Сюзанне, что у Катрин большой дом в поместье недалеко от Парижа и там уже скрывается один беглец от заговорщиков. Ничего ужасного, если беглецов станет двое.

Катрин сердечно предоставляет укрытие хорошим людям. Тем более что первый беглец вполне приличный, обходительный молодой человек. Довольно известный поэт, и в его обществе будет не скучно.

Сюзанна умоляюще посмотрела на Катрин, которая, скрипя зубами, гримасу злобы на своем лице пыталась превратить в доброжелательную улыбку. Но тем не менее Катрин — умная девочка и согласилась с моим предложением, пересилив бурю глубоких чувств ко мне, бушевавшую в ней.

– А что мне оставалось делать? Конечно, согласилась. И Луиза жива до сих пор только потому, что я сообразила, как просто она разрешила порученную мне проблему. Я сама рассчитывала поиграть с поэтом. Теперь приходится уступить его Сюзанне. Зато приманка-то для нее какая! Всё мигом решается по доброму согласию и без запугиваний. Мужчину-то для развлечений всегда можно найти, а вот благоприятную ситуацию — нет. Луиза, отдай Сержу письмо.

– Да, мы уже договорились, что завтра Сюзанна отправит почти всю прислугу в свое поместье. Оставит себе только камеристку, кормилицу и кучера. Вместе с ними и сыном она утром в понедельник уедет в поместье Катрин. Письмо мы должны как-то отправить кардиналу, — и Луиза передала мне незапечатанный листок.

"Дорогой Арман, мне совершенно случайно стало известно, что против тебя замышляется какой-то заговор. Я очень расстроена, что ты мне об этом ничего не говоришь. Хотя понимаю и государственные соображения, и твое желание не беспокоить, не пугать меня. Но я боюсь за нашего сына. Заговорщики всегда не стесняются в средствах и могут попытаться использовать меня и нашего сына, чтобы оказывать давление на тебя. Поэтому я на некоторое время уеду с сыном из Парижа. Пока опасность не минует. Это будет надежное и спо-

койное место. Так что не посылай никого разыскивать нас. На всякий случай я не пишу тебе, куда мы уезжаем. Вдруг мое письмо окажется доступным чужим глазам.

Любящая тебя Сюзанна де Пуатье

24 сентября 1632 года от Рождества Христова"

– Отлично, лучше, чем мы могли бы ожидать, — и я передал письмо Аманде. — Луиза, вы просто мастер интриги!

– Но я всё равно припомню ей эту гениальную идею, — с наигранной мстительностью пробурчала Катрин. — Хотя и было весело.

– Катрин, нужно будет организовать наблюдение за опустевшим домом Сюзанны. Нам нужно будет точно убедиться, что кардинал туда приходил и когда.

– Хорошо. Сделаю.

– Луиза, как прошел твой визит к королеве? — поинтересовалась Аманда.

– Она в ярости. Едва удалось уговорить ее ничего пока не предпринимать против кардинала. Я ей сказала, что пусть, мол, сначала Его Преосвященство съездит туда, получит оплеуху и помучается пару дней неизвестностью. Потом обсудим, что делать дальше. Как бы плохо мы ни относились к кардиналу, но пока Гастон Орлеанский строит козни, нельзя отправлять Ришелье в отставку. Целью Гастона сразу станет король. Анна со мной согласилась и решила тайно встретиться с епископом Парижским. Я ушла. Зная решительность Анны, думаю, что завтра-послезавтра сделают тихую чистку приюта.

– Ты не заметила еще каких-нибудь попыток преследовать тебя.

– Нет, может, кардинал подумал, что уже достаточно напугал меня?

Луиза и Катрин отправились почивать в свои апартаменты. Гийом, наверное, с Арманом и Пьером осваива-

ют в Париже заколоченный дом и заброшенный сад. Или, может быть, готовит наше пришествие на улицу Капуцинок? Я сказал Анне Петровне, что до среды мне здесь делать вроде бы и нечего. Схожу домой, устрою кое-какие свои дела. Пусть как-то объяснит мое отсутствие другим. Получил уверения, что всё будет в порядке, и отправился переодеваться.

Дом, Дом, где ты, Дом!

*

Утро воскресенья. Без мамы и бабушки дома как-то сиротливо. Залежей грязной посуды я не оставляю. В холодильнике есть что перекусить. Всё равно словно не хватает какого-то привычного, живого тепла. Со временем это, конечно, пройдет, но пока еще я не очень комфортно чувствую себя, заходя в мамины комнаты.

Выхожу на улицу. Ахмеда нет. Во дворе тоже. На стук в дверь не отвечает. Воскресенье же. Поскольку мы сильно упростили перемещение, то он теперь, наверное, проводит выходные в своем Багдаде. Последовать за ним? Дурацкий вопрос! А зачем бы я тогда сорвался из Парижа? Очень хочется хоть денек полюбоваться Зубейдой. Куда там до нее каким-то пошлым райским гуриям! Поскольку я в отпуске и свободен от Парижа до среды, то не возьму греха на душу и не откажусь от Багдада. Хорошо еще, что, уходя в прошлый раз от Ахмеда, я прихватил с собой и свои восточные манатки. Быстренько возвращаюсь домой и переодеваюсь.

Стоп! Что-то я забыл. Пересчитываю наличность из последней зарплаты и отпускных, переодеваюсь обратно и выхожу на улицу. Комиссионка. Биноклей всяких туча, но больших морских всего два. Слегка потрепанные в бурях и странствиях, но исправные и недорого. Один из них без футляра. Беру с футляром, и ремешок у него, кажется, крепче. Беру и компас. Не судовой, конечно, но довольно большой в латунном корпусе и с точной

разметкой градусов. На судовой, антимагнитный моих денег не хватило бы, а Синдбаду всё равно. У него корабль деревянный. Интересно, отплыл он уже в Китай или я его еще застану? Не застану, так получит подарки в следующий раз.

Возвращаюсь домой и снова напяливаю шальвары. Кроссовки, подарки в торбу и на плечо. Закрываю глаза. Багдад, мечеть, колонна…

Выхожу из мечети и обуваюсь. Жарища страшная по сравнению с Питером! Если не изменяет память, то мне вон в ту улицу. И в самом деле — выхожу на базар. Вот и фарфоровая лавка.

– Здравствуй, Мустафа.

– Здравствуйте, Сержи-сахеб.

– Ахмеда-ага не видел?

– Заходил недавно. Пошел к ковровой лавке.

Странно. Напротив торговой резиденции Ахмеда сидят и стоят несколько мужчин. Оживленно переговариваются между собой, не спуская глаз с дверей лавки. Из двери выглядывает один из помощников Али-Бабы, показывает группе три пальца и скрывается. Некоторые из мужчин разочарованно эхают, а другие довольно смеются. Звон монет, переходящих из рук в руки. Подхожу.

– Салям алейкум, почтенные. Что это такое интересное у вас происходит? Не секрет?

– Салям, — отвечает один из них. — Не секрет. Только посторонись немножко, чтобы не мешать нам видеть. Мы тут спорим на Зубейду.

– Как-как?

– Не местный, значит, не знаешь. В лавке работает девушка по имени Зубейда. Красоты необыкновенной. Обслуживает женщин. Мы спорим, сколько полных динаров Зубейда уговорит оставить в лавке какую-нибудь покупательницу. Вон идет еще одна, — и уже оборачи-

ваясь к другим спорщикам. — Спорю про динар. Покрывало потрепанное.

– Спорю про два динара, — подал голос другой спорщик. — Под покрывалом недешевое платье.

Начался галдеж мнений.

– Мы смотрим, как одета входящая покупательница. Это может показывать, насколько толстый у нее кошелек. Когда она уходит, нам дают знать, сколько денег она оставила в лавке. Не хочешь попытать счастья, незнакомец?

– Нет, спасибо, как-нибудь в другой раз. Желаю вам удачи!

Нет, это же надо! Если и дальше так пойдет, то у лавки Ахмеда возникнет тотализатор, как на скачках, и появятся букмекеры. Захожу в лавку. Зубейда только что покончила с очередной жертвой, которая с улыбкой отсчитывает монеты Али-Бабе и, похоже, жертвой себя вовсе не считает.

За прошедшие три недели Зубейда словно чуть-чуть повзрослела и даже еще больше похорошела. В глазах вместо обычной покорности, послушания появилось достоинство знающего себе цену человека. Ой, только что достоинство в глазах было и вдруг куда-то мгновенно испарилось. Зубейда несется стремительно, как стрела, и повисает у меня на шее.

– Сержи-сахеб, Сержи-сахеб…

Я глажу ее роскошные волосы, целую в лобик, носик, губки.

– Людей бы постыдились, — раздается голос Ахмеда с порога внутренних помещений. — Как я понимаю, торговля тканями на сегодня закончилась прямо с утра. Ты надолго, Серж?

– На два дня.

– Али-Баба, напиши на окне, что Зубейды не будет два дня.

Али-Баба добывает откуда-то большой кусок бумаги, что-то старательно пишет на нем и выставляет в окне. Базарные спорщики внимательно читают, переговариваются и с досадой расходятся.

– Домой пойдете или как? — спрашивает Ахмед.

– Домой.

– Хорошо хоть только на два дня. Чувствую, что от твоих наездов будут нашей торговле сплошные убытки.

Все дружно смеются. Зубейда берет накидку, прикрывает лицо, и мы с ней выходим из лавки. На улице Ткачей всё как обычно. Стучим в дверь. Вылетает чертенок и мигом вскарабкивается на меня.

– Попался, Сержи-сахеб! Зубейда, чего ты смотришь, тащи его домой. Ругать будем.

– А за что меня ругать-то, Джамиля?

– Найдем за что, — и задумалась. — Что-то опять ничего в голову не приходит.

Джамиля со вздохом глубокого сожаления отцепляется от меня.

– Ладно, пойдем я хотя бы тебя с бабушкой поздороваю.

В моей комнате не только идеальный порядок, но даже и свежие цветы. Это льстит и радует. Значит, всё время ждали. Присаживаемся с Зубейдой на оттоманку и замираем в обнимку. Зубейда молчит и только тихо дышит мне в ухо и ласково трется своей щекой о мой висок. Потом отстраняется и начинает расстегивать и развязывать на себе всякие премудрости облачения…

Часа через два слегка уставшая Зубейда уходит за обедом и возвращается с подносом, сопровождаемая Ахмедом, тоже вернувшимся домой.

– Честно говоря, я не ожидал тебя в ближайшее время увидеть. Думал, ты по уши в парижских делах.

– Дела-то идут, но для меня там образовался небольшой перерывчик. Вот и решил заглянуть сюда. Есть

тут в Багдаде одна особа, по которой я очень скучаю, — Зубейда стеснительно улыбнулась и скромно потупила глазки. — А у вас тут как?

– Аладдина женили, но что-то он сразу погрустнел. Синдбад уже загрузил свой корабль товарами для Китая и хочет отплыть дня через три. Думали опять собраться у него завтра, но поскольку ты ненадолго, то переиграем на сегодняшний вечер. Зубейда, пойдешь с нами?

– Не знаю, как Сержи-сахеб скажет.

– Ну вот, опять всё та же песня. А свои-то желания у тебя есть?

– Пойду.

*

Корабль Синдбада, подновленный и подкрашенный, по его словам, готов к отплытию хоть сейчас.

– Эх, Синдбад, как интересно было бы отправиться с тобой в таинственные дальние страны или на колдовские острова. Ну, хотя бы на остров циклопов.

Синдбад с восторгом принял свой новый компас и теперь вертит в руках бинокль, стараясь понять, для чего эта штука.

– Так в чём же дело? Поплыли. Циклопов уже не обещаю — всех истребили, но в мире еще много чего не менее удивительного, — он пытается одним глазом заглянуть в объектив бинокля. — Что-то не пойму: для чего нужна уменьшающая всё штука?

– Ты не туда смотришь. Маленькие стеклышки прикладываешь к глазам сразу оба, а вот это колесико крутишь, чтобы всё стало четко видно.

– Ага, попробуем, — соглашается Синдбад, направляя прибор на дворец халифа. — Чёрт, вот так штука! В жизни подобного не видел.

Убирает от глаз бинокль, всматривается в дворец и снова подносит оптику к глазам.

– Никак Гарун гуляет по стене? Точно он! Это же надо! Даже видно, что он сегодня небрит. Смотрит в нашу сторону. Или только так кажется. Темнеет уже.

Синдбад, не отрывая бинокля от глаз, медленно поворачивается, обозревая окрестности, и, покручивая колесико настройки фокуса, вглядывается в речную даль.

– Серж, твоему подарку цены нет! Небывалая вещь. Я навеки твой должник и не расплачусь, даже если весь фарфор Китая тебе привезу. А зачем там видны какие-то черточки и циферки?

– Эта штука называется бинокль, а циферки и черточки на стекле внутри него называются шкалой. По этой шкале можно примерно измерить расстояние до рассматриваемых предметов и их размер, — и я объясняю, как.

– Здорово! Другие капитаны сдохнут от зависти.

– Конечно же, сдохнут, — согласился стоящий с нами на капитанском мостике Ахмед. — Но уже после нас. Пока ты рассматриваешь дали, мы погибнем от голода и жажды.

– Так давайте вниз. Все уже собрались и ждут только вас.

Чёрта два ждут! Уже вовсю питаются и пьют вино. Присоединяемся. Зубейда всё еще не очень уверенно чувствует себя в нашей компании. С некоторым удивлением вглядывается в сотрапезников и старается всё время чувствовать меня локтем. Через некоторое время со вздохом облегчения и удовлетворения Шехерезада отстраняется от стола и заводит приличествующий разговор.

– Что вам сегодня рассказать? О вреде чревоугодия, — и тут она с улыбкой взглянула на Зубейду, — или о вреде чрезмерной красоты?

– Нет, нет, — возразил Абу — Багдадский вор, — только не о вреде. Давай лучше о пользе.

– Тогда о пользе чревоугодия или о пользе чрезмерной красоты?

– О пользе красоты мы и так всё знаем, — со вздохом утраченных иллюзий и обретенного печального опыта произнес Аладдин. — Давай о пользе чревоугодия. О таком чуде еще слышать не приходилось.

– Ладно, внимайте и думайте.

Однажды один очень богатый и очень тучный купец из Басры предпринял по своим делам путешествие по морю. Из торговых людей не только он оказался на корабле. Был и еще один торговец из Багдада, отличавшийся необыкновенной худобой. Во время трапезы худой торговец всё время смеялся и подшучивал над тучностью своего попутчика и его способностью поглощать неимоверное количество всякой еды. Худой торговец всё время допытывался, какую пользу может приносить обжорство. Толстый купец очень обижался, но ничего остроумного ответить нахалу не мог.

Разыгралась буря, корабль не выдержал ее натиска и развалился. Торговцы встретились в воде. "Вот видишь, — сказал толстый тонкому, — какая польза от тучности. Тебе всё время нужно грести, чтобы не утонуть, а меня вода сама держит как поплавок. У тебя не хватит сил, чтобы доплыть до берега, а меня течение и ветер сами донесут до суши".

И толстый оказался прав. Шутки худого за трапезой на корабле оказались преждевременными. Худой торговец вскоре утонул.

– И в чём же мудрость этой истории, Шехи?

– Во вроде бы плохом и вредном вдруг может обнаружиться хорошее и полезное. Всё зависит от обстоятельств.

– Так толстый купец всё-таки добрался до берега?

– Нет, его проглотила акула.

– Вот тебе и раз! Скажешь, что и в этом есть какая-то мудрость?

– Конечно. Никогда не радуйся раньше времени.

Вы просто не представляете, ребята, какая скука сейчас во дворце. Бунт в гареме и то был хоть каким-то развлечением. Гарун с тоски по ночам, переодевшись, тайком ходит в город. По его словам, чтобы посмотреть, как живет народ. А зачем на самом деле, то чёрт его знает. У меня же единственная радость — посидеть или пошалить вместе с вами. Может быть, устроим какое-нибудь приключение?

Только она это произнесла, как на палубе раздался какой-то подозрительный шум, крики.

– Вот, пожалуйста, накликала, — заметил Синдбад. — Приключение само нагрянуло к нам на ночь глядя. Не к добру это.

В каюту вваливается вахтенный матрос.

– Капитан, там какой-то человек шумит, требует вас. Говорим, чтобы приходил утром, — не хочет. Воображает что-то о себе, драться пытается.

– Ладно, ведите его сюда.

Двое матросов вталкивают в каюту какого-то небогато одетого человека в нахлобученной на глаза чалме.

– Оставьте его, — распоряжается Синдбад, и матросы уходят. — Что вам потребовалось на моем корабле, почтеннейший?

Незваный гость поправляет чалму.

– Гарун! — восклицает Синдбад. — Как это тебя к нам занесло? Мы вроде о встрече не договаривались. Только что себе на беспокойство тебя упомянули.

– Да вот, вышел в город погулять…

– Ага, — добавил Абу, — посмотреть, как народ живет.

– Хотя бы и так.

– Только вот народ не живет на корабле у Синдбада.

– Ну и что, вы тоже мои подданные. Причем такие, за которыми нужен глаз да глаз.

– Присаживайся, Гарун, раз пришел.

– Халиф Багдада Гарун-аль-Рашид, — представляю я гостя Зубейде. — Зубейда. Дочь Бахтияра-хаджи из медресе Акбара. Слышали о нем, Гарун?

– Не только слышал, но и знаком. Прелестная дочь у него, — вожделенно сверкнув глазами, признал Гарун. А Зубейда испуганно прижалась ко мне плечом.

– Только глазами, Гарун, — предостерег я его. — Ни о чём другом даже не мечтайте.

– Я и не мечтаю. Опоздал, так опоздал. Всё понимаю. Налейте мне вина. Спасибо. Я вот почему к вам забрел. Со стен дворца порт как на ладони. Смотрю, сегодня вы тут зачем-то собираетесь…

– Со стен, говоришь, видно, — прервал его Абу, — а не врешь? Может, опять через Око Света за нами подглядывал?

– Какая разница! Важно, что вы все в сборе. И даже Сержи-сахеб здесь, а у меня как раз для вас интересная задача появилась. Награжу. Правда, еще не знаю, за что, но хотя бы даже за известие, что опасности нет.

– А ты уверен, что мы возьмемся? — поинтересовался Ахмед.

– Уверен. Вы такое любите.

– Ну, тогда выкладывай, халиф Багдадский. Мы слушаем.

– Пойдемте наверх. Там даже и видно будет.

Всей гурьбой выходим из каюты и поднимаемся к рулевому бревну.

– Сейчас полнолуние, ночь светлая, — продолжает Гарун. — Видите, на той стороне Тигра Шахтиярский лес. В нём запрещено охотиться и рубить деревья. Можно только собирать сушняк. Но вот уже два дня мне доносят, что в лесу завелась какая-то нечисть. Ночью на

поляне кто-то разводит большой костер. Люди, которые ночью отважились зайти в лес и посмотреть, что-то там лепечут о шайтанах, дэвах, сказочных гуриях. Неплохо, если бы кто-то отважился узнать, что там происходит на самом деле и не опасно ли это для Багдада. Ведь совсем же рядом. Если нечисть, то стражу посылать туда бесполезно. А вот вы не боитесь никого и ничего, — и Гарун умолк.

Действительно, на той стороне реки, немного выше дворца халифа вверх по течению имеется небольшой, километра три-четыре в поперечнике лесной массив. Под луной он темен и непроницаем. Кроме одного места. Шагах в трехстах от берега Тигра светлое пятно не такой уж большой поляны, деревья вокруг которой озарены красно-розовым светом большого горящего костра. Синдбад рассматривает лес в бинокль.

– Там кто-то есть, — и передает бинокль мне.

В самом деле. В свете костра движутся какие-то неясные тени. Передаю бинокль дальше, и он, идя по рукам, не так уж скоро возвращается к владельцу.

– Ну, как, — спрашивает всех Синдбад, — пойдем? Ты с нами, Гарун?

– А возьмете?

– Не следовало бы. Ведь если там опасности нет и ты своими глазами в этом убедишься, то не видать нам твоей награды как своих ушей. Да ладно уж, иди с нами. Если будет опасность, то мы как раз тобой и пожертвуем, чтобы самим удрать.

– Ну и шутки у тебя, Синдбад!

Спускаемся с капитанского мостика. Синдбад как-то незаметно для нас обвешался оружием. Большая лодка с гребцами уже у борта. Сначала с некоторыми трудностями опускаем в нее женщин, а потом по очереди забираемся сами. Спрашиваю у Зубейды:

– Может быть, останешься? Подождешь нас на корабле, или Синдбад даст провожатых до дома.

– Нет, я со всеми. Мне тоже интересно, — прозвенела своим голоском Зубейда и, чуть подумав, добавила: – И боязно.

– Не беспокойся, Серж, я за ней присмотрю, — пообещала Шехерезада.

Отлично! На нее можно положиться. Под плеск вёсел мы отправились навстречу какому-то приключению. А может, и нет там никакого приключения? Какие-то напуганные люди вроде есть, со слов Гаруна, а пострадавших-то нет. Лес-то почти рядом, и буквально через четверть часа пристаем к противоположному берегу и вступаем во тьму деревьев.

Правда, лес тут — не то что северные дебри или тропические джунгли. Чист, редок и ровен. Ни одной веточки на земле не валяется. Любую мелочь мигом забирают на дрова. Но всё равно в мертвенном свете луны и пугающем шелесте от налетающего ветерка и этот лес мрачен и жуток. Скинув свой темный халат, впереди пробирается Багдадский вор со своим кошачьим зрением. Мы все за ним, ориентируясь на его белеющую под проблесками лунного света спину.

Шагов через двести кое-где между деревьев стали видны огни костра. Доносятся и какие-то ритмичные звуки, почему-то кажущиеся мне очень знакомыми. Абу останавливается и ждет, пока все соберутся вокруг него.

– Я немного знаю этот лес, — тихо говорит он. — Видите, он совсем голый. Нет ни подлеска, ни кустов. Молодая поросль и кусты есть только по краю поляны и при этом только с одной стороны. Там, где не жжет дневное солнце. Мы подойдем оттуда и растянемся за кустами на расстоянии вытянутой друг от друга руки. Группой не стоять, не разговаривать, не топать и головы над кустами не поднимать. Смотреть сквозь листву. Тогда, может

быть, нас и не заметят. Если там что-то опасное, то не срываться с места и не бежать. Тихо отползаем и быстро уходим, скрываясь за деревьями. При этом — не теряя друг друга из вида. Шехи, Зубейда, вы идите вслед за Синдбадом, а отступать, если что, будете впереди него. Пошли!

Абу повел нас, по дуге огибая поляну, к подходу к ней с кустами. Звуки всё слышнее, и я уже точно узнаю их. Не верю своим ушам. Откуда? Осторожно рассеиваемся за кустами. За ними взгляду открывается фантастическая картина.

В свете костра на поляне под музыку танцуют почти полностью обнаженные нимфы* из античных мифов. Не одни. Кавалерами при них самые что ни наесть натуральные фавны*. И это далеко не вся публика на поляне. Просто глаза разбегаются. Одни мне знакомы, а другие нет.

Вот на винной бочке сидит явно захмелевший джинн из лампы Аладдина и трясет бородой в беззвучном смехе. Видно, что-то очень потешное рассказывает ему на ухо огромный рыжий кот.

Вон у столов с закусками и бочонками что-то промышляет Баба-Яга. Ступа с помелом пристроена у ближайшего дерева.

Хлопает в ладоши танцующим писаная красавица, о которой у Пушкина сказано: "…Месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит". Слава Богу, ее братьев тут не видно. Интересно, как они там устроились на Буяне-то?

В общем, вся поляна заполнена самым разным, от души веселящимся сказочным народом. Большим и маленьким, христианским и нет, добрым и не очень, но сейчас воинственных просто не может быть — большой общий праздник. Оглядываюсь на своих спутников. Все, затаив дыхание, увлеченно наблюдают за небывалым зрелищем. Тихонько пихаю Ахмеда пальцем в бок.

– Передай всем, чтобы сидели тихо и не трогались с места, пока не подам знак.

Ахмед кивает и передает директиву дальше. Отползаю назад, за деревьями на всякий случай перемещаюсь подальше от кустов, которые скрывают моих спутников, и только тогда выхожу на поляну. Поначалу на мое появление никто и внимания не обратил. Может быть, из-за синих шальвар приняли еще за одного джинна? Только Баба-Яга, икнув от неожиданности, когда я поздоровался, проходя мимо, проскрипела мне вслед:

– Ну вот, русским духом запахло. Нигде от наших спасу нет!

– Здравствуй, Арзон!

Старый гном раскрыл было рот, но, увидев меня, слегка опешил и только машинально кивнул головой, не прекращая крутить ручку подаренного лесному народу граммофона.

– Везер тоже тут?

– Там, — и Арзон мотнул головой направо.

Старший эльф занят очень важным делом. Охмуряет какую-то полненькую дриаду не из своего леса. Но меня заметил и мгновенно оказался рядом с приветливо протянутой для рукопожатия рукой.

– Никак не ожидал вас встретить здесь, Серж.

– Взаимно. Я не мог и подозревать, что лесной народ Верна выбирает для веселья такие отдаленные места.

– Нас пригласили сюда в этом году. Праздник октября волшебных народов каждый год проводится в новом месте. Хотя бывает, что случается он и в сентябре. На будущий год веселье будет в нашем лесу. Приходите.

– Непременно. А кто здесь приглашающий?

– Вон тот джинн, — и Везер указал на нашего подвыпившего пожилого знакомца, который по идее должен бы сидеть в своей лампе, в шкафу у Синдбада.

– Фея Роза тоже здесь?

– Конечно. Да вон, она уже вас заметила и летит сюда.

– Здравствуйте, Серж. Как вы нас нашли? Это просто сюрприз.

– Здравствуйте, фея Роза. Совершенно случайно. Сам не ожидал увидеть всех вас здесь, да еще в такой обширной и интересной компании. У меня тут возникла небольшая трудность. Не смогли бы вы чем-то помочь?

– Что за трудность?

– Праздник вы устроили слишком близко к людям, и их беспокоит что-то странное, появившееся в лесу. Сами понимаете, что непонятное всегда пугает. Нас с друзьями попросили разузнать, что тут происходит и не опасно ли это.

– И где же ваши друзья?

– Наблюдают из леса.

– И что же вы хотите?

– Раз уж мы здесь и всё видели, то нельзя ли нам всем присоединиться к вашему празднику?

– Мне не приходилось слышать, чтобы людей приглашали на праздники волшебных народов. Но такие праздники обычно проходят в недоступных людям местах. А сейчас вы нас обнаружили. Какой смысл теперь вас прогонять или держать в лесу? Никакого. Но я не распоряжаюсь здесь. Спросим у хозяина праздника.

Поддатый джинн сразу меня признал, а тоже окосевший рыжий кот что-то с сожалением мяукнул и медленно растворился в воздухе.

– А-а, Сержи-сахеб. Как это тебя сюда занесло? Бери стакан. Можешь не отвечать — и так ясно, что тебя послали. Кто-то что-то заметил? Подозрительно, что ты один. Или не один? Когда я уходил с корабля, Синдбад ждал каких-то гостей.

– Его друзья тут рядом, за деревьями. Серж просит разрешить им присоединиться к празднику, — сообщила фея Роза.

– Раз уж пришли и увидели, то пусть выходят. Всё равно последний день праздника. Только не болтать о том, что видели. Я эту компанию знаю, фея Роза. Они не злые и не вредные. Правда, есть среди них один глупый вор, но это не опасно. Предупредите всех, что будут люди. Чтобы не удивлялись и не пугались. Разрешено. Так ты будешь вино пить, Сержи-сахеб?

– А после тебя еще что-нибудь осталось?

– Полбочки еще есть. Изумительное на вкус вино, а запах потрясающий! Попробуй.

– Можешь не расхваливать. Я знаю это вино и где его делают. Сейчас позову друзей, а ты пока приготовь посуду. Вот им стоит попробовать, — и я отправился в кусты.

– Дело вот какое, — сообщил я, собрав всех своих спутников в кучу. — Нам разрешили выйти на поляну и принять участие в празднике. Всё равно это последний день веселья. Условие одно — не болтать о том, что видели. Сначала угостимся вином, которого вы никогда не встречали и, наверное, больше никогда не встретите. Потом делайте что хотите. Пошли!

– У тебя, Сержи-сахеб, мы поняли, есть знакомые среди этих существ, — заинтересованно произнес Гарун.

– Есть. Идем. Только не хулиганить. Есть там знакомые или нет, но с безобразниками расправляются быстро и круто. Это я для вас, Абу и Гарун. У Абу тяга спереть что-нибудь, а Гарун может попытаться утащить какое-нибудь существо себе во дворец. Даже не пытайтесь!

Вечные враги переглянулись и в один голос заявили, что будут вести себя очень благообразно. С тем мы вы-

шли на поляну и под заинтересованными взглядами публики проследовали к нашему джинну с бочкой.

От вина из Верна все оказались в восторге, как и ожидалось.

– У меня в погребах такого не найдешь, — посетовал Гарун.

– Не теряйте надежды, Гарун, — если в бочке что-то останется, то попросим у джинна по бутылочке с собой. Может и даст. Дашь?

– Если останется. Я подумываю, что и себе неплохо бы захватить.

– Тогда уж очень-то не налегай на него.

– Не надо ли вам чем-нибудь помочь, Серж? — послышался голос эльфа Везера. Я обернулся, и мы отошли в сторону.

– Был бы очень признателен, Везер. Видите вот того мужчину? Его зовут Гарун. Очень любвеобилен. Опасаюсь, что он, выпив вина, начнет проявлять страсть к моей девушке, которую вы видите вон там вместе с другой женщиной.

– Ничего удивительного в страсти любого мужчины к такому чуду.

– Натравите на Гаруна нимф. Пусть они его чем-нибудь займут.

– Хорошо. Сделаю. Что-нибудь еще?

– Зубейда! Подойди, пожалуйста, к нам. Знакомьтесь, Везер, — моя Зубейда.

– Очень приятно, Везер, с вами познакомиться, — пропела девушка.

– Я хочу вас попросить поухаживать за ней, пока я занят. Я тут увидел некоторых интересных существ, и мне нужно поговорить с ними. Может быть, потанцуете? Покажете Зубейде, что такое танго и фокстрот? А может быть, вальс? Она способная ученица.

– С удовольствием. Можете быть спокойны, Серж, за свою подругу, — и они удалились к танцевальному кругу.

Я заметил одно интересное обстоятельство во всём этом веселящемся обществе. Почти все существа принадлежат к мирам, в которых я побывал. Или могут принадлежать, если я там с ними еще не встречался. Все, кроме нимф и фавнов. Вероятно, они оттуда, где я еще не был. Чей это мир? Еще один мир Анны Петровны или мир Александра?

Греция или Рим? В Греции есть бог лесов и полей Пан, и он один. В Римской мифологии ему соответствует бог Фавн. Но в Риме существуют и представления о множественности фавнов. Значит, Древний Рим. У Анны Петровны слабости к этой эпохе вроде не наблюдается. Скорее всего, именно Александр культивирует это время. Сейчас попробуем узнать.

Группка фавнов живописно разлеглась на траве и отдыхает после утомительных танцев. Подхожу и обращаюсь сразу ко всем.

– Мы не очень огорчили вас своим появлением?

– Нет, отчего же. Раз хозяин праздника разрешил, то почему бы нам расстраиваться? Вовсе нет. Даже как-то разнообразнее на этот раз.

– Я хотел спросить: а не известен ли кому-нибудь из вас человек по имени Александр?

– Это который то появится, то исчезнет неизвестно куда? — оживился один из фавнов.

– Наверное. Очень похоже на него.

– Интересный, довольно известный в Риме молодой человек. Богатый и одновременно не злой. Это редкость. Мы с ним дружим. Когда никто не видит, я даже заглядываю к нему на загородную виллу. Но чаще он приходит к нам в лес.

– А вас как зовут?

– Габор.

– Очень приятно — Серж. Габор, я, наверное, на днях увижу Александра. Передать ему от вас привет?

– Буду очень признателен.

– Я вот о чём хотел бы попросить вас, Габор. Видите вон ту скучающую женщину? Ее зовут Шехерезада. Не смогли бы вы ее чем-нибудь развлечь? Скажем, беседой, танцами.

– Женщины — наша слабость, но они пугаются фавнов.

– Эту трудно чем-то удивить и напугать.

– Тогда я пошел.

Я отделился от фавнов и оглядел поляну. Гаруна нет. Все ли нимфы здесь, непонятно. Я их не считал. Ахмед стоит у бочки и о чём-то беседует с джинном. Али-Баба сидит у танцевального круга и смотрит, как Везер и Зубейда уже кружатся в вальсе. И не он один. Множество существ завороженно следят за парой. Аладдин нашел терпеливую слушательницу — фею Розу — и на что-то уныло жалуется ей. Гном Арзон взял в плен Синдбада, отнял у него саблю, и теперь оба сидят и бурно обсуждают, наверное, достоинства дамасской стали. Бросают травинки на сабельное лезвие и наблюдают, как некоторые под своим весом распадаются надвое. Потешно смотреть на эту пару со стороны! Баба-Яга о чем-то то ли торгуется, то ли просто спорит с Абу. Наверное, хочет всучить ему что-то спёртое у проезжих богатырей или делится опытом ворожбы.

Подхожу к той красотке, которая со звездой во лбу.

– Здравствуйте, Маня. Меня зовут Сергей. Как там Спиридон поживает и другие ваши братья?

– Спасибо, вашими молитвами. Совсем было от меня отбились. Город свой взялись строить. Да какие из них строители! Опять за них самой приходится думать, а у меня ведь еще и семья. Это вы их подучили про город-то?

– Было такое, — виновато признался я.

– Вроде и хорошо. Они наконец хоть постоянно при деле. Не пьянствуют и не буйствуют незнамо где. Только теперь все разговоры о том, что туча баб вдруг появится откуда-то и поселится в их городе. Ждите! Опять придется их выручать, а после замужества я почти ничего большого наколдовать уже не могу. Так на роду написано. Попрошу Гвидона, чтобы он дал переселенцев в их город. Братья всё-таки.

– Передавайте привет Спиридону.

– Передам.

Я обернулся к поляне. Откуда-то нарисовался Гарун. Слегка помятый, но чем-то очень довольный. Небо слегка посветлело. Подхожу к бочке.

– Пожалуй, пора собираться.

Джинн взглядывает на небо.

– Сейчас сделаем.

На бочке из ниоткуда возникают несколько бутылок. Джинн что-то шепчет. Из бочки вырывается фонтан вина в несколько струй и мигом заполняет бутылки. Прилетают с неба пробки и втыкаются в горлышки.

– Вот, по справедливости всем по одной, а мне две — и бочка пуста.

Ахмед пошел собирать наших, а из тьмы деревьев какой-то неуверенной походкой выходит Шехерезада и подходит ко мне.

– Серж, это ты натравил на меня фавна?

– Да ты что! Как это натравил? Смотрю, ты скучаешь. Вот и попросил одного из них развлечь тебя разговорами, танцами.

– Правда?

– Истинная правда!

– Вот скотина! Ни слова про танцы я от него не услышала. Хотя, с другой стороны, энергичная порода. Несмотря на волосатость, рогатость и копытость, уболтает

до обморока кого угодно так, что покажется сказочным красавцем.

Мы попрощались с волшебным народом, забрали свои бутылки и двинулись к лодке. Утренний полумрак рассеял ночную жуть леса. Просыпаются птицы, а шелест листьев уже не навевает панического страха. Воздух свеж, легок и влажен. Идем молча и не спеша. Смотри-ка — Шехерезада и Зубейда идут, держась за руки. Подружились. Действительно, волшебная была ночь…

Молча карабкаемся на корабль. Молча Гарун потопал в свой дворец. Окликаю его:

– Гарун!

– Что? — он останавливается.

– Возьмите и мою бутылку. Я себе еще достану.

– Спасибо, а обещанная награда за мной.

– Бросьте, какая там награда! Если на самом деле хотите наградить нас, то пообещайте больше за нами не подглядывать.

Гарун задумался.

– Хорошо, обещаю. Там, на поляне, я многое понял про вас всех. Счастливого плавания, Синдбад!

Тихо сидим в каюте. Просто сидим. Зубейда прижалась ко мне и с блаженством улыбается.

– Чарующая ночь, — нарушила молчание Шехерезада. — Давно мне не было так хорошо! Кстати, Синдбад, а где твоя сабля? Ты же был при ней.

– Бородатый коротышка выпросил, а я не смог отказать. Не страшно. У меня их куча.

– Арзон большой мастер по железу, — сказал я. — Так что твоя сабля попала в хорошие руки. Видно, он вознамерился превзойти дамасских оружейников.

За дверью послышались шаркающие шаги. Дверь скрипнула, и нарисовался наш джинн.

– Задержался вот немного. Поляну прибирал. Славно повеселились!

Он подошел к шкафу, в котором спрятана его лампа, и быстро исчез, втянувшись дымчатой струйкой вместе со своими бутылками в щелочку под дверцей.

Расходиться как-то не очень хочется. Словно эта волшебная ночь из компании друзей превратила нас еще и в какую-то странную, но крепкую семью. Однако пора. Желаем Синдбаду счастливого плавания и тихо разбредаемся по домам. Шехи на прощанье заговорщицки шепнула мне на ухо:

– Ты хорошо сделал, что подослал ко мне фавна, — а отстранившись и сделав невинные глаза, произнесла во весь голос: — Какое все-таки чудное приключение досталось нам сегодня!

*

Я уже лежу, а полусонная Зубейда всё еще никак не может избавиться от своих одеяний.

– Как я устала, Сержи сахеб! Ваш остроухий друг в зеленой одежде совсем меня закружил. А как интересно было…

Зубейда уткнулась носиком мне в подмышку, еще что-то неразличимое пробормотала и затихла, равномерно засопев в мгновенно наступившем сне.

А мне не дает покоя одна мысль. Любопытная вещь открылась сегодняшней ночью. Все волшебные существа из наших разных миров собрались в одном месте. Значит, существует какой-то, так сказать, канал перехода из мира в мир, минуя машину Швейцера в Питере. Очень интересно. А вдруг возможность прямого перехода из мира в мир существует не только для волшебных существ, а и для людей тоже? Классно было бы! Нужно разузнать, что тут и как.

Ладно, надо-таки хорошенько вздремнуть. Вечером в Париж возвращаться…

*

В среду за обедом в графских чертогах Аманды подбиваем итоги прошедших дней.

– Вашего поэта благополучно доставили в мое поместье, — доложила Катрин, — а в понедельник утром прибыла и Сюзанна. Беглецы пока что только присматриваются друг к другу. Беспокоит то, что во вторник Ришелье не появился на Сен-Сюльпис. А сегодня у него приют на улице Капуцинок, и в такой день он у Сюзанны никогда не появляется. Не похоже на кардинала, который всегда придерживается своих правил.

– После отъезда Сюзанны к ней кто-нибудь приходил? — спросил я.

– Нет, ни визитеров, ни посыльных не было. За ее домом всё равно присматривают, и если что произойдет, то немедленно дадут знать, где бы я ни была.

– В заговорах все гладко не бывает. Причин отказываться от плана пока нет. Мы же за самим Ришелье не следим. Может что-то стороннее нарушило его правила.

– На улице Капуцинок у нас всё готово, — вступил в разговор Гийом. — Королева Анна написала новой аббатисе для нас письмо. Втолковали привратнику, чтó делать и чтó говорить, когда явится ночной визитер. Если этот визитер проявит хоть малейшую настойчивость, привратник будет звонить в колокольчик. Под видом ночной стражи прибегут четверо наших слуг во главе со мной. А остальные появятся, как загулявшиеся до ночи гости из снятого нами дома наискосок от приюта. Хочешь — не хочешь, а кардиналу придется объясняться, чтó он тут делает ночью в маске и зачем ломится в спящий приют. Всё должно получиться.

– К встрече Жозефа тоже вроде всё готово.

– Вроде или всё?

– Всё, — поправился Арман. — В дом и сад попали, нужное подготовили. Узнали, что у дома и сада один

владелец и сейчас в городе его нет. Так что можем пользоваться домом и садом открыто. Соседи подумают, что их сдали в аренду. На всякий случай в доме оставили надежного человека следить за неожиданностями.

Как и подумали с самого начала, ночью распахнем ворота сада и перегородим улицу. Нападем сразу с двух сторон. Из дома и из сада. Гийом с помощниками возьмет в оборот кучера и слугу, а мы с Пьером тем временем разделаемся с Жозефом. Если придется действовать днем, то изобразим, будто идет ремонт ворот. Наших лошадей и карету мы оставим на постоялом дворе через две улицы.

Ночь, конечно, для нас самое удобное время, но Жозеф не всегда возвращается домой ночью. Бывает и засветло. Так что и нам на всякий случай нужно будет приготовиться пораньше. Для чего мы поставим двух наблюдателей с лошадьми у Пале-Кардиналь. Как только Жозеф захочет выехать оттуда, один из наблюдателей нас предупредит. Другой наш человек последует за Жозефом и уведомит нас, если Жозеф поедет не к засаде. От дворца кардинала до засады езда не такая уж долгая. Так что после предупреждения о том, что Жозеф двинулся из Пале-Кардиналь, у нас для готовности будет всего около пяти минут. Должно хватить.

– Если нападение на улице почему-либо сорвется, например, Жозеф не появится, где мы его ждем, или что-нибудь другое, — продолжил Пьер, — то придется сразу же пойти на более рискованный вариант. Времени всё переносить на другой день у нас нет. Застанем Жозефа прямо у него дома. То, что у него почти вся прислуга женская, играет нам на руку. Войдем через заднюю дверь, к которой у нас уже есть ключ. Гийом со своей командой займется слугами, а мы с Арманом доберемся до Жозефа. Скажу, как Гийом: всё должно получиться.

– Прекрасно. Вы, ребята, сделали много больше, чем замышлялось вначале, — похвалила их Луиза. — А у меня вот не всё гладко. В нашу компанию пришлось принять еще одного заговорщика. Хотя мы и не хотели этого.

– Кого и зачем?

– Королеву Франции Анну Австрийскую. Вообще-то это было неизбежно, раз мы отводили ей важную роль в наших планах. А я тоже шляпа. Зная ее, должна была понимать, что Анна не будет подписывать никаких важных писем вслепую. Только просто потому, что подруга попросила. К аббатисе-то она для нас написала письмо потому, что понимала: тут хотят дать оплеуху кардиналу. Но вот писать кардиналу угрожающее письмо неизвестно для чего она отказалась. Пришлось немного посвятить ее в наши дела. Я сказала, что есть заговор, цель которого не свалить кардинала, а просто прижать его к стене и заставить выпустить безвинных арестантов. В детали, конечно, я ее не посвящала, да она и не требовала. В общем, нужное нам письмо будет в нужное нам время в нужном нам месте.

– Тоже хорошо. Ты исправила ошибку в соображениях, допущенную нами. Аманда, как у нас обстоят дела с Камиллой де Буа?

– Всё в порядке. Она будет у меня в четверг вечером и останется до следующего дня.

– Великолепно. Арман, Пьер, вы будете одновременно и вестниками новостей для Камиллы. Поэтому из замка вы и так уедете до ее появления, а появиться здесь вам надо где-нибудь к завтраку на следующий день с самыми свежими сплетнями и слухами о гибели отца Жозефа.

В обеденный зал вошел слуга и склонился к уху Аманды.

– Катрин, там к тебе приехали.

Катрин выпорхнула за дверь и вернулась минут через пять.

– Уф, от сердца отлегло, — довольно воскликнула она. — Ришелье чуть больше часа назад уехал с Сен-Сюльпис. Сначала его слуги оббежали все соседние дома, пытаясь узнать, что означает пустой дом Сюзанны. Потом карета просто простояла там минут пять. Словно кардинал о чем-то размышлял. В конце концов карета двинулась в сторону Лувра.

– Ну что ж, будем надеяться, что Ришелье из-за этого не отменит своего ночного визита к сироткам.

Потянулось тягостное ожидание вечера. Сначала пытались поддержать друг друга пустой болтовней ни о чём. Потом плюнули на такую ерунду и разошлись по своим комнатам. Ко мне заглянула хозяйка.

– Можно?

– Да, да, конечно, — и графиня плотно притворила за собой дверь.

– Знаете, Сергей, — заметно поколебавшись, начала она, — меня так и не покидает тягостное чувство, что мы делаем что-то не то и не так…

– Можете не продолжать, Анна Петровна. Меня на уровне эмоций тоже не покидает это самое.

– Правда?

– Правда. Всё дело в противоречивости человеческой психики, эмоций в вопросе лишения кого-то жизни.

– Вот-вот, вы, пожалуй, очень точно сказали.

– Вся петрушка заключается в том, что мы смешиваем рациональное с эмоциональным и путаем этическое с логическим. Получается такая каша, в которой сами не можем разобраться. Сами посудите, нас приводят в восторг дуэльные подвиги д’Артаньяна, который крушит чужие жизни направо и налево. Скажете, литература? Нет, д’Артаньян как имя — литература, а дуэли — нет. Дуэли — жизнь. Дуэльная смерть — это чистой воды безмо-

тивное, нерациональное убийство по прихоти. Смехотворный предлог мнимого оскорбления — разве мотив для наказания смертью? Нет, конечно. Тем не менее мы это видим сплошь и рядом и сами же прославляем как подвиг и освобождаем от наказания. Вопрос, на чьей из сторон мы стоим, совершенно не существенен.

– Но на дуэли обе стороны вооружены.

– И это тоже совершенно неважно. Здесь вопрос не вооруженности, а умения. Если вы против опытного бретера* выставите меня, то какой будет исход? Да один и тот же, со шпагой я или нет. Тогда почему оценки смерти тут разные? Убийство — не убийство. Наличие оружия — просто самооправдание для сильного против слабого. Если хотите, мы попросим Армана сунуть в руки Жозефа шпагу, прежде чем Арман проткнет того. Вам будет легче? Вряд ли.

– Я даже не знаю, что сказать…

– Уважаемая Анна Петровна, мы ввязались в интригу с рациональной основой и не сможем разрешить проблему на основе морали и эмоций. Если только попытаемся, то будем уничтожены сами и никого не спасем. Жозеф — преступник и с точки зрения морали, и с точки зрения эмоций, и с точки зрения рациональности. Но обезвредить его можно только рациональным путем. До морального не дошли еще даже в двадцатом веке. Так что не мучайте себя.

Мне самому жутковато. Но я понимаю, что мы с вами на позициях самозащиты. Хотя со стороны может казаться, что мы готовимся к нападению. На самом деле это не так. Оружие, возможности, которые против нас, намного сильнее наших собственных. Поэтому мы вынуждены изощряться, чтобы не пропасть.

– Я подумаю, Сережа. Наверное, вы в чем-то правы, — и она ушла.

Выезжаем вчетвером из замка в какой-то карете без гербов, как только солнце коснулось горизонта. Слуги, участвующие в спектакле, отправились раньше. До ночи далеко, и можно было бы выступить попозже, если бы городские ворота не закрывались рано.

Улица Капуцинок. Симпатичная и даже, можно сказать, уютная. Глухие деревянные ворота небольшого монастыря капуцинок с калиткой и окошечком. В нём и находится сиротский приют. Звон колоколов к вечерней молитве. Выбираемся из кареты, и та уезжает куда-то дальше. Почти полная луна начала свой путь по небу. Через несколько шагов на другой стороне улицы нас впускают в небольшой двухэтажный, каменный дом.

Слуги уже здесь и готовятся к выходу на сцену. По большой комнате первого этажа разбросаны доспехи, оружие, факелы стражников. На втором этаже в такой же комнате — стол с приготовленным выпить-закусить. Горит несколько свечей. Окна распахнуты. Ворота монастыря в неверном свете луны — как на ладони. Садимся и закусываем.

Около полуночи Гийом спускается вниз и со своей бряцающей железом командой скрывается поблизости в каких-то темных проулках. Засада готова. Где-то около часа послышался нарастающий стук колес и лошадиных копыт. Мы насторожились, начали греметь посудой и громко переговариваться пьяными голосами так, чтобы было слышно на улице.

Карета проехала мимо. Не то? Нет, то! Остановилась метрах в двадцати дальше по улице. Правильно — зачем даже ночью афишировать объект визита? От кареты отделилась неясная фигура и пошла назад. Остановилась у ворот монастыря. Мы несколько умерили свои голоса. Тихий стук в ворота напротив. Через несколько мгновений стук повторяется громче. Мы слышим скрип открываемого окошечка ворот. Переговаривающиеся

голоса. Слов, интонаций не различить. Окошко захлопывается. Мгновение тишины — и снова требовательный стук. В ответ благолепие ночи разрывается громким и пронзительным звоном колокольчика и криками: "На помощь, на помощь!"

Арман высовывается в окно и зычным голосом кричит:

– Эй, приятель, что ты там вытворяешь!?

Мы мигом скатываемся по лестнице, вылетаем на улицу и оказываемся между фигурой в плаще и каретой. Мимо нас фигуре не проскользнуть. Фигура пытается это сделать, но Арман преграждает ей путь.

– Нет, друг, — с бесцеремонностью и настойчивостью пьяного ведет себя Арман, — ты отсюда не уйдешь, пока не скажешь, что ты тут делаешь.

А мнимая стража с топотом и поднятыми над головой факелами уже почти подбежала. Кучер кареты поспешил на помощь хозяину и пытается обойти нас, но Пьер в момент оттирает его в сторону и прижимает к стене. Караульный начальник еще издали кричит:

– Именем короля! Всем стоять на месте!

Фигура на месте стоять не хочет и пытается протолкнуться через нас. Арман хватает ее за плащ и притягивает к себе.

– Эге, да он в маске!

Действительно, визитер в маске, скрывающей все лицо до низа подбородка.

– Кто в маске? Что тут происходит? — выкрикивает подбежавший фальшивый караульный начальник, а его подчиненные окружают нас.

– Вот этот в маске, — и Арман встряхивает фигуру, — ломится в монастырь.

– Чёрт! — с изумлением ругаюсь я. — Арман, Пьер, немедленно обоих в дом!

– Что случилось?

– Потом, быстро их в дом!

Хоть и недоумевая, Арман и Пьер мгновенно подчинились.

– Гийом, тоже очень быстро отгоните карету чуть дальше вперед и предупредите привратника, что будет еще один визитер. Пусть всё делает точно так же. И мигом в засаду! Повторяем всё с самого начала. Следующий визитер может быть уже на подходе.

Гийом что-то сказал одному из своих, и тот устремился к карете, а сам подбежал к воротам монастыря. На условный стук окошко открылось, и Гийом сказал в него несколько слов. Буквально за полминуты улица опустела. Я рванул к дому. Оба пленника стоят, прижавшись к стене, под суровым взглядом Пьера, поигрывающего длинным кинжалом.

– В чём дело, Серж?

– Посмотрите внимательней, Арман, — и он всматривается в человека в маске.

– Вот дьявол! А борода-то где? Я как-то и внимания не обратил.

– Вот именно.

Арман подходит к визитеру вплотную, откидывает на нем капюшон и сдергивает маску. В каскаде пышных волос открывается молодое и миловидное женское лицо.

– Чёрт меня дери! Женщина!

– Ладно, разбираться будем потом. Мадам, как вы видите, произошла ошибка. Нам нужны не вы. Мы завершим свое дело и вас отпустим. Вы согласны вести себя тихо и благоразумно? — Женщина промолчала и только согласно слегка повела головой сверху вниз. — Отлично. Но меры предосторожности мы на всякий случай примем. Привяжите их к стульям и побыстрее. Времени у нас нет. И я, прыгая через ступеньку, понесся наверх. Выглянул в окно — тихо. Через минуту подоспели остальные двое.

– Вот что называется непредвиденные обстоятельства. Чуть не погорела вся наша затея. Какое дурацкое совпадение, что кому-то еще понадобился именно этот монастырь именно сегодня и именно в это время.

– Интересно, — задумчиво произнес Пьер, — неужели привратник хотя бы по голосу не понял, что перед ним женщина? Напрасный переполох.

– Тсс, вроде снова кто-то едет.

И действительно, опять слышится стук колес и копыт. Только теперь карета останавливается почти напротив нашей двери. Дальше всё повторяется один в один. И наши действия, и наши реплики.

Свет высоко поднятых факелов стражи ярок, и тени от широких полей шляп скрывают лица Армана, Пьера и Гийома. На мне шляпы нет, и моя физиономия открыта обозрению.

– Вот видите, сержант, — говорит Арман, обращаясь к начальнику караула. — Этот в маске, а тот, соскочив с кареты, бросился на нас со шпагой. Они грабители. Честные люди по ночам в масках не ходят и не ломятся в чужие двери.

– Снимите маску, сударь, — с железом в голосе произносит лжесержант.

– А если не сниму?

– Вы пожалеете. Мы сами снимем.

– Да что вы там с ним разговариваете! — горячится Арман. — Сейчас я ему так врежу, что он всю оставшуюся жизнь будет ходить в маске!

Это мгновенно сработало.

– Кардинал! Ришелье! — ахнули стражники.

– Кто же мог знать, Ваше Преосвященство, в такое время, в таком месте, — покаянно и льстиво начал лжесержант. — Кто бы мог подумать…

– Завтра у вас будет большая возможность подумать. Как ваше имя, сержант?

– Ему еще имя подавай! — всё так же кипятится Арман, не отпуская и дергая кардинала за плащ. — Да и какое это Преосвященство! Настоящее Преосвященство по ночам дома сидит, а не болтается по женским монастырям. Всё-таки я ему сейчас врежу! Бог простит.

– Сержант, обуздайте этого громилу, — с беспокойством и опаской, но властно распорядился Ришелье, и стражники, отцепив драчуна от жертвы, начали оттеснять Армана к открытой двери, из которой мы выскочили.

– Ваше Преосвященство, — проникновенно посоветовал лжесержант, — вам бы лучше уехать. Как бы драка не началась, а они все при оружии.

Это тоже сработало. Оскорбленный в своих чувствах и обеспокоенный явной опасностью, кардинал погрузился в карету, она с трудом развернулась на узкой улице и понеслась туда, откуда приехала. Мы же, смеясь от души, а, может быть, разряжаясь нервным весельем от напряжения, всей кучей ввалились в дом.

– Вот и всё, — сказал я пленникам. — Мы не очень долго? Пьер, освободите, пожалуйста, их. Вот так. Ваша карета чуть дальше того места, где вы ее оставили. Можете идти, но мне хотелось бы сказать несколько слов вам, мадам. Время, место и маска позволяют думать, что ваш визит сюда должен быть тайным. Это так? — опять последовал молчаливый кивок. — Очень хорошо. Нам тоже огласка ни к чему. Вы нас не видели, и мы вас не видели. Согласны? — снова кивок. — Вот и договорились. На прощание сообщу вам небольшую новость, которую вы, возможно, не знаете. В этом монастыре со вчерашнего дня новая аббатиса. Впрочем, и все остальные святые сёстры тоже сменены. И порядки новые. — В ее глазах что-то загорелось и погасло. Еще один кивок. Медленный. Нет, это уже не кивок, а небольшой поклон — как бы в знак благодарности за сообщение. И таин-

ственная дама, сопровождаемая своим кучером, отправилась на поиски кареты.

– Странная особа, — проговорил Гийом, — может быть, следовало узнать хотя бы ее имя?

– Зачем? Нам чужие тайны вроде ни к чему. Со своими бы разобраться. Давайте-ка лучше на всякий случай побыстрее уберемся отсюда!

*

Утром за поздним завтраком рассказ о ночной акции имел бурный успех. Опять удалось, разыгралось блестяще, хотя чуть не сорвалось. Луизу тоже заинтересовало странное поведение привратника монастыря, поднявшего шум в отношении женщины.

– Это я упустил, — покаялся Гийом, — когда разговаривал с аббатисой и привратником. Речь шла, в общем, о визитере, посетителе. Не уточнялось, что это обязательно будет мужчина. Я и не мог предположить, что гость окажется не единственным. Кто постучал в ворота, тот и удостоился особого внимания привратника.

– Будем надеяться, что и грядущая ночь окажется удачной, — пожелал себе Арман. — Она, пожалуй, потруднее будет. Если действительно это будет ночь. Так что на всякий случай мы отправимся в Париж еще до обеда.

– А нельзя ли и мне с вами? — спрашиваю я.

– Зачем? Вряд ли это хорошая мысль, — ответил Пьер. — Слишком опасно как раз для вас, Серж. У вас светлая голова, но вот готовность к таким действиям никакая.

– А для вас не опасно? — возражаю я. — Всё-таки это моя затея. Никогда не прощу себе, что когда вы все рискуете, я буду отсиживаться где-то в стороне.

– Пусть идет с нами, — согласился Арман. — Гийом, вы не возражаете? Нет? Но при одном условии. Вы,

Серж, из дома не выходите, нам не мешаете и только наблюдаете.

– Согласен.

– Мальчики, — вмешалась Луиза, — как я за вас боюсь! Ради Бога, осторожнее и если что вдруг будет не так, то немедленно удирайте. Плевать на Жозефа. Придумаем что-нибудь другое.

*

Улочка тихая. За те десять минут, что я сижу у окна второго этажа, мимо прошли всего двое. Ворота сада на противоположной стороне улицы слегка приоткрыты, а за густыми зарослями не видно, что там делает Гийом со своей командой. Сад словно вымер. Но вот один из прохожих, увидев приоткрытые ворота, останавливается, озадаченно задумывается и пытается через решетку что-то разглядеть в саду. Похоже, ничего заслуживающего внимания ему не видно, и он, приоткрыв щель ворот пошире, делает шаг внутрь сада.

Мгновенно из-за кустов появляется Гийом. Не выскакивает, как чертик из табакерки, а по-хозяйски, барственно выплывает и медленно, лениво идет к выходу на улицу. Любопытный так и застывает в воротах. Всё так же лениво, с доброжелательной улыбкой Гийом что-то говорит. Прохожий вежливо отвечает, понимающе кивает и идет свой дорогой, а, обернувшись напоследок в сторону ворот сада, пожимает плечами. И снова на улице покой и тишина.

Пьер в полном облачении гангстера семнадцатого века валяется в сапогах на кровати. Уставившись в потолок, он обстоятельно, подробно и не без ругательных комментариев учит этот потолок правилам дворцового этикета. На самом деле слова предназначены мне. Арман сидит за столом и со смехом добавляет свои поправки в оглашенные Пьером перлы аристократического обхождения. Внизу, в первом этаже копошится пара

слуг. Слышно, как они бряцают оружием. Внешне в доме всё вроде бы спокойно и не суетливо. Но так или иначе — нервное напряжение прямо-таки висит в воздухе.

Цокот копыт. Пьер приподнимается на кровати. Нет, мимо. Просто верховой прохожий. Проходит час, второй. Солнце клонится к закату. Сад накрывают длинные тени, и только дорожка к воротам хорошо освещена. Слуги приносят перекусить, и Арман с Пьером дружно набрасываются на еду. Мне же кусок в горло не лезет. Мои сподвижники тактично молчат на этот счет, и, немного успокаиваясь, я тоже откусываю славную колбаску из съестных запасов графской кухни Аманды.

Тени стали еще длиннее, когда от дальнего конца улицы, всё нарастая, послышался частый стук копыт лошади очень спешащего всадника. Арман с Пьером мгновенно оказались у окна рядом со мной. Всадник чуть замедлился, поравнявшись с нами, поднял вверх руку и скрылся, проскакав дальше.

– Всё, началось, — со вздохом облегчения проговорил Арман.

Пьер выскакивает на улицу, перебегает ее и скрывается в саду. Двое людей замызганного рабочего вида выбираются из кустов. Их одежда тут и там оттопырена, видимо, какими-то инструментами. Они распахивают левую створку ворот и, стоя спиной к началу улицы, начинают что-то сосредоточенно рассматривать и ковырять в воротных запорах, постукивая молотком. Улица оказывается перегороженной почти до половины. Никакой карете не проехать. Арман сбегает вниз, и я с верха лестницы вижу, как он со слугами, вооруженными какими-то короткоствольными мушкетами, смотрит на улицу в щель чуть приоткрытой двери.

Время словно замерло, когда я возвращаюсь к окну. Хотя проходит всего минуты три до того, как в начале улицы появляется довольно быстро катящаяся карета с

кучером и с вооруженным мушкетом слугой на ко́злах. Карета приближается, замедляет ход и останавливается.

– Эй, болваны, освободите дорогу! — слышится окрик с козел.

– Сейчас, сейчас, ваша милость, — слышится подобострастный ответ.

Один из рабочих, как бы освобождая дорогу, отступает на противоположную от ворот сторону улицы и оказывается слева от кареты. Другой, как бы намереваясь закрыть створку ворот, оказывается справа от кареты.

– Живее! Что вы там…, — только и успевает в очередной раз прокричать слуга с козел.

И действительно, ведь очень трудно не то, что кричать, но и просто говорить, когда тебе в лоб с двух сторон направлены четыре дула мгновенно извлеченных из-за пояса "инструментов" рабочих. Оба на козлах оцепенели от неожиданности. Из дома и сада выскакивают вооруженные группы и вмиг оказываются у кареты. Гийом выхватывает мушкет из рук слуги на козлах. Двое рывком распахивают дверцы кареты, а Арман и Пьер с двух сторон вонзают свои шпаги во что-то внутри. Быстро что-то проделывают там и отскакивают прочь. Дверцы кареты захлопываются, створка ворот закрывается, освобождая путь, Гийом бросает отобранный мушкет в карету. Один из нападавших хлещет лошадей, и карета, убыстряя движение, уходит по улице всё дальше и дальше.

Нападавшие прячут оружие, расходятся в разные стороны и словно растворяются среди окружающих домов. Сколько всё это заняло времени? Минуту? Полторы? Арман подходит к двери и снизу кричит:

– Серж, уходим!

Я скатываюсь вниз, и мы быстро, но без спешки тоже растворяемся в ближайшую поперечную улочку.

– Вы, Серж, еще можете успеть выехать из города до закрытия городских ворот, — говорит Арман. — Пасквильную бумагу мы сунули в портфель Жозефа.

На постоялом дворе уже ждет Гийом с оседланными лошадьми.

– Мы с Пьером будем к завтраку, как и договаривались, — оставаясь в городе, напутствует нас Арман, и мы отправляемся в замок.

*

Камилла де Буа, оказывается, еще достаточно молодая, еще не утратившая своеобразной красоты женщина. Живая хохотушка, совсем не похожая на какую-то заговорщицу. Говорят, что и довольно остроумная за столом, к какому мы, приехав, присоединяемся с Гийомом. Аманда вопросительно взглядывает на меня, на что я успокаивающе киваю. Она облегченно вздыхает, не прерывая разговора с Камиллой об орлеанских сплетнях. Луиза и Катрин, перехватив наш молчаливый обмен взглядами, тоже заметно расслабляются.

– С тех пор как мы с Гастоном расстались, — продолжает Камилла прерванный нашим появлением разговор, — он стал каким-то пугливым и рассеянным. Уже не тот, что в молодости.

– Все мы в молодости другие, — уточняет Луиза. — Вот и я уже не могу пировать целыми ночами. Извини, Аманда, пойду к себе, — и Луиза поднялась, с доброжелательной улыбкой кивнув остальным сотрапезникам.

Поняв ее уловку, всего минуту назад присев, поднялся и Гийом.

– Мы с Сержем тоже подустали, да и поздновато уже. Мы недавно по дороге перекусили. Так что до завтрака переживем.

Вся компания разбрелась по своим апартаментам. Но буквально через несколько минут опять собралась в покоях Аманды. Без Камиллы, разумеется.

– Удалось, удалось! — чуть не прыгая от возбуждения, восторженно восклицает Луиза. — Ну, мальчики, будь я королем — все бы вы ходили в орденах.

– Дело еще не закончено, — напоминает ей Катрин. — Да и некоторые из возможных кавалеров твоих орденов прибудут только завтра. Не спеши раздавать награды.

– Да, — соглашаюсь я, — сейчас, возможно, начнется охота за убийцами, и если мы не направим кардинала и Гастона в нужную сторону, то охота может привести и к нам. Хотя это и было бы не очень логичным. Жозеф не связан с беспокоящими нас арестами, и поиск убийц среди нас был бы странным. Хотя как циркулируют мысли в голове Ришелье, нам неведомо. Завтра начнем обрабатывать Камиллу.

– Начнем, — согласилась Аманда, — но ты как-то обещал объяснить, почему убийц не будут искать, только пока жив и свободен Гастон Орлеанский.

– Если будет вестись розыск, то это будет означать, что Ришелье не подозревает Гастона Орлеанского в причастности к убийству Жозефа. Гастон поймет, что ему лично со стороны Ришелье угрозы нет, и продолжит свои заговоры и интриги. У кардинала государственный склад ума. Он не объявит розыск по любой из двух причин. Либо он будет уверен в вине Гастона, либо, догадываясь о страхах Гастона, будет держать того под постоянной угрозой расплаты за не совершенное тем убийство. Для второго нужно создать у Гастона впечатление, что под подозрением только он.

В первом случае в розыске нет смысла. Во втором случае розыск просто нельзя проводить. В обоих случаях Ришелье нейтрализует Гастона как заговорщика. Либо смертью от яда или кинжала подосланного кардиналом убийцы, либо постоянным страхом смерти от этого. Но первое не исключает поиска убийц Жозефа уже по-

сле смерти Гастона, а второе исключает розыск при жизни Гастона. Поэтому Гастон нам больше выгоден живой, чем мертвый.

– Серж, — польстила мне Луиза, — пожалуй, по части интриг вы, если захотите, сможете переплюнуть и меня, и Ришелье вместе взятых.

– Не захочу. Тяги к интригам у меня нет никакой.

Посидели, помолчали и опять разошлись.

*

Внешне словно чем-то возбужденные, Арман и Пьер прибыли на следующий день чуть ли не к концу завтрака. Поздоровались со всеми, уселись за стол и набросились на еду.

– Что это вы так поздно? — как бы с досадой спросила Катрин. — Аманда говорила, что вы составите нам компанию пораньше. Мы же на охоту вроде собирались. Вот и Камилла для этого приехала. А теперь зайцы Аманды опять по норам спать разбегутся.

– Не получилось, — пережевывая кусок сочного окорока, ответил Арман. — Случайно встретились мои приятели из роты гвардейцев кардинала. Пока мы выпили с ними за встречу, пока выпытали за стаканом вина всё, что им известно…

– Что можно выпытать за стаканом вина, кроме завиральных историй?

– Париж возбужден, — пояснил Пьер. — Сверху донизу и справа налево. Вчера вечером по дороге домой убили отца Жозефа. Как говорят кучер и слуга Жозефа, на них напало не меньше полусотни человек. Ришелье в бешенстве.

– Что?! — поразилась Луиза. — Жозефа? Ну и дела! Впрочем, он сам к этому напрашивался. Мне, например, его нисколечко не жалко. Хотя и интересное событие. Вот теперь у кого-то полетят головы! Камилла, а вы, похоже, в восторге от этого известия.

– В восторге не в восторге, но причин печалиться не вижу, так же, как и вы. Гнуснейший тип, хоть и дворянин хорошего рода! И что рассказали ваши знакомые гвардейцы? Кто убил? Поймали ли? Или еще только ищут?

– Найдут, — хмыкнул Арман. — Оказывается, существует заговор против кардинала и его окружения. Открылось это буквально вчера или позавчера, когда арестовали какого-то поэтишку. За то, что он в пьяном виде распространял слухи, порочащие кардинала и близких ему людей.

– Что за поэтишка? Вроде бы поэты в Париже политикой не увлекаются.

– Мне говорили имя, но что мне до него. Не запомнил. Что-то вроде Коклен или, может быть, Леклен. — Камилла побледнела.

– Поклен?

Вот-вот, точно — Поклен. Вы его знаете?

– Наслышана. И что этот поэт?

– В общем, ничего особенного. Язык свой, а слова чужие. У него найдено письмо с порочащей Ришелье ложью. По почерку видно, что писали двое мужчин, но не этот Поклен. Сейчас по образцам разной переписки ищут, кто именно написал письмо. А из этого Поклена, наверное, уже выбили признание, от кого он получил этот пасквиль. Письмо было в бумагах покойного отца Жозефа. Им и поэтом как раз занимался Жозеф, и тут его вдруг убили. Интересная история?

– Камилла, Камилла, — вскричала Аманда, — что это с тобой?!

Лицо Камиллы стало белее ее кружевного воротника. Вот-вот хлопнется в обморок. Женщины вскочили и бестолково засуетились вокруг нее.

– Серж, — обратилась ко мне Аманда, — помоги отвести Камиллу в ее комнату.

Я обхватил женщину за талию и в сопровождении Аманды препроводил Камиллу в ее апартаменты.

– Может быть, приляжешь, Камилла? Я позову своего знахаря. Что с тобой?

– Нет, нет, в кресло. Мне уже немного легче. Не надо знахаря, — и, усевшись, вдруг заплакала в три ручья, — я пропала, я пропала, Аманда, — послышалось сквозь слезы.

– Как пропала? Куда пропала? Ты что — что-нибудь натворила?

Камилла, размазывая слезы по лицу, взглянула на меня, а потом на Аманду.

– Понимаю, — досадливо пробурчала Аманда. — Какие-то твои таинственные похождения? Не опасайся Сержа. Он мой близкий и очень надежный, знающий человек, несмотря на молодость. Мне помогал не раз в трудных ситуациях. Можешь говорить при нём без опаски. Он не сторонник кардинала, как и я.

Я пододвинул стул, взял Камиллу за руку и, тихонько поглаживая по кисти, стал ее успокаивать. Постепенно истерика стихла, и Камилла, шмыгая носом, призналась в страшном преступлении.

– Это я привезла в Париж то письмо, показала поэту, а обратно забрать забыла. Аманда, ты сама понимаешь, откуда это письмо, чтó в нем может быть и чьим почерком оно может быть написано. Я пропала! — и Камилла снова настроилась заплакать.

– Прекрати реветь! — рявкнула на нее Аманда. — Пока ты у меня, то ты еще не пропала и пропасть тебе мы не дадим. Серж, что мы можем сделать?

– Камилла, скажите: что было в том письме? Правда или выдумки?

– Правда.

– Да? Вот это уже много хуже лжи в нашей ситуации. О чем?

– О разврате кардинала, его воровстве, преступном окружении, убийствах неугодных…

– Об отце Жозефе и короле там что-нибудь было?

– Было. Но о короле совсем немного.

– Немного? Всё равно совсем плохо. Даже если просто упоминание без обвинений и оскорблений. Значит, заговор не только против кардинала и его окружения, но и против короля. Так это может быть представлено. Кем письмо написано?

– Кем-кем! Гастоном Орлеанским, конечно, — вмешалась Аманда.

– Только последняя часть, — всхлипывая уже без слез, уточнила Камилла. — Основное писал мой муж под диктовку Гастона.

– А зачем вы передали письмо этому Поклену?

– Он должен был написать простую сатиру, понятную и благородным господам, и черни.

– Конечно же, для распространения. Понятно. И письмо осталось у него.

– Осталось. Он отказался, и от огорчения я забыла забрать письмо назад.

– Дальше всё понятно. Пьяный поэт начал болтать, о чём ему следовало бы помалкивать. Хуже некуда. Прямо сразу можно сказать, что вам, Камилла, в Париже нельзя появляться ни в коем случае. Кто-нибудь в Париже знает, что вы поехали сюда?

– Только камеристка.

– Тогда вас найдут и здесь, — у Камиллы опять задрожали губы. — Успокойтесь, сейчас мы всё обдумаем и найдем какой-нибудь выход. Аманда же сказала, что пропасть не дадим. Для начала представим всю ситуацию.

Есть письмо, которое ясно указывает на существование заговора против кардинала и его окружения. Есть и установлено важное лицо королевства, которое написа-

ло это письмо. Это Гастон Орлеанский. Известно, что он склонен к заговорам с целью свержения короля. Признаков других заговоров в королевстве не замечено. Тот же Гастон является давним врагом кардинала Ришелье. Первый друг и помощник кардинала убит, как только начал следствие по заговору. Множество нападавших на Жозефа — признак серьезного заговора.

Вот такую картину сейчас рассматривают в Пале-Кардиналь и Лувре. Скверная картина. Из нее вытекает, что убийство Жозефа — результат заговора. А заговор против кардинала и даже Жозефа в наличии только один — Гастона Орлеанского. В доказательство есть письмо, свидетель и дурная слава Гастона как заговорщика.

Из этого вытекает только одно: организатор убийства — Гастон. Ришелье не простит ему потери друга и помощника. Ну, а как Ришелье расправляется с врагами даже королевской крови, то это всем известно.

Вот такое вытекает из создавшейся ситуации. Так что вы, Камилла, совсем не то лицо, за которым начнется большая охота. С вами расправятся, если только под руку попадетесь. Ришелье задели слишком серьезно.

– Но ведь Гастон на самом деле не поручал никому убивать Жозефа! — в отчаянии чуть не закричала Камилла. — Я это точно знаю.

– А это не важно, даже если и правда. Убийцей сейчас признают того, на кого всё указывает. Вы сможете доказать, что Гастон не причастен к убийству Жозефа?

– Конечно, нет.

– В том-то всё и дело. Сейчас будем соображать, что может спасти вас, Камилла. Да и Гастона тоже, если он точно сейчас ни при чем. Пожалуй, здесь только один путь. Пробудить в Ришелье сомнения в причастности Гастона к убийству Жозефа. Сейчас пока таких сомнений нет. И второе. Убедить Ришелье, что никакого заго-

вора против него и короля нет, не было и не планируется. Это может сделать только сам Гастон.

Поверит ли Ришелье в честность и откровенность Гастона? Конечно, нет. Но он может поверить в страх Гастона перед местью Ришелье. Страх, который удержит Гастона от опрометчивых поступков. Гастон, еще ничего не ведая, попал в такую западню, что если не затихнет со своими интригами и заговорами, то кончит очень печально от руки Ришелье. Никто Гастона выручать не будет, и королевское происхождение не спасет. Слишком велика и очевидна вина. Дай Бог, в лучшем случае он остаток жизни проведет в Бастилии. Если повезет.

– Что же мне делать?

– Как что? Бежать в Орлеан, не заглядывая в Париж. Попробуйте убедить Гастона написать письмо Ришелье с соболезнованиями по случаю потери друга и помощника. А также с уверениями, что никакого заговора не было, а просто так — небольшая интрига против несимпатичного человека. Вспомнив, что было утрачено в результате предыдущих заговоров и конфликтов, Гастон понял, насколько это ужасно. Впредь он воздержится от поступков, которые могут поколебать покой и порядок в королевстве. Что-то в этом роде, Камилла. Причем сделать это нужно немедленно, пока Ришелье не начал действовать.

– Думаете, поможет?

– Допускаю, что да. Полностью не уверен. Может помешать что-нибудь такое, чего мы сейчас не знаем, но попробовать стоит. Ришелье рационалист. Он придержит свое стремление к мести ради политических выгод. Особенно если появятся сомнения в виновности Гастона. Уж как-нибудь постарайтесь пробудить эти сомнения.

– Тогда мне нужно ехать прямо сейчас!

– Верно. Чем быстрей, тем лучше.

– Камилла, я тебе в провожатые дам Гийома, — пообещала Аманда. — Ты же знаешь, какой он надежный человек. Если захотите, то обратно он захватит от Гастона письмо к кардиналу.

Наблюдаем с башни, как карета с Камиллой и Гийомом скрывается за деревьями.

– Вот и движется к концу наше дело, — проговорил Пьер. — Правда, еще не известно, к какому. Чем займемся до возвращения Гийома? Аманда, а в твоих владениях на самом деле водятся зайцы или охота была только предлогом заполучить сюда Камиллу?

– Водятся, водятся и при этом во множестве. Охоту можно устроить, если хотите.

– А можно и навязаться в гости к Катрин, — предложил Арман. — Посмотреть, как там себя чувствуют наши беглецы. Катрин, можно навязаться с визитом к тебе в поместье?

– Можно. Посмотрим — и что дальше? Нет, давайте лучше разбежимся на денек. Раз уж такой случай представился. Не знаю как у вас, а у меня домашние дела запущены за неделю отсутствия. Соберемся здесь завтра к обеду.

И разбежались.

*

Гийом вернулся через двадцать шесть часов запыленный и усталый. Пришлось подождать, пока он переоденется и умоется. А за столом пришлось еще ждать, пока он утолит острый голод. Катрин вся извертелась от нетерпения.

– Гийом, уж сколько можно нас томить!

– Еще чуть-чуть. Моя последняя трапеза была в Орлеане. Вот, еще глоточек — и я к вашим услугам.

Стало быть, так. Камилла и Гастон изругались в пух и прах. Орали друг на друга так, что сквозь двери всё было слышно. Гастон обвинил Камиллу, что из-за ее ошиб-

ки провалилось такое важное дело. Тогда Камилла припомнила Гастону, сколько дел провалилось из-за его ошибок и сколько его соратников поэтому кончили свою жизнь на эшафоте. Заявила, что не желает отправляться вслед за ними. Я повеселился от души. Потом они затихли. Через некоторое время вышла Камилла и провела меня в комнату для отдыха. Где я поел и вздремнул часика четыре. Похоже, что сама Камилла не спала больше суток, потому что пришла ко мне снова с уже готовым письмом. Впрочем, какой тут сон, когда впереди маячит топор палача. Она вручила мне письмо и сказала, что герцог дарит мне на выбор любого коня из своей конюшни. Я, конечно, стесняться не стал. Видали, какой красавец!?

– Письмо, где письмо?

– При мне, конечно.

– Катрин, успокойся, — остановила порывы своей подруги Луиза, — вскрытие писем по моей части. Давайте, Гийом. Вот, главное — равномерно нагревать, чтобы на бумаге не появилось пятно от жара и не перегреть воск.

Луиза положила письмо на подносик и стала осторожно нагревать над свечой, любезно зажженной Пьером. Через некоторое время восковая печать сама отлепилась. Просто видно, как Луиза борется со своим любопытством, искушающим первой сунуть нос в письмо. Однако, тяжело вздохнув, протянула письмо мне.

– Только, ради Бога, осторожнее. Не повредите печать.

– Постараюсь.

Я аккуратно развернул бумагу, пробежал ее глазами сверху вниз и начал читать вслух.

"Уважаемый Сир.

Мы в Орлеане скорбим вместе с Вами о потере в результате неслыханного злодеяния Вашего друга и первого помощника Франсуа Леклерка дю Трамбле. Уверя-

ем Вас, что сделаем всё возможное для поиска и наказания преступников, если Вам потребуется наша помощь.

Пользуясь случаем, я лично высказываю сожаление о тех недоразумениях и конфликтах, которые имели и до сих пор имеют место между Вашим Преосвященством и мной. Надеюсь, что моя добрая воля вместе с Вашей принесет успокоение в наши отношения.

Подумав также о тех ужасных потерях, которые понесла Франция в разногласиях между Парижским и Орлеанским дворами, я решил, что этого более не должно происходить никогда. Во всяком случае, по вине Орлеанского двора. Надеюсь, что наше взаимопонимание и дружественность будут со временем расти.

Гастон Орлеанский — принц Франции

28 сентября 1632 года от Рождества Христова»

Наступило молчание. Все в упор смотрят на меня.

– Чего вы на меня уставились?

– Твоя ведь затея, — ответила Аманда. — Ты выиграл.

– Не я, а мы. И при этом еще не выиграли. Вот когда арестованных выпустят, то… Гийом, нужно письмо доставить адресату в Пале-Кардиналь. Только осторожно. Отдайте секретарю и сразу уходите, пока там не поняли, что к чему. Гонца от Гастона непременно постараются задержать.

– Мы с Пьером сопроводим Гийома, держась поодаль, — подал голос Арман. — Задержим преследователей, если они появятся.

– Отлично. Ждем вас всех обратно через два часа. Луиза, восстановите, пожалуйста, печать.

Через два часа вернулись все трое. Оживленные.

– Всё прошло как нельзя лучше, — доложил Пьер. — Пока секретарь понял, от кого письмо, соображал, что

предпринять и оглядывался на стражу, Гийома и след простыл.

– Замечательно. Теперь осталось только намекнуть кардиналу, почему причины удержания узников уже нет. Если он сам до этого не додумается. Я, например, полагаю, что он сразу это поймет, получив письмо Гастона. Но на всякий случай ситуацию нужно будет подстегнуть. Ждем бала провинций в понедельник.

Луиза, мне нужно будет, если возможно, взглянуть на письмо королевы кардиналу, до того, как его отнесут Ришелье. Это возможно?

– Попробуем. Анна напишет его перед балом. Я вынесу письмо, и вы его посмотрите. Потом королева его запечатает. Когда оно должно оказаться у Ришелье?

– Через пять минут после того, как я войду в его кабинет.

– Понятно. Сделаем.

*

Вместе с Амандой степенно вступаем в Лувр. Она специально проводит меня самым извилистым путем в приемную королевы. Чтобы я мог посмотреть убранство дворца. Да-а, моему домику в Верне далеко до такой красоты и роскоши! Сколько же людей нужно обобрать, чтобы создать такие чертоги! Но ничего не скажешь — впечатляет. Луиза уже ждет нас. Выскальзывает в соседнюю комнату и возвращается с письмом. Через оставшуюся приоткрытой дверь на меня внимательно смотрит довольно привлекательная женщина лет тридцати пяти. Я понимаю — королева. Кланяюсь, и дверь прикрывается. Луиза протягивает мне бумагу.

"Ваше Преосвященство.

Мне стало известно от множества пострадавших и свидетелей о Ваших невинных развлечениях на улице Капуцинок. Полагаю, что эти слабости не очень совместимы с Вашим положением министра Двора и иерарха

Церкви. Я в сильном затруднении в оценке последствий, которые может вызвать возможная осведомленность об этом короля и Святого Престола. Поэтому я пока воздержусь от передачи кому-либо того, что случайно стало известно мне. В свою очередь, надеюсь, что Вы впредь будете воздерживаться в своей деятельности на благо королевства от каких-либо опрометчивых действий в отношении любых граждан на земле Франции.

Анна

Королева Франции"

– Превосходно! — признал я, возвращая письмо. Теперь можно сдаваться кардиналу в плен. Ведите меня навстречу судьбе!

Зал приемов уже почти полон. Колорит одежды, сверкание золота и камней, важность напыщенных лиц, гомон разговоров, тяжелый запах немыслимой смеси духов и притираний — всё это создает праздничное и одновременно чем-то гнетущее настроение. Все ждут выхода короля, до которого, наверное, еще с полчаса. А пока приветствуют друг друга, представляют новых лиц и обмениваются свежими сплетнями. Аманда идет вдоль прохода, привычно раскланиваясь в обе стороны и иногда представляя кому-то и меня. Вроде вижу в нескольких шагах чем-то знакомое лицо.

– Кто это? — спрашиваю Аманду, указывая взглядом.

– А-а, вдова после годичного самозаточения вышла в свет. Пойдем, представлю.

– Здравствуй, Анриетта. Познакомься — мой племянник виконт Серж де Бурже — маркиза Анриетта ла Арк. Поболтайте пока, а я еще пройдусь, проявлю вежливость.

– О чем будем болтать, маркиза? Даже и не думайте, что я стану выпытывать у вас тайну вашего появления среди ночи у монастыря капуцинок. Просто спрошу: решили вы свою проблему или нет?

– Как ни странно, какими-то своими действиями там вы неожиданно разрешили и мою проблему, не подозревая об этом. Должна вас поблагодарить.

– Отлично. Рад за вас. Обращайтесь, если будут какие-нибудь трудности. Аманда знает, где нас найти. Извините, вон она меня зовет. Знаете, Анриетта, если бы я умел танцевать, то пригласил бы вас, когда начнутся танцы. Всего доброго.

– Стой немного позади меня, — поучает Аманда, — как подобает младшему в роду. Помнишь, что нужно говорить королю, если он обратит на тебя внимание?

– Помню.

Троекратный стук жезла церемониймейстера устанавливает тишину.

– Его величество король Франции Людовик тринадцатый!

Начинается обход гостей. Король как король. Лицо надменное и одновременно безвольное. Казимир Вернский гораздо интереснее, импозантнее. На шаг позади короля торжественно ступает кардинал. Доходят до нас. Мне показалось, или во взгляде кардинала на меня заметное замешательство?

– Здравствуйте, графиня, — произносит король, обращаясь к Аманде. — Что-то уж очень редко мы стали видеть вас в Лувре. Жаль. Кто это с вами?

– Мой племянник виконт Серж де Бурже, Ваше Величество. Недавно приехал из России.

– Видный молодой человек.

– Ваш покорный слуга, Ваше Величество.

– Хорошо когда покорный, — пробурчал король и прошествовал дальше.

Кардинал обернулся и еще раз внимательно взглянул на меня. Обход гостей королем закончился. Опять троекратный стук жезла церемониймейстера.

– Королева Франции Анна Австрийская!

Начался обход гостей королевой. И она тоже приостановилась около нас.

– Ваш племянник, графиня Аманда?

– Да, Ваше Величество.

– Приятный молодой человек.

– Ваш покорный слуга, Ваше Величество.

– Я вас запомню, — и прошла дальше.

Церемония представления закончилась, и все хлынули в бальный зал. Тройной стук.

– Королевский менуэт! — и заныла непривычная моему уху музыка.

– Королевский — это значит, танцуют только король и королева, — шепнула мне на ухо возникшая вдруг из ниоткуда Луиза.

– Луиза, вы знаете маркизу Анриетту ла Арк?

– Конечно. В прошлом году она потеряла мужа. А она что, здесь? Я не была на представлении гостей.

– Здесь. Это ее мы поймали на улице Капуцинок вместо Ришелье.

– Надо же, какая интересная история! Тихо, к нам идет церемониймейстер.

– Виконт де Бурже?

– Да, в чем дело?

– Его Преосвященство просит посетить его в рабочем кабинете. Я провожу.

Луиза мигом куда-то испарилась. Поворот налево. Потом направо. Несколько ступенек вверх. Большой зал. Большая дверь и меня вводят в кабинет могущественного министра. Он сам сидит в глубоком кресле с высокой спинкой за огромным письменным столом. По стенам шкафы с книгами. В углу огромный глобус.

– Можете присесть, сударь, пока я думаю, с чего начать.

– Монсеньор, всегда проще всего начинать сначала.

– Остроумно. Вас здесь представили как виконта Сержа де Бурже, приехавшего из России. Да и ранее мне сообщили, что лицо с таким именем появилось в замке графини де Жуаньи.

– Невозможно отрицать. Появился и в замке, и здесь.

– Вот меня и интересует ваше странное появление. Оказывается, что границы Франции человек с таким именем не пересекал, а в родословных книгах человека с вашим именем последние пятьдесят лет не значится. Что тут можно подумать?

– А что тут думать, монсеньор. Появился не через границу, а имя фальшивое. Разве это имеет какое-то значение, если меня не собираются обвинить в какомнибудь преступлении?

Похоже, я слегка озадачил собеседника таким прямым признанием. Попробую озадачить его еще больше.

– Должен признаться, монсеньор, что-то похожее на преступление я всё же совершил. Не выполнил данное обещание. Некрасиво. Моя приятельница, подруга Сюзанны де Пуатье, попросила меня при первой же возможности передать вам письмо от Сюзанны. Но эта первая возможность произошла в такое странное время и в таком странном месте, что поручение просто вылетело у меня из головы. Так что, пользуясь случаем, передаю вам письмо сейчас, — и, перегнувшись через стол, отдал кардиналу письмо.

В дверь постучали. Вошел слуга с какой-то бумагой на подносике. Открыл рот, но сказать ничего не успел.

– Положите на стол и закройте дверь, — рявкнул Ришелье и погрузился в чтение письма Сюзанны.

– Где они? — подняв на меня глаза, со скрытой угрозой в голосе спросил мой собеседник.

– Не знаю. Меня попросили передать письмо — я передал. Но грешен — прочел. Думаю, Сюзанна на днях вернется в Париж. Угроза заговора Гастона Орлеанского

была, но миновала. Ведь скорее всего, из-за существования этой угрозы и был арестован сын графини де Жуаньи и многие другие. А вот о своем сыне и его матери вы в такой ситуации почему-то не позаботились. Забыли? Совершенно посторонние люди подумали об этом.

– Я смотрю, вы не только шутник, но и кое-что знаете, а о чём-то пытаетесь догадаться. Ни для кого во Франции не секрет постоянная угроза для трона, исходящая из Орлеана. Почему вы решили, что эта угроза миновала?

– Так вы же получили в субботу письмо из Орлеана, в котором Гастон, по сути, безоговорочно сдается вам в плен, — тут политик без нервов всё же немного опешил.

– Как-как? Откуда вы знаете про письмо из Орлеана.

– А кому же, как не нам, знать! Ведь это мы вынудили Гастона Орлеанского написать его.

– Вы вынудили! Кто это — "вы"?

– Я и мои друзья.

– А-а, понимаю. Компания графини де Жуаньи. Письма о дружбе Гастона Орлеанского не стоят и гроша. Он никогда своих обязательств не выполняет.

– Нет, Ваше Преосвященство, вы, похоже, еще не всё поняли. Вы не сопоставили события, расстояния и время. Письмо от Гастона вы получили через день после убийства отца Жозефа. Это как раз то время, которое требуется всаднику, чтобы только-только добраться с вестью до Орлеана и сразу же вернуться с письмом обратно. Письмо такого содержания и с такой быстротой может написать только человек, охваченный паническим страхом, а вовсе не намерением ввести в заблуждение. Понимаете?

– Понимаю. Он испугался моей мести за убийство дю Трамбле. Правильно. Всё указывает на него, но он свою причастность отрицает. Однако тут вы проговорились.

Сказали, что вынудили Гастона, а вынудить вы могли только сами, убив дю Трамбле.

– Опять неверно. Мы вынудили, использовав в своих целях факт смерти отца Жозефа от чьей-то руки. Сразу же через приспешников Гастона донесли до него возникшую ситуацию, чем она ему грозит и как из нее выбраться. Вот вы и получили от него письмо, а Франция получила возможность отдохнуть от интриг и заговоров Гастона. Думаю, вы никогда не найдете тех, кто убил дю Трамбле.

– Почему?

– Потому что их нельзя искать. Да и подозреваемых слишком много. Чуть ли не половина королевства. Вряд ли вы станете ставить под удар свою репутацию государственного человека и мудрого политика.

– Не понимаю о чём это вы.

– Если вы начнете искать настоящих убийц дю Трамбле, то Гастон сразу поймет, что вы его не подозреваете в убийстве своего друга. Угрозы вашей мести нет, и Гастон опять примется за свои козни. Перед вами выбор: спокойствие королевства или жажда мести.

– Странно. Со мной так бесцеремонно еще никто не пытался разговаривать. Я просто обескуражен и вместе с тем как-то необычно заинтригован. В сообразительности, логике вам не откажешь.

– Спасибо. Но мне всё же хотелось бы прояснить дальнейшую судьбу сына графини де Жуаньи. Так есть или нет сейчас внутренняя угроза спокойствию государства?

– Похоже, что на сдерживающий Гастона Орлеанского страх можно какое-то время рассчитывать.

– Когда будет отпущен на свободу сын графини Жуаньи?

Кардинал встал, подошел к глобусу и в раздумье стал бесцельно вертеть его. Наконец он на что-то решился.

– Скажите, Серж, или как вас там, а почему вы думаете, что арест сына графини связан с заговорами Гастона Орлеанского?

– Это очень просто. Надвигающаяся война, Гастон в тылу, беспочвенность арестов, беззащитность Парижа с уходом армии. Я думаю, вы хотели организовать защиту Парижа и короля от происков Гастона, создав вокруг Гастона пустоту, в которой не составить заговора. Нужны помощники в этом деле. Помощников можно уговорить, но это долго и трудно. А можно и заставить. Вы решили запугиванием вынудить вам помогать. Начались аресты.

– Сына графини отпустят завтра.

– А остальных?

– Тоже завтра, — и немного подумав, кардинал добавил: — Какой-то необычный разговор. Вы совсем не боитесь, что вас арестуют за всё, что вы мне тут наговорили.

– Эх, Ваше Преосвященство, я очень рад, что вы опрометчиво не попытались этого сделать. Неужели вы полагаете, что я случайно, лишь по вашему желанию оказался в этом кабинете. И совершенно случайно там, на улице Капуцинок, вы смогли увидеть только мое лицо. Прочтите письмо королевы, — и я пододвинул ему конверт, лежащий на столе. — Увидите, что сейчас вы просто чудом избежали мгновенной отставки и лишения сана. С вашего позволения я вас покину. Хочу побывать на праздничном обеде.

Обернувшись у порога, я увидел лицо Ришелье, которое, кроме как изумленным, назвать бы и нельзя. Луиза подстерегала меня за дверью.

– Как?

– Вроде всё в порядке.

– Идем, королева ждет.

Королева приняла нас в своем будуаре.

– Луиза расписала мне ваш подвиг у монастыря капуцинок, — улыбаясь, произнесла Анна Австрийская. — Приврала, наверное, немного. Мы с ней долго смеялись. Помогло вам мое письмо в разговоре с кардиналом?

– Очень помогло — придало смелости, но осталось невскрытым. Удалось заболтать вашего министра так, что угрозы не потребовались. Сейчас он, наверное, письмо и читает. Оно сделает Ришелье более предупредительным и сговорчивым по отношению к вам, Ваше Величество.

– И чем ваша беседа закончилась?

– Завтра выпустят всех.

– Я рада за всех и за вашу тетушку особенно, — и в знак окончания аудиенции протянула руку для поцелуя, которую я покорно, но без всякого удовольствия и внутреннего почтения облобызал.

*

– Теперь не грех и выпить за здоровье королевы и нашу с вами победу, — поднимая бокал, провозгласил Арман. — Серж, и как вам показался кардинал?

– Не очень. Туговато соображает. Видно, слухи о его политическом гении и остроте ума несколько преувеличены. Пришлось многое растолковывать. Скучно как-то внушать то, что мы с вами здесь уже обсуждали. Да и во вранье он верит так же, как любой другой человек. А может быть, только делает вид, что верит?

– У меня предложение, — встрепенулась Луиза. — Нужно Сержа окончательно принять в нашу компанию. А то между собой мы обращаемся накоротке, а с ним — по этикету, как с посторонним. Серж, ты не против?

– Нисколечко.

– Тогда выпьем еще за одного друга, — и бокалы зазвенели.

– Серж, — спросила Аманда, — как ты просил, лошадь тебе подготовили, но на завтрашний праздник, может, всё-таки останешься? Познакомишься с Антуаном.

– Нет, отправлюсь прямо сейчас. Вы просто не представляете, как я рад знакомству с вами всеми, и задержался бы еще, но меня дома ждут. Могу только сказать, — и я поднял бокал: — До встречи, друзья!

Выехав из замка, я помахал рукой тем, кто на башне, и затрусил по дороге. Скрывшись за деревьями, свернул в лес и спешился. Как договорились с Амандой, привязал лошадь к дереву. Заберут.

Дом, Дом, где ты, Дом…

*

ГЛАВА 8

НОВЕЛЛА О КОЗЛОНОГОЙ БРАТИИ И БЕГЛОМ ГЛАДИАТОРЕ

ГЛАВА 8: Новелла о козлоногой братии и беглом гладиаторе

На улице хмурая, плаксивая погода. Что поделаешь — октябрь. Капитан в плавании. Там, где-то в южных пиратских морях он устроил свадьбу Анабель с Грегори. Здесь же, уже как бы не в СССР, но еще и не в России, — не очень надолго уплыл в Северную Африку. Анна Петровна, видимо, подзадержалась в своем замке под Парижем мушкетеров и королей. Так что мы втроем коротаем унылый вечер вторника, уединившись в каморке Ахмеда.

Ахмед плотоядно наблюдает, как я нарезаю большой фруктовый тортик. Александр сосредоточенно изучает водяную воронку, быстро вращая ложечкой в своей чашке чая. Наконец он не выдерживает и со вздохом изрекает несомненную истину:

– Тоска зеленая, — и, глянув в окно, уточняет: — И мокрая, премерзкая притом.

– Переходи в дворники. Всю скуку как рукой снимет, — посоветовал ему Ахмед и хапнул себе самый большой кусок торта.

– Если уж тебе так скучно, то займись общественно-полезной ограниченному кругу лиц работой, — открыл я Александру перспективу.

– Какой?

– Разузнай всё о приватизации жилья. С коммуналками там много неясностей. Но самое главное, что нужно приватизировать квартиру Ахмеда.

– Верно, — согласился тот, — чтобы никто, кроме нас, сюда доступом не завладел. А я напишу завещание на всех вас.

– Вот-вот, — добавил я, — всё верно. И с подвалом надо бы что-то сделать. Занять его хотя бы как-то, если в собственность не получить. Бессмысленно защищать

машину, если в подвале кто-то всё-таки отковыряет железо в кочегарке, обнаружит бункер и разрушит энергоустановку. Нужно зарегистрировать какое-нибудь частное предприятие, хоть контору "Рога и копыта", и взять подвал в долгосрочную аренду. Прибыльность большая не обязательна. Важна ширма.

– Даже если и просто ширма, — возразил Александр, под осуждающим взглядом Ахмеда расковыривая свой кусок торта на мелкие крошки, — то ты себе представляешь, каких это денег потребует? Ни моя учительская, ни твоя инженерская зарплата здесь не котируются.

– Ахмед, ты вообрази себе, что такое говорит латифундист*, имеющий шикарную виллу в Италии в окрестностях Рима! Ты поверишь, что у него денег нет?

– Ни в жисть не поверю! Видишь, как он зажрался! Как говорится, что не съем, то изуродую. Дай сюда, не порть продукт! — и Ахмед оттащил к себе от Александра его блюдце с тортом.

– Это ты про какую виллу намекаешь!? — словно проснувшись, дергается Александр.

– Про какую, про какую? Про твою, конечно. Извини, совсем забыл. Фавн Габор тебе привет передает. Денег-то как раз у нас у всех более чем достаточно. Думаю, что машина всё-таки позволит протащить сюда кое-какое золотишко не с корыстными целями. Это же для ее собственной защиты необходимо.

– Нет, нет, давай-ка сначала с виллой разберемся. Откуда ты про нее знаешь?

– Каким же ты занудой, Саня, иногда бываешь! Ахмед, объясни ему, что все его тайны в нашем общем сокровище для нашего круга не такие уж и тайны.

– Понимаешь, Саша, — дожевывая александрову долю тортика, проникновенно начал Ахмед, — мы тут с Сергеем совершенно случайно попали на большой праздник волшебных существ наших миров. Там собра-

лись все, какие есть. Совсем не трудно было подойти к неизвестным нам и расспросить, откуда они и с кем из людей у себя знакомы.

– Жульё! Влезли-таки в мою мечту. Радуетесь? Ладно, согласен, деньги у нас есть. Неплатежные. Кто золото будет менять на бумажки? Опасное это дело. Да и монеты у нас будут странные.

– Странность их только удорожает. А опасность попробуем преодолеть. Есть люди, которые давно занимаются коммерческим промыслом. Нужно к ним внедриться. Есть тут неподалеку один жук в комиссионке. Весьма оборотистый малый. Попробую с ним завязать знакомство, а там и какая-нибудь акула появится. Нужны образцы монет.

– Слушай, это не тот ли оборотистый малый, который недавно тебя раздел?

– Тот.

– Тогда я верю, что это может быть нужный канал к обмену. У меня дома есть пара римских золотых монет. Принес как сувенир для себя самого. Ахмед, а у тебя есть здесь золото?

Ахмед порылся в комоде и выложил на стол монеты.

– Вот, четыре динара. Берег себе на протезы, — и расхохотался, продемонстрировав тридцать два безукоризненных зуба.

– Отлично! — я сгреб монеты Ахмеда в карман. — У меня сейчас нет, но завтра я схожу за деньгами к себе. План на ближайшие дни, стало быть, вот такой. Александр, ты разведываешь всю юридическую сторону приватизации жилья, регистрации предприятий и аренды нежилых помещений. Мы сможем нанять юриста для наших дел. Вот найти бы надежного, толкового...

Ахмед, ты займешься формальностями приватизации и своей квартиры, и наших комнат в коммуналках. У тебя больше свободы днем, чем у Саши. Мы тебе доверенно-

сти напишем. К Анне Петровне сходи. Может, она тоже присоединится.

Я займусь организацией предприятия. Скверно, что Капитан в плавании. Учредительный договор нужно будет подписать. К Анне Петровне за подписью можно сходить, а к Капитану — нет. Здесь у меня будет перерыв, пока Александр собирает информацию. Неплохо было бы отдохнуть денек-другой в солнечной Италии. Всё-таки отпуск. А, Александр?

– Да черт с тобой! Топчите своими грубыми ножищами мою хрупкую мечту! Я отведу тебя туда и брошу. Делай, что хочешь, а у меня здесь учебный процесс. Пойдем, я тебе монеты отдам.

Решено. Завтра утром схожу в Верн, посмотрю, что там делается, и попробую протащить в Дом деньги. И бутылочку, само собой!

*

Позднее утро Верна солнечно и приятно. Во внешности встречной мужской публики еще больше ощущается мастерская рука Льюиса. В "Морском драконе" тишина. Сажусь за свой стол. Никто не спешит меня обслужить — некому. Что за чудеса? Оглядываюсь к посетителям за соседним столом. Те, поймав мой вопросительный взгляд, сами недоуменно разводят руками.

Встаю и заглядываю на кухню. Вот они все, голубчики, где! Столпились у плиты и завороженно глядят в топку. Увидев рядом с плитой большое ведро с углем, понимаю, в чем дело — испытания нового топлива. Один из поваров бросает в плиту кусок черного камня. Уже который раз, наверное. Сначала не происходит ничего. Потом камень разогревается. По его поверхности начинают бегать искорки, появляются яркие пятнышки, из которых вырываются тонкие струйки огня, — и вдруг весь камень вспыхивает и, тихо гудя, начинает источать сильный жар.

– Трое посетителей уже умерли с голода, — похоронным голосом сообщаю я, — а еще один обессилит сейчас прямо перед вами.

– Синьор Серж! — радостно восклицает Жанна. — Здравствуйте, я сейчас вас обслужу. Как обычно?

– Пойдем, пойдем, — ухватывает меня за рукав Колин, — мы тут увлеклись немного. Только что привезли горящие камни вместо дров. Удивительно!

– Ну, что у вас тут нового? — спрашиваю я, усаживаясь с Колином за стол.

– Знаешь, с лесным народом помирились. Почти все дровосеки стали рудокопами. Добывают горящие камни. Огласили королевский указ о дровах. Теперь в кузницах, тавернах, лавках и цехах дрова можно применять только для разжигания огня. В жилье только в четверти потребности в топливе разрешается применять дрова. С одной стороны, пилить-колоть ничего не надо. А с другой стороны, как-то непривычно без дров-то.

Жанна приносит жареные куриные ножки, яичницу и подсаживается к нам. Локотки ставит на стол и подбородком опирается на свои маленькие кулачки. Посетителей продолжает обслуживать вторая подавальщица.

– Ходят слухи, — продолжает Колин, — что лесной народ в возмещение ущерба получил какую-то необыкновенную вещь, но никто не знает, какую и от кого. Во дворце от всего отнекиваются.

Жанна понимающе и заговорщицки подмигивает мне. Чёрт, как она чем-то очень напоминает мне Зубейду! Синими глазищами? Пожалуй, не только ими.

– Только теперь возникла другая проблема, которой раньше не было, — произносит у меня за спиной очень знакомый голос. — Здравствуйте все!

Да что же это такое! У него какая-то волшебная следилка за моим появлением, что ли?

– Здравствуйте, Жозеф. Опять вы тут как тут со своими проблемами. Поесть спокойно не дадите. Что за проблема?

– Сиди, сиди, Жанна, я уже позавтракал. Заглянул на минутку поздороваться с Сержем. Вообще-то пока не проблема, но когда-то ей станет. Золу от сгоревших дров обычно вывозят на поля. А теперь что делать? Сгоревший камень камнем и остается. Куда его девать?

– Могу сказать, куда его девают в нашей стране, а куда будете девать вы, то вам и решать.

– Интересно, интересно.

– Черный горящий камень называется уголь. А то, что остается после сгорания угля, называется шлак. Шлак — очень пористый материал и плохо проводит тепло или холод. Им можно засыпать пол чердака в доме — и потолок в помещении внизу зимой будет теплый.

Но вам, Жозеф, нужно поговорить с изготовителями кирпичей. Если шлак раздробить в кусочки размером с ноготь, смешать с глиной и обжечь, то получаются большие и очень легкие кирпичи примерно в локоть длиной и в половину локтя шириной и высотой. Они довольно прочные, и можно быстро строить стены и здания до трех этажей при толщине стен всего в один такой кирпич. Построенное здание удерживает тепло лучше возведенного из обычного кирпича. Только при изготовлении кирпичей нужно правильно определить пропорции шлака и глины. Я этих пропорций не знаю, но опытным путем их подобрать несложно.

– Почаще заглядывайте в Верн, Серж, — и у нас в государстве вообще не будет никаких проблем. Вы сейчас куда? Во дворец зайдете?

– К Льюису и сразу обратно домой.

– Жаль. Я вас провожу чуть-чуть.

И мы выходим из таверны, попрощавшись с Колином и Жанной. Жозеф спрашивает:

– Серж, чем же вы так прельстили лесной народ, что они начисто забыли о своих требованиях по поводу утраты Священного дерева?

– А они сами вам не сказали?

– Нет.

– Имеют полное право не говорить. Когда-нибудь узнаете.

– Чувствую, Серж, нам никогда не рассчитаться с вами за ваши услуги.

– А что, разве был когда-нибудь какой-нибудь разговор о цене?

– Нет, но…

– Бросьте, Жозеф, я хорошо отношусь к вам всем. Вы все хорошо относитесь ко мне. К чему эти разговоры об услугах и расчетах? Мне направо.

Мы пожали друг другу руки и разошлись. В фирме Льюиса всё тот же, уже ставший привычным ажиотаж. На улице очередь, а внутри кипит безостановочная работа.

– Синьор Серж! Как хорошо, что вы зашли, — и Льюис, ухватив за рукав, тащит меня во внутренние помещения. — Что будете? Чай, кофе?

– Нет, спасибо, Льюис. Что у вас интересного?

– Знаете, ваша идея делиться частью прибыли с работниками оказалась очень удачной. Всё пошло как-то спокойнее и быстрее, а я при этом почти перестал вмешиваться в рутинную работу.

– У нас в стране это называется сопричастностью в труде, Льюис.

– Прекрасно называется! Но это не всё. Заказ из дворца поступил и исполнен. Я сам был поражен примеркой готового костюма. Такой милой и соблазнительной королевы нет ни в одной стране мира! Теперь я понимаю, что никакие возражения против мужской одежды для женщин не смогут остановить новую моду. Настоль-

ко это очаровательно и красиво! Вы и тут были правы. Я в секрете уже готовлю модели. Как только королева выйдет в свет в брючном костюме, сразу пустим их в ход.

Льюис выскочил за дверь и вернулся через минуту с двумя мешками.

– Вот ваша доля, синьор Серж. Четыреста двадцать декст. Налоги уже вычтены. Доходы растут и растут. Это радует, но есть и малоприятная сторона. Другие портные остаются без клиентов и закрывают свои мастерские. Люди теряют работу, а я не могу принять их всех. Тем более бывших владельцев мастерских и вспомогательный персонал. Тот, что есть у нас, и так справляется. В Верне не должно быть безработных. Так говорит королевская политика.

– Это очень скверно, Льюис. У вас есть какие-нибудь мысли на этот счет?

– Нужно отдать часть своей работы другим ради спокойствия в городе. А мы возьмем свое, как вы предлагали, синьор Серж, расширяясь в другие города, страны.

– Вам виднее, Льюис. Вы же местный житель, а не я. В чем препятствие?

– Нужно ваше согласие на передачу моделей другим мастерским.

– Только и всего? Оно у вас есть.

– Тогда я побегу обрадую собратьев по профессии. Столько лет рядом работаем.

– Они что, ждут?

– Нет, просто целыми днями сидят в кофейне за углом. Что же им еще остается делать?

– Тогда я с вами. Только вот еще что, Льюис. Мне хотелось бы обменять серебро на золото.

– Зайдем к моему банкиру на соседней улице. Он не возьмет процент за обмен.

Через десять минут, избавившись от мешков, я положил в карман сорок две новенькие, сверкающие золотые монеты с чеканным профилем Виолетты Вернской. Затем мы с Льюисом ввалились в кофейню на Рыночной улице. Банкротов можно узнать издали. Сидят в углу у окна группкой в шесть или семь человек с тоскливыми лицами. Льюис со свойственной ему энергией атаковал их с разгона.

– Друзья, синьор Серж любезно согласился с моим предложением передать вам часть нашей работы. Берите модели и открывайте свои мастерские.

Все встрепенулись, глаза ожили.

– Но на каких условиях, Льюис? — спросил самый старший. — Мы не сможем отдавать вам больше пятидесяти процентов.

Льюис посмотрел на меня. Я показал ему растопыренную пятерню. На что он согласно кивнул головой.

– Синьор Серж говорит, что достаточно пяти процентов, и я с ним согласен.

Мастера иглы и утюга просто опешили, а я вмешался в разговор.

– Будут дополнительные условия к этой цифре, — мастера насторожились. — В ваших мастерских цены на ткани и услуги не должны быть ниже, чем в мастерских Льюиса. И доля наших моделей в общем количестве ваших заказов не должна быть выше, чем у Льюиса. Вот и всё. По-моему, справедливо. Как вы сами-то думаете.

– А тут и думать нечего, — ответил за всех всё тот же дедок. — Это просто подарок. Вы с Льюисом наши спасители. Разрешите пожать вам руку, синьор Серж.

Я благосклонно разрешил и поспешил обратно в "Морского дракона". Взял бутылочку и, вернувшись в свою резиденцию, начал размышлять. Взять всё золото с собой или часть на всякий случай оставить здесь? А может, серебро взять с собой? Нет, оно мало стоит.

Возни не оправдает. А зачем золото оставлять здесь? Для безопасного хранения? Зачем оно здесь еще может понадобиться? Разве что Жанне в приданое дом к свадьбе купить. Так к тому времени еще накопится. Заберу всё с собой! Деньги в кармане, бутылочка прижата к сердцу.

Дом, Дом, где ты, Дом…

*

Александр сидит у меня и рассказывает, что́ ему удалось разнюхать сегодня по части приватизации и аренды. Становится тошно. Бардак он и есть бардак. Но преодолевать придется. Вываливаю свое богатство на стол. Достаю и ахмедовы динары, и александровы ауреусы*. Только сейчас дошло, почему Александр назвал монеты странными. Надписи на них — легенды на русском языке. Какими бы они ни оказались старыми при экспертизе, антикварными они быть не могут. И даже на фальшивки не тянут. В лучшем случае — ценные сувениры.

Александр любуется монетным профилем Виолетты.

– Я возьму одну на память?

– Конечно, — и он нахально отправляет себе в карман целых три монеты.

– Ладно, — говорю я, — отправляюсь на валютный промысел. Про передачки не забывайте. Хлебца, колбаски там… Жди меня здесь.

Ауреусов всего два. Так что и других монет тоже беру по две и заворачиваю все в бумажку. В гастрономе бросаю бумажку на контрольные весы. Перевалило за сто грамм. Монеты большие.

Повезло. В комиссионке оборотистый малый в наличии. С индифферентным* видом разглядываю товары. Потом взглядом проскальзываю малого как пустое место и, вдруг, словно осмыслив увиденное, возвращаю взгляд назад и изображаю усиленную работу мысли по узнаванию объекта. Он с напряжением ждет.

– А ведь мы с вами уже встречались, — констатирую я факт, при этом улыбаясь как можно фальшивее.

– Встречались, встречались, — радостно подтверждает он, — и весьма плодотворно.

– Помню, помню. Английский костюмчик совсем не плох.

– Могу быть вам чем-то полезен и в этот раз?

– Да вроде нет. Вот хожу, надеюсь, что попадется что-то такое этакое, что и сам не знаю, но не попадается, не ложится на душу.

– Сочувствую. Заходите почаще — может быть, и попадется.

– Разве что.

Иду к двери, берусь за ручку и замираю, словно вспомнив что-то. Возвращаюсь к малому.

– Знаете что, вспомнил я сейчас одну вещь. Мне вы кажетесь, как бы это сказать, ну, человеком квалифицированным, и если у вас имеются некоторые специфические связи, то мы могли бы продолжить плодотворное сотрудничество.

– Был бы весьма рад и обязан. В какой области?

– В области эквивалентного обмена. Но не здесь же говорить. Вы могли бы отлучиться на полчасика? В доме напротив уютное и немноголюдное кафе с обстановкой, располагающей к плодотворной беседе.

– Всё в наших силах.

– Тогда я жду вас там.

Буквально через пять минут мы уже сидим друг напротив друга и аристократически прихлебываем кофе. Малого просто распирает от любопытства. Я небрежно и лениво начинаю.

– Тут у нас, простите, у меня в связи с государственной экономической политикой возникли некоторые затруднения финансового плана.

– О, я вас очень понимаю. Инфляция и все такое.

– Нет-нет, как раз инфляция нам, — как бы оговариваюсь я опять, — то есть мне никак не страшна. Я не держу свои средства в ассигнациях. Предпочитаю цветные металлы, оформленные как сувенирные изделия. Однако не будешь же ими расплачиваться в магазине или за оказанные услуги. Да и государственная политика в отношении легального обмена этих цветных металлов весьма строга.

– Я понял. Вы ищете человека, которому нужно было бы обратное. Обменять свои ассигнации на ваши цветные металлы.

– Вот именно.

– Вы правильно сделали, обратившись ко мне. Такой человек мне известен. Но он сразу поинтересуется, в каких единицах веса будет исчисляться обмен.

– В общем, за какой-то период времени в килограммах, — у малого округлились глаза. — При инфляции мне нет смысла в больших единичных сделках. Ассигнации, разумеется, не отечественные — потребуются периодически по мере нужды.

– Как бы посмотреть на металл, взвесить…

– Нет ничего проще. Я вам дам несколько экземпляров до завтра. Можете подвергать их каким угодно проверкам. Если вы их берете, то рассчитываетесь только за половину из них. Это своего рода бонус за первую сделку. В дальнейшем вашим будет каждый десятый экземпляр. Коммерческий курс обмена не оговариваем. Пусть на ваше усмотрение. Если расчет по первой сделке мне придется не по душе, то следующей просто не будет.

Я полез в бумажник, небрежно добыл из него сверточек и подпихнул малому. Он почтительно взвесил его в руке и развернул у себя на коленях.

– Впечатляет, — хрипло поделился он произведенным на него эффектом. — Если вы сможете посидеть

здесь еще несколько минут, то с ответом, возможно, не придется ждать до завтра. Вы мне можете полностью довериться.

– Ну что вы такое говорите! Доверие! Ребячество. Доверие в коммерции — это большой риск. Просто у меня есть возможности всегда вернуть свое, если что не так. Жду пятнадцать минут.

Смотрю, как он перебегает дорогу и скрывается в дверях своей комиссионки. Интересно, поверил он в мою липовую крутизну или нет? Впрочем, всё равно. Аргумент крутизны тут подлинность золота и его немалый вес. Не проходит пятнадцати минут, как он бежит назад и сев за стол, протягивает мне пухловатый конверт. Не заглядывая в него, запихиваю в карман и встаю.

– Если всё будет в порядке, то следующая потребность возникнет где-то через месяц и будет пообъемнее.

– Меня попросили передать вам вот эту визиточку. Сказали, что было бы неплохо знать ориентировочный вес или количество предметов хотя бы за день до сделки.

– Не вопрос.

Мы распрощались, и я двинул домой.

Александр уже полностью выпотрошил мой холодильник и теперь сидит, доедает последний кусок колбасы. Мне остались только кильки в томате да полхлеба. Считаем ассигнации. Две тысячи долларов. Сверяемся с заблаговременно купленной газетой "Финаншенел таймс". Вспоминаем курс у спекулянтов валютой. Вроде соответствует. Рассматриваем визиточку — директор комиссионного магазина. Ладно, воспользуемся.

Восемьсот долларов отдаю Александру на текущие расходы. Двести отдам Ахмеду. Тысячу в резерв.

– Саша, ты хорошо понял текущую задачу? Найти путного юриста для постоянного сотрудничества.

– Понял, понял. Пойду-ка я домой, а то у тебя всё пищевое уже кем-то съедено.

– Ладно, сейчас схожу к Ахмеду и поднимусь к тебе. Поедем в древнеримскую Италию…

*

Так, Александр завел меня в какой-то лес. Тепло. Градусов, наверное, двадцать пять. Уж не хочет ли он меня тут заблудить? Хотя нет — с одной из сторон между пальмами, каштанами и оливковыми деревьями проглядывается открытое пространство. Идем в ту сторону и буквально через сорок шагов выходим из леса. Выходим и оказываемся вроде как на заднем дворе внушительного строения из белого мрамора и желтого песчаника.

– Это и есть твоя вилла?

– Она самая.

Впечатляет. Сказать, что дом немаленький — это ничего не сказать. Но не в размере дело. Архитектура удивительная. Вроде что-то греко-римское и вместе с тем мавританское, арабское. Например, колонны. На первый взгляд, античные, но не такие массивные, тяжеловесные, а тоньше и изящнее. Рельефные и расписные портики не прямосторонние, а дугообразные. Оконные проемы тоже. Три этажа идут террасами друг над другом. Поэтому всё здание стремится вверх, а не нависает над тобой. Вокруг этой прелести никакого забора, ограды. Непосредственно из дома можно выйти или выехать прямо в лес, на куда-то вьющуюся дорогу, в роскошный сад с протекающей речкой или на возделанное до горизонта поле.

– Надо же, просто нет слов, какая прелесть! Умеют же некоторые устраиваться! Особенно поборники демократии и равенства.

– Ты поосторожней с критикой-то, — с наигранной угрозой в голосе предупредил Александр, — а то стоит

мне только свистнуть — и будешь под плетками пахать вон то поле с утра и до горизонта. В этом мире демократы не чураются и рабовладения. Историю читать надо.

– Что-то не видать никого. Вымерли? Мор какой-нибудь?

– Чур, меня, чур! Не выдумывай. Массовые болезни — бич этого времени в городах и крупных селах. А никого не видно потому, что почти никого и нет. Повар да три служанки на весь этот отель одного туриста. Больше и не требуется. На генеральные уборки раз в месяц-два приходят человек сорок из ближайшего села. Село далеко за полем и отсюда не видно.

– Интересно, а если тут нет никого, кроме трех баб, то кому ты свистать собрался, чтобы меня запрягли в работы?

– Ладно, пойдем, я покажу дом, познакомлю с прислугой и отвалю в Питер.

Заходим в просторный и гулкий от большого объема зал. Батюшки, красота-то какая! Почти как в Лувре. Только немного строже. Вместо картин мозаичные фрески, а вместо люстр — напольные и настенные светильники. Судя по всему, масляные. Расписной потолок, деревянные резные двери, через которые видно, что и другие помещения не хуже. Мебель европейского типа, но с изящной стилизацией под античность. Александр бьет в небольшой, чеканный гонг, висящий у входа. Мелодичный звон громко и гулко разносится по дому.

Шум спешащих шагов — и из разных дверей в зал входят три девушки. Или молодые женщины? Кто их разберет! Красивые, стройные и заметно выше меня ростом. Одетые в разного цвета, но почти одинакового покроя одежду — кожаные безрукавки с металлическими поясами и короткие юбки. Фигуры гибкие, женственные, но угадываются хорошо тренированные мышцы. Сандалии с переплетением завязок до колена, и там же у ко-

лена на ремешке с застежкой у каждой — небольшой нож. Лица вроде приветливые, но одновременно настороженные. Чувствую, что предмет настороженности — это я сам. Служанки? Ну и служанки! От них прямо исходит ощущение силы и независимости. Если бы Александр им свистнул и ткнул бы в меня пальцем, то у меня не было бы никаких шансов спастись от насилия. В момент скрутили бы в бараний рог.

– Знакомься, Сергей. Это Ферида, Охота и Антогора. Девочки, Сергей мой друг и пробудет здесь несколько дней в мое отсутствие. Не обижать его и слушать как меня самого.

Настороженность в глазах девушек растворилась.

– Ты по ходу дела запомнишь, кто из них кто по имени, — заметил Александр.

И действительно — девушки очень похожи друг на друга. Сестры?

– Приготовьте Сергею комнаты на втором этаже. Посмотрите, что ему подойдет из моей одежды. Дом я сам ему покажу.

Посмотреть есть на что. В том числе и на водопровод, и на канализацию. А уж про шикарный бассейн и баню и говорить нечего. А отведенными мне апартаментами из гостиной, спальни и ванной не побрезговал бы любой сибарит*. Зашли и в кухню, где среди мозаичных фресок с фруктами и дичью хлопотал повар по имени Мар, чем-то по внешности похожий на сорокалетнего, плечистого Сократа.

– Вода приходит из леса, — объясняет Александр. — Там речка, которая проходит через сад, падает со скалы. Скала не очень высокая, но дает перепад уровней, чтобы поднять воду до второго этажа. Трубы от скалы и протянуты. Под скалой образовалось чудесное озерцо, и вместо бассейна в доме я частенько хожу купаться туда.

Каждая из девочек делает по дому всё, что потребуется в какой-то момент. Все три и стирают, и охраняют, и работают на кухне и в саду. Так что с любым вопросом можешь обращаться к любой из них. Только вот сексуальных услуг не оказывают. Даже не пытайся.

– Перебьюсь уж как-нибудь. Но всё-таки их внешность, исходящая от них энергия как-то не очень вяжутся с уделом горничных. Каждой из них к характеру больше подошел бы горячий конь, а не метла и рукоделье.

– В наблюдательности тебе, как всегда, не откажешь, — довольно хмыкнул Александр. — Конюшня вон там, за садом, а девочки — амазонки. Земля их племени в двух днях пути отсюда.

– Да ну! — ахнул я. — Правда? Ну и дела! А ты неплохо тут устроился за восемь-то лет общения с машиной Швейцера! Небось в Риме тебя почитают даже за патриция.

– Почитают. Там я Александр Марцелл. Без государственной должности, разумеется, но в друзьях у многих молодых сенаторов. В Риме сейчас неспокойно. Это я тебе на всякий случай говорю. Мне пора возвращаться в Питер. Что еще? Да, деньги я с собой брать не буду. Возьмешь сколько нужно ты, как наш казначей. Девочки покажут, где они лежат. Вроде всё. Пошел. Пока, — и буквально через полминуты патриций Марцелл уже скрылся среди лесных деревьев, от которых протянулись к вилле длинные вечерние тени.

Хорошо-то как здесь! Октябрь, а тепло летнее по нашим меркам и деревья зеленые. Ухоженный сад превосходен. Частью окультурен и полон цветов, а частью — явно намеренно в диком состоянии. Частью с фруктовыми деревьями. Правда, фрукты почти все уже отошли, но кое-где кое-что апельсинное или лимонное еще висит. Небольшие статуи богов, богинь, героев и просто человеческие, преимущественно женские фигуры. Тут и

там — мраморные и деревянные скамейки и скамеечки. Одноструйные, многоструйные и капельные фонтанчики. Уютно, покойно и романтично.

Разваливаюсь на скамейке с подголовником и смотрю в темнеющее небо. Сюда бы сейчас матрасик и подушечку из моего домика в Верне! Как разны наши мечты и фантазии по форме, и как всё же сходны по внутреннему духу!

На террасе второго этажа появляется одна из девушек и оглядывает окрестности. Узрев меня в саду, уходит, но через минуту появляется у скамейки и спрашивает:

– Сергей, ты будешь ужинать с нами или у себя?

Голос приятный, ровный и мелодичный.

– Э-э…

– Антогора.

– С вами, Антогора. А у Александра какая привычка?

– По настроению. Когда с нами, а когда у себя. Нам подает Мар, а в комнаты подаем мы.

Сидим вчетвером за большим столом в помещении рядом с кухней, а Мар обносит нас аппетитным мясным варевом. Потом и сам садится за стол поближе к кухонной двери. Вино? Нет, лучше молоко. Хлеб мягкий и душистый. Девушки едят чисто и аккуратно, искоса бросая на меня любопытные взгляды. Нет, молчание слишком тягостно действует на пищеварение.

– Антогору я теперь узна́ю, — говорю я, отставляя миску и пододвигая поближе к себе кувшин с молоком. — У нее серьга в ухе. Наверное, даже Мара смогу отличить от других.

Одна из еще не опознанных совершенно по-девчоночьи прыскает от смеха и признается:

– Я — Охота. У меня вот на подбородке родинка.

– Отлично. Теперь осталось самое трудное. Выяснить, кто же из вас всё-таки Ферида.

– Это очень просто, Сергей, — поддерживает меня Мар. — Если не Антогора, нет родинки и, главное, не я, то значит — Ферида. Не ошибешься. Я всегда их так различаю.

Теперь смеются все.

– Александр говорит, что вы из племени амазонок. Сёстры?

– Нет, у нас матери разные, — отвечает Ферида.

– А отцы?

– Да кто же их знает! Может быть, и один. Между нами в возрасте разница в год.

– И много вас, похожих друг на друга в племени?

– Хватает. Нас вот трое, а есть по пять и шесть похожих как сёстры.

– Меня вообще-то очень удивило ваше присутствие здесь. Амазонки — и вдруг домашняя прислуга. Как это может быть?

– Как? — повторила за мной Охота. — Наша главная воительница Антиопа говорит, что так нужно. Договор есть договор.

– Договор о чём?

– Александр привозит откуда-то к нам в племя разные снадобья для лечения ран, болезней. А мы за это его охраняем, ухаживаем. По три человека в течение года. Мы вот здесь еще только три месяца.

– Раньше много амазонок умирало от ран, — добавила Антогора. — Теперь от ран в племени почти никто не умирает и болеют меньше.

– Они верно говорят, — подтвердил Мар, — меняются через год. Чудесные девушки, и что их только так в драки тянет? Не пойму.

– А тебя, Мар, как судьба занесла в этот дом?

– Александр как-то в трудный момент спас меня от виселицы.

– И в чем была твоя вина?

– Беглый гладиатор. Прошло уже два года, а Александр говорит, что меня так еще и не перестали искать.

Девчонки аж чуть не подпрыгнули.

– А ты ничего об этом не говорил! Это же надо, как нам повезло. Научишь?

– Не буду я никого учить кровопролитию. Не дело это, — и, видя, что Охота уже было начала раскрывать рот, отрезал: — Нет — значит, нет! Давайте миски. Пойду мыть.

*

Утро следующего дня. Слышно, как Мар хлопочет на кухне. Завтрак в этом доме весьма скромный. Хлеб, сыр, молоко, фрукты да одна жареная курица на всех. Правда, курица большая. Мне, чтобы почти насытиться, хватило половины грудки. Амазонки от птицы не оставляют ничего, кроме косточек, а я, как истинный и разборчивый аристократ, выбираю только белое мясо. Чувствую, как девочки внимательно наблюдают за мной исподтишка, и не могу понять причины такого пристального интереса.

– Сергей, — вдруг спрашивает Охота, — а ты шкурку не будешь? — и, не дожидаясь ответа, цапнула из моей миски предмет своего вожделения и мигом отправила в рот под завистливые взгляды подруг, опоздавших воспользоваться моментом.

От дверей со стороны леса послышался звук гонга. Ферида мигом исчезла из-за стола и через минуту вернулась с прелестной девушкой в легком голубом, почти воздушном и полупрозрачном одеянии.

– Присоединяйся к нам, Клития, — пригласила гостью Антогора, — тебе чего-нибудь положить?

– Нет, спасибо, — мелодично прозвучало в ответ, — я, пожалуй, возьму грушу.

– Как хочешь. А Александра нет.

– Как — нет? Я слышала, что он вчера пришел.

– Пришел и ушел. Спешил очень. Вот за себя друга оставил. Сергеем зовут.

– Ничего не просил передать? — коротко взглянув на меня, спросила Клития.

– Просил. Что очень скучает, — быстро ответила Антогора, бросив на меня предостерегающий взгляд.

– Спасибо. Ну, я тогда пойду, — и девушка, мило улыбнувшись всем, словно растворилась в анфиладе комнат.

– Кто это? — интересуюсь я. — Кроме этой виллы, жилищ вроде бы поблизости нет.

– Она живет в лесу. Клития — нимфа ручья. Очень огорчилась бы, узнав, что ей ничего не передавали. Видно, Александр был чем-то озабочен, когда уходил.

– А вас не удивляют его странные появления из ниоткуда и исчезновения в никуда?

– Мы уже как-то привыкли.

*

Простирающееся вдаль бескрайнее поле безлюдно и беззвучно ждет весны, чтобы снова ожить. В этой стороне ничего интересного нет. Выхожу из виллы, сворачиваю направо, вхожу в лес и иду вдоль опушки в сторону сада, чтобы выйти к речке. В кустах напротив виллы слышу какой-то подозрительный шорох. Из густой листвы торчат мохнатый зад и поросшие кудрявой шерстью ноги с копытами. Слегка пинаю копыто.

– Тс-с, — слышится из листвы, — не мешай!

Осторожно раздвигаю верхние ветви, чтобы увидеть дом. Во дворе, в тени виллы Охота, Ферида и Антогора занимаются гимнастикой. После завтрака-то? Никакого понятия о спортивном режиме! Однако зрелище весьма и весьма соблазнительное.

– Если они поймут, что ты за ними подглядываешь, то могут возмутиться и тогда тебе будет несдобровать, — тихо говорю я мохнатому заду.

Зад задвигался и стал выползать из кустов. Показалась рогатая физиономия.

– А, это ты, Серж, — с досадой произносит мой знакомец Габор. — Принесла тебя нелегкая! Зачем мешать-то эстетическому наслаждению?

Девушки между тем, что-то услышав, прекратили свои экзерсисы* и внимательно смотрят в нашу сторону. Увидев это краем гла́за, Габор выползает из кустов и вмиг стремительно исчезает в глубине леса. Похоже, что амазонки уже когда-то ловили его за этим занятием. Приподнимаюсь над кустами и успокаивающе машу девушкам рукой.

Это то ли маленькая речка, то ли широкий и неглубокий ручей. Прозрачная вода, галечное дно и ровный берег, по которому легко идти среди деревьев. Солнце просвечивает через кроны, а пение птиц и другие звуки леса создают ощущение какого-то сказочного ожидания. Оно — сказочное ожидание — не заставляет себя долго ждать. Шагов через пятьсот деревья расступились, открыв небольшое продолговатое озерцо с пологими берегами, густо поросшими травой и полевыми цветами. Кайма мелкого, чистого песка вдоль кромки воды усиливает очарование места. В дальнем конце озерца речка тихим водопадом по уступам сливается в озерцо с поросшей зеленью скальной стены. Волшебное место!

Сбрасываю с себя то, чем меня снабдили на вилле, и ныряю в теплую и ласковую воду. Да, знает Александр толк в удовольствиях! Мне до него далеко. Заваливаюсь в траву и нежусь под лучами солнца.

От незаметно охватившей дрёмы меня пробуждают голоса и смех на противоположном берегу озерца. Группа легко одетых девушек. Смотрят в мою сторону и переговариваются между собой. Видимо, не ожидали кого-то здесь застать. А вон и Клития в их компании. Стало быть, нимфы тоже пришли порезвиться, и мое присут-

ствие их смущает. Клития объясняет им что-то, кивая в мою сторону, и это разрешает сомнения. Компания не спеша раздевается.

Вдруг одна из девушек настораживается и, обернувшись в сторону леса, что-то коротко вскрикивает. Нимфы гурьбой бросаются в воду, вздымая тучу брызг, и быстро отплывают от берега. Из-за кустов вылетают четыре или пять фавнов и в досаде останавливаются. Момент внезапности потерян, и добыча ушла из-под носа. Между тем нимфы выбираются на мой берег и начинают выкрикивать фавнам всякие обидные словечки по поводу их волосатости и рогатости. Это не осталось без ответа. Фавны собрали одежду нимф, побросали ее в воду и с независимым видом скрылись за деревьями.

Платья сохнут на кустах, а я лежу на боку и с интересом наблюдаю, как нимфы, отжав волосы от воды, расчесывают друг другу их роскошное богатство. Одна из них, улыбаясь, внимательно смотрит издали мне в лицо. Подойти? Заговорить? Нет, пожалуй. Это их дом, а я в нем незваный гость. А если еще окажусь и навязчивым…

Мне это только кажется, или глаза нимфы стали увеличиваться, приближаться ко мне? Они всё ближе и ближе. Всё больше и больше. Кажется, что я вот-вот утону в их зеленой бездне. Волной накатывается ощущение приятной слабости и неги. И я действительно тону…

Когда поднимаю веки, то солнце уже давно перешло полдень. Вокруг ни души. Тишина. Пение птиц и тихое журчание воды по камням водопада только поддерживают гармонию этой тишины с окружающим миром. Одеваю пожертвованный мне не то хитон, не то тунику и не спеша бреду к вилле. Проходя через сад, натыкаюсь на Габора, в блаженстве развалившегося на скамье.

– Что же ты, братец, подвел-то меня? — пеняю я ему. — Я просил тебя развлечь Шехерезаду разговорами и танцами, а ты ее в лес уволок. Она вроде бы обиделась насчет несостоявшихся плясок.

– Не говори ерунды, Серж, — отмахивается он. — Еще скажи, что она вообще осталась недовольной! Кто поверит в то, что говорят женщины? Это она меня обидела!

– Да ну?

– Всё время допытывалась, куда я прячу свой хвост. Словно я козёл какой, — и, подумав, добавил: — Или дьявол. А вообще-то я бы с удовольствием поучил ее и танцам при случае.

– Пойдешь со мной обедать?

– Да ты что! Там эти.

– Что, попался им как-нибудь?

– Замешкался я что-то разок и попался, — признался Габор и недвусмысленно почесал спину.

– Ничего, пойдем. Без вины они никого не трогают.

– Точно?

– Точно. Ты не с того начал. Нужно не подглядыванием заниматься, Габор, если хочешь познакомиться с амазонкой.

– А чем?

– Если хочешь наладить хорошие отношения, чтобы не гоняли, то предложи соревнование. Тогда они проявят интерес и к тебе.

– Брось, какое я могу предложить им соревнование? Любая из них сильнее меня вдвое. А я ведь не слабак! На сельских праздниках в борьбе укладываю сразу троих мужчин.

– Предложи им посоревноваться в беге. Я видел, как ты сегодня улепётывал. А соревноваться в беге можно и в поле, и в лесу. Где-нибудь тебе проиграют даже амазонки.

Габор сильно задумался и в таком задумчивом виде вступил в дом. Оказалось, что самое время. Девочки уже за столом, но еще не начали. На появление фавна даже бровью не повели. Пришел и пришел. Чего тут говорить?

– Знакомьтесь, девочки, это Габор.

– Мы уже знакомы, — за всех невозмутимо отвечает Антогора.

– Мар, — кричу, — у нас гость! Голодный.

– Сейчас, сейчас несу! Охота, Ферида, накрывайте на стол!

И в самом деле что-то несет, девочки накрывают, мы все рассаживаемся и приступаем к насыщению. Специально молчу. Интересно, как Габор будет выкручиваться сам?

– Вы всё еще обижаетесь на меня? — спрашивает Габор, обратившись в сторону амазонок.

Охота хмыкает себе под нос что-то невразумительное.

– А я люблю смотреть на физические упражнения и сам тоже ими занимаюсь. Красивое зрелище меня завораживает и притягивает. За него готов даже и пострадать!

– Вот как-то и пострадал, — констатирует Ферида, — не надо было прятаться! Спросил бы, нельзя ли посмотреть на нашу тренировку. Не любим, когда за нами тайком подсматривают.

– Постеснялся.

Амазонки уставились на него ошалелыми глазами. Стеснительный фавн! Где это видано?

– Шутишь?

– Ну, как сказать, может, и не совсем как бы постеснялся, — начал выкручиваться Габор, — но всё равно было как-то боязно к вам подходить. Вы такие важные, красивые…

– Послушай, Габор, а ты сам-то какими упражнениями занимаешься?

– Бе́гом.

– Не смеши нас! С твоими-то короткими ногами? Нука, встань! — Габор поднялся, а Антогора встала рядом с ним. — Вот видишь, мой бедренный сустав выше твоего пояса. Какой ты бегун! — недоразумение.

– Недоразумение, недоразумение, говоришь! — задыхаясь от возмущения, вскричал фавн. — Раз вы такие уверенные, то вызываю вас на соревнование! Два этапа. Бег по полю и бег по лесу на триста локтей. Увидим, что важнее — мастерство или длинные ноги!

Амазонки переглянулись.

– Согласны. Один на один или команда на команду?

– Как хотите.

– Тогда командой. Когда?

– Завтра утром, как закончите свои упражнения.

Габор ушел. Наверное, набирать команду. Охота и Ферида копошатся где-то в доме. Мы с Антогорой в библиотеке. Она вытащила из тайника в стене тяжеленный ларец и взгромоздила на стол. Сама же взяла какой-то свиток, в живописной позе улеглась на одну из кушеток и принялась за чтение.

Ларец доверху набит мешочками с золотыми и серебряными монетами. Сколько взять с собой? Сотни золотых ауреусов, наверное, хватит. Отсчитываю, ссыпаю в мешочек и поднимаю глаза на Антогору, собираясь сказать ей, чтобы поставила ларец на место, и замираю от неожиданности. Девушка вовсе не лежит на кушетке, а стоит, к чему-то встревоженно прислушиваясь.

– К нам кто-то едет верхом. Не один. Четверо, нет, пятеро. Не нравится мне это. Мы никого не ждем.

Я тоже напрягаю слух и не улавливаю ничего, кроме птичьих голосов за окном. Но тревога Антогоры передается и мне. Быстренько спускаемся к дверям, выходя-

щим на дорогу. Охота и Ферида уже здесь. Мар в стороне от двери осторожно, краем глаза смотрит в окно на подъезжающую пятерку всадников. Ферида, увидев, что Антогора подошла, проходит мимо нас и скрывается в сторону дверей, выходящих в сад. Мар хочет что-то мне сказать.

– Это за мной. Нашли всё-таки. Впереди едет Квинт Клодий — мой бывший хозяин. Я не вернусь к нему!

Только тут я замечаю у него в руке короткий меч.

– Вот что, Мар, ты не в своем доме, чтобы решать, что тебе делать. Еще побоища нам тут не хватало! Тот, кто в доме по воле хозяина, тот под его защитой. А раз я сейчас заменяю Александра, то все в доме выполняют то, что я скажу. Быстро выйди, скройся в лесу и сиди там, пока не позовут. Ты понял?

– Да, — и Мар бегом понесся к выходу в лес, а я направился к дверям.

В двадцати шагах от нас пятерка всадников спешилась и, оставив лошадей стоять, твердо и решительно ступая, приблизилась к нам. Я бы сказал, что они четверка солдат с командиром, но по внешности не могу знать, какое место они занимают в римской иерархии. Тот, что стоит впереди, — понятно, Квинт Клодий. А те, что за ним? Солдаты регулярной армии? Какая-нибудь стража? А может быть, просто слуги? Во всяком случае, эти четверо вооружены и одеты одинаково. Здоровяки.

– Что тебе угодно на чужих землях? — спрашиваю я стоящего впереди, памятуя из истории, что в те времена обращения на "вы" еще не знали.

– Я Квинт Клодий из Рима, — отвечает тот, — и мне нужно видеть Александра Марцелла.

– Это невозможно. Александр в отъезде. Я его друг Сергей. Просто Сергей и управляю за него домом и окрестными землями. Изложи свое дело, Квинт, и мы решим его так же, как если бы Александр был здесь.

– Досадно, что Александра нет, хотя, может быть, и к лучшему.

– Что — к лучшему?

– Нет-нет, ничего. Это я так, про себя. Мне стало известно, что здесь, на вилле Александра скрывается мой беглый раб. Я прибыл за ним и хочу его забрать. Не берусь судить, знает ли Александр Марцелл о том, что скрывает беглого раба, но будем считать, что не знает. Я просто хочу забрать свое имущество.

– Ценное имущество-то?

– Не меньше ста золотых ауреусов.

– Ого! И чем же так ценен твой беглый раб?

– Он хороший гладиатор.

– Вот как! Но ведь беглых гладиаторов, если не ошибаюсь, казнят.

– Это мне решать. Если выйдет на арену, то, может быть, еще и поживет.

– Забота о своем имуществе очень похвальна, Квинт. Впрочем, то, что ты не высказываешь никаких обвинений к Александру Марцеллу, говорит и о твоей похвальной осторожности. Однако как зовут раба?

– Мар. Мар из Эфеса.

– Мар? Человек с таким именем мне известен, но из Эфеса ли он, я не знаю. Он работал здесь поваром. Но его в доме уже нет.

– И где же он?

– Того не ведаю.

– Мне хотелось бы в этом убедиться.

– Вот как? Ты сомневаешься в моих словах? И как ты собираешься убедиться?

– Войти и осмотреть дом.

– Без согласия хозяина?

– Хотя бы и так, — и он, сделав шаг в сторону, мотнул головой своим солдатам.

Двое передних здоровяков обогнули меня и решительно двинулись в направлении дверей, около которых с совершенно невинным видом стояли Охота с Антогорой и внимательно слушали мое препирательство с Квинтом. Солдат, который слишком приблизился к Антогоре, вдруг охнул и рухнул, распластавшись на камнях. Антогора при этом даже почти не пошевельнулась. Тот, который протянул руку, чтобы отпихнуть Охоту от дверей…

Я никогда не предполагал, что мужчина может так истошно орать. Даже уши заложило! Да и как не орать, если рука у тебя чуть ли не вывернута в обратную сторону! Короткая, почти невидимая глазу подсечка — и кричащий валится рядом с первым, прижимая к себе руку с едва не вывихнутыми суставами. В этот момент за спиной у нападающих слышится стук копыт. Они смотрят назад. Между ними и их лошадьми появилась Ферида верхом на огромном черном коне и с длинным и тонким обнаженным мечом в руке.

– Амазонки, — только и произнес один из стоящих солдат, и оба замерли, даже не пытаясь хоть немного трепыхнуться.

– Вот результат твоей опрометчивости, Квинт. Как теперь поступить? Сам понимаешь, никакого Мара тебе сейчас и здесь уже не получить. Даже если бы он и был в доме. Конечно, ты можешь не успокоиться и явиться сюда еще раз с целым легионом солдат. Но тогда ты не застанешь даже и остывших следов какого-то Мара. Можешь забыть о своих ста золотых, если и дальше будешь переть напролом. Хлопот будет много, а денег никаких.

Видишь ли, Квинт, Александр очень ценит покой и тишину. Потому и забрался подальше от вас всех. Ты этот покой нарушаешь. Но знаю, что ради покоя Александр был бы готов откупиться любыми деньгами. Вот

что я предлагаю. Я тебе даю двести золотых, а ты подписываешь отказ от прав на своего Мара. Пусть он болтается, где хочет. Зато у тебя не станет повода еще раз нарушить покой Александра. Ну, как?

– Двести золотых?

– Двести и по пять золотых для поправки здоровья этим увальням, которые тут развалились на земле.

Квинт недолго выбирал между хлопотами с неизвестно каким концом и деньгами прямо сейчас.

– Я согласен.

– Антогора, принеси деньги, бумагу и чем писать.

Минуты через три-четыре она вернулась, неся мешок с деньгами и чернильницу в руках, а свиток чистой бумаги или пергамента — под мышкой.

– Здесь негде пристроиться со свитком, — пожаловался Квинт, — нельзя ли зайти в дом?

– Нет. Попытавшись ворваться силой, ты потерял возможность быть приглашенным. Вон на спине твоего охранника удобно бы писать! А другой чернильницу подержит. Только напоминаю, что Александру рабы не нужны. Пиши, что не продаешь, а просто отпускаешь на свободу за двести золотых.

Так Квинт и поступил. Я прочел бумагу. Пожалуй, всё верно. Бросил взгляд на правую руку Квинта и протянул свиток ему обратно. Он помазал чернилами свой перстень-печатку и приложил к документу. Пересчитал деньги, а я передал по пять золотых бедолагам, которые с трудом, но уже поднялись на ноги.

– Ферида, пропусти их! — и мы ушли в дом.

– Антогора, позови Мара. Он где-то поблизости в кустах отсиживается, а ему еще ужин готовить. Отдай ему свиток.

Ну и сильны же эти амазонки! Я едва дотащил тяжеленный ларец до тайника, запихнул его туда и запер. Огляделся вокруг. В шкафах свитки, свитки, свитки…

Никаких тематических табличек или подобия каталога. Как он во всём этом разбирается? Нужно будет спросить, нет ли здесь чего-нибудь про Атлантиду. С нижнего этажа доносится громкий визг и смех. Что за чёрт! Бегу. Вроде из бассейна. Так и есть.

Ферида, Антогора и Охота, бултыхаясь в воде, устроили потешную потасовку между собой и визжат как недорезанные, и хохочут как сумасшедшие. Начисто голые, конечно. Заметив меня, даже слегка не засмущались. У меня почему-то, глядя на них, мгновенно возникло катастрофически сильное желание вдруг оказаться в Багдаде с Зубейдой. Почему бы это? Она-то тут при чем?

*

Сегодня утренняя гимнастика амазонок во дворе между домом и лесом необычно многолюдна. К ним присоединились и три фавна — Габор, Корий и Фаустус. Смешно смотреть, как они изощряются, пытаясь перещеголять амазонок в ловкости и гибкости. Еще несколько представителей козлоногой братии тут и там расположились на траве и наблюдают за девушками. Из-за дерева выглядывает полноватенькая, пугливая дриада. Не та ли это дриада, которую охмурял Везер на празднике близ Багдада? Прочие нимфы живописной группой на всякий случай держатся подальше от копытных болельщиков. Мар отмеряет в поле дистанцию в триста локтей. Всё спокойно и вполне благонравно. Даже лавровые венки победителям заблаговременно сплетены нимфами.

– Девочки, Габор, наверное, пора выходить на поле, — говорю я.

Шестерка соперников уходит в поле, где их ждет Мар. Бежать будут к вилле. Мар выстраивает всех в линию и хлопает в ладоши. Полетели! Вот это зрелище! Амазонки несутся и одновременно как бы плывут легко и граци-

озно. Фавны, как смешные заводные игрушки, так быстро переставляют короткие ноги, что это кажется просто невозможным для живого существа. Амазонки, похоже, поражены, что им никак не удается оторваться от фавнов. На последней четверти они делают рывок и оказываются впереди своих соперников с разницей между победительницами и проигравшими всего лишь в три-пять локтей. Девочки обескуражены. И в самом деле! Длина ног, оказывается, — еще не гарантия преимущества в беге!

После небольшого отдыха соперники перемещаются к лесу, а зрители в сад. Бегуны стартуют с кромки леса, ворвавшись в лес, повернут направо, пробегут триста локтей вдоль виллы и выскочат прямо в сад.

С края сада видно, как наши спортсмены выстраиваются в линию. Рванули и исчезли в деревьях. Ждем с нашей стороны. Фавны из стены леса выскакивают почти одновременно и ждут соперниц. Те вылетают в сад с большой задержкой далеко не одновременно. Получается, что фавны опередили амазонок примерно на половину всей дистанции. Полный разгром! Девочки это понимают, но обиду поражения в одном хорошо скрашивает лавровый венок за победу в другом. Хорошая почва для взаимопонимания, когда все бывшие противники победители!

Габор в своем венке ходит гоголем, воображая из себя невесть что. Из дома в сад тащат столы, подносы с фруктами, блюда с разной едой, сосуды с напитками. В общем, в доме погром, а в саду суета. Праздник так праздник! Кутерьма. Но меня что-то не тянет участвовать в этом шумстве. Подзываю Антогору.

– Мне скоро пора уходить. Вы тут веселитесь, а я пойду немного погуляю в лесу напоследок. Так что не удивляйтесь моему исчезновению. Было очень интересно и приятно с вами. Проследите, чтобы потом прибра-

ли, а то Александр всыплет нам всем. Девочкам передай мой привет. Я вас всех люблю, — и, привстав на цыпочки, слегка прикладываюсь губами к ее щеке. Антогора молчит, не зная как на это реагировать. Только слегка покраснела от неведомого ей до селе смущения.

Наверху переодеваюсь, беру мешочек с золотом и выхожу в лес. Млея от восхищения окружающей природой, медленно бреду вдоль речки к озеру. Шум праздника за спиной становится все тише, тише и, наконец, совсем растворяется в шелесте листвы и пении птиц. Колдовство и очарование лесного озерца радует душу. Раздеваюсь догола и с наслаждением погружаюсь в ласковую воду. Надо же какое чудо создал Александр!

Заваливаюсь спиной в шёлковую траву и продолжаю млеть от неописуемого ощущения покоя и неги. Нужно будет узнать, а вдруг и в вернском лесу есть такое волшебное местечко. Не может не быть. Сказка же. Веки тяжелеют и тихо, незаметно накатывается какая-то легкая и приятная полудрёма.

Вдруг какая-то большая фигура, громко по-человечески ругаясь, пролетает над деревьями, водопадом и с шумом кувырком рушится в воду, подняв тучу брызг. Из глубины выныривает какой-то субъект и, отдуваясь, отфыркиваясь, начинает вылавливать что-то трепыхающееся на поверхности воды. Выловил, осмотрелся и, увидев меня, поплыл к берегу.

Еще вполне молодой, хорошо сложённый человек приятной, располагающей наружности. На голове каким-то чудом удержавшийся венок из виноградных листьев.

– Дионис*, – представляется он и бросает на берег пару сандалий с крылышками. Сандалии трепещут в траве, как выброшенные на берег рыбы. – А ты кто?

– Сергей – друг здешнего хозяина.

– Вот видишь, Сергей, что означает поспешность и непредусмотрительность. Услышал случайно, что фав-

ны из моей свиты затеяли где-то здесь праздник, а меня позвать забыли. Решил нагрянуть. Выпросил у Меркурия* пару его запасных летучих сандалий, чтобы добраться поскорее. Кто же мог подумать, что сандалии-то еще не объезженные, норовистые. Результат ты видел.

– Дионис, ты своих фавнов-то не обижай, - прошу я, – принимая сидячее положение. Это я устроил праздник в их честь, а не они сами себе. Я здесь впервые и с вашими традициями еще не знаком. Приглашаю тебя. Может быть и с запозданием, но от души.

– Спасибо. Принимаю. Вот, пожалуйста, тирс утопил. Опять в воду лезть.

– Давай я понырю, а ты пока отожмись. Не пойдешь же на праздник в мокрой одежде.

– И то, правда, – и Дионис начал разоблачаться.

Нырнув пару-тройку раз, я вытаскиваю на берег увитый плющом жезл Диониса.

– Вот твой символ божественности.

– Ага, а почему ты, Сергей, сам-то не на празднике? – спрашивает бог веселья, сверкая ягодицами и развешивая по кустам на солнышке свою легкую амуницию.

– Не знаю, не тянет меня что-то сегодня к шумным развлечениям. Домой нужно отправляться, а уходить отсюда не хочется.

Дионис огляделся вокруг.

– Действительно, очень милое и приятное местечко. Тебя можно понять. У нас на Горе* такого не найдешь. Все ухожено и облагорожено так, что просто тошнит. Посижу-ка и я с тобой, пока одежда сохнет.

Крылатые сандалии, отряхнувшись от воды, пытаются взлететь. Дионис хватает их и приматывает завязками к ближайшему деревцу.

– Вот меркурьево отродье! Ещё и удрать пытаются, – в сердцах сетует начальник фавнов и собутыльник прочих гуляк мужского и женского рода.

Лежим рядом в траве, уставившись в небо и блаженствуя под теплым ветерком. Перекидываемся ничего не значащими, короткими фразами. Кто бы мог подумать, что боги так просты в обращении. Даже не верится в реальность происходящего.

Дионис поднимается и ощупывает свою одежду.

– Вроде просохла. Можно двигать. Мне в какую сторону, Сергей?

– Вот по этой тропинке выйдешь прямо к столам и бочкам.

Дионис приветственно махнул рукой и скрылся за деревьями, таща с собой за завязки, парящие в воздухе крылатые сандалии.

Взглядываю на солнце. Наверное, часа три уже. Пора и мне отправляться. Одеваюсь.

Дом, Дом, где ты, Дом…

*

Сегодня суббота, и Александр дома.

– Ну как? Что ты в моей мечте натворил?

– Знаешь, там у тебя ничего творить не надо. Всё так великолепно, что я был просто поражен. Особенно озерцом с водопадиком. Сказочное по прелести место! Мне еще до такого далеко.

Чувствуется, что хозяин сказки просто внутренне млеет от похвалы, моего восторга, но вида не подает. Поэтому продолжаю:

– Приперся Квинт Клодий с солдатами забрать своего беглого раба. Кто-то, видимо, вас заложил. Пришлось выкупить у него Мара, чтобы Квинт больше не таскался, не искал его. Дороговато, но покой того стоит.

– И сколько он взял за мой покой?

– Столько, сколько ему дали — двести золотых. Он по ходу переговоров оказался в малость безвыходной ситуации по своей вине.

– Двести — это недорого за такое дело.

– Еще пришлось из жалости дать двум его солдатам по пять золотых за увечья, полученные в переговорах.

– Да что это за переговоры такие с увечьями?

– Ты сам нанимал амазонок на службу, а они не любят, когда их трогают пальцами.

– Да, кое в чем девочки очень взыскательны.

– И еще одно. Помирил я твоих амазонок с фавнами. А то эти девицы совершенно запугали, затравили невинных лесных бабников!

– Брось, это невозможно! Амазонки на дух не переносят фавнов.

– Убеждение и ласка делают чудеса. Сейчас там, в саду праздник по поводу завершения местных олимпийских игр между командами амазонок и фавнов. Всё мирно и пристойно. Даже Дионис пришел. Можешь еще успеть, если захочешь.

Да, Клития заходила и спрашивала тебя. Кто-то сказал ей, что ты появлялся. Мы на всякий случай передали ей от тебя привет. Чтобы не подумала, что ты ее забыл.

– Виноват, каюсь.

– Она сейчас тоже на празднике. А у тебя новости какие-нибудь есть?

– Нашел я толкового и шустрого юриста для наших дел. Либо рассчитываться с ним по каждому вопросу, либо платить регулярно четыреста долларов в месяц независимо от наличия или отсутствия для него работы. Тогда любое наше дело в любое время и впереди всех.

– Второе удобнее.

– Я тоже так думаю. С оформлением документов всё затянется на месяц-два.

– А что делать? В нашем бардаке и это быстро. Ладно, пойду-ка я домой. Пока.

– Пока. Пожалуй, схожу и посмотрю, что за праздник вы там затеяли. Да и Диониса я еще никогда не встречал. Как его ко мне занесло?

На самом деле я пошел не домой, а в гастроном. Холодильник-то пустой! Набив его маленько, сажусь и думаю.

В Багдаде всё спокойно — любят и ждут. В Париже утряслось. Иначе Анна Петровна в панике была бы здесь. В Верне проблемы решены. И пиратские моря не лишены тихой прелести семейного счастья у кого-то. Даже здесь потихоньку идет какое-то движение. Жилье в собственность заберем. Подвал, пожалуй, отвоюем. Машину защитим. Так что на будущее надежды есть.

*

Примечания

Метафизика - учение о сверхчувственных принципах и началах бытия.

1 локоть = 0,5 метра.

Солентино = 1/100 серебряной дексты = 1/1000 золотого.

"Практифлекс" – марка немецких зеркальных фотоаппаратов.

Вариометр – катушка индуктивности особой конструкции, предназначенная для плавной настройки частоты колебательного контура.

Узел – мера скорости = 1 морская миля/час.

Морская миля = 1852 метра = 10 кабельтовых.

Кабельтов = 185,2 метра.

Галс – движение судна относительно ветра.

Чайный клипер – трех - четырехмачтовый парусный корабль, предназначенный для быстрой перевозки чая из Китая в Европу. Скорость клипера достигала 16-18 узлов.

Капер - частное судно, получившее разрешение своего правительства на ведение боевых действий против судов враждебных государств.

Дриада – лесная нимфа, покровительница деревьев в греческой мифологии.

Ажитация – сильное эмоциональное возбуждение.

Фирман – указ правителя, имеющий силу закона.

Магриб – территория африканских стран западнее Египта.

Зиндан – тюрьма, выкопанная в земле.

Око Света – волшебный камень, в котором можно видеть происходящие события.

Жан-Поль Готье – один из столпов современной парижской моды.

Отец Жозеф (Франсуа Леклерк дю Трамбле) – помощник и друг Ришелье. В истории и литературе оставил не однозначный след. По некоторым источникам довольно демоническая личность с садистскими наклонностями.

Нимфы – в античной мифологии – низшие божества природных сил.

Фавн – в древнеримской мифологии — бог (боги) плодородия, покровитель лесов, полей, пастбищ и стад. Входят в свиту бога Диониса.

Бретер – завзятый дуэлянт.

Латифундист – собственник крупного земельного владения.

Ауреус – золотая монета времен Юлия Цезаря.

Индифферентный – безразличный ко всему.

Сибарит - праздный, избалованный роскошью человек.

Экзерсисы – тренировочные упражнения в классическом танце (балете).

Дионис – бог растительности, виноградарства, земледелия, веселья.

Меркурий – бог торговли, прибыли, ремесел, плутовства и воровства.

Гора – имеется в виду Олимп.

РАССКАЗЫ

Голоса

Раза два-три в год, оказавшись поблизости, я обязательно заворачиваю сюда, на Фурштатскую улицу и долго стою на аллее перед ним, своим главным в жизни домом со слепой сейчас стеной первого этажа. Дом заметно просел и все нижние окна, и арка ворот заложены кирпичом. Постепенно всё кругом вдруг начинает меняться как на проявляющейся фотографии и возникает волшебный мир воспоминаний улицы Петра Лаврова пятидесятых годов. За спиной слышится приглушенный школьный звонок родной Анхеншуле, а через некоторое время гомон высыпавшей во двор между школой и кинотеатром "Спартак" детворы. Визг девчонок, смачные шлепки портфельных потасовок, скрежет дверей, выпускающих кинозрителей из бывшей кирхи Святой Анны, превращенной в почти шикарный по тем временам кинотеатр с буфетом и концертами перед сеансом.

Поход в кино в нашей семье как праздник с сидением в чистеньком, аккуратненьком маленьком буфете с блаженством поглощения пирожных и лимонада. Затем шествие наверх, к концертной эстраде и, наконец, волшебство просторного и звучного зрительного зала, из которого не хочется уходить. У нас с матерью облюбованы места в десятом ряду партера, а сёстры с подружками почему-то предпочитают балкон.

Влево до Литейного и вправо до Таврического сада, невидимого за пышной листвой, тянутся по пояс заросшие травой газоны. Две бесконечные клумбы благоухающего душистого табака, шпалеры почти непроходимого подстриженного боярышника, два ряда молодых лип, посаженных моими сёстрами и их подругами во время школьных субботников, столетние тополя на тротуарах вдоль домов, один из которых выше крыш и в три обхва-

та, с вросшей в тело чугунной решеткой, стоит прямо у нашего дома.

Обходить газон лень и я, выждав момент, когда нет никого поблизости, перескакиваю через цветы, продираюсь через боярышник и оглядываюсь по сторонам. Все спокойно. Огромная, рыжая собака Альфа, принадлежащая вдове-полковничихе, просунув морду через решетку, лениво тявкает в пространство с балкона второго этажа. Мои старшие сёстры через раскрытое окно о чем-то переговариваются со школьными подругами Ёлкой (из-за прически) и Мухой (из-за фамилии), стоящими на тротуаре. Прогуливая длинную и плоскую собачонку, проходит странный человек из соседнего дома. Чудак с сигаретным мундштуком в зубах. Во внешности, манерах что-то заморско-буржуйское, как их рисуют в газетных и журнальных карикатурах. Кто он и откуда никто не знает. Что-то не видно сегодня дразнящих его мальчишек и ему не приходится отбиваться от них, делая страшное лицо и ругаясь на каком-то неведомом языке.

Проскальзываю в покосившиеся, скрипучие деревянные ворота, прохожу мимо дверей в нашу квартиру с овальной чеканной табличкой страхового общества тысяча восемьсот какого-то года и замираю перед окном кухни. Нужно проскочить незаметно мимо нашей бабушки Даши, гремящей кухонной посудой. Не загнали бы домой. Есть дела и поважнее домашних.

Весь двор заставлен поленницам дров. Звон мяча о стену. Леля Маленькая и Леля Большая ловко и грациозно прыгают через него. Что-то спрашивают у меня, но я отмахиваюсь от них. Недосуг. Сережка что-то сосредоточенно выстругивает из щепки, а как всегда чистенько одетый Сева присматривается к большой луже. Его мать довольно долго и подозрительно приглядывает за ним со второго этажа, но, потеряв терпение, на всякий случай, грассируя, кричит: "Сева, даже и не думай!". Где-то

на третьем этаже один патефон играет "Рио-риту", а другой "Мишку, Мишку". Через открытое окно кухни десятой квартиры на втором этаже слышится шкворчание масла на сковороде, а по двору разносится соблазнительный запах жареной трески. И картошечка, наверное, варится. Пошатываясь и гремя сумкой с инструментом, проходит вечно пьяный водопроводчик Василь Карпыч. Демобилизованный Мишка из первой квартиры вместе с отцом пристраиваются пилить дрова и обсуждают заточку топора и пилы.

Из парадной справа выходят два бравых старших лейтенанта - Эдик и Филипп. Чудесные парни. Особенно Эдик. Слушатели артиллерийской академии на Литейном. Вот и сейчас с портфелями, значит, туда. Снимают угол у… Забыл, но очень добрая старушка. Всегда угощает ребят во дворе пирогами, когда печёт. Эдик - мой друг, несмотря на разницу в возрасте и понятную снисходительность. Никогда не пройдёт мимо, не поговорив со мной хоть пять минут. Чем-то я приглянулся ему с самого первого дня. Частенько ходим с ним до угла Литейного, где он покупает мне мороженое или пакетик чищенных грецких орехов, а пока идём, то болтаем на самые разные темы от топографии до Тарзана. Филипп более молчалив, но всегда улыбается. Стали ли вы, ребята, генералами? Вспомнил, старушку зовут Наталья Никифоровна.

Банщик-инвалид дядя Аркадий от нечего делать сидит и смотрит в окно однокомнатной квартиры на первом этаже. Видно выходной. Его великовозрастная дочь Любаша девчонка добрая, но немного шалая сейчас на работе. Батя её частенько потчует ремнем и за волосья по причине гуляний с парнями, но ей все нипочем. Характер. Чуть дальше задний флигель с уютной парадной и деревянной, скрипучей лестницей. Там живут только евреи и поэтому парадная называется "еврейской".

Народ тихий, не скандальный и нас не гоняет, но просят не очень шуметь, когда мы в ненастье собираемся под лестницей.

Каретный сарай с клетушками кладовок в два этажа. Замки, замки, замки. Через щели видны сокровища всяких штучек, интересных, таинственных предметов. Их тут больше, чем на всех трех чердаках в доме, но и здесь нет того, кого ищу. Выхожу. Прачечная. Треск горящих дров, запах дыма и влажный дух стирального щелока. В огромном котле смачно булькает белье. Прачечная никогда не запирается, и при игре в прятки я иногда ныряю в пустой котел и прикрываюсь крышкой. Найти невозможно. Почти. Сейчас же дворник, тетя Катя, в клубах пара стирает в огромной деревянной, наверное, еще дореволюционной лохани и напевает что-то про себя.

Толчок в спину. Ну, вот, наконец-то. Мой закадычный дружок Юрка. Его отец - пожарный из части на улице Чайковского. Поэтому когда он дежурит, мы ходим в часть и, дождавшись тревоги, успеваем, как заправские пожарные съехать раз-другой по трубе из клуба на втором этаже в гараж. Пока люк не закроют.

Уединяемся с Юркой в своем "штабе" среди поленниц дров с крышей из дырявых листов железа. Здесь, в сыром полумраке с грибным и смолистым запахом леса планировались великие дела и отважные подвиги. Можно обследовать ещё не облазанный нами подвал в тридцать первом доме. Можно устроить приключения за забором разбомблённого и снесённого дома. Там такие заросли травы, полыни и акации, что любо-дорого для человека знающего толк в приключениях. Можно попытаться проникнуть в "Спартак" через окно мужского туалета, но эта идея сегодня совсем не заманчива. Идет "Свадьба с приданным". Неинтересно. Можно ещё и…

Вылезаем из слухового окна. Скат крыши довольно крутой и без ограждения. С опаской заглядываем вниз.

Все нормально. Девочки скачут через мяч, патефоны смолкли, а Севина мать что-то опять неразборчиво выговаривает сыну. Какой-то человек вошел во двор. По замысловатому пути передвижения опознаем Василь Карпыча. На соседнем доме один из множества окрестных заядлых голубятников размахивает длинным шестом с тряпкой и время от времени пронзительно свистит, гоняя свою стайку сизарей.

Преодолеваем брандмауэр соседнего, более высокого дома и устраиваем наблюдательный пост на гребне по-летнему горячей крыши. Большой Дом вот он тут, совсем рядом с путаницей антенн на крыше. Он совсем не страшный в лучах солнца. Там ловят шпионов, но взрослые неохотно говорят о нём и при этом какие-то странные и непонятные вещи, иногда обрываясь на полуслове. У нас с Юркой свои отношения с этим зданием. Иногда устраиваем набег на него и выковыриваем свинец из стыков облицовочных гранитных плит. Вот тогда немножко страшновато, но свинец настолько ценный металл для биток, что идём на риск, как партизаны.

Здесь, наверху совсем другой воздух и ветер не похожий на порывистый, пахнущий асфальтом, легкомысленный и, вместе с тем, тяжеловатый ветер улиц, дующий сразу с нескольких сторон. Над крышами ветер какой-то мягкий и надежный. Он обволакивает и ласкает. Им хочется затянуться как ароматом духов пахнущих водорослями и морем, дальними странами и парусными кораблями. Достаю из кармана две линзы. Одна большая, увеличительная, а другая маленькая, уменьшительная. Это я сам придумал, что через них можно рассматривать окружающий мир не хуже бинокля. А возникающий радужный ореол вокруг картинки даже интереснее. Дает какую-то размытую таинственную глубину.

Через эти стекла долго по очереди рассматриваем голубые дали. Вот ажур Смольного собора и крыша са-

мого Смольного. Если покопаться на газонах Смольного, то часто можно оказаться обладателем медных, а если повезет, то и серебряных монет с царскими двуглавыми орлами. Водонапорная башня, Кресты, Ленин на броневике, Литейный мост, трубы Авроры, а за ними столбы минаретов мусульманской мечети. Во время войны там была радиостанция или что-то такое же интересное. Отец Женьки Богданова с соседнего двора - военный и к этой радиостанции имеет какое-то отношение. Я и Женька ходили к нему на работу и лазали на минарет. Кругом кучи отработавших, огромных и пузатых генераторных ламп. Ни с чем несравнимое наслаждение пустить такую лампу с минарета и с восхищением наблюдать как она там внизу бух и трах.

Марсово поле не видно за Летним садом, но зато Петропавловка как на ладони. Спас на крови, Исаакий, на который уже давно никого не пускают, Ростральные колонны… Их вид и даль Финского залива вызывают немедленную потребность излить переполняющие душу чувства и мы начинаем наперебой фантазировать. Сбиваясь и завираясь, рассказываем друг другу немыслимые приключенческие истории о дальних странах якобы вычитанные или услышанные где-то, но на самом деле больше чем наполовину придуманные прямо сейчас. Это длилось бы бесконечно, но у нас в животах начинает дружно урчать и как отклик на это из гулкой глубины нашего двора доносится бабушкин зов: "Андрю-юша!", а через полминуты то же самое наперебой повторяют мои сёстры. Нужно идти. Без меня не сядут за стол.

Вечер. Во дворе нет играющей детворы. Сейчас она в роли зрителя и слушателя. Вечер - это время взрослых. Две-три кучки секретничающих женщин, время от времени поодиночке меняющих кружок обсуждения. Так что к концу вечера все они в курсе всего. Небольшая группа у "еврейского" флигеля никогда ни с кем не смешивает-

ся. У них свои дела. Однако если вдруг происходит какое-нибудь вопиющее событие, то еврейки возмущаются громче всех, но и требуют справедливости для всех. Еврейская община обычно собирается вокруг высокой детской коляски с паралитиком Володей, которого вывозят на вечернюю прогулку. Володя - жертва полиомиелита. Ему уже четырнадцать и его очень жалко. Как и его маму.

У мужчин всегда две группки с ароматом водки, пива и табака. В одной до хрипоты спорят о политике и футболе. Другая компания, надёргав из ближайших поленниц чурбаков, рассаживается на них и отдается самозабвенному забиванию козла, сопровождаемого матерными комментариями ожидающих своей очереди приобщиться к этому действу.

Не обходится, конечно, вечер и без представлений на радость всем. За распахнутым окном первого этажа идет гулянка по какому-то поводу, а может быть и без оного. Уже затянули "Шумел камыш". Пожилой, но еще крепкий татарин Ахмед принял стаканчик в дворовой компании и захмелел. В нем проснулись артистические наклонности и он, прихлопывая и притопывая, начал выписывать пируэты под окном с гулянкой, громогласно подпевая "Скобари, скобари, скобари всегда поют…" Все хохочут, и никто не обижается. Мужик сам безобидный и безотказный, если что.

Тем временем на уличной аллее своё вечернее священнодействие. Там вроде и публика поинтеллигентнее. Там происходит целый ритуал. Вся аллея как бы рассечена на пять частей перекрестком с улицей Чернышевского и проездами для разворота машин. Машин же на Петра Лаврова почти не видно даже днем, а вот лошади с платформами на резиновом ходу заезжают довольно часто. Во дворе углового с Друскенигским переулком дома небольшой склад. Но понятно, что вечером вообще

никакой транспорт не нарушает благоговейного спокойствия улицы и усиливающегося к вечеру тонкого благоухания душистого табака.

Так вот, жители домов предпочитают прогуливаться только в той части аллеи, которая как бы приписана к их дому. Или наоборот, дом приписан к ней. Променад из конца в конец улицы редкость. Идет тихое и спокойное семейное кружение в "своем" секторе аллеи с остановками перед скамейками с сидящими на них знакомыми и обменом с ними любезностями и новостями. Так что и здесь к концу вечера все знают обо всем. Даже о том, чего никогда не было. Семьи семьями, а старшеклассницы гуляют своими компаниями. Юноши же сбиваются в шумные стайки около своих домов и, глядя на аллеечную публику, над чем-то весело потешаются. Уличные молодежные потасовки редкость и обычно происходят уже на аллее ближе к ночи, когда уже все расходятся спать, а старшеклассники и уже не школьники перемещаются на опустевшие скамейки и отваживаются пустить по кругу папироску.

Жизнь на аллее постепенно затихает и мы с Юркой, украдкой выбравшись из дома и, продравшись сквозь боярышник, заваливаемся спиной в высоченную траву. Запах душистого табака просто одурманивающий. Над нами бездонное синее небо с мириадами звезд. Мы долго и заворожено молчим, пытаясь мысленно проникнуть в эту ошеломляющую бездну. Стараемся понять, почему и зачем она такая. Потом шепотом начинаем говорить о звездах. А вдруг там кто-то есть и смотрит на нас. Нет, Бога, конечно, нет, но вот другие…

Скрежет проезжающей машины разрушает очарование грез. Я словно просыпаюсь стоя посреди улицы. Волшебные голоса детства оборвались. Вместо сказочной ночи я оказываюсь среди белого дня. Глухая стена, в которой уже нет окон нашей квартиры. Нет ни столет-

них тополей, ни шпалер боярышника, ни травы, ни клумб душистого табака. Из конца в конец затоптанная и загаженная собаками земля, которую и газоном-то теперь назвать нельзя, и чахнущие стволы посаженных моими сестрами лип. В горле какой-то комок и с глазами что-то. Наверное, от ветра. Поворачиваюсь и медленно бреду в сторону Литейного проспекта.

Прочел как-то откровения одного горе-краеведа, будто Фурштатская улица называлась так потому, что здесь были фуражные склады. Фур - фураж, а штадт - это само собой город. Да, конечно, и при этих складах вдруг оказалась кирха святой Анны с Анненшуле и Петершуле по обе стороны от неё. Большего бреда и придумать нельзя. Фурштадт – это искаженное от Форштадт. Форштадт по-немецки - пригород. Здесь была немецкая слобода.

В этой части улицы для меня почти нет домов с номерами. Вот это дом Саши Асташина, а напротив Додика Айнгорна. Вот этот Толи Голубева, а этот Ленки Владимировой. А вот тот, на углу Друскенигского, Сережи Дубровского. Там, как и раньше во дворе склад. А наш дом - это мой и Юрки Васильева. Только вот нет уже ни самого Юрки, ни его младшего брата. В их семье умерли все. По иронии судьбы последним умер отец - дядя Коля, пережив жену и своих детей. В последнюю встречу, он меня даже не узнал и все повторял, что Юра куда-то уехал и не сказал когда вернется, а Женечка вот-вот должен прийти.

Задерживаюсь у дома номер пять. Вернее, где он стоял. Под этим номером теперь банковский новострой. Здесь был двухэтажный и весьма крепкий домишко. Справа от ворот квартира и мастерская моего деда - сапожника-кустаря с вывеской в окне. В комнате с входом с улицы полки для обуви заказчиков, а во второй верстак у окна на улицу и в глубине, у печки-голландки железная кровать с шарами. Дед Павел добрый, седой и старый в

роговых очках на кончике носа и гвоздями в желтых зубах. Был девятого января на Дворцовой площади. Вернулся с двумя дырками от пуль в шубе. Повезло. После блокады с ним стали случаться внезапные припадки. Вдруг замирает во время работы, сползает на пол с низкого табурета и начинает как-то мелко дергаться. Я пугаюсь и вопросительно гляжу на бабушку. Она качает головой. Мол, не надо трогать. Через некоторое время дрожь затихает, дед водружается на табуретку и озадаченно начинает вертеть головой. Подбираю с пола и подаю ему очки. Он что-то одобрительно, ласково бурчит и, как ни в чем, ни бывало, хватается за молоток.

Бабушка рассказывала интересную историю из неведомой дореволюционной эпохи. Время от времени на аллее у дедушкиного дома появлялась неразлучная пара. Один из них известный всем Михаил Иванович Калинин, а другой некто Абрамов - будущий красный директор порохового завода на Ржевке. Сгинул, как и многие в тридцать седьмом. Михаил Иванович топтался на аллее, а Абрамов шел к деду просить в долг на то, чтобы залить пожар души. Денег не было, но дед был сговорчивый и помогал, чем мог. Давал на пропой пару готовых сапог. Друзья шли на Мальцевский рынок, продавали сапоги и пропивали деньги. Деньги с Абрамова можно было получить только через мирового судью. Потом, через некоторое время, сия негоция повторялась вновь и неоднократно.

До Литейного осталось буквально несколько шагов. Справа, на углу Литейного высится дом Толи Левина с большим гастрономом внизу. С его крыши видно гораздо дальше и больше чем с нашей. Из-за этого дома по четной стороне улицы неувязка с номерами. В непрерывном строю отсутствует дом номер четыре, что иногда озадачивает пришлых людей. Дело в том, что давным-давно, еще при царе все номера были на месте. Только вот уг-

ловой с номером два и следующий, с номером четыре были деревянные. В доме четыре была лавка торговли колониальными товарами купца Черепенникова. Купец разбогател, откупил угловой дом, снес оба и построил один каменный с большим магазином и квартирами для богатых. Так и не стало на улице дома номер четыре.

Ну, вот и дошел до Литейного. Делаю последний шаг и окончательно переношусь из мира близких сердцу щемящих воспоминаний в совсем другой, безжалостный, суетливый и безразличный мир нового века.

*

Иностранцы в Питере

Иностранец в Питере - это вам не какой-то там простой временный гость из неведомой страны. Иностранец в Питере - это не типичный посетитель музеев и вечный искатель, что бы такое сожрать экзотическое, оставшись при этом в живых. Не-ет, иностранец в Питере - это уникальное явление местной природы. Он как неотъемлемый элемент городской архитектуры, деталь городского ландшафта и украшение интерьера любого городского здания, которое он согласится почтить своим присутствием. Таких иностранцев-естествоиспытателей как в Питере нет больше нигде в мире. Чтобы понять это нужно знать, как и почему рождаются питерские иностранцы. Совершенно безразлично, где они появляются на свет, но мужают они только здесь, у нас и не без нашей, само собой, помощи и заботы. Мы лелеем их, пуще собственных родственников. Мы не даем им расслабляться и чувствовать себя обойденными отеческим вниманием. Мы почти, что одно целое с ними, хотя и расстаемся с конкретными представителями этого вида приматов совершенно без сожалений и душевных мук, зная, что место убывших сразу же займут прибывшие.

Питерские иностранцы рождаются в дальних странах в результате совокупления двух удивительных слухов, составляющих в результате гремучую смесь любопытства и страха. Один слух доходит до них как известие о небывалом культурном феномене в далекой варварской стране. Причем таинственная и непонятная суть варварства действует как катализатор на созревание особи потенциального питерского иностранца. Другой слух подбирается к месту слияния с первым с помощью зарубежной криминальной хроники бульварных газет, теленовостей из России и кинотриллеров про русскую ма-

фию. В результате естественного и бурного развития непредсказуемых инстинктов, вызванных совокуплением слухов, свеженький питерский иностранец внезапно оказывается стоящим на Дворцовой набережной в группе себе подобных индивидов.

Судорожное верчение головой позволяет ему убедиться, что вдоль набережной выстроилось множество таких же групп, похожих друг на друга своим поведением как две капли воды. Все только что выплеснулись на берега Невы из поездов, самолетов, пароходов и находятся в состоянии какого-то внутреннего оцепенения, словно ожидая непременного нападения либо местных варваров-дикарей, либо нецивилизованных мафиози. Непонятная задержка агрессии еще более накаляет нервную систему, по которой вдруг как кувалдой бьет полуденный сигнальный выстрел с Петропавловки.

Женщины испуганно взвизгивают, мужчины ухают от неожиданности и все дружно и надолго заливаются истерическим смехом, тыркая друг в друга пальцами. Это ты мол больше всех испугался. Все, теперь они наши! Причащение состоялось. Как ни странно, неожиданный испуг без следа снимает внутреннее напряжение, и питерские иностранцы становятся почти похожи на нормальных людей. Одни гурьбой отправляются в Эрмитаж, а другие, более отважные, отделившись от группы, решают прошвырнуться по набережной в сторону прорубленного в Европу окна. Естественно, переводчица наотрез отказывается делиться надвое, объясняя это наличием в семье мужа и детей, которые могут не правильно понять метаморфозу раздвоения естества любимого человека. Вот группа отважных иностранцев и отправляется навстречу неизведанному, возложив свои лингвистические надежды на одного представительного, убеленного сединой джентльмена из Техаса, разыгрывающего из себя полиглота.

Медный Петр на коне, танцующем на камушке, не вызывает особых вопросов. Да мало ли их, этих бронзовых и чугунных королей из канувших в Лету царств разбросано по городам мира. Но вот дворцы и грандиозные соборы всегда вызывают интерес. Америка страна молодая. Старинных впечатляющих соборов там мало, а дворцов так нет и вовсе. Особняк Вандербильдов не в счет. В него не попадешь. Да и особняк-то, как ни крути, а все же не дворец. Поэтому первая драма разыгрывается у Исаакия.

Карта-путеводитель уплыла, естественно, с эрмитажной группой, где она, понятное дело, никому не нужна. Приходится прибегнуть к помощи местного населения. Благо оно оказалось поблизости в виде господина обладающего всеми атрибутами русской национальной интеллигентности - чуть ли ни антикварных очков и повидавшей виды потрепанной шляпы. Выяснение, что это за сооружение с гигантскими колоннами и куполом как у Собора святого Петра в Риме, заводит всех в тупик. Знания международного коммерческого жаргона у господина из Техаса оказывается явно недостаточно, чтобы понять и довести до сознания соотечественников такую сложную лексическую конструкцию как "Городской кафедральный собор святого Исаакия Долмацкого". Абориген же из какого-то изощренного, садистского местного патриотизма упорно стоит на своем и ни в какую не соглашается упростить конструкцию до приемлемых западному мышлению форм.

Что делать, стихийно возникает короткое, но бурное совещание. В результате консенсуса в воздухе на мгновение мелькнула и исчезла неуловимо для глаза зеленькая бумажка то ли десяти, то ли двадцати долларового достоинства. Своего рода предоплата за грядущий моральный ущерб богатству русского языка. Простимулированный абориген, бормоча себе под нос "Зер гут,

зер гут", погрузился в глубокое размышление, граничащее с трансом. Все замерли в ожидании откровения. Внезапно человек в помятой шляпе встрепенулся и с просветлевшим взором произнес: "Мадам енд месье, это главный бизнес-центр господа Бога в городе". Техасец безошибочно перевел, хотя почти все поняли и так. Абориген, сознавая, что он сделанным заявлением практически исчерпал все свои возможности местного чичероне, с достоинством удалился под предлогом очень важных дел.

В таинственном и гулком полумраке собора по сходной цене удалось пленить на несколько минут переводчицу. Она быстренько убедила бестолковых визитеров, что вот эти зеленые колонны вовсе не из пластика, а сделанные из самого, что ни на есть всамделишного малахита. Водится такой материал в горах, как она слышала. Правда, стада теперь уже не те стали, да и поголовье измельчало. Годится только для ювелирных украшений. Да, кстати, об украшениях. На Невском сейчас открыта частная выставка Шемякина и Ананова. Можете сходить полюбоваться. Шемякин там показывает своих серебряных арлекинов, а почетный гражданин города Санкт-Петербурга, Андрей Ананов как обычно выставил на всеобщее обозрение свои уникальные яйца.

На этой фразе переводчица бесследно растворилась в пространстве, оставив подопечных в состоянии шокового изумления, переходящего в тихое помешательство. Первыми очнулись те, кто сообразил, что дело пахнет сенсацией и будет о чем порассказать в узком кругу, вернувшись домой. Однако, прибыв в полном составе на место рекомендованного культурного события, быстро убедились, что сенсация не состоялась. Шемякинская гордость была на месте, анановская тоже, но только совсем не в том виде, которое рисовалось воображению. Кто же мог знать, что переводчица говорила о ювелир-

ных пасхальных имитациях в стиле Фаберже, созданием которых Ананов и знаменит. Да-а, может и знаменит, но явно не в Америке.

Тем временем группа по обследованию Эрмитажа тоже приобщалась к культурному наследию. Вы только не подумайте, что питерские иностранцы это дилетанты во всех отношениях. Совсем нет. Это уже зрелые, опытные, подготовленные почти ко всяким сюрпризам люди и не их вина, что до сих пор их жизненный опыт еще не пополнился пребыванием в Петербурге. В музейных залах они ведут себя как совсем приличные, образованные и культурные люди. Питерского иностранца от любого такого же в другой стране сразу можно отличить по поведению в картинном зале.

Если, например, в Галерее Уфицы или в Лувре он ведет себя как обычный обыватель, то в Петербург прибывает уже глубоко умудренный опытом многочисленных наблюдений и стремится произвести впечатление на местных варваров. Наивный, он еще не догадывается, во что влип. Поведение питерского иностранца перед картиной - это гармоничное сочетание балета и ритуального танца. Все движения взвешены и совершенны. Секундное замирание перед картиной в позе внезапного восхищения, шаг вперед и грациозный наклон к табличке, отступление назад для широты обзора, разглядывание шедевра через кулак, смещение влево, а затем вправо, чтобы определить ракурс без бликов. В конце концов, принимается поза вроде стоящего в оцепенении Мыслителя Родена со скрещенными руками и ногами, из которой пробудить может только зов гида, приглашающего в следующий зал.

Однако гид - переводчица, чудом избежавшая раздвоения личности на набережной, через пару часов прогулки по Эрмитажу начинает с беспокойством поглядывать на часы, а затем о чем-то шепчется со знакомой

служащей музея. Та подходит к группе и объясняет, что дальнейшее шествие по сокровищнице возглавит она. Однако поскольку она специалист по древнему миру, то паломничество перемещается в залы древнего Египта. После чего можно будет пообедать. Упоминание о прелестях процесса насыщения желудка вызывает у иностранцев прилив энтузиазма и стремление поскорее покончить с древним миром.

Атмосфера тысячелетий существенно отличается от атмосферы веков. Если наверху вас окружает колорит жизни, то здесь, внизу довлеет смерть. Каменные гробы и погребальные предметы. Боги умерших и ритуалы похорон. Правда среди этого праха новый гид чувствует себя просто великолепно. Сразу видно, что это её любимая, обожаемая стихия.

Подведя уставших спутников к витрине с мумией, она принялась красочно описывать процесс мумификации в древнем Египте. В речах и жестах гида чувствовалась глубина знания предмета и фанатическая увлеченность ритуалом. Особенно великолепно удавалось детальное описание вскрытия тела и процесса удаления внутренностей. Натуральность лекции была столь велика, что не оставляла места ни для каких других мыслей. Публика начала бледнеть, зеленеть, хвататься за носовые платки и желудочные места на теле.

Гид по-своему расценила изменение в поведении, цвете лиц подопечных как проявление усталости, голода и, быстренько завершив свои откровения, вывела процессию в коридор и оставила их у двери в кафе, искренне пожелав приятного аппетита. Нанесенная ритуалами древнего Египта глубокая психологическая травма, вызывающая судорожные сокращения желудка, совместно с ароматами кухни сделали свое дело. С воплем страдания травмированные бросились к выходу, сметая всех со своего пути. Даже на Дворцовой площади им не

пришло в голову остановиться и полюбоваться окружающим ансамблем.

Паническое бегство завершилось только на скамейке в сквере перед Русским музеем, на которую уже почти полноценные питерские иностранцы свалились, изнемогая от потрясения. Тут-то и обнаружила их вышедшая с выставки Ананова и тоже набравшаяся впечатлений вторая часть группы. Встреча напоминала то ли сцену братания раскаявшихся противников, то ли встречу горячо любимых родственников после долгой разлуки. Никто из них и не подозревал в себе такую широту переживаний и сентиментализма. Но идиллия объятий, поцелуев, слез облегчения и умиления была бесцеремонно прервана вторжением в мизансцену ватаги грязных, оборванных и босоногих цыганят выклянчивающих милостыню. Драма начала приобретать душераздирающий характер.

Чтобы понять трагичность ситуации нужно внимательно оглядеться вокруг. Немного поодаль от разыгравшейся сцены, на противоположных скамейках, а частью на траве газона расположились несколько взрослых цыганок. Именно их отпрыски атаковали сейчас питерских иностранцев. Немного в стороне с индифферентным видом слоняется еще пара цыган, но уже мужеского пола. Это штаб управления всем стратегическим планом. Цыганки - это тактическое управление, а цыганята - ударная сила. От столь продуманной и безупречно организованной операции по детскому нищенскому вымогательству спасения нет. Если не срабатывает жалость, то сработает брезгливость. Альтернатива небогатая. Либо откупиться от жалобных детских стенаний и негигиеничных прикосновений, либо спасаться бегством, утратив достоинство.

Наши иностранцы, окончательно потерявшие душевное равновесие сделали и то, и другое. Они спешно

вернулись в свое гостиничное прибежище, наконец-то пообедали, сняв стресс горячительными напитками, и разошлись по комнатам, справедливо полагая, что ночных кошмаров все-таки избежать не удастся. Впереди была еще целая неделя новых питерских впечатлений.

Если вы когда-нибудь, находясь за границей, захотите отличить путешествующего иностранца от путешествующего питерского иностранца, то сделать это очень легко. Питерские иностранцы независимо от национальности составляют особое мировое братство вроде масонской ложи. Только распознают они друг друга не по рукопожатию или тайному знаку. Их клановая принадлежность во взгляде. Если в глазах обычного иностранца можно прочесть множество эмоций, таких как восторг, любопытство, усталость, отвращение и прочее, то во взгляде питерского иностранца вы всегда увидите только мужество и отвагу. Так что в какой-нибудь сложной, угрожающей ситуации старайтесь всегда оказаться к ним поближе. Имеет смысл.

*

Басов Андрей Николаевич

"Сказки старого дома"

С-Петербург 2013 г.

Издатель: *Басов А.Н.*

Типография "Атмосфера"

Санкт-Петербург,

пр. Обуховской обороны, 112, корп. 2, литер "И"

Услуга Book-on-Demand

Формат: 84x108/32

2013 г.